ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии *The New York Times*

ХАРЛАН КОБЕН

ИЩИ ДУРАКА

Продолжение бестселлера «Единожды солгав», экранизированного *Netflix*!
Рейтинг фильма на *IMDb* и «Кинопоиске» 6,8!

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

18+

Харлан Кобен — автор 35 романов, многие из которых стали бестселлерами №1 по версии *The New York Times*. Его книги проданы тиражом свыше 100 000 000 экземпляров и переведены на 46 языков.

Ищи дурака
Харлан Кобен

Аннотация
Харлан Кобен. Ищи дурака
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Харлан Кобен – первый в списке десяти лучших детективных писателей Америки по версии «The New York Times», лауреат премий «Шамус», «Энтони», «Эдгар», «Серебряная пуля». Его романы литературные критики называют гениальными, острыми и проницательными, неизменно увлекательными, превосходными и обязательными для чтения. «Я не напрасно причисляю Кобена к великим писателям – возьмите любой из его романов, и вы погрузитесь в историю столь же запутанную, сколь захватывающую и при этом живую». Так отозвалась о нем Гиллиан Флинн, автор международного бестселлера «Исчезнувшая».

Уволенный из полиции Сами Кирс вынужден перебиваться сомнительными заработками. Среди прочего он ведет занятия по криминалистике для желающих узнать побольше о том, как раскрываются преступления. На очередном занятии вдруг появляется женщина, в которой Сами узнает свою давнишнюю возлюбленную. Два с

лишним десятилетия он считал ее погибшей. Более того, у него были самые серьезные основания верить, что погибла она от его руки. Но у женщины другое имя, другая фамилия, и она утверждает, что прежде никогда не видела Сами. Однако в юности она стала жертвой похищения и одиннадцать лет считалась пропавшей без вести. Сами пытается разгадать, что же произошло в новогоднюю ночь на рубеже прошлого и нынешнего тысячелетий и зачем кому-то понадобилось, чтобы он считал себя убийцей.

Впервые на русском!

Харлан Кобен
Ищи дурака

Harlan Coben
NOBODY'S FOOL
Copyright © 2025 by Harlan Coben
This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved
© И. А. Тетерина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ХАРЛАНА КОБЕНА
В СЕРИИ
«ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Незнакомец
Не отпускай
Убегай!
Не говори никому
Всего один взгляд
Победитель
Невиновный
Беглец
Мальчик из леса
Я тебя найду
Единожды солгав
Ищи дурака

ХАРЛАН КОБЕН

ИЩИ ДУРАКА

Санкт-Петербург

«Ищи дурака» — сиквел романа «Единожды солгав», по которому был снят одноименный сериал. Элементы сценария вошли во вторую книгу; этим и объясняются некоторые расхождения, в частности разные имена у детектива Кирса. В первом романе он Роджер, а во втором — Сами, поскольку в фильме эта роль досталась актеру индийского происхождения.

Посвящается Т. К.

Пролог

Не иначе, все пошло наперекосяк в тот самый момент, когда я тебя увидел.

Мне тогда был всего-то двадцать один год, дитя дитем, с моей теперешней точки зрения. Я только что окончил Боудин-колледж и, как тогда было принято в моем кругу, храбро отправился в путешествие дикарем по Европе. Была полночь. В ночном клубе грохотала музыка. Я то и дело прикладывался к первой бутылке «Виктории Малаги» — самого дешевого пива (денег у меня было в обрез!), какое подавали в ночном клубе на побережье Коста-дель-Соль в Испании. От вылазки в ночной клуб я не ожидал ничего особенного, думал, все будет как всегда: беспочвенные надежды, страх упустить свой шанс, молчаливое разочарование (читай: облом на обломе), — и вдруг увидел на танцполе тебя.

Диджей крутил «Не могу выбросить тебя из головы» Кайли Миноуг, которая, кто бы мог подумать, в итоге превратилась едва ли не в девиз всей моей жизни. И продолжает им оставаться. До сих пор. Четверть века спустя. Ты посмотре-

ла мне прямо в глаза и даже некоторое время удерживала этот взгляд, но я не поверил, что ты смотришь на меня. Не потому, что ты была птицей не моего полета. Хотя ты, разумеется, была. В смысле, птицей не моего полета. Нет, я не думал, что ты смотришь на меня, потому что вокруг были ребята из нашей студенческой команды по лякроссу: Мики, Холден, Скай, Шак и, разумеется, капитан команды Куинн — все, как на подбор, пышущие здоровьем красавцы, обладатели мужественной внешности, чем-то похожие на молодых братьев Кеннеди с той серии фотографий, где они играют в футбол в своем поместье в Хайаннис-Порт. Я решил, что ты смотришь на кого-то из них — например, на капитана Куинна, с его волнистыми волосами и телом, какое возможно построить лишь посредством грамотного сочетания тяжелых тренировок, восковой эпиляции и стероидов.

Словно в доказательство этого убеждения я демонстративно, почти клоунски посмотрел влево, потом вправо. Когда же рискнул вновь устремить взгляд в твоем направлении, ты каким-то образом удержалась и не закатила глаза, а вместо этого, проявив милосердие, с многозначительным видом слегка кивнула мне. И снова

посмотрела в глаза, хотя, быть может, ты просто была как те изображения на картинах старых мастеров, которыми я двумя днями ранее любовался в Прадо, — их взгляд кажется устремленным на тебя, где бы ты ни стоял. Хотелось бы мне сказать, что все остальные посетители «Дискотеки пальмерас» в этот миг словно отступили куда-то далеко на второй план, как в какой-нибудь дешевой мелодраме, когда музыка внезапно стихает и в кадре крупным планом появляются лица двух главных героев — нас с тобой, — но ничего такого не произошло.

На танцполе было полно молодняка. В тебя кто-то врезался. Потом кто-то еще. Между нами извивались и подергивались чужие тела.

Ты исчезла из виду, словно толпа поглотила тебя целиком.

Я поднялся. Товарищи, сидевшие со мной за столиком, ничего не заметили. Я был для них скорее талисманом, чем другом, комическим персонажем, смешным маленьким недотепой, которого по воле случая поселили в студенческом общежитии в одной комнате с суперпопулярным капитаном Куинном. Большинство полагали,

что я из Индии, часто называли меня Апу[1] и пытались изобразить нечто похожее на южноазиатский акцент, что страшно меня раздражало, поскольку я родился в штате Нью-Джерси, в Фэр-Лоне, и выговор у меня соответствующий. Не могу сказать, что я всю жизнь мечтал отправиться в путешествие по Европе в их обществе, но мои лучшие друзья, Чарльз и Омар, уже вышли на работу: один в «Бэнк оф Америка» на Манхэттене, другой — в генетическую лабораторию в «Масс дженерал». Меня же приняли в медицинскую школу Колумбийского университета, и осенью я собирался приступить к занятиям, хотя, по правде говоря, путешествовать в компании лякроссовцев было довольно неплохо и даже где-то лестно, пусть даже они и взяли меня с собой с подачи Куинна.

Я скорее поплыл, нежели двинулся, по танцполу, протискиваясь через вспотевшие тела, как будто они были набегающими волнами. Диджей включил «Убийство на танцполе» Софи Эллис-Бекстор, что теперь, когда я об этом думаю, тоже кажется пророческим, а может, ироничным.

---

[1] Примечания: 1

Апу Нахасапимапетилон— второстепенный персонаж мультсериала «Симпсоны», иммигрант из Индии, разговаривающий с утрированным южноазиатским акцентом.

Впрочем, с тех пор, как Аланис Мориссетт спела песню под названием «Иронично», я не уверен, что правильно понимаю значение этого слова, и даже сейчас, четверть века спустя после той ночи, мне не хотелось бы употребить его неправильно.

Пришлось целую минуту продираться сквозь море разгоряченной плоти, пока я не нашел тебя в центре танцпола. Твои глаза были закрыты, ты двигалась медленно, томно, тягуче, и я до сих пор не знаю, что это было за танцевальное движение, но я был заворожен. Когда ты вскинула руки над головой, задрался топ, обнажив загорелый живот. Некоторое время я просто стоял и смотрел на тебя. Ты казалась настолько растворившейся в музыке, настолько на своей волне, что я чуть было не передумал к тебе подходить.

А представь, что я бы не подошел?

Увы, я проявил несвойственную мне храбрость. С одной бутылки пива я осмелел настолько, что сделал шаг вперед и похлопал тебя по плечу.

Ты вздрогнула и открыла глаза.

— Не хочешь потанцевать? — спросил я.

Вот так взял и спросил. Это я-то, который всю жизнь лишний раз рот стеснялся открыть. Увидел красивую девушку, танцующую в одиночестве, и набрался наглости к ней подойти.

Ты состроила гримаску и крикнула:

— Что?

Да, на дискотеке было настолько шумно. Я наклонился поближе.

— Потанцевать не хочешь? — заорал я, пытаясь приблизить губы к твоему уху и одновременно отвернуться чуть в сторону, чтобы у тебя не лопнула барабанная перепонка.

Ты состроила другую гримаску и прокричала в ответ:

— Я уже танцую.

В обычных обстоятельствах тут я, да и, будем честны, почти любой другой парень на моем месте, и увял бы. Так почему же я тогда не отступился? Почему увидел в твоих глазах что-то такое, что побудило меня сделать еще одну попытку?

— Я имею в виду, со мной, — заорал я.

Правый уголок твоих губ дрогнул в слабой улыбке, которую я до сих пор ощущаю в своих венах.

— Я поняла. Это была просто шутка.

— Очень остроумно, — отозвался я.

Не знаю уж, приняла ли ты мои слова за чистую монету или сочла сарказмом, но, чтобы уж расставить все точки над «и», это был сарказм.

Мы начали танцевать. Ты совершенно в своей

стихии. Расслабленная, чувственная, притягательная. Ты обладаешь способностью полностью отдаваться танцу, который каким-то непостижимым образом кажется одновременно спонтанным и профессионально поставленным. Я демонстрирую максимум, на который способен, то есть, по сути, напряженно перетаптываюсь с ноги на ногу, стараясь не столько сойти за хорошего танцора, сколько слиться с толпой и не выделяться, не выглядеть полным идиотом. Эта попытка не опозориться, разумеется, приводит только к тому, что я выгляжу страшно закомплексованным, — а может, я и в самом деле закомплексованный.

Но тебя это, похоже, не смутило.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Анна. А тебя?

— Кирс, — отозвался я, потом зачем-то добавил: — Сами Кирс.

Господи, как же глупо это прозвучало. Тоже мне, Джеймс Бонд недоделанный.

Ты кивнула в сторону моих товарищей:

— Ты не очень-то вписываешься в их компанию.

— То есть ты хочешь убедить меня в том, что я невысокий и некрасивый?

И снова эта легкая улыбка.

— Мне нравится твое лицо, Сами Кирс.

— Спасибо, Анна.

— В нем чувствуется характер.

— Это такой эвфемизм для слова «некрасивое»?

— Я танцую с тобой, а не с ними.

— Справедливости ради, они тебя не приглашали.

— Это правда, — сказала ты. И снова эта улыбка. — Но и уйти отсюда сегодня я собираюсь тоже не с ними.

Глаза у меня, видимо, вылезли из орбит, потому что ты звонко рассмеялась и взяла меня за руку, и мы стали танцевать дальше, и я тоже начал расслабляться и чувствовать себя непринужденно — и да, через два часа я ушел из ночного клуба в твоем обществе под ободряющие вопли однокурсников, которые дружно потрясали в воздухе кулаками, улюлюкали и пьяно скандировали: «Кирс, Кирс, Кирс!»

Держась за руки, мы отправились бродить по городскому пляжу. Ты поцеловала меня в свете луны, и я до сих пор чувствую на губах привкус средиземноморской соли. Ты привела меня к себе в квартирку в скромной многоэтажке; я спросил, одна ты в ней живешь или с соседями. Ты ничего

не ответила. Я спросил, сколько ты уже в Фуэнхироле. Ты ничего не ответила.

У меня никогда не было одноразового секса. И я впервые подцепил девушку в ночном клубе. Или, вернее будет сказать, девушка впервые подцепила меня. Я не был девственником. На третьем курсе я встречался с Шарин Розенберг, и мы с ней много раз занимались этим, но я все равно нервничал. Я попытался представить себя капитаном Куинном. Вот уж у кого уверенности в себе было хоть отбавляй. На первом курсе он всегда без проблем снимал понравившуюся ему девушку и возвращался далеко за полночь или вообще под утро. Когда я как-то раз спросил у него, почему он никогда никого не приводит к нам в общежитие, он сказал:

— Не хочу, чтобы какие-то ее частицы оставались на мне. Понимаешь, о чем я? — И потом полчаса отмывался в душе.

У капитана Куинна были и наверняка есть до сих пор большие проблемы по части близости.

В ту нашу первую ночь мы с тобой некоторое время валялись на диване, обнимаясь и целуясь, а потом ты уснула, а может, отключилась, я до сих пор не знаю, что именно произошло. Все это время мы оставались полностью одеты. Я хотел уйти,

но потом подумал, что это будет неправильно, как-то невежливо, что ли, поэтому закрыл глаза и попытался устроиться поудобнее и сделать вид, что я тоже сплю.

Когда с утра ты проснулась, то улыбнулась мне и сказала:

— Я рада, что ты все еще здесь.

— И я тоже, — отозвался я.

Тогда ты взяла меня за руку и повела в душ. О дальнейшем я с вашего позволения умолчу.

Через два дня мои товарищи уехали в Севилью. Я пересекся с ними на вокзале в Малаге, чтобы попрощаться. Капитан Куинн своими громадными ручищами сжал мои тощие плечи и, посмотрев на меня с высоты своего роста, сказал:

— Если успеешь натрахаться за ближайшие три дня, присоединяйся к нам в Севилье. Четвертый и пятый день мы будем в Барселоне. На шестой день пересекаем границу и поедем по югу Франции.

Куинн продолжал в том же духе, пока я не напомнил ему, что, вообще-то, это я занимался организацией нашей поездки, покупал билеты и бронировал хостелы, так что прекрасно осведомлен о том, где и когда они будут. Он торопливо, но крепко меня обнял. Остальные члены коман-

ды на прощание обменялись со мной тычком кулаками. После этого они пошли на посадку, а я остался на платформе провожать их взглядом.

А знаешь, Анна, что забавно? Никого из них я никогда больше не видел.

Холден позвонил мне один раз, потому что тогда я служил в полиции — теперь уже нет, — а его сына арестовали за участие в пьяной драке в баре. Но мы с ним не виделись. Как и с Мики, и со Скаем, и с Шаком. И даже с капитаном Куинном.

Я никогда больше не видел никого из них.

Но до конца жизни буду задаваться вопросом, как сложилась бы моя жизнь, если бы я тогда решил не отклоняться от маршрута и поехал вместе с ними в Севилью.

И как тогда сложилась бы твоя жизнь.

Я не могу не думать об этом, Анна.

Наверное, мы не были влюблены друг в друга. Это был короткий курортный роман. Дело не в том, что ты разбила мне сердце. Уж лучше бы разбила, честное слово. Это я как-нибудь пережил бы. Не в первый раз и не в последний. Несколько лет спустя меня постигла куда более тяжелая утрата, но в истории с Николь, по крайней мере, у меня была возможность поставить точку.

Но не с тобой, Анна.

Я не могу об этом не думать.

Как бы сильно мне ни хотелось поставить точку.

Это был наш пятый день вместе. Мы договорились, что я переберусь из хостела к тебе. Я был на седьмом небе от счастья. Мы не вылезали из ночных клубов. Мы пили. Мы постоянно принимали наркотики. Не знаю, какие именно. Я никогда не был заядлым тусовщиком, но, раз уж тебе хотелось тусоваться, я готов был тусоваться. Почему нет? Можно же хоть иногда оторваться по полной? У тебя был собственный поставщик — голландец чуть постарше нас по прозвищу Базз. Шипастый фиолетовый ирокез на голове, кольцо в носу и множество веревочных браслетов на запястьях. Покупкой всегда занималась ты сама. Это было твое желание. Вы с Баззом встречались на углу за отелем «Эль Пуэрто». Я помню, как вы что-то обсуждали шепотом, и порой эти обсуждения казались мне довольно бурными. Я полагал, что вы торговались, прежде чем ты украдкой совала Баззу деньги, а он тебе свой товар.

Что я тогда понимал? Я был молодой и наивный.

Потом мы шли в какой-нибудь очередной клуб. Часа в три ночи возвращались в твою квартирку.

Занимались любовью. Скорее отключались, чем засыпали. Просыпались не раньше полудня. Выкатывались из постели и шлепали на пляж.

Ополоснуться, повторить.

Последнюю ночь я помню не очень хорошо.

Не кажется ли тебе это странным? Я помню, что мы вернулись в ночной клуб, где познакомились, он назывался «Дискотека пальмерас», но не помню ни как мы выходили оттуда, ни как шли в горку до твоей многоэтажки, — почему ты вообще жила в квартире, а не в отеле или хостеле, как все наши ровесники? почему у тебя не было ни соседок, ни подруг, ни каких-либо других знакомых в Фуэнхироле, кроме этого Базза? почему мне не пришло в голову задать тебе все эти вопросы? — зато хорошо помню, как на следующий день меня разбудило горячее испанское солнце.

Я лежал в твоей постели. Я помню, как застонал, когда солнце ударило мне в лицо, сообразив, что если его лучи падают под таким углом, то уже по меньшей мере полдень, а мы снова забыли задернуть шторы.

Я поморщился, заморгал и поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

Вот только рука у меня почему-то была мокрая. Вся в чем-то влажном и липком. И я что-то сжи-

мал в пальцах.

Я медленно поднес это что-то к глазам.

Нож.

В руке у меня был нож.

Весь покрытый липкой кровью.

Я повернулся в твою сторону.

И закричал.

Некоторые ученые полагают, что звук никогда не смолкает полностью, а становится все тише и тише, постепенно затухает, замирает до тех пор, пока наш слух не может уже его уловить, но никуда не исчезает, и если бы мы могли сидеть совершенно тихо и неподвижно, то слышали бы его до скончания века.

Ощущение от этого крика было именно такое.

И порой даже сейчас, в ночной тишине, я до сих пор слышу слабое эхо того крика.

Глава 1

Двадцать два года спустя

Я стою за деревом и методично снимаю номерные знаки автомобилей на телевик. На парковке яблоку негде упасть, так что начинаю я с самой дорогой машины — вот уж не ожидал увидеть рядом с этой помойкой «бентли» — и двигаюсь по списку дальше.

Я не знаю, сколько времени у меня в запасе, прежде чем выйдет мой объект, состоятельный мужчина по имени Пейтон Бут. Минут пять, возможно, десять. А фотографии я делаю вот зачем. Я отправлю их доверенной сотруднице в Департамент транспортных средств. Она пробьет номера и узнает адреса электронной почты владельцев. А потом разошлет им фотографии и пригрозит оглаской, если они не переведут деньги на анонимный аккаунт в «Cash App». Всего-то пятьсот долларов. Нет смысла жмотиться. Если они не ответят — а девяносто процентов именно так и поступают, — на этом все и заглохнет, но на оставшихся десяти процентах мы зарабатываем достаточно, чтобы дело того стоило.

Что поделать, такие уж сейчас времена. Каждый выживает как может.

Я расположился в другом конце сквера и выгляжу как бродяга, бомж или бездомный. Я забыл, как нынче полагается политкорректно их называть, поэтому спрашиваю у Дебби.

— «Люди, переживающие бездомность», — отвечает та.

— Серьезно?

— Можно еще «люди, не имеющие постоянного жилья». И то и другое не сахар.

— А ты какое название предпочитаешь?

— Богиня.

Богиня Дебби утверждает, что ей двадцать три года, но выглядит она моложе. На жизнь Дебби зарабатывает, целыми днями простаивая перед разными, назовем их так, «мужскими клубами» — к слову о политкорректных эвфемизмах — и со слезами на глазах крича: «Папочка, зачем?» — каждому мужчине, который входит или выходит. Начала она этим заниматься развлечения ради — Дебби нравится смотреть, как некоторые мужчины краснеют и бледнеют, — теперь же многие завсегдатаи здороваются с ней и время от времени подбрасывают двадцатку.

— Я делаю это в качестве упражнения в капи-

тализме и этике, — сообщает она мне.

— Это как?

— Ну, с капитализмом все и так понятно.

У Дебби хорошие зубы. Среди тех, кто живет на улице, такое встретишь нечасто. Волосы у нее вымыты. На голых руках не видно следов от уколов.

— Ты зарабатываешь деньги, — говорю я. — А что с этикой?

Ее нижняя губа дрожит.

— Иногда какой-нибудь малый слышит меня и бросается прочь. Как будто мне удалось его образумить. Напомнить ему, каким человеком он должен быть. И кто знает, может быть, если бы какая-нибудь девочка крикнула это моему папочке, если бы какая-нибудь девочка сделала что-нибудь… что угодно, чтобы он не ходил по таким местам…

Она умолкает. Потом опускает глаза, несколько раз смаргивает и дрожит губой.

Я некоторое время внимательно смотрю на нее, потом говорю:

— Хнык-хнык.

Моргание и дрожь немедленно прекращаются.

— Что?

— А ты думала, я куплюсь на слезливые россказ-

ни о тяжелом детстве? — Я качаю головой. — Я был о тебе лучшего мнения.

Дебби со смехом тычет меня кулаком в плечо:

— Черт, Кирс, ты, наверное, был отличным полицейским.

Я пожимаю плечами. Был. Я не спрашиваю, как Дебби докатилась до жизни на улице. Я не спрашиваю, а сама она откровенничать не рвется, и такое положение вещей устраивает нас обоих.

Я бросаю взгляд на часы.

— Пора? — спрашивает Дебби.

— Думаю, да.

— Код помнишь?

Я его помню. Если она закричит: «Папочка, зачем?» — значит вышел не тот, кто нам нужен. Если же она закричит: «Но папочка, я же ношу твоего ребенка!» — значит мой друг Пейтон только что вышел. Код придумала Дебби. Я плачу ей пятьдесят долларов, но, если мне удастся раздобыть то, что нужно «Белой кости», подниму сумму до сотни.

Дебби направляется по дорожке к месту, откуда хорошо просматривается входная дверь. Из моего укрытия ее не видно. Дебби видела фотографию Пейтона Бута у меня в телефоне, так что знает, как он выглядит. Вы, наверное, уже догадались,

что Пейтон разводится.

Моя задача проста.

Подловить его на измене.

Вот до чего я докатился после того, как меня вышибли из полиции, когда я накосячил по-крупному. Но что еще хуже, хотя я и работаю на самую престижную адвокатскую контору на Манхэттене, они не платят мне ни цента. У нас с ними что-то вроде бартера. На меня подала в суд семья подростка по имени Пи-Джей Доусон. Согласно материалам иска, я, осуществляя погоню за Пи-Джеем, загнал его на крышу трехэтажного здания. По причине моей преступной халатности несовершеннолетний Пи-Джей, поскользнувшись, упал с крыши, пролетел три этажа и получил серьезные ранения. Адвокатская контора «Белая кость» (вообще-то, ее настоящее название «БеллоуКост», но все называют их «Белой костью») представляет мои интересы, а я за это неофициально делаю для них подобного рода работу.

Америка — страна возможностей.

Пейтон возглавляет крупный консервативный конгломерат и, по слухам, поскольку все мы лицемеры, большой ходок по части дам. Если верить тому, что его жена сообщила своему адвокату, ее будущий бывший питает слабость к «смазливым

блондинистым шалавам с гигантскими силиконовыми сиськами». Она совершенно убеждена, что Пейтон «крутил шашни с соседкой». Я тщательно все проверил, и да, соседка подходит под такое описание, но нет, он не крутит с ней шашни.

Пейтон предусмотрительно оставил свой «лексус» в укромном уголке парковки, подальше от любопытных глаз. Потому-то я и устроился на этом холме, в единственной точке, где можно установить камеру и снять все то, что может произойти. Если подойду ближе, меня неминуемо заметят. Если устроюсь дальше, получу шиш с маслом, а не фотографии. Единственный способ заполучить вожделенные кадры — сидеть здесь и ждать сигнала о том, что мой друг Пейтон вышел.

Парковка расположена таким образом, что вплотную примыкает к круглосуточному магазинчику и цветочной лавке, которые обеспечивают клиентуре «мужского клуба» надежное прикрытие. Дело в том, что, если я сфотографирую Пейтона на выходе из клуба или на парковке, в суде такое доказательство не будет иметь практически никакого веса. А вот если мне удастся заснять его в обществе танцовщицы (и

опять эвфемизм; разве мы все не скучаем по тем временам, когда можно было говорить то, что думаешь?), это будет весомый аргумент.

— Папочка, зачем?! — голосит Дебби.

Моя камера укреплена на треноге. Я навожу объектив на салон «лексуса». Да, прямо сквозь лобовое стекло. Я все еще смотрю в окошечко видоискателя, когда у меня за спиной раздается голос:

— А где Дебби?

Я стремительно оглядываюсь и обнаруживаю человека, переживающего бездомность (или, если вам больше так нравится, без постоянного жилья).

— Она работает, — отвечаю я.

— Меня зовут Реймонд.

— Привет, Реймонд.

— Дебби обычно приносит мне сэндвич.

— Потерпи немного, Реймонд, ладно?

— Она знает, что я не люблю майонез.

— Понял.

— Дебби не рассказывала тебе, как реактивные самолеты держатся в воздухе?

— Нет.

— Хочешь, расскажу?

— А у меня есть выбор, Реймонд?

— Ведьмы, — сообщает он.

— Ведьмы, — эхом отзываюсь я.

— Летучие ведьмы, если точнее. По три на самолет. Одна держит правое крыло, другая левое, а третья — хвост!

— Я летал на самолетах, — говорю я. — И даже несколько раз сидел у крыла. Но никаких ведьм ни разу не видел.

Не знаю, зачем я это говорю, просто иногда я ляпаю или делаю что-то, не особенно задумываясь о последствиях. Возможно, это объясняет, почему я теперь, вместо того чтобы ловить убийц и закоренелых преступников, торчу с фотоаппаратом возле сомнительного заведения.

— Они невидимые, придурок, — хмурится Реймонд.

— Невидимые летучие ведьмы?

— Ну да, — говорит он таким тоном, как будто моя глупость вызывает у него отвращение. — Думаешь, гигантские металлические трубы способны держаться в воздухе сами по себе? Не смеши меня. Ты что, веришь во все, что правительство пытается тебе внушить?

— Справедливое замечание, Реймонд.

— Среднестатистический аэробус весит как минимум сто пятьдесят тысяч фунтов. Ты это знал?

— Нет.

— И нам предлагают поверить в то, что такая громадная махина способна продержаться в воздухе на всем протяжении перелета через океан?

— Ага.

— Раскрой глаза, чувак. Тебе вешают лапшу на уши. Ты в курсе о существовании гравитации? Это противоречит всем законам физики!

— Следовательно, это ведьмы, — говорю я.

— Именно. Ведьмы, чувак. И это одна большая подстава для человечества.

Я не удерживаюсь:

— Что ты имеешь в виду, Реймонд?

Он насупливается:

— Разве это не очевидно?

— Мне — нет.

— В один прекрасный день, — поясняет Реймонд, потирая ладони и облизывая губы, — когда мы будем меньше всего этого ожидать, все ведьмы разом возьмут и отпустят.

— Самолеты?

Он удовлетворенно кивает:

— Именно. Все ведьмы возьмут и разом отпустят все самолеты. И будут смеяться. Ну, знаешь, этим своим ведьминским смехом. Будут смеяться и смотреть, как все самолеты камнем летят вниз.

Он смотрит на меня.

— Жуть, — говорю я.

— Помяни мое слово. Так что советую тебе, пока не поздно, уладить все свои дела с Господом.

Снизу доносится голос Дебби:

— Но, папочка, я же ношу твоего ребенка!

Есть!

— Давай поговорим об этом попозже, Реймонд?

— Скажи Дебби, что я жду сэндвич. И чтобы без майонеза.

— Всенепременно.

Я смотрю в видоискатель и вижу Пейтона в деловом костюме. Увы, он один. Пейтон садится на водительское сиденье. Я жду в надежде, что к нему кто-нибудь присоединится, но никто не идет. Пейтон заводит машину.

Однако выезжать с парковки не спешит.

Не отрываясь от видоискателя, я улыбаюсь. На парковке под вопль Дебби «Папочка, зачем?» появляется усатый мужчина в деловом костюме.

У меня звонит телефон. Это Артур, мой куратор из адвокатской конторы «Белая кость».

— Ты там его пасешь?

— Пасу.

— Хорошо. Подписание бумаг завтра утром.

— Я в курсе.

— Если мы не получим доказательств, что он ей изменяет, она не сможет разорвать брачный договор.

— Я в курсе.

— У тебя наклевывается что-нибудь или нет?

Кто-то открывает дверцу машины Пейтона и плюхается на пассажирское сиденье. Пейтон поворачивается.

Они начинают целоваться как бешеные.

Только этот кто-то вовсе не грудастая блондинка.

Это тот самый усач в деловом костюме.

Глава 2

Вечером, за несколько минут до того, как все снова пошло наперекосяк, я вел занятие в вечерней школе с туманным, но интригующим названием «Вечерняя академия для взрослых» в Нижнем Ист-Сайде. Эта школа до сих пор рекламируется в бесплатных журналах и буклетах, которые лежат перед входом в метро, и на баннерах над сиденьями в поездах линий F и M. В буклете, который рекламирует мой курс, я именуюсь «всемирно известным бывшим полицейским детективом», а фотопортрет, которым проиллюстрировано это объявление, настолько неудачен, что в Департаменте транспортных средств сотрудники, фотографирующие на права, удавились бы от зависти.

Занятие длится с восьми до десяти вечера, оплата по факту присутствия. Мы берем по шестнадцать баксов за занятие. Наличными. Выручку я делю поровну с Чилтоном, «директором» «Вечерней академии для взрослых», поэтому и четное число. Чилтон по совместительству исполняет обязанности единственного сторожа

в здании, так что я не знаю, насколько вся эта затея со школой законна. Впрочем, меня это не особо заботит.

Мы находимся в тени Баруч-Хауса, комплекса многоэтажек неподалеку от Вильямсбургского моста на Ривингтон-стрит. Я не уверен даже, что вы найдете эту улицу на карте. Само здание больше похоже на руину, нежели на строение. В 1901 году здесь открылась первая в городе общественная баня. Слыша такое, некоторые ожидают увидеть нечто экзотическое или гламурное. Вовсе нет — общественные бани строили для гигиены, а не для красоты.

Я как-то из интереса почитал об этом. В те времена в Нижнем Ист-Сайде на семьдесят девять семей приходилась одна ванна. Да тут от одного только запаха статистики блевануть хочется, верно? По некоторым признакам можно угадать, что тут было раньше, хотя моя аудитория представляет собой огромный зал с голыми бетонными стенами и неплохой акустикой, и иногда я вижу призраки прошлого, пусть даже и не могу их обонять.

Впрочем, я склонен к подобным вещам.

Мой курс посвящен криминалистике. Я решил назвать его «Элементарно, Ватсон». Ну да, фраза

избитая, но запоминается же. Перед началом каждого занятия я пишу на передвижной доске какую-нибудь цитату из «Шерлока Холмса» (специально для буквоедов: из того, что написал сэр Артур Конан Дойл). Потом мы ее обсуждаем. А дальше как пойдет. Когда я начинал шесть недель назад, студентов у меня было двое. Сегодня я насчитал их двадцать три: двадцать один платный и двое — Дебби и Реймонд — обучаются за счет стипендии имени Сами Кирса. Дебби слушает раскрыв рот. Реймонд на протяжении всего занятия подстригает ногти на ногах, внимательно разглядывая каждый, прежде чем обрезать его с педантичностью пенсионерок из компании моей бабушки, высчитывающих, сколько причитается с каждой за совместный выход в ресторан на обед.

Группа у меня разношерстная. В первом ряду сидят три женщины за семьдесят, именующие себя Розовыми Пантерами. Они детективы-любительницы, обожающие смотреть передачи в жанре трукрайм и расследовать преступления, о которых прочитали в газете. Я видел кое-что из того, на что способны Розовые Пантеры, и был впечатлен. Как это ни забавно, в противовес троице Пантер в группе есть три другие

женщины, только молодые, лет, думаю, около двадцати пяти, симпатичные. Они, если верить тому, что мне рассказывали, сперва набрали себе аудиторию в «Инстаграме»[2], а не так давно запустили трукрайм-подкаст под названием «Три убийственные красотки». Я подозреваю, что среди моих студентов имеется еще как минимум несколько желающих стать трукрайм-подкастерами, а также фанатов трукрайма. Парень по имени Гекс, который всегда ходит в серых спортивных штанах и такого же цвета худи, хочет раскрыть убийство своей тетки, которое произошло в 1982 году. Есть еще Гольфист Гэри, тот носит отутюженные рубашки поло с логотипом какого-то элитного гольф-клуба. Я бы сказал, что он позер, который пытается пустить пыль в глаза всем нам тут в Нижнем Ист-Сайде, но я все-таки опытный детектив, и что-то в манере Гэри держаться очень попахивает старыми деньгами. Не знаю уж, что его сюда привело, но Гэри возбуждает мое любопытство. У каждого из нас есть своя история, но в этой группе просто все

[2] Примечания: 2

Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms, Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации.

как на подбор.

Когда чуть больше половины занятия позади, в боковую дверь кто-то проскальзывает.

Моя чуйка напрягается. А может, мне так кажется уже теперь, по прошествии времени.

Краем глаза я вижу силуэт. Я не приглядываюсь. К нам в аудиторию постоянно кто-то забредает. На прошлом занятии заявился старик с грязно-седой бородой, такой кустистой, что казалось, он поедает овцу. Приложив руки ко рту рупором, он проорал: «Гиммлер любит стейки из тунца!», после чего удалился.

Эту часть занятия я про себя называю «Показываем и рассказываем». Сегодня выступает Ленни Треники. Я не очень понимаю, что он за человек. С одной стороны, он каждый раз норовит подсесть поближе к «Красоткам», но с другой — впечатление производит безобидное. Ленни водружает на крошащуюся бетонную плиту, которую мы используем вместо стола, коробку и принимается извлекать из нее гаджеты.

— Это трекеры для отслеживания местонахождения объекта, — сообщает он своим товарищам.

Как же ты, Сами, дошел до жизни такой? — возможно, зададитесь вопросом вы. После того лета с Анной моя жизнь пошла под откос. Вернувшись

домой, я не находил себе места. Я превратился в затворника. Передумал идти в медицинскую школу. Мои родители очень старались проявить понимание, но были уверены, что это пройдет. Возьми академический отпуск на год, настаивали они. Я взял. Возьми еще год. Я взял. И все равно так и не смог вернуться. Я всю жизнь хотел стать врачом. И не стал. Это уничтожило моих родителей.

— У меня всегда при себе как минимум три таких устройства, — продолжает Ленни.

— Серьезно? Три? — переспрашивает «красотка» номер один.

— Всегда. Вот, видите? — Ленни демонстрирует ей черную прямоугольную коробочку. — Это «Алерт 1А4». Помните рекламу «Я упал и не могу подняться»?

Ответом ему служат многочисленные кивки. Реймонд с усилием щелкает кусачками. Обрезок ногтя взмывает в воздух.

Гольфист Гэри хватается за щеку:

— Ай! Что это было? Я сейчас чуть без глаза не остался!

Реймонд поднимает руку и указывает на себя:

— Это я виноват, это все я.

Ленни между тем невозмутимо продолжает

свою презентацию:

— А вот этот трекер более продвинутый, потому что у него больше функций. Можно заглушить его с этого конца, — он демонстрирует, с какого именно, — а микрофон оставить включенным, так что он будет исполнять функцию одновременно трекера и подслушивающего устройства. Жаль только, аккумулятор у него быстро садится. — Он обводит аудиторию взглядом. — Кстати сказать, это их общая проблема. GPS очень быстро жрет заряд. Теперь вот этот. — Ленни вытаскивает устройство, по форме похожее на толстую монету. — Может работать до шести месяцев, но, чтобы поймать сигнал, нужно находиться от него в радиусе двадцати ярдов.

«Красотка» номер два поднимает руку и, продолжая жевать жвачку, говорит:

— Это прямо сталкерство какое-то.

Номер один (тоже жуя жвачку):

— Вот уж точно.

Номер три (тоже жуя жвачку):

— Натуральное извращение.

Номер два:

— Существует множество других способов познакомиться!

Номер один:

— Ты, может, и пластиковые хомуты при себе носишь?

— Нет! — багровеет Ленни. — Я их ни для чего такого не использую!

Номер один:

— И для чего же ты тогда их используешь?

— На случай, если стану свидетелем преступления. Взять, к примеру, вот этот. — Он двумя руками поднимает маленький GPS-трекер, как будто это Симба в самом начале мультфильма «Король Лев». — В нем установлен мощный магнит. Можно прилепить его на машину.

Номер два:

— И-и-и-и-и тебе, определенно, уже доводилось это делать, да?

Номер один:

— И не однажды.

Номер три:

— Например, чтобы познакомиться с девушкой.

Номер один:

— Один парень как-то раз проделал со мной такой фокус.

Номер два:

— Да иди ты!

Номер три:

— Что, серьезно?

Номер один:

— Ну, он налепил трекер на мою машину, чтобы устроить возможность, цитирую, «нечаянно столкнуться друг с другом».

Номер два:

— Ужас.

Номер один:

— Это, что ли типа совершенно случайно?

Номер три:

— Ну.

Номер два:

— И как, у него получилось?

Номер три пожимает плечами:

— Ну, вроде как да. Только он ездил на «порше».

Номер один:

— А ты на чем ездишь, Ленни?

Ленни всплескивает руками:

— Я в такие игры не играю.

Номер один:

— Как по мне, это извращение.

Номер два:

— Да пипец. Если только… так на какой машине ты ездишь, Ленни?

— Мистер Кирс! — скулит Ленни.

— Так, ладно, — говорю я; подойдя к нему, забираю первый трекер и небрежно подбрасываю его в воздух. — Думаю, нам всем следует…

И тут я вижу Анну.

Я замираю и хлопаю глазами. Мне хочется потрясти головой, чтобы прийти в себя.

Я знаю, что это невозможно, и поначалу никак не реагирую. Пытаюсь тянуть время.

Мне не впервые мерещатся покойники.

В прошлом году я дошел до такого состояния, что не просто видел галлюцинации, а в полном смысле слова вел диалоги с другой моей убитой возлюбленной, Николь.

Да, убитой.

Кажется, дамы, встречаться со мной небезопасно.

Безвкусная шутка.

Но когда мне мерещилась Николь, она была в точности такой, как раньше, в тот день, когда ее убили, — той же пронзительно красивой двадцатишестилетней девушкой, которую я считал своей невестой. Ни на день не постаревшей.

Мне и раньше иногда мерещилась Анна. Вы же знаете, как оно бывает. Ты видишь женщину с длинными рыжеватыми волосами где-нибудь в людном парке или в переполненном баре на

Манхэттене, и на мгновение тебя охватывает уверенность, что это Анна, а потом ты смаргиваешь или похлопываешь ее по плечу, видишь чужое лицо — и реальность возвращается.

Именно так я и поступаю теперь. Моргаю. Потом моргаю еще раз. И для верности слегка трясу головой, чтобы прийти в себя. Но все это я делаю, уже понимая: на сей раз все по-другому. В прошлом все видения, что, конечно, слишком сильно сказано, всегда были той Анной, какую я помнил, двадцатилетней (или сколько там ей было на самом деле) Анной. У нее были длинные рыжеватые волосы и дымчатые глаза, что странно. Я не помню, какого цвета у нее были глаза — возможно, потому, что, когда я в последний раз их видел, они были закрыты, — но теперь, в толпе смердящих призраков, населяющих бывшую баню, я вижу, что у этой женщины глаза ореховые, — и внезапно вспоминаю.

У Анны были ореховые глаза.

Кто-то — кажется, это Гольфист Гэри, — произносит:

— Кирс? Вам нехорошо?

Вот только у этой женщины волосы не длинные и не рыжеватые. Они светлые и коротко подстриженные. Во времена нашего с Анной

знакомства она не носила очков. На носу у этой женщины стильные круглые очочки в проволочной оправе. Анне было двадцать. Этой женщине явно за сорок.

Это никак не может быть она.

Псевдо-Анна шарахается. Все это время она стояла, прислонившись к стене, а теперь спешит скрыться.

— Кирс?

— Продолжай презентацию, Ленни. Я сейчас вернусь.

Я бросаюсь за ней вдогонку.

Все студенты как по команде поворачивают голову мне вслед. Они, разумеется, понимают: происходит что-то странное. Поскольку они изучают криминалистику, в силу их наклонностей и ситуации им любопытно. Студенты смотрят во все глаза. Я слышу скрип стульев: кажется, все готовы последовать за мной.

— Посидите тут, — бросаю я.

Они неохотно подчиняются.

Я выбегаю из аудитории. Откуда-то снизу доносятся гулкие шаги. В этом здании любой звук отзывается эхом. Я бросаюсь на этот звук. Ко мне уже до некоторой степени успевает вернуться здравомыслие. Я напоминаю себе, что у меня уже

раньше бывали галлюцинации. Я уже говорил, в прошлом году, когда мне мерещилась моя убитая невеста Николь. Я вел с ней самые настоящие разговоры. В какой-то момент Николь из галлюцинации даже уговорила меня спуститься с моста, с которого я собирался спрыгнуть. Она привела меня в разум, а потом убедила — галлюцинация, можете себе такое представить? — вернуться домой к моей беременной невесте — ныне жене — Молли.

Прежде чем вы сочтете, что я совсем спятил, спешу сообщить: все эти галлюцинации были не по моей вине. Они оказались побочным эффектом некачественного лекарства, которое едва меня не прикончило, в сочетании с особенностями биохимии моего организма и — не будем уж умалять моих собственных заслуг — последствиями многолетнего злоупотребления алкоголем.

Едва только я перестал принимать этот препарат, галлюцинации прекратились.

И все же, разве галлюцинация не была лучшим объяснением?

Это никак не может быть Анна.

Такое попросту невозможно.

И тем не менее в каком-то смысле могло бы все объяснить.

Забавно, как быстро изменяется восприятие. Я уже готов признать то, во что верил последнюю четверть века, неправдой.

Есть лишь один способ это выяснить.

Поскольку любой звук здесь сопровождается эхом, я отчетливо слышу, как незнакомка бежит вниз по лестнице. Я бросаюсь следом, перескакивая через две, а то и через три ступеньки за раз. Я вижу ее. Она уже внизу.

— Постойте, — говорю я. Не кричу. С таким эхом никакой нужды кричать нет. Но главное, я не хочу ее пугать. Я просто хочу, чтобы она остановилась. — Пожалуйста, — добавляю я. — Я просто хочу поговорить.

Возможно, она увидела безумное выражение моего лица и решила, что я представляю опасность. Возможно, как и Тунцовый Гиммлер, она просто случайно забрела в аудиторию с улицы в поисках безопасного местечка, чтобы погреться, спокойно посидеть и подумать, перевести дух.

Но эта женщина не похожа ни на попрошайку, ни на человека в трудных жизненных обстоятельствах. Я успел заметить у нее на запястье массивный золотой браслет. Да и светло-коричневое кашемировое пальто явно стоит немалых денег.

Она уже почти у самого выхода.

Я отбрасываю всякую осторожность и прибавляю ходу. Псевдо-Анна протягивает руку к дверной ручке. Еще миг — и она растворится в ночном Нижнем Ист-Сайде. Раздумывать некогда. Ее рука ложится на ручку и поворачивает. Я одним прыжком преодолеваю разделяющее нас расстояние и хватаю женщину за локоть.

Она кричит. Громко. Как будто я пырнул ее ножом.

— Анна, — говорю я.

— Отпустите меня!

Я держу ее за локоть и смотрю ей в лицо. Женщина отворачивается от меня и пытается вырваться. Я крепче сжимаю пальцы. Наконец она оборачивается и устремляет на меня взгляд. Наши глаза встречаются.

И от моих сомнений не остается и следа.

— Анна, — повторяю я снова.

— Отпустите меня.

— Ты меня помнишь?

— Вы делаете мне больно!

И тут я слышу знакомый низкий голос:

— Кирс?

Это Чилтон. Он в белом облегающем комбинезоне, похожем на тюремный, закатанные рукава

перетягивают накачанные ручищи, точно жгуты. Чилтон родом с Ямайки, верзила с сильным растаманским акцентом, бритой головой и серьгой-колечком в ухе. Он хочет, чтобы его звали черным Мистером Пропером. Никто его так не зовет, но, если честно, он очень даже похож.

Анна действует молниеносно. Воспользовавшись тем, что я отвлекся, она выдергивает руку. Я снова хватаю ее за рукав бежевого пальто — я не ошибся, это в самом деле кашемир, — спеша провернуть задуманное, поскольку краем глаза вижу, что Чилтон решительно направляется ко мне. Времени у меня в обрез. Я не хочу потерять Анну из виду, но понимаю, что пытаться задержать ее насильно неразумно. Все до единой ошибки, которые я совершил за свою жизнь — а их было великое множество, — сделаны, когда я действовал импульсивно.

Чилтон подходит ко мне и кладет руку на плечо. Ладонь у него весом и размером примерно с крышку люка. Толстые пальцы стискивают мое плечо железной хваткой, и я почти падаю на колени.

Анна выскакивает на улицу.

Я не смог бы сдвинуться с места, даже если бы хотел. А я не хочу. У меня нет необходимости ее

преследовать.

Я получил, что хотел.

Чилтон выпускает меня. Я распрямляюсь в полный рост, который, наверное, на добрый фут меньше его роста. Чилтон смотрит на меня сверху вниз, положив руки на бедра.

— Ты что творишь, Кирс?

— Она не заплатила за занятие, — не моргнув глазом, лгу я.

— Что-что?

— Эта женщина пришла ко мне на занятие, отзанималась, а когда я попросил ее заплатить…

— И ты за ней погнался? — ошеломленно спрашивает Чилтон.

— Ну да.

— За белой женщиной?

— Не будь расистом, Чилтон.

— По-твоему, это смешно?

Я поднимаю руку ладонью вниз и слегка покачиваю туда-сюда, показывая, что более или менее.

— Я настоятельно советую тебе не гоняться за белыми женщинами, — говорит он. — Не в этом городе. Что я тебе сказал в самый первый день, когда ты только пришел ко мне работать?

— «Если ты не будешь приносить мне деньги, я

знать тебя не желаю».

— А после этого?

— Не гоняться за белыми женщинами?

Чилтон качает головой:

— Не устраивать проблемы.

— А-а, — говорю я. — Точно.

— Я дал тебе эту работу по доброте душевной.

— Знаю, Чилтон.

На самом деле это был скорее баш на баш. За то, что Чилтон дал мне эту подработку, мой бывший напарник Марти аннулировал три его штрафа за неправильную парковку.

— Не заставляй меня пожалеть о моей щедрости, — говорит Чилтон.

— Прости, ты прав. Я погорячился. — Я указываю пальцем наверх. — У меня там двадцать с гаком платных студентов.

— Серьезно? — оживляется Чилтон. — Так много? — Он машет в сторону лестницы. — Иди, иди.

Дважды повторять мне не нужно, хотя именно это он только что и сделал.

— Может, тогда на следующей неделе поднимем цену до восемнадцати долларов? — предлагает Чилтон. — Посмотрим, много ли отвалится. А еще через неделю — до двадцати.

— Тонко, — говорю я, уже спеша по лестнице

вверх.

Студенты встречают меня гробовой тишиной. Все глаза устремлены на меня.

— Ленни, — киваю я в сторону коридора, — можно тебя на пару слов?

— О-о-о… — дружно выдыхают студенты, как будто они в третьем классе, а я только что отправил Ленни в кабинет директора. Да и сам Ленни тоже смотрит на меня с беспокойством, явно не понимая, чего ожидать, так что я добавляю: — Ты не сделал ничего плохого.

Когда мы выходим, я разблокирую свой телефон и протягиваю ему:

— Хочу попросить тебя об одной услуге.

Ленни смотрит на экран.

— О какой?

— Загрузи приложение от своего трекера, — прошу я его.

Когда у двери я схватил Псевдо-Анну за рукав, я незаметно подкинул один из трекеров Ленни в карман ее пальто.

— Это еще зачем?

— Мне нужно приложение, — говорю я.

— Для чего?

— У меня запланирована нечаянная встреча.

Глава 3

Псевдо-Анна уже на Рузвельт-драйв.

Это означает, что она либо спринтерша мирового класса, либо приехала сюда на машине. Неожиданно. На машине в этот район никто не ездит, потому что поблизости негде парковаться. Все ездят на метро. Такси сюда тоже заезжают крайне редко. Конечно, Анна могла вызвать «Убер», но, чтобы она успела оказаться там, где сейчас находится, «Убер» должен был подъехать за несколько секунд, что опять-таки в этом районе крайне маловероятно.

Хотя чем черт не шутит.

Я сам, конечно, тоже без машины. Место в паркинге стоит безумных денег, так что я чаще всего оставляю свой дышащий на ладан «форд-таурус» 2002 года выпуска, который десять лет тому назад купил с рук у одного спортивного агента, во дворе у моего друга Крейга, в Квинсе. За это он берет с меня пятьдесят баксов в месяц. «Тоже мне друг», могут сказать некоторые, но если вы живете здесь, то понимаете, что это более чем по-божески. У меня мелькает мысль взять такси и, следя

за трекером, говорить водителю, куда ехать, но потом я решаю, что это будет, во-первых, подозрительно, а во-вторых, дорого. Трекер лежит у нее в кармане. Он работает. Я могу позволить себе проявить терпение.

Я доезжаю на метро до Квинса и пешком преодолеваю три квартала до дома Крейга. Свет не горит. Крейга нет дома. Он держит ключи от машины в кухне. Я свои всегда ношу при себе. Я сажусь в машину, выруливаю на дорогу и проверяю приложение. Псевдо-Анна стоит в пробке в районе Сто двадцать пятой улицы, примерно там, где Рузвельт-драйв превращается в Гарлем-Ривер-драйв. Понятия не имею, зачем кому-то пришло в голову менять название. Дорога-то та же самая. Все только путаются, даже местные, а вот пробки на Рузвельт/Гарлем-Ривер-драйв — не исключение, а норма. Отличительная черта этой автомагистрали — нескончаемый ремонт дорожного полотна, ради которого ее то и дело перекрывают в ночное время. Я включаю навигатор, чтобы понять, как мне добраться до Псевдо-Анны. Если она собирается оставаться на Манхэттене, то проще всего выехать из Квинса по мосту Роберта Кеннеди, но все шансы за то, что она поедет дальше на север. С такими пробками,

если бы она хотела остаться на Манхэттене, то съехала бы с Рузвельт-драйв на одну из параллельных улиц.

И тем не менее. Я ни малейшего понятия не имею, куда едет Псевдо-Анна, поэтому мне приходится постоянно поглядывать одним глазом на экран смартфона. И как раз когда я это делаю, телефон начинает звонить. Поверх приложения появляется прекрасное лицо моей жены Молли.

Меня подмывает проигнорировать звонок, но нет, это будет неправильно. Я нажимаю на кнопку «Ответить», провожу большим пальцем по экрану, чтобы вернуть карту с трекером обратно, и пытаюсь говорить нейтральным тоном.

— Привет, — произношу я.

— Привет, красавчик. Как прошло занятие?

— Хорошо, — отвечаю я.

Мне в жизни приходилось скрывать очень многое. Так бывает, когда сильно пьешь. Не то чтобы это было сенсационной новостью. Я слишком часто лгал женщинам, с которыми был в отношениях, а у Молли в анамнезе были отношения, в которых лгали ей. Когда в прошлом году мы поженились, я дал ей слово, что с этим покончено, что между нами не будет ни лжи, ни секретов ни в каких вопросах, какими бы сложными или

серьезными они ни были. И я держал слово, хотя ни про Анну, ни про то лето в Испании так ей и не рассказал. Не знаю уж, ложь это или умолчание. Единственный человек в мире, которому я без утайки рассказал обо всем, что произошло в ту ночь, это мой отец. Его ответ был кратким: «Садись на первый же самолет и дуй домой».

Больше мы с ним об этом не говорили. Ни разу.

— Ты уже едешь в сторону дома? — спрашивает Молли.

— Пока нет, — говорю я. — Возникло кое-какое дельце.

— Дельце?

Я слышу в голосе Молли что-то такое, что мне не нравится. Мне хочется ее успокоить, но я не собираюсь врать. Я намерен сдержать слово.

— По телефону долго объяснять, — говорю я.

— Ясно.

— Не волнуйся. Я все тебе расскажу, когда приеду домой. — Я бросаю взгляд на трекер на экране. Псевдо-Анна едет по Кросс-Бронкс-экспрессвей на восток. — Как Генри? — спрашиваю я.

Генри — наш маленький сын. Ему почти годик. Когда он родился, весь мой мир сжался до размеров этого комочка весом в шесть фунтов пятнадцать унций. До ребенка у тебя одна жизнь.

После — совершенно другая. Я говорю это вовсе не для того, чтобы убедить кого-то завести ребенка или, наоборот, отговорить от этого. Делайте так, как считаете правильным для себя. Но реальность заключается в том, что, хотите вы того или нет, ребенок меняет абсолютно все на молекулярном уровне. И избежать этого не может никто.

— Веселится. Сна ни в одном глазу, — говорит Молли. Со сном у Генри проблемы с самого рождения. Потом она спрашивает тоном, который мне по-прежнему не нравится: — Ты знаешь, во сколько будешь дома?

— Пока нет, — отвечаю я.

— Значит, это что-то важное, верно?

Я не очень понимаю, что ответить.

— Пожалуй. Но беспокоиться тебе не о чем.

— Ты говоришь загадками, — замечает Молли.

— Я не нарочно. Могу попробовать объяснить тебе все сейчас…

— Но предпочел бы не по телефону, а лично.

— Да, — говорю я. — Так было бы намного лучше.

— Ладно. Я люблю тебя, Сами.

— А я тебя еще больше, — отвечаю я, потому что так оно и есть.

Молли кладет трубку первой. Я наверстываю

время на Мэйджор-Диган и не успеваю опомниться, как мы с Псевдо-Анной уже едем по Интерстейт–95 в направлении Коннектикута. Проверяю датчик уровня бензина и с облегчением вижу, что у меня осталось еще полбака. Крейг частенько берет мою машину попользоваться, о чем мы, конечно, не договаривались, но он знает, что я не против, и после этого обыкновенно заправляется. Крейг работает администратором в зоопарке в Бронксе. Его жена Касси, шумная и полная жизни женщина, умерла от рака яичников два года назад, и теперь, даже когда Крейг улыбается, глаза у него все равно остаются грустными.

Я не свожу взгляда с дороги. Трекер съезжает с магистрали на съезде номер 3. Я делаю то же самое. Мозг лихорадочно работает, пытаясь придумать, каким образом это могла быть Анна и зачем она явилась ко мне на занятие, но потом вспоминаю цитату из «Шерлока Холмса», которую сам же вывел на старой доске:

«Строить гипотезы, не имея на руках всех данных, — фундаментальная ошибка. Неизбежно начинаешь подгонять факты под гипотезу, а не гипотезу под факты».

Короче говоря, будь готов ко всему. Не спеши

строить гипотезы раньше времени. Подожди, пока не будешь знать больше.

Вот только этого не случится.

Мне вспоминается полицейский из Фуэнхиролы Карлос Осорио, его молодое, но усталое от жизни лицо, на котором было написано, что он не верит ни единому моему слову, когда я рассказывал ему правду. Ну или частичную правду. Не всю правду целиком. Да и кто на моем месте в такой ситуации стал бы рассказывать полицейскому всю правду? Кто, к примеру, упомянул бы о том, что проснулся с орудием убийства в руке? Но я был бестолковым юнцом — я уверен, Осорио догадался, что я не до конца с ним честен. Мне вспоминается, как он сложил руки на груди и терпеливо ждал, пока я не догадаюсь, что пора заткнуться, а потом начал один за другим задавать мне прицельные вопросы: «Сколько вы выпили? А курили что? А нюхали? Может, мне прямо сейчас отправить вас на анализ на наркотики?»

Я еду следом за трекером по престижному району, который Молли назвала бы «претенциозным», мимо шикарных ресторанов и нарядных бутиков, которые куда больше похожи на чье-то хобби, нежели на бизнес. Моя древняя колымага посреди этого глянцевого пригорода выглядит

как сигарета в клубе приверженцев здорового образа жизни. Я опускаю окошко, чтобы вдохнуть запах денег. Потом сворачиваю налево, на улицы, застроенные особняками один другого роскошнее, — чем дальше отъезжаешь от главной улицы, тем больше и уединеннее становятся владения.

Я проезжаю милю. Потом две. За окном время от времени мелькают дома, но различить их в темноте можно только по мерцающим огонькам, пробивающимся сквозь густые живые изгороди. От дороги их отделяют затейливые чугунные ограды с воротами. Сложно поверить, что все это сосуществует в одном мире с Нижним Ист-Сайдом, что, опять же, не предполагает ни принижения, ни восхваления того и другого. Я человек определенно небогатый, и хотя могу понять примитивную притягательность громадных особняков — простое человеческое желание получить чего-то побольше, — кому на самом деле нужна такая куча места? В скольких комнатах одновременно может находиться человек? Мой отец, когда хочет предостеречь кого-то от жадности, использует поговорку «На двух лошадей одним задом не сядешь».

Думаю, тут она тоже подходит.

Между тем, судя по приложению, на протяжении последних семи минут трекер никуда не перемещался.

Она приехала домой? Не знаю. Если трекер правильно показывает местоположение, она не на улице. Я движением пальцев приближаю изображение. Если верить трекеру, Анна находится в 1,8 мили от того места, где сейчас я, в точке, удаленной по меньшей мере ярдов на двести-триста от ближайшей дороги.

Странно.

Вид со спутника был бы сейчас очень кстати, но у трекера нет такой опции. Я останавливаюсь на обочине дороги и нажимаю на три точки в правом верхнем углу приложения. Выпадающее меню предлагает точные координаты объекта. Я копирую их в Google Earth и жду, когда земной шар закончит крутиться.

Когда он останавливается, я вполголоса бормочу себе под нос:

— Ух ты…

Место, в котором, если верить трекеру, на протяжении последних вот уже девяти минут находится Анна — я для удобства буду называть ее просто Анной вместо Псевдо-Анны, — на спутниковой карте заблюрено.

Заблюрено?!

Это довольно необычно. По требованию правительства на спутниковых картах могут быть заблюрены изображения секретных объектов, таких как военные базы или определенные административные здания. Но я сомневаюсь, что это один из такого рода объектов, поскольку земля здесь слишком дорогая для всякой голытьбы. Хотя возможность есть. Иногда Google Earth соглашается заблюрить изображение какого-то частного объекта по соображениям безопасности или приватности, если для этого имеются веские причины. Но нечасто. И не бесплатно.

Короче говоря, кто-то влиятельный или богатый хочет сохранить это место — место, в котором, судя по всему, сейчас находится Анна, — в секрете.

И что теперь?

Мне, разумеется, следует поехать домой. Перевести дух. Поговорить с Молли. Провести небольшое расследование. Местонахождение Анны я теперь знаю. Или думаю, что знаю. Может, она просто сделала остановку, чтобы отдохнуть. Или приехала в гости к подруге, которая здесь живет. Или собирается провести тут несколько часов или всего одну ночь. Может, она вообще

через час или завтра утром поедет дальше.

Я проверяю иконку заряда аккумулятора в правом верхнем углу приложения. Осталось всего одиннадцать процентов. И сколько трекер еще проработает? От силы час?

А потом Анна снова исчезнет.

Я ведь не могу пойти на такой риск, правда?

На улицах ни души, единственный источник света — мои фары. Кажется, за последние три или четыре мили я не видел ни одной машины. Я еду по лесной дороге, пытаясь подобраться как можно ближе к тому месту, где, судя по трекеру, находится Анна. Между деревьями появляется просвет. Я притормаживаю и вижу, что это подъездная дорожка, перегороженная коваными воротами. Они высокие, прутья наверху увенчаны остриями. За воротами виднеется деревянная будочка. В окне горит свет, и я различаю человеческий силуэт: видимо, это охранник.

Серьезные меры для частного дома.

Если, конечно, это на самом деле частный дом.

Я быстро осматриваюсь в поисках какого-нибудь знака или номера дома — задерживаться мне не хочется, — но ничего такого не видно. Можно, конечно, подъехать к воротам, но что потом? Времени одиннадцатый час. Притворить-

ся доставщиком чего-нибудь я не могу, а просто сказать: «Я к Анне»… ну, в общем, не думаю, что это выгорит.

Мне-Импульсивному все равно хочется хотя бы попытаться. Мне-Импульсивному хочется подъехать к охраннику и сказать: «Я к Анне. Передайте ей, что меня зовут Сами Кирс и что мы с ней познакомились на Коста-дель-Соль, в Испании, двадцать два года тому назад». Я-Импульсивный нередко ошибаюсь. Я-Импульсивный сбежал тогда из комнаты и оставил Анну лежать в луже крови. Я-Импульсивный явился в полицейский участок в Фуэнхироле и заявил Осорио об убийстве. Я-Импульсивный загнал Пи-Джея на ту крышу и стал виновником его падения. Я-Импульсивный позволил Майе Стерн в одиночку отправиться в Фарнвуд, огромное поместье Джудит Беркетт, в результате чего она погибла, а я впал в немилость (если можно так сказать, потому что ни в какой милости у начальства я никогда и не был).

Наверное, Мне-Импульсивному стоило бы не лезть в это дело, но, как бы там ни было, возвращаться домой я не намерен.

Я медленно еду вперед по лесистой улице и, увидев небольшой просвет среди деревьев,

останавливаюсь. Машину можно разглядеть с дороги, только если внимательно присмотреться. Я глушу двигатель и выключаю свет в салоне. Не думаю, что кто-нибудь увидит, но я и не собираюсь пробыть тут настолько долго, чтобы полицейские вызвали эвакуатор. Я достаю из бардачка лист бумаги и ручку и пишу: «Машина сломалась, скоро вернусь». Раздумываю, не приписать ли, что я полицейский, но это, во-первых, к делу не относится, а во-вторых, больше не соответствует истине.

Я выхожу из машины. Немедленно становится зябко — в воздухе уже чувствуется дыхание осени. Звезды здесь такие яркие, каких в городе никогда не увидишь. Я пользуюсь приложением как компасом. Трекер, который я подбросил Анне в карман, находится всего в двух десятых мили от того места, где я сейчас стою, но дорога пролегает через лес.

Оттягивать смысла нет.

Я захожу в лес. Можно было бы включить фонарик на телефоне, но я на всякий случай решаю этого не делать. На расстоянии нескольких футов от лица уже практически ничего не различить, так что мне приходится идти с вытянутыми вперед руками на манер монстра Франкенштейна,

чтобы не впилиться в дерево.

Как только я слегка удаляюсь от дороги, деревья становятся немного реже, что ускоряет мое продвижение. Мне неизвестно, как у них организована система безопасности. Ворота с охранником выглядят впечатляюще, но это не значит, что вся территория охраняется точно так же. Не исключено, что вся бутафория просто для устрашения. Возможно, конечно, между деревьями натянута сигнальная проволока или установлены датчики движения, но это маловероятно. В лесу наверняка в изобилии водятся олени, белки и прочая мелкая живность. Сигнализация срабатывала бы постоянно.

Я продолжаю пробираться вперед. Бесшумно передвигаться не удается, под ногами то и дело хрустят ветки и шуршат листья, но что тут поделаешь? Когда до трекера остается одна десятая мили, сквозь деревья начинает просачиваться свет. Я подбираюсь поближе, и, словно по мановению волшебной палочки, на горизонте возникает огромное поместье. Я останавливаюсь и смотрю на экран телефона. Судя по данным приложения, местоположение трекера указывается с точностью до десяти метров. Если это правда, Анна и/или ее пальто находятся где-то на территории

поместья.

Между тем уровень заряда аккумулятора в трекере успевает упасть до восьми процентов. Я стою на опушке, глядя на простирающуюся передо мной огромную лужайку. Сам дом потрясает воображение: это громадный каменный дворец в колониальном стиле, словно сошедший со страниц «Великого Гэтсби». Свет фонарей озаряет симметричные зеленые насаждения с одинаково подстриженными кустарниками по обе стороны. Я замечаю бассейн и стеклянную пляжную кабинку. Перед входом припаркованы две машины: «порше» и «мерседес», обе черные.

Вокруг ни души. Охранников, патрулирующих территорию, тоже не видно.

Пока я наблюдаю, соображая, что делать, в одном из окон второго этажа вспыхивает свет. Я пригибаюсь, хотя от дома до меня добрая сотня ярдов. Потом, отдышавшись, устремляю взгляд на окно.

За ним ходит Анна.

Смотрю на часы. Почти одиннадцать вечера. Я принимаюсь лихорадочно соображать, как мне быть. Просто постучать или позвонить в дверь или как? Действовать в лоб? Это кажется странным, да и непонятно, как охрана, если таковая

имеется, может отреагировать. Но теоретически такая возможность есть. Можно также, не знаю, подобрать с земли несколько камешков и бросить их в стекло. Это кажется мне чересчур «киношным», если можно так выразиться, плюс Анна, вероятнее всего, закричит и начнет звать на помощь.

Но волнует ли меня это?

Я хочу с ней поговорить. Хочу получить объяснение.

И тут до меня доносится собачий лай.

Должен заметить, я люблю собак. Когда Генри немного подрастет, мы с Молли хотим завести маленького дружелюбного хаванеза.

Так вот, судя по лаю, это вовсе не маленький дружелюбный хаванез.

Судя по лаю и по тому, что я теперь уже могу видеть, это несколько скалящих зубы доберманов. Они на полной скорости несутся к центру симметричного садика.

Прямо ко мне.

Сердце готово выскочить из груди. Мне-Импульсивному нет нужды подсказывать мне, что делать. Я разворачиваюсь и со всех ног бегу обратно в лес, отлично понимая, что обогнать собак нечего и рассчитывать. У меня ни единого шанса.

Я делаю два шага вглубь леса и по лаю понимаю, что собак от меня отделяют считаные секунды. Делаю еще шаг, а потом один из доберманов прыгает на меня сзади и сбивает с ног.

Я с криком падаю на землю.

Не очень понимаю, стоит ли рыпаться, но смутно припоминаю, чему нас учили в полиции про нападения собак. Если ты уже лежишь, не двигайся. Свернись клубочком и прикрой шею и голову руками. Я так и поступаю, сворачиваюсь в защитную ракушку, не выпуская из руки телефона.

Собаки уже нагнали меня и окружили со всех сторон. Лай прекратился. Они скалятся и негромко рычат, глядя на меня своими черными глазами. Судя по виду, они готовы в любой миг наброситься. Я неподвижно лежу и жду. Все это, мягко говоря, наводит на меня ужас.

— Лежать! — раздается мужской голос.

Рык немедленно прекращается. Оскаленные зубы исчезают. Виляя хвостами, псы отступают от меня. Я отваживаюсь слегка приподнять голову и вижу поблизости два мужских силуэта. Один из мужчин держит меня на мушке пистолета.

Я несколько раз моргаю и говорю:

— Прошу прощения за вторжение. Я просто гулял по лесу и заблудился.

— Да неужели? — с ядовитым сарказмом в голосе отзывается тот из них, что пониже ростом. — Вставай давай.

Я кое-как поднимаюсь и подхожу к границе участка. Да, мужчин двое. У того, что повыше, с пистолетом, круглая лунообразная голова и лицо, изрытое кратерами от прыщей.

— Приятное местечко, — произношу я светским тоном.

— Ты кто такой?

— Полицейский.

— Можно взглянуть на твой жетон?

— Вообще-то, я бывший полицейский.

— Бывший полицейский, который разгуливает в темноте по частной территории, — тянет Коротышка. — И ты хочешь, чтобы мы поверили в эту сказочку?

Я пытаюсь изобразить улыбку.

— Ну, я немного выпил, — произношу я в надежде, что это послужит достаточным объяснением.

Его лицо говорит, что ни хрена это не объясняет. Чувак-с-пушкой устремляет взгляд на Коротышку и кивает. Коротышка вытаскивает телефон.

— Продиктуй мне свое имя, — бросает он мне.

Я подчиняюсь. Его приятель продолжает держать меня на мушке, в то время как Коротышка,

видимо, набирает мое имя в поисковике телефона. Его напарник тем временем подходит ко мне вплотную и без предупреждения бьет кулаком свободной руки под дых. Я складываюсь пополам и снова падаю на колени, ловя ртом воздух.

Чувак-с-пушкой хватает меня за волосы.

— Что, все никак не можете оставить нас в покое, да?

Я продолжаю ловить ртом воздух. Чувак-с-пушкой оглядывается на Коротышку. Тот произносит вслух:

— Сами Кирс, бывший детектив департамента полиции Нью-Йорка, уволен за некомпетентность и действия, подвергшие гражданское лицо опасности.

Чувак-с-пушкой все еще держит меня за волосы.

— Кто тебя подослал, Сами?

Ко мне частично возвращается возможность дышать. Я качаю головой.

— Никто, — выдавливаю я.

— Ничего, ты у нас заговоришь, — цедит Чувак-с-пушкой. — Ты скажешь нам, что ты здесь делаешь.

Я решаю сказать ему полуправду:

— Я старый друг Анны.

Я смотрю на них в ожидании реакции, но в темноте сложно разглядеть выражения лиц. Я по-прежнему стою на коленях. Он по-прежнему вцепился в мои волосы.

— Я могу просто тебя пристрелить, — говорит Чувак-с-пушкой. — Что скажешь, Ти?

— Гм. — Коротышка Ти внимательно читает что-то в телефоне, приблизив экран к лицу. — Ух ты, послушай только. Это тот самый коп, который напортачил в деле Беркетта. — Он вскидывает на меня глаза. — Ты в курсе, что мы друзья Беркеттов?

Я ничего не отвечаю.

Он снова утыкается в телефон.

— Кирса уволили за нарушение полицейского устава. Неоднократное, говорится здесь, в том числе в деле Беркетта. Его судили за то, что по его вине гражданское лицо оказалось в больнице. Теперь многие его аресты оспариваются, включая — прикинь! — осужденного по обвинению в убийстве его собственной невесты. Характеризуется как опасный и непредсказуемый. — Коротышка Ти с ухмылкой вскидывает на меня глаза. — Теперь мы можем с чистой совестью пристрелить его и заявить, что это была самооборона. Он ведь опасный и непредсказуемый и

проник на частную территорию незаконно.

— Точно, — подхватывает Чувак-с-пушкой. — И никто нам слова не скажет. А кстати, знаешь что? У меня при себе есть еще один пистолет. Нигде не засвеченный.

Коротышке Ти идея явно приходится по душе.

— Скажем, что он целился из него в нас. Будет наше слово против слова мертвеца.

— Угу. А после того как мы его пристрелим — когда он будет мертв, — вложим пистолет ему в руку. И даже выстрелим из него, чтобы на нем обнаружили следы пороха.

Коротышка Ти кивает:

— Никто ни в чем не усомнится.

— Совершенно никто, — соглашается Чувак-с-пушкой. — Обставим все так, как будто у нас не было выбора.

Оба улыбаются мне. Собственный план им явно очень нравится.

— Ну и что ты на это скажешь, Сами Кирс? — интересуется Чувак-с-пушкой, держа меня на мушке.

А вот теперь приходит моя очередь улыбаться. У меня обаятельная улыбка. Вот что вам следует обо мне знать. Это самая располагающая моя черта. Молли говорит, что запала на меня, когда я

улыбнулся. Но улыбка, которую я демонстрирую им сейчас, куда более маниакальная. Можно сказать, она практически на грани безумия. При виде нее оба мужчины, даже тот, что держит меня на мушке, пятятся назад.

— Повторите-ка все это еще раз, только погромче, — говорю я.

Чувак-с-пушкой выглядит озадаченным.

— Что?

Я сбрасываю его руку с моих волос. Потом вскидываю руку вверх. В ней до сих пор зажат телефон, только теперь они оба могут видеть на экране лицо. Пока они разглагольствовали, мне удалось нажать на иконку «Фейстайма».

— Давай, Ти, — произношу я, поднимаясь на ноги. Маниакальная улыбка продолжает играть у меня на лице. — Не уверен, что мои друзья из департамента полиции Нью-Йорка хорошо тебя расслышали. Валяй, расскажи им погромче, как именно вы собираетесь меня убить.

Глава 4

Коротышка Ти и Чувак-с-пушкой везут меня обратно к моей машине.

Я пытаюсь заставить их говорить, но они как воды в рот набрали. Я спрашиваю о женщине на втором этаже особняка, которая больше не использует имя «Анна». Они отмалчиваются. После того как они высаживают меня из своего внедорожника, Коротышка Ти опускает стекло и цедит:

— Держись от нее подальше.

С этими словами они уезжают.

Крейг по-прежнему на связи со мной в «Фейстайме», и нет, он никогда не был копом. У меня не было времени искать в перечне контактов Марти, да и кого бы то ни было вообще. Я просто нажал на верхний номер в списке последних звонков, а поскольку последним, с кем я разговаривал, был Крейг — я звонил ему предупредить, что забираю машину, — мне повезло, что он взял трубку.

— Что это было? — спрашивает Крейг.

— Что ты слышал?

— Ни слова. Только какие-то нечленораздельные звуки.

— А видел?

— Тоже толком ничего. Было слишком темно.

Я благодарю его за то, что все это время оставался на линии, и обещаю перезвонить попозже. Потом сажусь в машину и спешу уехать, пока они не передумали и не решили вернуться. Я поставил в приложении метку, когда подходил к участку. Когда уже на главной улице я останавливаюсь на светофоре, то сбрасываю Марти координаты метки с коротким сообщением:

> Мне нужно знать, кто здесь живет. Срочно.

Бросаю взгляд на часы на приборной панели, потом вспоминаю, что они не работают, и смотрю на время на телефоне. Уже поздно. Марти упоротый зожник, он ложится в десять вечера и встает ровно в шесть утра. Он до отвращения дисциплинированный, чтобы не сказать зануда, и это еще не самое крепкое слово, какое я мог бы употребить, но я слишком люблю его, чтобы так называть. До того как меня турнули из полиции, Марти был моим младшим напарником — начальник приставил его ко Мне-Молчаливому,

саркастически заявив, что Марти полезно будет набраться опыта у более старшего и мудрого офицера.

Никакой пользы ему это не принесло.

Надо, наверное, позвонить Молли, чтобы не волновалась, но уже поздно, и звонок может разбудить Генри. И потом, я просто не знаю, что ей сказать, поэтому решаю отправить сообщение и возвращаю машину во двор к Крейгу. Он уже ждет меня.

— Ты в порядке? — спрашивает Крейг.

— Да, все нормально.

— Не хочешь об этом поговорить?

«Хочу, но не с тобой», — думаю я про себя.

— У меня все нормально, Крейг. Спасибо тебе, дружище.

— Бренди на дорожку не хочешь?

— Не сегодня, — говорю я.

Я спешу на метро. Приложение говорит, что поезд должен подойти через минуту, так что по лестнице, ведущей вниз, на платформу, я бегу. До дома добираюсь практически в час ночи. Все уже спят. Молли оставила для меня включенным ночник. Я на цыпочках прокрадываюсь по коридору в детскую взглянуть на Генри. Мой сын — сколько же всего сосредоточено в этих двух коротких

словах: «мой сын» — мирно сопит в кроватке. Я смотрю на него — минуту, может, две. В груди что-то сжимается. Глаза начинает щипать. Если у вас есть дети, вам хорошо знакомо это чувство, эта головокружительная смесь благоговения и страха.

Молли спит в темноте нашей крохотной спаленки. Я, изо всех сил стараясь не шуметь, проделываю все, что необходимо проделать перед сном, и ныряю под одеяло. И немедленно чувствую исходящее от тела Молли тепло. Мне это нравится. Я придвигаюсь к ней поближе, потому что лучше сплю, когда прикасаюсь к ней какой-нибудь частью тела. Молли ворочается. Потом прижимается ко мне, и я словно растворяюсь в ней.

Сколько глупостей я натворил в жизни, сколько совершил ошибок и наворотил дел — и тем не менее умудрился чем-то заслужить эту женщину. Это никогда не перестает меня изумлять.

Молли — моя душа и моя жизнь, и да, думая о ней, я начинаю говорить штампами, открыточными фразами и стихами из песен. Но такова уж моя жена. Она не просто делает лучше мою жизнь, она мгновенно озаряет любое помещение, в котором появляется. Молли любит, как дышит.

Это в ее природе. То, что из всех мужчин она выбрала меня, я считаю определяющим моментом моей жизни, логическим обоснованием, опорой, путеводным маяком: как я могу быть плохим, если такая женщина выбрала меня своим спутником жизни?

Я предполагаю, что уснуть сегодня мне не удастся. И ошибаюсь. Я мгновенно вырубаюсь и сплю как убитый. Когда в семь утра звонит телефон, я подскакиваю в постели. Рядом со мной никого нет.

На телефоне у меня включен бесшумный режим для всех, кроме небольшого перечня исключений. В нем всего шесть человек, включая Молли, моего отца, моего брата, Марти и теперешнего звонящего, Артура из адвокатского бюро «Белая кость». Я не удивлен.

— Что ты хочешь услышать сперва? — говорит Артур без предисловий. — Новость, более важную для меня, или новость, более важную для тебя?

— Выбирай сам.

— Тогда давай начнем с меня, хорошо?

Я почти уверен, что знаю, о чем пойдет речь.

— Валяй.

— Сегодня в одиннадцать утра Пейтон Бут и, что более важно, наша клиентка, его очаровательная,

хотя и мстительная жена Кортни, встретятся в самой комфортабельной нашей переговорной на сорок седьмом этаже, чтобы обсудить условия своего развода. Тебе это прекрасно известно.

Ну да, я не ошибся.

— Да, известно.

— А вчера ты сделал фотографии, которые дадут ей возможность расторгнуть брачный договор.

— Сделал.

— Почему тогда они до сих пор не у меня?

Я перекладываю трубку в другую руку.

— Они у тебя будут.

— Почему такая задержка?

— Я их проявляю.

— Проявляешь? — переспрашивает Артур. — Напомни-ка мне, какой у нас нынче год на дворе? Одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмой? Ты собрался принести видео на «Бетамаксе»?

— «Бетамакс», — говорю я. — Смешно.

— Да нет, не очень.

— Большинство людей упомянули бы DVD или VCR. Но «Бетамакс» куда смешнее.

— Кирс.

— Не волнуйся, Артур. Я сегодня их привезу. Честное слово.

— Мне это не нравится.

— Я в этом и не сомневался, — говорю я и пытаюсь перевести разговор на другую тему: — Так что там со второй новостью?

— Она тебе не понравится.

Внезапная перемена в его тоне мне тоже не нравится. В дверях появляется Молли. Она с улыбкой вскидывает в руке чашку с кофе, как будто спрашивает, хочу я кофе или нет. Вопрос, надо полагать, риторический, потому что кофе я хочу всегда.

— Что случилось, Артур?

— Помнишь, как ты переживал, когда Джудит и Каролина Беркетт вышли под залог?

Омерзительная власть денег.

— Помню, — говорю я.

— Это еще хуже.

— Не томи, Артур.

— Мне только что сообщили. Сегодня утром Грейсона выпускают из тюрьмы.

У меня внутри все обрывается. От Молли не укрывается мое выражение. Грейсон — это Тед Грейсон, человек, который отбывает, вернее, правильнее, наверное, уже будет сказать «отбывал» пожизненный срок за убийство полицейского офицера Николь Бретт.

На момент ее убийства мы с Николь были об-

ручены.

— Он… — Я с трудом могу заставить себя произнести это вслух. — Он выходит на свободу?

— Да, вчера вечером судья вынес постановление об освобождении его из-под стражи.

Молли явно встревожена. Того, что она слышала, вполне достаточно, чтобы понять, что говорит мне Артур. Мы знали, что такая возможность существует, и я пытался морально подготовиться к этому. После того как меня уволили из полиции за служебное несоответствие, адвокаты и активисты принялись перетряхивать мои старые дела, ища или высасывая из пальца «ошибки», чтобы доказать, что я, по выражению из той статейки, «опасный и непредсказуемый», а также, надо полагать, «коррумпированный». Пока что на свободу вышли три человека, которые отбывали тюремные сроки, — три человека, *виновные* в преступлениях, что бы там суд ни говорил сейчас. Но хуже всего то, что адвокатская группа под названием «Инициатива за равный доступ к правосудию» пытается оспорить казавшийся железобетонным приговор Теду Грейсону, в особенности когда выяснилось, что я принимал участие в расследовании убийства собственной невесты. Адвокаты, работавшие на группу на

благотворительной основе, потребовали, чтобы все улики, добытые полицией, даже в том случае, когда лично я не имел к ним никакого отношения, были признаны полученными незаконным путем и изъяты из материалов дела.

Я сглатываю.

— И когда Грейсона выпустят?

— В восемь.

— Постой. — Я не верю собственным ушам. — Сегодня в восемь утра?

— Угу.

Я бросаю взгляд на часы на прикроватной тумбочке. На них почти семь. Я свешиваю ноги с кровати.

— Не езди туда, Кирс, — говорит мне Артур.

— Ладно.

— Врешь ведь, да?

— Разве что самую малость, — отвечаю я, прежде чем повесить трубку.

Молли подходит ко мне:

— Ты как?

Я сижу на краю кровати.

— Нормально.

— Хочешь поехать туда, чтобы посмотреть, как он выйдет из тюрьмы?

— Я должен.

— И какую пользу тебе это принесет?

— Ровным счетом никакой, — отзываюсь я.

Молли опускается рядом и берет меня за руку. Некоторое время мы сидим молча, не шевелясь. Потом она спрашивает:

— Это имеет какое-то отношение к тому, куда ты ездил вчера вечером?

— Нет, — качаю головой я. — Никакого.

Она смотрит прямо перед собой.

— Я понимаю, что это прозвучит безумно, — продолжаю я, — но события вчерашнего вечера связаны с тем, что со мной случилось во время моего путешествия по Европе после окончания колледжа.

Молли с недоверчивым видом смотрит на меня.

— Ты после колледжа отправился путешествовать по Европе?

— Совсем ненадолго.

— Дикарем?

— Да. С несколькими товарищами. Во время поездки кое-что произошло. Это никак не связано с нашими с тобой отношениями, честное слово, и я хочу все тебе рассказать.

— Но не сейчас.

— Мне нужно быть там в восемь. Я должен

посмотреть ему в глаза.

— Иди одевайся, — говорит Молли. — Я могу подождать.

Глава 5

Тед Грейсон выходит из ворот тюрьмы.

Небо серое. Здание серое. Асфальт под ногами у меня серый. Мне не хочется говорить, что на душе у меня тоже серым-серо, но что нам остается, верно? Я успеваю насчитать три фургона с телеаппаратурой и еще человек десять журналистов, стоящих перед воротами тюрьмы. Его выход на свободу — история громкая, но не сенсация. Несколько лет назад, может, и была бы, но теперь стать сенсацией не способно вообще ничто. Мы читаем о чем-то ужасном, испытываем гнев, потом происходит какая-нибудь новая жуть, и мы переключаемся на нее. Жизненные циклы новостей, как и вообще всего происходящего в мире, становятся все короче, и они предаются забвению все быстрее и быстрее. Впрочем, я, кажется, слишком углубился в философию.

Я наблюдаю из-за дерева. Не хочу, чтобы меня заметили, но, если это все же произойдет, я не очень расстроюсь. Выглядит Тед Грейсон ужасно, злорадно отмечаю я. В последний раз я его видел, когда его в наручниках выводили из зала суда

после того, как признали виновным, так что, возможно, он кажется мне так резко постаревшим из-за двадцати лет в тюрьме, но, думаю, дело не только в этом. Я тоже постарел. Мы все постарели. Но Теда с трудом можно узнать. От иссиня-черной гривы его густых, как у Супермена, волос осталось несколько чахлых прядей, которые тщательно распределены по черепу, но все равно не в силах скрыть плешь. Щеки ввалились. Цвет лица — и он тоже! — серый. Передвигается Грейсон шаркающей походкой, как старик, хотя ему всего сорок восемь.

Он отсидел два с лишним десятка лет в тюрьме за убийство сотрудника полиции. Может, в глазах сокамерников это и сделало Грейсона героем, но я не сомневаюсь: тюремщики позаботились о том, чтобы время за решеткой для него тянулось как можно медленнее и мучительнее. Моя ненависть по-прежнему яростна и горяча, однако я покривил бы душой, если бы сказал, что вид совершенно сломленного Теда Грейсона не смягчил слегка мои чувства.

Женщина в деловом костюме — его главный адвокат, надо полагать, — раскрывает объятия, и Тед падает в них. Она обнимает его. Грейсон утыкается лицом ей в плечо. Может, даже плачет,

не могу утверждать наверняка. Женщина похлопывает его по спине и что-то нашептывает на ухо. Грейсон кивает, по-прежнему уткнувшись ей в плечо.

— Я так и знал, что ты будешь здесь, — раздается голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и задираю голову. Марти. Он был моим напарником, когда меня уволили из полиции. Марти молодой, наивный и очень высокий. Он слишком красив, чтобы быть располагающим — Молли говорит, что он прямо как «модель из рекламы нижнего белья, только красивее», — и однако же при всем своем раздражающем щенячьем энтузиазме он просто очаровательный дуралей. Марти невозможно не любить, даже когда очень хочется его пнуть.

— Догадаться, что я могу появиться на освобождении человека, который убил мою невесту… — говорю я. — Малыш, я горжусь, что был твоим наставником.

— Это же сарказм, верно? Никогда не могу понять, серьезно ты или нет.

— Да где уж тебе.

— Кирс.

— Что, Марти?

— Ты используешь вербальный сарказм в ка-

честве защитного механизма, чтобы скрыть свои истинные эмоции.

Я молча вскидываю на него глаза. Проходит несколько секунд.

— Я поставил себе на телефон приложение для расширения словарного запаса, — поясняет Марти. — Во вторник было слово «вербальный».

— Рад, что тебе представилась возможность использовать его в реальной жизни, — говорю я. Потом спрашиваю: — А ты-то зачем сюда приехал?

— Во-первых, чтобы не дать тебе сделать какую-нибудь глупость. Ну, например, не знаю, заявиться сюда.

— А во-вторых?

Журналисты установили импровизированный подиум и обступили его со своими микрофонами. Женщина в деловом костюме направляется к нему. Ее сопровождают двое — судя по их виду, коллеги мужского пола.

— Вчера вечером ты сбросил мне метку, — говорит Марти. — С координатами. И хотел, чтобы я выяснил, кто там живет.

— Сегодня, — произносит женщина в микрофон, — была исправлена одна чудовищная несправедливость.

Женщина представляется Келли Ноймайер и принимается вещать о необходимости прикладывать усилия к тому, чтобы менять мир к лучшему и бороться с несправедливостью, и о том, как некомпетентность полицейских приводит к тому, что настоящие убийцы гуляют на свободе, в то время как невинные люди сидят в тюрьме, но повторять все это в очередной раз нет нужды. Я понимаю необходимость организаций вроде проекта «Невиновность» и «Инициативы за равный доступ к правосудию». Я отдаю себе отчет в том, что некоторые из моих бывших коллег были насквозь коррумпированы, а начальство их покрывало, и во всем таком прочем, хотя и пришел к выводу, что большая часть махинаций с уликами объясняется банальной ленью и желанием сэкономить усилия, а вовсе не попытками воспрепятствовать правосудию. Ну и отчасти гордыней — ты знаешь, кто это сделал, и все, что тебе нужно, это самую малость смухлевать, чтобы доказать факты правонарушений, так что почему бы немножко не поиграть в Господа Бога?

Да, я знаю, что это неправильно.

Но я также знаю, что Тед Грейсон убил Николь, что взяли его за дело и что приговор был совершенно справедливым, если отбросить в сторону

не относящиеся к делу нарекания в отношении меня. Вкратце их логику можно изложить следующим образом: я, Сами Кирс, разок-другой нарушил правила, следовательно, каждое второе дело, в расследовании которого я принимал участие, нужно пересмотреть.

Чтобы уж расставить все точки над «и»: я никогда не нарушал правил из соображений личной выгоды, корысти или даже с целью ускорить вынесение приговора.

Интересно было бы узнать, что на самом деле думают эта Ноймайер и ее мальчики на подпевках. Действительно ли они считают, что Тед Грейсон невиновен, или все это ради какой-то высшей цели? Они же видели доказательства. Да, им удалось воспользоваться моим поражением, чтобы вытащить его из тюрьмы. Но они ведь знают, что он это сделал.

Вопрос в том, что теперь с этим могу сделать я?

— Мистер Грейсон стал жертвой вопиющей несправедливости и пережил немыслимые мытарства. Он хотел бы сделать короткое заявление.

Келли Ноймайер отступает в сторону, освобождая место Теду. На улице становится очень тихо. Марти придвигается ко мне поближе, как будто

опасается, что я могу на него броситься. Я этого не делаю. Я чувствую себя совершенно потерянным; от Меня-Импульсивного не осталось и следа. Вряд ли я смог бы сдвинуться с места, даже если бы захотел. В голове мелькает дикая, чудовищная мысль. Она настолько ужасающая и эгоистичная, что мне страшно облечь ее в слова, но я не в силах удержаться: а ведь если бы Тед Грейсон не убил тогда Николь, мой сын Генри никогда не появился бы на свет. Эту мысль нельзя назвать какой-то особенно глубокой. Она не приносит утешения и ничего не изменяет. Если задуматься, она до абсурда тривиальна.

Пока-пока, Я-Импульсивный. Здравствуй, Я-Тривиальный.

Тед откашливается, глядя себе под ноги. Потом моргает и снова кажется совсем старым и сломленным.

— Я хочу поблагодарить всех, благодаря кому это стало возможным, — произносит он, как будто это Оскаровская церемония.

Он принимается перечислять. Адвокаты дружно кивают и улыбаются, не размыкая губ, когда слышат свои имена. Покончив с изъявлениями благодарности, Грейсон умолкает, снова опускает голову, поднимает ее, как будто старательно

собирается с силами. Теперь я вижу, что все заранее отрепетировано. А вот журналисты, судя по всему, не видят.

— С того самого дня, когда меня арестовали, — начинает он, — я настаивал на своей невиновности. Мне предлагали смягчить приговор, если я признаю вину. Но я не стал этого делать.

Вранье, но кого это волнует.

— И позднее, уже в тюрьме, мне предлагали различные привилегии, если я признаю вину. Но я не дрогнул — ни разу за двадцать лет. Я готов повторять снова и снова. Я не убивал Николь Бретт. Знаю, большинство из вас мне не верит. Я признаю, что вел себя как одержимый. Признаю, что совершал поступки, которыми не горжусь. Да, я посылал ей эти ужасные сообщения. Но я ее не убивал.

«Эти ужасные сообщения» представляли собой все более и более серьезные угрозы, последней из которых была: «Я всажу пулю тебе в башку». Именно это и произошло. Николь не рассказывала мне о сообщениях. Тед Грейсон был ошибкой, твердила она. Он всего лишь бывший, навязчивый, но безобидный. Она со всем разберется. Когда я заметил, что Грейсон постоянно отирается где-то поблизости, и хотел поговорить с ним

по-мужски — ну да, вы правильно подумали, сделать из него отбивную, — Николь отругала меня за сексизм. Я что, считаю, что она не в состоянии сама за себя постоять? Что ей нужен мужчина, который защитил бы ее?

И мы перестали о нем говорить.

— Вы возлагаете вину за это на полицию? — выкрикивает репортер. — Или на судебную систему?

Знаете, что делает Тед? Он опускает голову, потом снова поднимает ее. Он же просто марионетка. Я с интересом жду, как он ответит на этот вопрос. Наконец он произносит:

— Я много об этом думал. — Он растягивает губы в улыбке. — Когда проводишь двадцать три часа в сутки в камере, у тебя образуется уйма времени на размышления. Я рассматривал вопрос со всех возможных сторон. Смотрел на него сквозь призму собственных эмоций и сквозь призму эмоций окружающих. Это было время сильнейших душевных терзаний, которые, однако, позволили мне дать на этот вопрос выстраданный ответ.

Я поднимаюсь на цыпочки, чтобы дотянуться до уха Марти. Он наклоняется ко мне.

— Производит впечатление тщательно отрепетированного текста? — шепчу я.

— Справедливости ради, он наверняка ожидал этого вопроса. И как он сказал, у него была уйма времени обдумать ответ.

Я хмурюсь.

— В общем, я не знаю точно, и, хотя мои адвокаты наверняка скажут, что действия властей были злонамеренными, я думаю, они искренне верили в то, что я убийца. Мне говорили, что это чересчур великодушный ответ.

Я готов засунуть два пальца себе в горло, чтобы продемонстрировать, как сильно меня тянет блевать от сказочки, которую на голубом глазу рассказывает этот лживый подонок.

— И это отнюдь не оправдывает их действий. Но значение имеет только то, что я не убивал Николь. А значит, тот, кто это сделал, до сих пор разгуливает на свободе.

— Вы не собираетесь поклясться, что найдете убийцу? — кричит другой репортер.

— Как О Джей Симпсон? — добавляет еще один.

Из толпы слышатся смешки. Мне это нравится. А вот Теду определенно нет. Он открывает рот, как будто хочет что-то сказать, но Ноймайер кладет руку ему на спину и, выйдя вперед, заявляет, что ни на какие вопросы ее подзащитный

отвечать больше не будет. И ведет его к машине. Грейсон плюхается на заднее сиденье. Она усаживается рядом с ним. Они уезжают.

На этом все заканчивается.

А я остаюсь стоять рядом с Марти.

Новостники разбирают свои микрофоны. Я не шевелюсь. Просто молча стою на месте. Марти меня не трогает. Я провожаю отъезжающие фургоны взглядом.

— Ты хотел что-то сказать про метку с координатами, которую я сбросил тебе вчера.

— Да.

— Так что там с ней?

— Ты был в Коннектикуте.

Я поворачиваюсь и снова смотрю на Марти снизу вверх:

— Не могу выразить, как я горжусь тем, что был твоим наставником.

— Ты и юмор тоже используешь в качестве защитного механизма.

— Я предпочел бы огнестрельное оружие.

— Снова юмор.

— Я в курсе, что я был в Коннектикуте, Марти. Разумеется, я в курсе. Мне казалось, из моего сообщения это ясно, но на всякий случай: я поставил эту метку на территории чьего-то поместья. Мне

хотелось бы знать чьего.

— Полагаю, ты также отдаешь себе отчет в том, что находился в очень дорогом и престижном районе.

— Разумеется.

— На частной территории.

— Угу.

— Я проверил несколько спутниковых карт. На всех аэрофотосъемка в этом месте заблюрена.

— Я в курсе, — говорю я снова.

— Кроме того, ты прислал мне метку поздно вечером.

— Марти?

— Что?

— Зачем ты говоришь мне то, что я знаю и без тебя?

— Какого черта ты там делал, Кирс?

Я ничего не отвечаю. У ворот тюрьмы никого не осталось. Я все еще смотрю на то место, где только что стоял Тед Грейсон. Он на свободе. Человек, который убил Николь, на свободе. Адвокаты небось повезли его обедать. В какой-нибудь пафосный ресторан. Праздновать освобождение человека, который превратил прекрасное лицо Николь в кровавое месиво.

Молчание не конек Марти. Я это знаю. Он бол-

тун. Ему удается продержаться еще несколько секунд, потом он вздыхает:

— Поместье оформлено на какую-то компанию.

— Название удалось выяснить? — спрашиваю я.

— Пока нет.

Я не удивлен. Кто-то изо всех сил старается скрыть поместье от публики. Почему? И что там делает Анна, женщина, которая, как я считал, двадцать с лишним лет тому назад была убита в моем присутствии и, возможно, моей рукой?

— Я пытался пробить хозяев по разным каналам, но так ничего и не выяснил. Пока. Ты же сам понимаешь. Ты сбросил мне метку вчера поздно вечером. Большинство контор сейчас еще только открываются. Попробую позвонить еще кое-кому.

— Спасибо тебе, — говорю я.

Он задает тот же самый вопрос, который задала мне Молли.

— Это имеет какое-то отношение к… — Марти кивает в сторону тюремных ворот.

— Нет, — говорю я.

Потом склоняю голову набок.

— Что? — спрашивает он.

Я познакомился с Анной в Испании двадцать с лишним лет тому назад. Пять лет спустя я был обручен с Николь, и ее убил Тед Грейсон. Я никогда не связывал два эти факта между собой. Да и почему бы мне могло прийти такое в голову? Между ними не было ничего общего. Единственным связующим звеном был, ну, в общем, я. А я определенно не вижу никакой связи между вчерашним появлением Анны — лучше продолжать называть ее Анной или вернуться обратно к Псевдо-Анне, я уже вообще ничего не понимаю, ладно, пусть будет просто Анна, — у меня на занятии и сегодняшним выходом Теда Грейсона на свободу. Ну вот просто никакой. За исключением одной вещи.

Одно произошло сразу же после другого.

Совпадения случаются чаще, чем мы себе представляем. Меня эта тема одно время очень интересовала. Фатализм, теория синхроничности Юнга-Паули, вероятности, шансы, апофения[3] — но я больше склоняюсь к теории хаоса. Совпадения случаются. Но совпадения подразумевают случайный характер двух событий, отсутствие какой бы то ни было связи между ними, даже

[3] Примечания: 3

Апофения — склонность видеть структуру или взаимосвязи в случайных или бессмысленных фактах.

причинной.

Между нынешними совпадениями связь все же есть. Это ваш покорный слуга.

Так что, хотя мне так и не кажется — определение *совпадения* звучит как примечательное совмещение событий или обстоятельств, которые не имеют никакой *очевидной* причинно-следственной связи между собой, — не может ли внезапное появление в моей жизни одновременно Анны и Теда Грейсона быть каким-то образом взаимосвязано? Или все это проявления моего собственного нарциссизма, метафизического солипсизма, или, если по-простому, эгоцентризма, то есть убеждения, что мир вращается вокруг меня?

Голова у меня уже начинает пухнуть.

В кармане вибрирует телефон. Сообщение от Артура.

ГДЕ ФОТОГРАФИИ???

Я смотрю на часы — старенькие «Касио», которые я нашел на сиденье в автобусе. Сюда я приехал на автобусе от Джей-стрит, но обратного рейса ждать еще целых сорок пять минут.

— Послушай, ты на машине? — спрашиваю я Марти.

— Угу.
— Можешь подбросить меня в центр?

Глава 6

Марти пытается меня разговорить, но у него не очень получается. Он терпеть не может молчание и заполняет его всякой душеспасительной белибердой и рассказами о своем новом режиме тренировок. В настоящий момент он поет дифирамбы — да, игра слов тут так и задумывалась — чему-то, называемому «Круговое караоке», и да, это именно то, что вы себе представляете.

— Угадай, какая моя любимая песня для заминки? — спрашивает он.

— «Если я умру молодым»?[4]

— А вот и нет! — отвечает Марти все с тем же щенячьим воодушевлением. — «Дюран-Дюран», «Сбереги молитву».

Он смотрит на меня в ожидании реакции. Когда мы познакомились, у меня в машине играли «Дюран-Дюран». Он до того никогда не слышал о такой группе.

Мы едем по Парк-авеню.

— Так, ладно, — говорю я. — Можешь высадить меня вон там, на углу.

---

[4] Примечания: 4

«If I Die Young» — название песни группы «Бэнд Перри».

Адвокатское бюро «Белая кость» находится на перекрестке Парк-авеню и Сорок седьмой улицы, неподалеку от Метлайф-билдинг и на противоположной стороне улицы от Лок-Хорн-билдинг. Я выхожу из машины за пятнадцать минут до начала предразводных переговоров Пейтона Бута.

Я в полной боевой готовности.

Как и почти все ньюйоркцы, я хожу с рюкзаком. В нем у меня форменные бейсболки с логотипами различных курьерских служб: «Прайм», «Ю-Пи-Эс», «Ди-Эйч-Эл», «Федекс». А также «Кон Эд», «Верайзон», «Спринт», «Спектрум». Носить с собой униформу всех этих компаний я, разумеется, не могу, зато могу (и ношу) неоново-зеленый светоотражающий жилет с надписью «Служба безопасности» на спине. Он творит чудеса. Кроме того, у меня имеется несколько фальшивых удостоверений/пропусков, которые можно вставить в прозрачную пластиковую рамку для бейджика. Вы поразитесь, насколько просто проникнуть практически в любое нужное вам место при помощи этого нехитрого реквизита. Впрочем, сейчас совсем уж изощряться и не требуется.

Я уже облачился в кепку с логотипом «Федекса» и светоотражающий жилет и теперь, зажав в руке конверт, жду на углу. Я надеюсь, что не

опоздал, но Артур продолжает настойчиво мне названивать, что дает надежду. Ко входу в здание подъезжает черный внедорожник. Из него с уверенным видом выходит Пейтон Бут в светло-сером костюме без галстука. Его тщательно отутюженная сорочка слепит белизной, лицо покрывает фальшивый загар. Не знаю, от какого бренда у него туфли, я слишком далеко, чтобы их разглядеть, но от них за милю пахнет дороговизной.

Я бросаюсь к Пейтону с конвертом в руке. Следом за ним из машины выходят еще двое мужчин в костюмах. Оба при галстуках, из чего я извлекаю вывод, что это его адвокаты. Что делает ситуацию для Пейтона еще щекотливее, впрочем все зависит от того, как он себя поведет.

— Курьерская доставка для Пейтона Бута, — говорю я, протягивая конверт.

Один из адвокатов, здоровенный верзила, заступает мне дорогу и выпячивает грудь. Знаю я таких выпендрежников. Я маленького роста, с ярко выраженной пакистанской внешностью. Легкая мишень, думает он. Но я всегда наготове. И представляю, как — если в том возникнет нужда — мое колено воткнется ему в пах.

Преимущество в росте ничем ему не поможет.

— Это что, повестка? — спрашивает верзила.

Я указываю на свою бейсболку с логотипом «Федекса»:

— Тут что, написано «Служба доставки повесток»?

— О, приставы кем только не притворяются.

— Подобная практика кажется мне неэтичной, — заявляю я, не моргнув глазом. — Но нет, я не пристав. Мне поручено передать это мистеру Пейтону Буту в собственные руки. Строго конфиденциально.

Верзиле это явно не нравится, но я обхожу его, пока он не начал задавать мне еще какие-нибудь вопросы, сую конверт Пейтону Буту, пытаюсь — безуспешно — поймать его взгляд и спешу прочь. Очутившись за углом, на Сорок восьмой улице, стаскиваю бейсболку и жилет и терпеливо жду. Наблюдаю. Пейтон Бут с адвокатами входят в здание. Я некоторое время выжидаю, прежде чем последовать за ними. Мне нужно, чтобы они успели добраться до «Белой кости» раньше меня, но ненамного.

Когда они получают пропуска и исчезают в конце коридора, я начинаю действовать. Показываю свое настоящее удостоверение женщине на посту охраны на входе в здание с Сорок восьмой улицы

и получаю пропуск на десятый этаж.

Когда двери лифта открываются, я вижу Артура — он уже меня ждет.

— Какого рожна, Кирс? Наш клиент уже в переговорной.

Артур — неожиданный персонаж. Высокий и долговязый, в свои двадцать четыре года он уже партнер в адвокатском бюро. Вы спросите, как это ему удалось в столь молодом возрасте? Да просто он гений. Юридическую школу Артур окончил в шестнадцать. Он носит длинные волосы, костюмы-тройки, карманные часы и серьги из перьев в ушах.

За спиной у него маячат два адвоката Пейтона Бута. Самого Пейтона нигде не видно.

Это хорошо.

— Медиативная сессия, — продолжает Артур, — начинается через пять минут. Мне нужно…

— Вот, держи.

Я протягиваю ему второй конверт, который был у меня в рюкзаке. Тот, что я передал Пейтону Буту, был не запечатан, чтобы он мог быстро его открыть. Этот же, напротив, мало того что тщательно заклеен, так еще и снабжен длинными завязками, которые нужно разматывать.

Артур, хмурясь, принимается теребить завяз-

ки.

— Ты серьезно?

— Так, мне надо отлить, — сообщаю я и бросаюсь по коридору в направлении туалета.

В здешнем туалете я бывал, наверное, раз пять и ни разу не заставал там кого-то еще. Я очень надеюсь, что удача меня не подведет, но, если нет, могу подождать.

Пейтон Бут там. Один. Удача, если можно ее так назвать, не подводит.

— Вы кто? — спрашивает он.

Я запираю за собой дверь. Если кому-то приспичит в туалет, придется им поискать другой.

— Это не имеет никакого значения, — говорю я.

Лицо Пейтона Бута делается белее его отутюженной сорочки.

— И что это такое? Попытка вытрясти из меня деньги?

Если что-то здесь и трясется, то это его руки. В них он сжимает конверт. Фотографии, на которых он запечатлен с другим мужчиной, те самые, что я сделал на парковке возле стрип-клуба, убраны в конверт, как будто он не хочет больше их видеть.

— Меня нанял адвокат вашей жены, чтобы

установить, соблюдали ли вы пункт о супружеской верности, включенный в брачный контракт, который вы с вашей женой подписали перед свадьбой. — Я указываю на конверт в его руке. — Тут доказательства того, что не соблюдали.

— Сколько?

— Прошу прощения?

— За ваше молчание. Сколько вы за него хотите?

Теперь мне становится по-настоящему любопытно.

— А сколько вы готовы за него дать?

Бут вскидывает подбородок, мгновенно вновь превратившись в делового человека, у которого все под контролем. Теперь это сделка, коррупционная, что возвращает его обратно на знакомую почву.

— Назовите сумму.

Угу, мастер переговоров. Ну, или он так считает. Правило номер один: никогда не называй сумму первым. Предоставь твоему визави сделать первый ход. Эту простую истину можно почерпнуть в любой книге по переговорам. Или в сериале «Звезды ломбарда». Рик и Кори всегда спрашивают: «Сколько вы за это хотите?», прежде чем заключить любую сделку.

— Сколько вы за это хотите? — делаю пробный заход я.

— Давайте сначала вы.

— Ладно, проехали, — говорю я. — Я не могу придумать цену, так что давайте просто забудем об этом.

С этими словами я делаю шаг к двери.

— Сто тысяч, — говорит он.

Ух ты. И это только стартовая цена. Не исключено, что я мог бы получить намного больше. Это разом поменяло бы всю мою жизнь. Я выбрался бы из долгов. Перевез бы Молли с Генри в квартиру получше. Может, даже нанял бы в помощь няню, чтобы Молли могла вернуться к работе. Меня очень подмывает потребовать миллион, но я и так уже слишком увлекся.

— Вот как мы поступим, Пейтон, — говорю я. — Вы сейчас пойдете на свою встречу. Там вы согласитесь аннулировать брачный контракт, после чего договоритесь с вашей будущей бывшей женой об условиях расторжения брака, которые будут приемлемыми для обоих.

Он ждет продолжения. Еще один переговорщицкий прием. Я не клюю на наживку.

— А потом?

— Это все. Меня наняли, чтобы установить,

нарушали ли вы пункт вашего брачного договора, касающийся супружеской верности. Вы его нарушали. Миссия выполнена.

— А что будет с этими… с этим?..

Бут не может произнести эти слова вслух, поэтому просто взмахивает конвертом в воздухе. Взгляд его прикован ко мне, как будто он боится случайно взглянуть на содержимое конверта. Чтобы расставить все точки над «и»: в конверте три самых четких снимка, на которых Бут запечатлен с тем мужчиной. А еще записка, в которой я прошу его встретиться со мной здесь и никому ничего не говорить. На всякий случай я написал на конверте: «Взгляните на содержимое незамедлительно, но не показывайте его никому другому». Судя по всему, Бут меня послушался.

— Я их уничтожу, — говорю я.

— Вот так вот?

— Вот так вот.

— А какие у меня будут гарантии, что вы не сохраните у себя копии?

— Никаких. Хотя, пожалуй… Я планировал все уничтожить, но ваши вопросы меня пугают, Пейтон. Так что я приложу копии к моему завещанию. На случай, если со мной что-нибудь случится.

— А вдруг с вами что-нибудь случится, а я не буду иметь к этому никакого отношения?

— Слишком поздно, — говорю я. — Следовало подумать об этом до того, как прибегнуть к завуалированным угрозам.

— Не понимаю, о чем вы.

— Послушайте, у нас нет времени на разговоры, — говорю я. — Если мы не вернемся в ближайшее время, кто-нибудь решит, что у вас случился чудовищный запор, способный свалить с ног мула. Проще говоря, я не расстроюсь, если правда о том, что вы, вопреки условиям брачного договора, изменили своей законной супруге, выплывет наружу из-за снимков. Это моя работа. Это те условия, на которые вы согласились, когда заключали договор с вашей женой. А вот если выплывут необязательные подробности, я расстроюсь. Нет, я готов сделать это, если понадобится, — чтобы доказать, что вы нарушили условия брачного договора. Но с моральной точки зрения ситуация, конечно, будет зыбкая, так что я предпочел бы остаться на твердой почве. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Это шантаж, — говорит он. — Вы тут отнюдь не положительный герой.

Я некоторое время обдумываю его слова.

— Ну, вообще-то, вполне себе положительный. — Я поворачиваюсь к двери и открываю защелку. — Как бы то ни было, увидимся с вами снаружи.

Медиативная сессия не занимает много времени.

Она проходит в переговорной с большой стеклянной стеной, так что я имею возможность наблюдать за всем из коридора. Слов мне, разумеется, не слышно, но я просто поражаюсь, насколько часто в переговорных помещениях делают стеклянные стены — что, на мой взгляд, не только является вопиющим нарушением приватности, но и мешает участникам сосредоточиться. В переговорной находятся шесть человек. Муж Пейтон и жена Кортни сидят друг напротив друга. По бокам от обоих сидят их адвокаты. Язык тела говорит мне все, что я хочу знать. Пейтон сдается без боя. Это становится для его жены неожиданностью. Пораженная, Кортни Бут поворачивается к Артуру. Победа явно не приносит ей никакой радости. Адвокаты обмениваются рукопожатиями. Муж с женой не смотрят друг другу в глаза.

Команда Пейтона покидает переговорку первыми и в спешке. Артур выходит следом. Он весь сияет и показывает мне большой палец. За ним

идет Кортни Бут. Вид у нее взвинченный.

— Спасибо, — говорит мне Артур.

Я киваю, готовый уйти, но у Кортни Бут другие планы.

— Что это было?! — возмущается она.

— Победа, — отвечает Артур. — Ваш муж согласился разорвать брачный контракт.

— Ага, как же. По доброте душевной?

— Это бракоразводный процесс, — говорит Артур. — Тут никто и ничего не делает по доброте душевной.

— Мне это не нравится, — говорит она.

— Это хороший результат, Кортни. Очень, очень хороший.

Она оборачивается ко мне:

— Это вы сделали те фотографии?

— Угу.

— Он трахал Бритни Гриффин?

Я молчу.

Кортни снова переводит взгляд на Артура:

— Разве мы нанимали частного детектива не для того, чтобы получить фотографии?

— Мы наняли его для того, чтобы расторгнуть брачный контракт. Миссия выполнена.

— Значит, эта потаскуха Бритни выйдет сухой из воды? Нет уж. Я хочу, чтобы эта тварь за все

заплатила. Она была моей соседкой. И моей подругой. А потом она…

И тут я делаю ошибку. Я говорю:

— Это была не Бритни Гриффин.

Такого она не ожидала.

— Не Бритни?

Сказал «а», говори и «б».

— Нет.

— А кто же тогда?

— Я не знаю имени.

Она подходит ко мне ближе. Кортни Бут очень привлекательная женщина, к тому же намного выше меня ростом — фигуристая, модельной внешности, и, должен признаться, пахнет от нее восхитительно.

— Почему мне не показали фотографии?

Я смотрю на Артура.

— Это не имеет никакого значения, Кортни, — отвечает тот.

— Не надо говорить мне, что имеет значение, а что нет, Артур. Вы же работаете на меня, верно?

— Верно.

Кортни сверлит меня взглядом:

— Я хочу видеть фотографии. Все, какие есть.

— Их там много, — говорю я. — Целая куча.

— Мне плевать.

Я киваю.

— Ладно, — говорю я. — Могу отправить их вам по электронной почте.

— Будьте так любезны.

Бросив на меня напоследок взгляд, которому она, по всей видимости, научилась в школе для третьеразрядных актрис, Кортни разворачивается и удаляется по коридору прочь. Артур подходит ко мне ближе. Мы дожидаемся, пока она не оказывается в лифте.

— Ты ездил посмотреть, как будут выпускать Теда Грейсона?

— Ездил.

Мы оба некоторое время молчим.

— Главный адвокат, который занимался отменой приговора, — говорит наконец Артур. — Она работает здесь. Ее зовут Келли Ноймайер.

Перед глазами у меня возникает женщина у микрофона.

— Я в курсе.

— Она занималась этим делом на благотворительных началах.

— Я в курсе.

— Келли — хороший адвокат, Кирс. Этичный. И принципиальный. Она мне нравится.

Мне плевать, но я этого не говорю. Я не виню

адвокатшу. Не виню систему. Я виню главным образом себя самого, но сейчас не это главное.

— Приговор не был обжалован, — говорю я.

— Верно, — кивает Артур. — Он был аннулирован на технических основаниях.

— Значит, прокуратура может инициировать судебный процесс заново.

— Может, — говорит Артур, очень аккуратно подбирая слова. — Но…

Я знаю. И он знает. Они не станут этого делать. Теперь улик уже недостаточно. Его невозможно будет осудить повторно, и у прокуратуры не хватит духа этим заниматься. Это будет для всех неудобным и неприятным напоминанием. Я все прекрасно понимаю. Всем на все наплевать.

Артур угадывает мои мысли:

— Ты не сможешь ничего сделать, Кирс. Все, что ты найдешь, любые улики, которые ты накопаешь, не будут приобщены к делу.

Я киваю:

— Я, пожалуй, пойду.

— Ты ничего не забыл?

Я жду.

— Электронная почта Кортни Бут, — говорит Артур. — Разве она тебе не нужна?

— Нет.

— Ты не собираешься отправлять ей снимки?

— Я не собираюсь отправлять ей снимки.

— Она будет недовольна.

— Я это понимаю.

— Она, скорее всего, по закону имеет право их требовать.

— Это же ты у нас дипломированный юрист, тебе виднее.

— Результат деятельности по ее делу. Она может подать против тебя иск.

Я пожимаю плечами и иду к лифту.

— Иском больше, иском меньше.

Глава 7

По дороге в Коннектикут я заезжаю за Дебби. Она мечтает на денек вырваться из города, и я решаю воспользоваться ее помощью. Мы вводим в навигатор вчерашние координаты роскошного поместья Псевдо-Анны. Никакого особого плана у меня нет. Можно, конечно, попробовать проникнуть на территорию под видом какого-нибудь доставщика, но, боюсь, едва ли стоит рассчитывать на успех. Наверняка все доставки принимает охранник на въезде. Можно припарковаться где-нибудь неподалеку от ворот, подождать, пока не выедет какая-нибудь машина, и сесть ей на хвост, но местная полиция наверняка обратит внимание на старую, рассыпающуюся колымагу, бесцельно курсирующую по чистеньким и нарядным окрестным улицам. Впрочем, тут может помочь Дебби. Когда в такой машине сидит одинокий мужчина, это всегда подозрительно. А вот если внутри парочка — совсем другое дело.

Дебби опускает стекло и высовывает нос наружу, ни дать ни взять любопытный лабрадор.

— С ума сойти, сколько зелени! — восклица-

ет она.

— Там, откуда ты родом, нет зелени?

— Есть, но не такая, — отвечает она. — Тут даже деревья пахнут деньгами.

Я понимаю, что она имеет в виду.

— Давай выйдем и немножко прогуляемся по окрестностям, Кирс?

— Это частное владение.

— Серьезно?

— Угу.

— Но должны же быть где-нибудь поблизости пешеходные дорожки?

— Наверное, — отзываюсь я.

— Ты любишь загородные прогулки? — спрашивает она.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это скучно, — говорю я. — Жара. Пыль, грязь. А потом: «Ой, дорогой, смотри, дерево! Ой, еще одно! И еще! Ой, интересно, что там, за поворотом… Ой, смотри, там, кажется, опять дерево!» Ты идешь, тебе хочется есть и пить. Нет, если речь идет о прогулке по городу, тут я обеими руками за. Вокруг люди. Витрины магазинов. Хочешь — любуйся архитектурными красотами, хочешь — загляни в какой-нибудь книжный

магазинчик или на блошиный рынок на Коламбус-авеню. Это стимуляция. Это интересно.

Дебби с улыбкой откидывается на спинку кресла.

— Ты мне нравишься, Кирс.

— И ты мне.

— И все равно я бы с удовольствием как-нибудь выбралась на загородную прогулку, — говорит она. — Подышать свежим воздухом.

— Кому нужен свежий воздух? Ничто так не укрепляет легкие, как уличные драки.

Дебби смеется:

— Ну и какой у нас план?

Я пожимаю плечами:

— Если у тебя есть какие-нибудь идеи, с удовольствием их выслушаю.

Мы бесцельно кружим по улицам и надеемся, что нам что-нибудь придет в голову. Пока что ничего не приходит, но я по опыту знаю, что лучшие идеи возникают в буквальном и переносном смысле на ходу. Терпение — лучшее спасение и все такое. Иногда достаточно просто подождать, чтобы что-нибудь произошло.

Или я просто пытаюсь себя убедить, чтобы скрыть то обстоятельство, что с планированием у меня дело обстоит из рук вон плохо.

Мы катаемся так минут двадцать, когда я вижу, что из проезда чуть дальше за поместьем Псевдо-Анны на дорогу выезжает автомобиль, кабриолет «Мерседес CLE» с опущенным верхом. В нем восседают четыре девушки. Все в солнечных очках, широко улыбаются и в целом производят впечатление полной беззаботности.

— Вот уж от кого пахнет деньгами, — говорит Дебби.

— Сколько им, по-твоему, лет? — спрашиваю я.

— Не знаю, наверное, старшеклассницы или студентки. А что? Они тебя заинтересовали?

Я строю гримаску и, крутанув руль, пристраиваюсь за «мерседесом».

— У тебя появился план? — спрашивает она.

— Ага.

— Расскажешь?

— Они живут через дорогу от интересующего нас дома.

— И что?

— А то, что они наверняка знают, кто там живет.

— Думаешь, они тебе расскажут?

Мы доезжаем до окраины города. «Мерседес» останавливается перед нарядным перестроенным амбаром, из тех, где ожидаешь увидеть

какой-нибудь дорогущий магазин керамики или студию, в которой проходят модные мастер-классы по живописи с вином. Молли в прошлом году ходила на такой. Вернулась она оттуда с (предположительно) пейзажем, который торжественно вручила мне. Ничего более уродливого я в жизни своей не видел, и, думаю, Молли об этом знает, именно поэтому я повесил его в нашей спальне и ни за что не сниму.

Парковщик забирает кабриолет, и четверка — как их называть? девушек? подростков? женщин? — скрывается в здании. Я выглядываю вывеску, которая помогла бы определить, что внутри, но ничего не обнаруживаю. Дебби копается в смартфоне, пытаясь выяснить, что же там такое.

— Оно называется «Капель», — говорит она.

— Это что, ресторан?

Дебби качает головой:

— Оздоровительный центр.

— В смысле спа?

Дебби пожимает плечами. Я на своем древнем «фордике» подъезжаю к парковщику. Тот морщит нос и смотрит на мою колымагу с таким видом, как будто она только что вывалилась из собачьей задницы. Мы с Дебби вылезаем, и я бросаю ему

ключи.

— Смотрите не поцарапайте, — говорю я.

Парковщик окидывает мой рыдван взглядом.

— Это могло бы пойти на пользу ее внешнему виду, — замечает он.

— Остроумно, — говорю я. — Жаль, у меня при себе нет наличных, а не то дал бы вам на чай.

— Можете сбросить на карту.

— Давайте поболтаем потом, ладно?

Мы с Дебби входим в здание и попадаем в море белизны. В бывшем амбаре высокие потолки и огромные венецианские окна. Вдоль всех четырех стен стоят в ряд белые плюшевые шезлонги, а в центре располагается что-то вроде круглого коктейльного бара. Клиентки в белоснежных махровых халатах возлежат на шезлонгах.

Все они подсоединены к капельницам.

Дебби наклоняется ко мне и говорит вполголоса:

— Знаешь, что мне это напоминает?

— Что? — спрашиваю я.

— Больницу, в которой моей матери делали химию.

Я некоторое время молчу. Дебби впервые делится со мной чем-то хоть немного личным.

— Только тут намного более роскошно. — Она

задумывается. — Или правильно говорить «роскошнее»?

— Думаю, правильно «роскошнее». — Потом неуклюже добавляю: — Сочувствую по поводу мамы.

Пока я думаю, стоит ли спрашивать о том, как дела у ее мамы, жива она или умерла, лечится до сих пор или в ремиссии, Дебби отмахивается от меня, как бейсбольный питчер, которому не нравится сигнал, подаваемый кетчером.

— Думаешь, это оно и есть? — спрашивает Дебби. — Химия для богатых?

— Нет, — качаю головой я.

— Я тоже так не думаю. На химии у всех сухая желтая кожа. А у этих людей цветущий вид, как у всех богатых.

Перед нами появляется администраторша, которая постоянно моргает, как будто у нее тик.

— Чем я могу вам помочь?

— Мой папа хочет оплатить процедуру мне в подарок, — щебечет Дебби. — У меня день рождения.

— О, как это мило.

Я улыбаюсь ей. Гордый отец. Краем глаза замечаю, как в зал входят четыре девушки из кабриолета. Все четыре уже в белых махровых ха-

латах. Их подводят к шезлонгам у правой стены. Они устраиваются, и четыре женщины, одетые в розовые хирургические костюмы, как педиатрические медсестры, принимаются ставить им капельницы в левые руки. Девушки в это время потягивают что-то похожее на «пина коладу» из высоких коктейльных бокалов, украшенных маленькими зонтиками.

— «Капе́ль», — говорю я негромко. — Капе́льницы.

— Да, это услуга, которую мы предоставляем, — говорит администраторша. Тон ее становится слегка снисходительным. — Стоимость процедур начинается от восьмисот долларов.

— Американских? — зачем-то уточняю я.

— У меня есть рекламный проспект.

Она открывает буклетик. Они предлагают процедуры под названиями «СуперИммунитет», «Красота+» и «Элитная энергия». Также в прейскуранте имеются «Коктейль Майерса», «Гидрофреш», «Здоровье вен» и «Горячая штучка». Я смотрю на Дебби, потом перевожу взгляд на «кабриолетных девиц». Дебби понимает меня без слов.

— Давайте, если можно, отойдем куда-нибудь в сторонку, — говорит она, старательно изображая

смущение. — Не хочу обсуждать варианты при папе.

— О, конечно.

Они уходят, оставив меня одного. Девицы лежат в шезлонгах, словно загорают на пляже. Сейчас или никогда.

Я выгляжу тут примерно так же уместно, как снеговик в сауне. Тем не менее взгляды, которые поначалу бросает на меня наша четверка, скорее любопытные, чем обвиняющие. Они оживленно что-то обсуждают, то и дело восклицая «скажи, да?», «капец», «это просто бомба», «я так с этого угорала», «отстой», «вот симп». На меня они практически не смотрят до тех пор, пока я не нависаю буквально над ними. Я ничего не говорю. Просто стою молча и жду. Разговор скорее затихает, как песня, нежели заканчивается. Затем слышатся неуверенные смешки. Я стою молча и наидружелюбнейшим образом им улыбаюсь.

Девушка, которая была за рулем, заговаривает первой:

— Э-э… вы что-то хотели?

— Меня зовут Сами Кирс, — представляюсь я. Потом показываю ей экран телефона с фотографией ворот на въезде в поместье Псевдо-Анны. — Вы не могли бы мне сказать, кто там живет?

Иногда заходишь исподволь, издалека, а иногда прямо в лоб.

— Вы что, коп, Сами Кирс? — спрашивает она.

— Бывший.

— А что так?

— Выперли.

Остальные девицы снова склоняют головы друг к другу и принимаются перешептываться. Я остаюсь с водительницей один на один.

— Зачем вам знать, кто там живет? — спрашивает она.

— Двадцать с лишним лет тому назад, когда мне было примерно сколько вам сейчас, я путешествовал дикарем по югу Испании и очень сильно запал на одну девушку.

— Типа курортный роман? — вскидывает голову одна из троих оставшихся.

— Именно, — подтверждаю я.

Две остальные растроганно вздыхают. Водительница не сводит с меня глаз.

— В общем, — продолжаю я, — я на нее запал. И до вчерашнего вечера считал, что она погибла.

— И что же случилось вчера вечером? — интересуется водительница.

— Она пришла на занятие на курсах, которые я веду в городе. А потом, когда я ее заметил, убежа-

ла. Я проследил за ней досюда, но она скрылась за теми воротами. Я попытался попасть на территорию, но охранники меня вышвырнули.

— О-о-о, какая трогательная история, — говорит одна из оставшейся троицы — они теперь все слились для меня в одну неразличимую массу.

Все трое смотрят на меня большими оленьими глазами. Девицы вовлеклись в рассказ, слушают меня, затаив дыхание, и желают продолжения.

Таков эффект правды: она обладает собственным неповторимым запахом. Вы ее чуете. Искренность обезоруживает.

— Погодите, — говорит водительница, — а что, вы сами не знаете, как зовут вашу бывшую подружку?

— Тогда она назвалась Анной.

— Но вы не верите, что это ее настоящее имя?

Я молча пожимаю плечами.

— А вы точно уверены, что это та же самая девушка?

— Как я могу быть точно в этом уверен? Двадцать с лишним лет прошло. Она сильно изменилась.

— Но?

— Но все-таки я очень подозреваю, что это она. Если я ошибаюсь, существует только один способ

выяснить.

— Все это очень странно, — тянет одна из троицы.

— И попахивает сталкерством.

— Может, она просто не захотела больше с ним встречаться?

— Зачем она тогда пришла к нему на занятие?

— Ну да, да.

— Постойте, — добавляет водительница. У нее пронзительные голубые глаза, которые, кажется, уже просверлили во мне две дыры. — Вы сказали, вы думали, что она погибла.

— Да, — отвечаю я. — Хуже того, я думал, что это я виноват в ее гибели. Двадцать два года я жил с этим камнем на совести. Что же до сталкерства, нежелания встречаться и прочего в том же духе, в этом смысле она меня не интересует. Дело было сто лет назад. Я счастливо женат. У нас маленький ребенок.

Я показываю им на телефоне фотографию нас втроем. Молли поставила камеру в телефоне на автоспуск по таймеру, а потом при помощи какого-то приложения добавила слащавый радужный фон, как делали в нашем детстве в фотостудиях.

— О-о-ой, — расплываются все четверо в умилении синхронно, как будто специально трени-

ровались.

— Какая прелесть!

— Милота!

Они забирают у меня телефон и увеличивают изображение на экране, чтобы разглядеть все в подробностях.

— Это ваша жена?

— Да, — говорю я. — Ее зовут Молли.

— Такая хорошенькая!

— Это правда, — соглашаюсь я.

— А она знает, что вы здесь?

— Да. У нас нет друг от друга тайн. Мне просто нужны ответы. Молли — так зовут мою жену, — она все понимает.

Все четверо переглядываются, не зная, что сказать.

— Пожалуйста, — говорю я. — Мне просто нужны ответы. Я не собираюсь причинять никому никакого вреда.

Девушка, что сидит с краю справа, говорит:

— Но вам лучше туда не ходить.

— Они не самые приятные люди, — добавляет вторая.

— Моя мама говорит, что там живет один старый бандюган, — сообщает девушка номер три, — и что его ребята стреляют без разбору во

всех, кто пытается к нему подобраться.

— Нет, — возражает крайняя правая девушка. — Там живет какой-то богатый русский, который носит на шее уйму золотых цепей.

Водительница со вздохом усаживается на шезлонге.

— Прошу прощения, Гардения?

Из-за круглой стойки, которая оказалась вовсе не коктейльным баром, а сестринским постом, выходит одна из женщин в розовом хирургическом костюме. Водительница указывает на иглу капельницы, которая торчит у нее из руки. Гардения берет пластиковый мешок с раствором и подвешивает его к металлической стойке с пятью колесиками в основании и двумя крючками наверху. Водительница поднимается и делает мне знак следовать за ней.

— Как видите, — говорит она мне, оглядываясь через плечо на подружек, — семья, которая там живет, прикладывает большие усилия, чтобы сохранить приватность.

— Значит, они не русские олигархи и не бандиты?

— Нет. — Она опускает глаза и прикусывает губу. — Но у них есть веские причины хотеть приватности.

— И какие же?

— Эта семья пережила серьезную трагедию. Та женщина, которую вы видели. Ваша подружка из Испании.

— А что с ней случилось?

— Сколько ей лет?

— Да примерно столько же, сколько мне.

Она бледнеет.

— И все равно.

— Что «все равно»?

— Возможно, это был кто-то из персонала. Экономка, горничная или еще кто-нибудь.

— Я так не думаю, — говорю я.

— Почему?

— Я попытался подобраться к дому через лес. Прежде чем охранники меня схватили, я успел увидеть ее в окне одной из комнат на втором этаже. Ну, то есть, конечно, не исключено, что она там просто протирала пыль или прибиралась, но это было поздно вечером.

— И все равно, — снова повторяет девушка. — Не факт, что это была она.

— Кто «она»?

— Я имею в виду, никто толком даже не уверен, что она там живет. — Теперь слова льются из водительницы стремительным потоком. До

этого момента она держалась с потрясающим самообладанием. — Но это то, что рассказывали мне родители. Я сама никогда ее не видела. И не думаю, чтобы кто-нибудь другой видел.

— Постойте, не так быстро, — говорю я. — Сделайте паузу.

— Нет, — отвечает она. — Если я сделаю паузу — если я слишком об этом задумаюсь, — я ничего вам не расскажу. У меня не хватит духу. Эта семья, которая там живет…

— А что с ними не так?

— Их фамилия Белмонд.

Мне кажется, будто весь воздух внезапно куда-то делся. Глаза водительницы по-прежнему прикованы ко мне.

Я почти отступаю от нее.

— Белмонд, — повторяю я. — Это же…

Она кивает:

— Виктория Белмонд. Девушка, которую вы называете Анной. Возможно, на самом деле это Виктория Белмонд.

Глава 8

Я не знаю даже, что сказать.

— Что? — спрашивает Дебби, как только мы оказываемся снаружи. — Что случилось?

Я не отвечаю. Мы забираем машину у парковщика. Голова у меня идет кругом. Проехав квартал, я съезжаю на обочину и достаю телефон.

— Кирс?

Я открываю «Ватсап» и захожу в группу под названием «Элементарно, Ватсон». В ней контакты всех моих двадцати восьми студентов. Из них я выбираю десятерых, которых считаю самыми способными: Розовых Пантер, Гольфиста Гэри, Ленни Трениками, Дебби и еще парочку. Эту новую группу я называю «Не так уж и элементарно».

Слегка трясущейся рукой набираю сообщение:

> Особое секретное занятие сегодня в 21:00.
>
> Групповой проект:
>
> Мы попытаемся раскрыть одно из самых известных нераскрытых дел двадцать первого века – дело о похищении

Виктории Белмонд. Всем студентам предлагается самостоятельно ознакомиться с материалами дела и приготовиться излагать факты, улики и гипотезы.

Я нажимаю «Отправить» и немедленно слышу треньканье. Это телефон Дебби. Она пробегает глазами сообщение на телефоне.

— Что происходит, Кирс?

Пытаюсь понять, как ей ответить, но тут у меня звонит телефон. Артур из «Белой кости». Прикладываю палец к губам, давая Дебби знак молчать. Она понимающе кивает.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Нужно, чтобы ты приехал в офис.

— У тебя странный голос, Артур.

— Когда ты сможешь подъехать?

— Послушай, если Кортни Бут недовольна тем, что я не прислал ей фотографии…

— Кортни тут ни при чем.

— …я могу отправить ей те, на которых не видно то, чего я не хочу ей показывать.

— Это не имеет никакого отношения к разводу Бутов, Кирс.

— Тогда что происходит?

— У меня тут Келли Ноймайер.

Адвокатша, которая вытащила из тюрьмы Теда Грейсона.

— И?..

— И она попросила меня позвонить тебе. С ней здесь Тед Грейсон.

— Здесь — это в смысле…

— Это в смысле в нашем офисе. Тед Грейсон хочет с тобой встретиться.

Тед Грейсон сидит в том же кресле, которое всего несколько часов тому назад занимал Пейтон Бут. Разводящиеся. Убийцы полицейских. Эти стеклянные стены, наверное, кого только не перевидали. Руки Теда — те самые руки, которые убили мою невесту, — чинно лежат на длинном переговорном столе. Глаза опущены, взгляд устремлен на них. Келли Ноймайер, разглаживая серую узкую юбку, расхаживает у него за спиной.

Мы с Артуром стоим за дверью со стеклянным окошечком. Эти двое пока не успели нас заметить.

— Я зайду вместе с тобой, — говорит Артур.

— Зачем?

— Затем, что тебе не помешает юрист.

— Зачем мне юрист?

— Затем, что лучше перебдеть.

— Беспокоишься, как бы я не выкинул какой-нибудь фортель?

— Определенно. Но еще больше, — Артур пожимает своими по-юношески разболтанными плечами, — я не хочу, чтобы ты шел туда один. Я хочу, чтобы там присутствовал кто-то с твоей стороны. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Я киваю. Я понимаю, и я благодарен. Мы оба пытаемся не принимать происходящее всерьез, хотя все более чем серьезно. Сердце у меня в груди гулко бухает. Мне хочется, чтобы оно билось не так быстро. Я тянусь к ручке двери, пытаясь держаться как можно более непринужденно, но в последний раз я находился в одном помещении с этим чудовищем, когда свидетельствовал против него в суде. На вынесение приговора я не пошел. Этот человек убил мою невесту. Я, разумеется, испытывал ярость. Мне очень хотелось разорвать его на куски — во всех возможных смыслах. Но тогда в присутствии Теда Грейсона я испытывал еще одно чувство — страх. Безотчетный, смутный страх. Не знаю, был ли он порожден его неприкрытым психозом, личными обстоятельствами или мыслями о том, что я готов был с ним сделать. Я не испытывал таких чувств с тех пор, как вышел тогда из зала суда, но теперь, когда

я открываю дверь и Тед Грейсон вскидывает на меня глаза, страх вновь возвращается.

Первой нарушает молчание Келли Ноймайер:

— Спасибо, что согласились с нами встретиться, мистер Кирс.

Я ничего не отвечаю. Артур высится надо мной, как сорняк-переросток. Он ни на шаг от меня не отходит. Даже слегка жмется ко мне, чтобы продемонстрировать, что он на моей стороне. Это успокаивает, что становится для меня в некотором роде неожиданностью. Ноймайер делает шаг навстречу, протягивая руку для рукопожатия.

— Давайте не будем, — говорю я.

Она останавливается, смотрит на свою протянутую руку и убирает ее.

— Почему бы нам не присесть?

— Не стоит, — говорю я.

Я смотрю на Теда Грейсона. Он наконец-то поднимает глаза. Когда наши взгляды встречаются, я чувствую, как в груди пробуждается страх. Становится трудно дышать. Глаза у Теда не черные — они тускло-серые, как тюремный бетон, хотя когда-то были голубыми, — но кажутся двумя черными провалами. Меня пробирает озноб, как будто температура в комнате вдруг упала. Я стараюсь не моргнуть, не прервать этот

зрительный контакт, но уже чувствую, что что-то внутри меня вот-вот дрогнет и сломается.

— Что тебе нужно, Тед? — звенящим голосом спрашиваю я.

— Я ее не убивал.

— Угу, я слышал, что ты сказал на пресс-конференции. Ты совершал поступки, которыми не гордишься. Ты посылал ей ужасные сообщения, включая то, в котором пообещал всадить ей пулю в башку. Но ты ее не убивал. Что еще ты хочешь мне сказать?

— Мой приговор, — медленно произносит Тед, — не был обжалован. Он был аннулирован на технических основаниях.

— Но, дай угадаю, ты хочешь обелить свое имя, — говорю я полным сарказма голосом, — потому что, провалиться тебе на этом месте, ты этого не делал, а настоящий убийца до сих пор разгуливает на свободе!

Тед даже бровью не повел.

— Да, — говорит он. — Хочу. И нет. Не делал.

Я вскидываю глаза на Артура, как будто говоря: «Ты веришь в этот бред?» Потом поворачиваюсь к нашим противникам.

— Тед, ты можешь пытаться убедить меня в чем угодно. Я твоим россказням не верю. И твой адво-

кат, — я киваю в сторону Келли Ноймайер, — как мне кажется, тоже. С ее точки зрения, не имеет никакого значения, виновен ты или нет. Она знает, что ты убил. Но все, что ее волнует, — это отступления от процедуры и то, что она считает нарушением правоприменительного законодательства.

Келли Ноймайер это не нравится.

— Не надо высказываться от моего имени, мистер Кирс.

— Это же вы меня сюда притащили.

— Вот именно, — говорит она. — Думаете, я стала бы делать это, если бы не верила словам мистера Грейсона?

— Тогда приношу вам свои извинения, миз Ноймайер. Кажется, я ошибался относительно ваших мотивов. Он и вам запудрил мозги.

— Ты не понял, о чем я, — говорит Тед.

— И о чем же ты, Тед?

— Мой приговор был признан незаконным, а не отменен.

— Да, ты уже это говорил.

— А значит, — говорит он, — судебный процесс может быть возобновлен.

— И по этой причине, — встревает Ноймайер, — я посоветовала моему клиенту ничего вам

не говорить. Это подставляет его под удар. Я посоветовала ему избегать публичности и, возможно, даже переехать куда-нибудь в другое место, по крайней мере на время. Теперь, когда недопустимые доказательства были изъяты из материалов дела, все обвинения с него сняты. В настоящее время нет никаких оснований возобновлять против него судебный процесс с целью вынести ему приговор заново, так что, если мой клиент последует моему профессиональному совету и будет держать рот на замке, ему ничего не грозит. Но мистер Грейсон пренебрег всеми моими рекомендациями и настоял на разговоре с вами.

Тед смотрит на меня умоляющим взглядом:

— Я ее не убивал, Кирс, и да, я знаю, что ты мне не веришь. Наверное, мне хотелось бы убедить тебя в том, что я говорю правду, но в определенном смысле мне все равно.

— Чего тогда ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне найти убийцу Николь.

— Не смей произносить ее имя. — Вот теперь я испытываю ярость. — Не смей никогда произносить ее имя!

— Я готов ответить на любой вопрос, — продолжает блеять Грейсон. — Я готов пройти проверку

на детекторе лжи.

Он медленно поднимается и деревянной походкой идет ко мне. Как старик. Мне это нравится. Мне нравится, что он слаб и раздавлен. Он продолжает ковылять вперед. Я сжимаю руку в кулак. Мне хочется его ударить. И в то же самое время хочется отступить назад, но я не намерен выказывать страх. Поэтому стою, где стоял. Не сдаю своих позиций. Я позволяю Теду Грейсону подойти ко мне вплотную, лицом к лицу, так близко, что я чувствую исходящий от него запах гнили.

— И вот еще на закуску, — говорит мне Тед Грейсон. — Если мы найдем новые улики, которые укажут на меня, ты сможешь воспользоваться ими, чтобы возобновить судебный процесс против меня. Ты хочешь посадить ее убийцу? Отлично. Давай его найдем. И если окажется, что этот убийца — я, — он разводит руками, — ты тоже об этом узнаешь. Не упусти такую возможность, Кирс. Это твой единственный шанс собрать достаточно улик, чтобы отправить меня обратно в тюрьму.

Все молча смотрят на меня.

— Баллистическая экспертиза показала, что орудием убийства был твой «Вальтер ППК», ко-

торый ты купил нелегально, — говорю я, потому что дурак и не могу удержаться. — Как ты это объяснишь?

— Не знаю.

— В камере у тебя была уйма времени подумать об этом. Никаких версий?

— Только самая очевидная: убийца украл пистолет и подставил меня.

— Тот самый пистолет, который ты под вымышленным именем купил на оружейной выставке в Пенсильвании?

— Да.

— Изменив внешность. Изо всех сил стараясь замести следы.

— Да.

— Всего за неделю до убийства Николь и через день после того, как ты отправил ей сообщение про то, что разнесешь ей башку?

— Да.

— Пистолет, точнее, «Вальтер ППК», который выбросили на большом расстоянии от твоего дома, так чтобы никто не мог установить связь между ним и тобой?

Тед Грейсон впервые за все время улыбается.

— О, это неправда.

— Что неправда?

— Ты сказал, чтобы никто не мог установить связь между ним и мной. — Он улыбается шире, ощерив мелкие, точно драже «Тик-так», зубы. — И тем не менее полицейские как-то с этим справились. Странно, ты не находишь?

Ну вот мы с ним и схлестнулись. Один на один. Стоя на обрыве.

— Каким-то образом, — продолжает Тед, — полицейским удалось найти пистолет и определить, что он принадлежал мне, несмотря на то что я, по твоему выражению, изменил внешность и постарался замести следы.

Я уже слышал его объяснения. Если верить россказням Теда, время покупки совпало случайно, он много месяцев планировал купить пистолет (нелегально), поскольку у него уже имелась судимость, а строгое законодательство об огнестрельном оружии штата Нью-Джерси не позволяло ему носить оружие, что Тед считал своим законным правом. И да, отправить Николь сообщение с угрозами было возмутительным и неправильным поступком, но, вероятно, эта идея запала в его мозг подсознательно, поскольку он собирался купить пистолет. Собственно говоря, Тед послал сообщение с бензоколонки, где заправлял машину перед тем, как отправиться в путешествие

через весь штат за «Вальтером ППК».

В этом и заключалось его бредовое оправдание.

Разумеется, присяжные ему не поверили.

— Если мы ничего не сделаем, — говорит мне Тед Грейсон, — исход нам известен: убийца так и останется на свободе. Никто не получит справедливого воздаяния за… за отнятую у нее жизнь. И за то, что пришлось пережить тебе. И даже мне. Если же мы попытаемся его найти, возможны три варианта. Первый: ничего не изменится. Второй: ты соберешь достаточно новых улик, чтобы упечь кого-нибудь за решетку. И третий: ты соберешь достаточно улик, чтобы упечь за решетку меня. — Он снова пытается перехватить мой взгляд, но я не в том настроении. Я отступаю назад. — В любом случае я не вижу для тебя никакого особого риска.

— Риск, — говорю я, — в том, что я вынужден находиться в одной с тобой комнате.

Ноймайер это не нравится.

— Это угроза?

Артур:

— Это совершенно определенно не была угроза. Мой клиент вполне обоснованно испытывает отвращение при мысли о пребывании в одной

комнате с человеком, который убил его невесту и был выпущен на основании юридической формальности.

— Никаких формальностей, — возражает Ноймайер. — Суд установил, что большая часть улик против мистера Грейсона, собранных сотрудниками полиции, в том числе бывшим детективом Кирсом, были получены с нарушением конституционных норм.

— Это не то, что было установлено, — возражает Артур. — Дело, которое вы вели, было оборотной стороной виновности в соучастии. Детектива Кирса обвинили в нарушении полицейского устава в конкретной ситуации — следовательно, заявили вы, он виновен в нарушении устава во всех делах, которые он расследовал. Решение суда было неправомерным.

Келли Ноймайер начинает злиться:

— Вы серьезно, Артур? Может, мне напомнить вам, что вы всего лишь младший партнер…

С меня довольно.

— Мы уже закончили или нет? — резко обрываю я ее.

Никто не знает, что ответить.

— Вот что я вам скажу, — говорю я им. Потом в упор смотрю на жалкий обмылок человека, ко-

торый когда-то был Тедом Грейсоном. — Если ты принесешь мне улики, которые будут указывать на кого-то другого, кроме тебя, я, так и быть, тебя выслушаю. А до тех пор катись к дьяволу.

Артур провожает меня до лифта. Он нажимает кнопку вызова и ждет на площадке вместе со мной.

— Спасибо тебе, — говорю я.

Артур кивает. По лицу его пробегает какая-то тень.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Только не откусывай мне голову.

— Давай, валяй.

— Я, пожалуй, ему верю.

— Психопаты бывают очень убедительными, — говорю я ему.

— Я в курсе.

Звякает подъехавший лифт. Двери открываются.

— Кирс?

— Что?

— Ты отличный коп. Если убийца в самом деле Грейсон, ты это выяснишь, так что я не очень понимаю, что мешает тебе, — он движением пальцев изображает кавычки, — «помочь ему в расследовании».

В лифте никого нет. Слава богу. Я захожу в кабину и молча нажимаю на кнопку первого этажа.

Глава 9

Первый слайд в PowerPoint состоит из одной-единственной фразы: «Похищение Виктории Белмонд».

Доклад делают Розовые Пантеры, три женщины лет за семьдесят. Мы собрались в нашей аудитории в здании бывшей общественной бани. Свет выключен. Гольфист Гэри принес с собой навороченный проектор, и Розовые Пантеры с его помощью выводят слайды на серовато-белую бетонную стену.

Главная Пантера — очень высокая и худая женщина по имени Полли. Ярко-желтый брючный костюм в сочетании со стоящими торчком короткими волосами, выкрашенными в розовый цвет, делает ее похожей на гигантский простой карандаш с ластиком на конце. Полли Розовую Пантеру вполне можно переименовывать в Полли Карандаш.

Обожаю придумывать людям прозвища.

У Полли хорошо поставленный голос и четкая дикция. Я подозреваю, что в прошлом ей приходилось часто делать презентации.

— Виктории Белмонд, наследнице состояния семьи Белмонд, было семнадцать лет, когда тридцать первого декабря тысяча девятьсот девяносто девятого года она бесследно исчезла с новогодней вечеринки. Они с подругами, с которыми вместе учились в выпускном классе старшей школы, сняли для встречи Нового года помещение над пабом «Маккейб» в Ист-Виллидж.

— О, я там однажды наблевал, — встревает Ленни.

— И я тоже, — подхватывает Гэри. — На первом курсе. Блевал фонтаном. Даже музыкальному автомату досталось.

— Ребята, — одергиваю их я.

Полли, нимало не смущенная вмешательством в ее презентацию, продолжает:

— Камера видеонаблюдения зафиксировала Викторию на выходе из бара в 23:17. После этого ее больше не видели.

Одна из двух других Розовых Пантер — не помню, как ее зовут, — кликает мышкой. Наши взгляды прикованы к бетонной стене, на которой возникает размытый черно-белый снимок.

— Качество подкачало, — говорит Гольфист Гэри.

— В то время технологии были еще не настоль-

ко развиты, как сейчас, — говорит Полли. — Это стоп-кадр записи с видеокассеты камеры наблюдения. Некоторые утверждают, что на ней может быть вообще не Виктория.

— Лица не видно, — замечает Ленни.

— Да, — говорит Полли, — но одежда ее. И прическа тоже. Рост совпадает. Подруги опознали ее на видео, так что полиция, судя по всему, уверена, что это последний раз, когда Викторию видели до исчезновения.

Гольфист Гэри поднимает руку, как будто ждет, чтобы его вызвали. Я насупливаюсь, и он опускает руку.

— Меня это беспокоит, — говорит он.

— Что именно? — уточняю я.

— Ну, во-первых, это была не просто встреча Нового года, а встреча нового тысячелетия.

— Да, и что?

— А вы помните, как это было?

Молодые инстаграмерши смотрят на нас с таким непонимающим видом, как будто мы обсуждаем президентство Эйзенхауэра.

— Вокруг этого была уйма шумихи, — продолжает Гэри. — Окончание тысяча девятисотых. И даже не просто тысяча девятисотых, а второго тысячелетия. Начало не только нового века, но

и нового тысячелетия. Двухтысячный год и все такое прочее. Как в песне Принца, помните? «Мы будем праздновать, как будто это 1999-й». Ажиотаж был просто невероятный. Все готовились праздновать как в последний раз.

— И что? — повторяю я, чтобы вернуть его в настоящее.

— А то, что Виктория Белмонд и ее богатенькие подружки, в большинстве своем, судя по всему, несовершеннолетние, снимают помещение, чтобы с размахом встретить новый, двухтысячный год, ведь такое событие случается раз в тысячу лет. И что же делает Виктория? — Гэри кивает на черно-белую картинку на стене. — За сорок три минуты до наступления Нового года она уходит оттуда в одиночестве. Никому больше это не кажется странным?

Все дружно соглашаются, что это странно.

— Интересная мысль, — говорю я. Потом поворачиваюсь к Полли и делаю ей знак продолжать.

— Это последнее имеющееся у нас изображение Виктории Белмонд, — говорит та. — Никто из тех, кого можно считать заслуживающим доверия источником, ее больше не видел. Возможно, Белмонд взяла такси. Возможно, поехала на метро или поймала машину. А может, ее сразу же после

этого и похитили. Никто не знает. Даже теперь. Даже сегодня. С ее кредитки не было снято ни цента. Никаких транзакций, ничего. Как будто Виктория Белмонд просто взяла и провалилась сквозь землю.

В аудитории на мгновение воцаряется молчание.

Нарушает его Ленни:

— А когда ее хватились?

— Отчасти в этом-то и заключалась проблема, — говорит Полли. — Поначалу вообще никто даже не понял, что Виктория пропала. Ее родители в тот вечер улетели на несколько дней в Чикаго. У Виктории есть еще брат Томас, тогда ему было двадцать три. Он провел ночь у своей подружки. Прислугу в честь Нового года отпустили. Короче говоря, про Викторию никто не вспомнил, так что неизвестно, появлялась она вообще в ту ночь дома или нет. И на следующий день. И на следующий за ним тоже. В доме никого не было. Когда вернулась прислуга, все решили, что Виктория просто зависла у кого-то из школьных подруг. Даже когда ее родители вернулись из Чикаго, у них, конечно, возник вопрос, где дочь, но, поскольку характер у Виктории был весьма независимый, никто особенно не встревожился.

Ее подруги арендовали на новогодние праздники несколько загородных домиков в Корнуолле, чтобы покататься на лыжах, и родные решили, что Виктория с кем-нибудь из них.

— Когда они обратились в полицию?

— Вечером пятого января. И даже тогда нельзя сказать, что все с ума сходили от беспокойства. Отец Виктории Арчи Белмонд был слегка встревожен, а мать Талия подозревала, что Виктория умышленно от них скрывается. Перед тем как дочь отправилась на вечеринку, они поссорились.

— Из-за чего?

— Из-за колледжа. Раньше Виктория собиралась пойти в университет Тафтса — главным образом потому, что ее родители там учились и пожертвовали ему кучу денег. Но потом сказала, что передумала и хочет пока попутешествовать. И вообще не уверена, что ей нужно высшее образование. Мать закатила скандал, если верить тому, что нам известно.

— Обычная семейная ссора.

— Тем не менее из-за нее отсутствие Виктории никого не встревожило. Если и были какие-то улики, шансы найти их таяли с каждым днем. Кроме того, никто сразу не хватился еще и по-

тому, что члены семьи получали сообщения с номера телефона Виктории и пребывали в уверенности, что все в порядке. Формулировки были расплывчатыми. — На стене возникает новый слайд, и Полли принимается зачитывать текст сообщений вслух. — В одном говорится: «С Новым годом!» В другом: «У меня все в порядке, я скоро вернусь». Еще в одном: «Я уехала с К», — это буква, — «вернусь через недельку».

— Кто такая «К»? — спрашивает Ленни.

— Еще одна часть проблемы, — отзывается Полли. — Никто точно не знал, кто эта «К». У Виктории были две подруги по имени Клои, одна Каролина и одна Кора. Шли рождественские каникулы, — видимо, в их кругу в этом не было ничего необычного, так что ни у кого не возникло никаких подозрений.

— Или родителям просто было все равно, — вставляет Гэри.

— Ну да, не исключено, — говорит Полли. — Я сейчас стараюсь не давать никому никаких моральных оценок. Просто излагаю факты в том виде, в каком они нам известны.

— И у вас прекрасно получается. — Я показываю Полли большой палец.

— Спасибо.

— Виктория не посылала сообщений, — говорит Ленни. — Их отправлял ее похититель.

— В настоящее время эта версия считается наиболее вероятной, верно. Но тогда сообщения сбили всех с толку, и Виктории никто вовремя не хватился. Во многих отношениях это идеальное преступление. У всех мысли заняты исключительно празднованием и проблемой двухтысячного года. Родители в отъезде. Брат с подружкой. Школа на каникулах, так что никто из учителей не заметит ее отсутствия. В общем, в полицию родные Виктории обратились только через пять дней, и даже тогда по всем тем причинам, которые мы только что обсудили, почти никто не воспринял ее исчезновение всерьез. Но время шло, все волновались всё сильнее и сильнее, и…

Полли кивает. Одна из двух других Розовых Пантер щелкает пультом, и на стене появляется пустой слайд.

— И — ничего.

Полли делает паузу для пущего эффекта, и мы молча смотрим на пустой экран. Потом начинает говорить вновь:

— Ни зацепок. Ни сообщений о том, что ее где-то видели. Ни свидетелей. Виктория Белмонд как

сквозь землю провалилась. Дни превращаются в недели. Потом в месяцы. Легенда растет и ширится. Выходит документальный фильм в жанре трукрайм под названием «Пропавшая Виктория» и немедленно становится хитом. Ютуб-канал «Сорок восемь часов» посвящает исчезновению богатой наследницы в канун нового, двухтысячного года специальный двухчасовой выпуск. Про нее рассказывают в передаче «Двадцать из двадцати» и на канале «АйДи нетворк». И каждый раз, когда в эфир выходит что-нибудь новое, поднимается шумиха. Кто-нибудь заявляет, что видел Викторию в аэропорту, на пляже или еще где-нибудь, но это ни во что не выливается. Время идет.

Щелчок — и на экране появляется слайд со словами: «Один год».

Щелчок — и следующий слайд: «Пять лет».

Щелчок — и следующий слайд: «Десять лет».

Розовые Пантеры определенно обладают склонностью к драматизму, но эффект это производит угнетающий. В аудитории повисает почтительная тишина. Полли молча наблюдает за нашей реакцией.

— У меня самого дочери, — качает головой Гольфист Гэри.

Ленни:

— Можете себе представить?

Дебби:

— Бедные родители!

— Все потеряли надежду, — говорит Полли. — Слишком сильной была боль. Семья стала вести затворническую жизнь. Поначалу они получали очень много поддержки, но по мере того, как проходило все больше времени, люди начали обвинять их во всяких ужасах.

— В каких именно ужасах? — спрашивает Дебби.

— В причастности к тому, что случилось с Викторией.

— Что?!

— «Белмонд корпорейшен» оказалась замешана в нескольких некрасивых скандалах. Кое-кто вслух задавал вопросы, утверждая, что Виктория собиралась предать их темные делишки огласке.

— В смысле разоблачить собственных родных?

— Именно, — говорит Полли. — Внезапно поползли и стали множиться самого разного рода слухи. Поездка родителей Виктории в Чикаго была незапланированной. Может, они так поспешно сорвались туда в новогоднюю ночь, потому что хотели обеспечить себе алиби? Ее

брату Томасу тоже припомнили кое-какие былые грешки: исключение из школы, несколько приводов в полицию за драки, регулярное вождение в пьяном виде. Кроме того, в тот вечер он подвозил сестру до города, так что некоторые задавались вопросом, не мог ли он иметь какое-то отношение к ее исчезновению. У Виктории был бойфренд, отец которого работал на Белмондов. Как так вышло, что он не заметил, как она ускользнула с вечеринки? Виктория вращалась в кругах состоятельных людей и знала все их секреты, так что, возможно, у кого-то из знакомых или соседей были мотивы заставить ее замолчать. Насколько можно понять, полиция не воспринимала ни одну из этих версий сколько-нибудь всерьез. Все это муссировалось исключительно в таблоидах.

— А какие еще были гипотезы? — спрашивает Гэри.

— Да какие и всегда. Думаю, несколько недель спустя полиция пришла к заключению, что Виктория мертва. Что ее убили еще тридцать первого декабря, а тело выбросили в реку или закопали где-нибудь в лесу. А может, что похититель до сих пор держит ее где-нибудь в подвале. Все в таком духе. Другие полагали, что за всем стояла сама Виктория. Поругалась с матерью и решила

сбежать.

Я поднимаюсь.

— Многовато гипотез, — говорю я. — Кто-нибудь помнит нашу любимую цитату из «Шерлока» на эту тему?

Дебби поднимает руку и без запинки отбарабанивает:

— «Строить гипотезы, не имея на руках всех данных, — фундаментальная ошибка. Неизбежно начинаешь подгонять факты под гипотезу, а не гипотезу под факты».

Мы все смотрим на Дебби, пораженные ее памятью.

— Очень хорошо, Дебби, — говорю я. — Так что давайте не будем попадаться в эту ловушку. Нужно собрать побольше фактов. — Я смотрю на Полли. — Что там было дальше?

Полли снова кивает одной из Розовых Пантер. Жаль, не могу вспомнить ее имени. На стене появляется следующий слайд. Это фотография закусочной, которая словно сошла с одной из иллюстраций Нормана Роквелла в интерпретации Эдварда Хоппера.

— Это закусочная на заправке Несбитт в Бриггсе, штат Мэн. Бриггс та еще дыра, в которой нет ровным счетом ничего, кроме тюрьмы строгого

режима. Одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года, одиннадцать лет и почти четыре месяца спустя после того, как Виктория Белмонд исчезла из паба «Маккейб» на Манхэттене, какая-то женщина, представившаяся официанткой из закусочной, позвонила в ФБР и сказала, что за столиком в углу сидит женщина, которая кажется ей очень похожей на пропавшую без вести Викторию Белмонд. В ФБР ее звонок особенно всерьез не приняли, но на всякий случай связались с местным отделением полиции. По случайному совпадению там в это время как раз обедали двое тамошних полицейских, так что они подошли к столику в углу, за которым в одиночестве ела молодая женщина. Они поинтересовались, как ее зовут, и попросили предъявить документы. Но женщина то ли не могла, то ли не хотела говорить. Полицейским показалось, что она в ступоре. Голова у женщины была обрита. Они вежливо попросили ее показать им содержимое ее карманов. Там оказался всего один предмет…

Полли, сглотнув, кивает. Слайд на стене сменяется следующим.

— Вот он.

Это пожелтевший от времени библиотечный формуляр из тех, что были в ходу в моем детстве,

хотя и тогда уже считались пережитком прошлого. Ты приносил книгу к столику библиотекарши. Библиотекарша ставила в колонке слева штамп с датой. Потом предупреждала тебя, что за каждый день просрочки придется заплатить штраф десять центов. Потом ты писал в центральной колонке свое имя. Когда ты сдавал книгу, библиотекарша ставила в колонке справа дату возвращения.

Наверху формуляра, того, что мы видим сейчас на слайде, в графе «Автор» кто-то напечатал на машинке:

Белмонд, Виктория

Дальше идет название книги:

Пленница

Ниже, как я уже говорил, располагаются три колонки. Та, что слева, называется «Срок сдачи». Кто-то поставил в ней штамп:

31 янв. 2000

Тогда библиотеки выдавали книги на месяц. Эта дата, 31 января 2000 года, ровно на месяц отстоит от того дня, когда Виктория Белмонд была похищена.

В средней колонке, куда полагается вписывать имя читателя, кто-то нацарапал:

БИБЛИОТЕКАРЬ

И в последней колонке, «Дата возвращения»,

стоит:

18 марта 2011

Тот самый день, одиннадцать с лишним лет спустя после того, как Виктория исчезла.

Внизу от руки выведено:

> *Я знаю, что с меня причитается огромный штраф за несвоевременную сдачу, но книга доставила мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Приношу свои извинения за просрочку.*

Снова повисает тишина. Температура в аудитории упала по меньшей мере градусов на десять.

— О господи… — бормочет кто-то наконец.

Потом Ленни говорит:

— Да тут попахивает психиатрией.

Полли продолжает. Теперь тон у нее совсем мрачный:

— Полиция связывается с родителями. Когда Виктория Белмонд пропала, ей было семнадцать. Если это Виктория, ей сейчас должно быть двадцать восемь. Женщина по-прежнему не разговаривает. Она практически в ступоре. Однако при виде родителей и брата принимается неудержимо рыдать. Никто не может ее успокоить. Никто не может заставить ее говорить. Когда

врачи обследуют женщину, то обнаруживают следы физических травм и насилия, но ничего конкретного сказать не могут. Она весит на пятнадцать фунтов меньше, но это неудивительно. Поначалу кое-кто даже относится к женщине с подозрением.

— В чем ее подозревают? — спрашивает Ленни.

— В том, что она самозванка, аферистка. Богатая семья, внезапно обнаружившаяся дочь после более чем десятилетнего отсутствия. По правде говоря, такое уже случалось.

— Помнится, в Техасе был подобный случай, — говорит Гэри.

— Да, с Николасом Барклаем, — отзывается Полли. — И тот парнишка отсутствовал всего три года, не подавая о себе вестей. А Виктория пропала одиннадцать лет назад, и поначалу даже ее родные не были уверены, что это она. У отца были сомнения. У матери нет.

— Но почему они не сделали ДНК-тест?

— Они его сделали, — говорит Полли. — Поэтому я и сказала «поначалу». В то время ДНК-тестирование занимало несколько дней, так что эти дни для всех выдались очень нелегкие, но потом результаты анализа подтвердили, что молодая женщина, которую нашли в закусочной станции

Несбитт, в самом деле Виктория Белмонд.

Молчание.

Гэри поворачивается ко мне.

— Я кое-чего не понимаю, — говорит он.

— Валяй, выкладывай.

— Прошло одиннадцать лет. У нее обрита голова. Она сильно похудела. Родные с трудом ее узнают. И тем не менее какая-то случайная официантка опознает ее и звонит в полицию?

— Важное замечание, — говорит Полли. — Кто-нибудь еще обратил на это внимание?

— Мы обратили, — впервые за все время подает голос одна из молоденьких инстаграмерш. — Никто из официанток не признался в том, что это она позвонила в полицию. Мы думаем, что звонил, скорее всего, похититель.

— Вот только голос на записи женский.

— Возможно, библиотекарь — женщина?

— Или у него была подельница. Или звонивший использовал преобразователь голоса. Тогда уже существовали технологии, позволяющие превратить самый низкий мужской бас в писклявый девчачий голосок.

Я пытаюсь вернуть их обратно к нашей теме:

— И что было дальше, Полли?

— Нам известно не слишком многое. В конце

концов Виктория Белмонд начала говорить, но предыдущие одиннадцать лет словно стерлись из ее памяти. Она не помнит ни где все это время находилась, ни кто ее похитил, ни каких-либо подробностей похищения.

— Поправка! — вскидывает палец Гэри. — Она *утверждает,* что не помнит.

— Возможно, — соглашается Полли. — Все, что мы знаем, это что Викторию начали лечить лучшие психиатры, каких только можно нанять. И больше практически ничего. Ее родные попросили уважать их право на частную жизнь, что можно понять, и у них были все ресурсы для того, чтобы это обеспечить. Никто не знает, где Виктория находилась на протяжении этих одиннадцати лет. У нее баснословно богатая семья, у них недвижимость в нескольких штатах и еще как минимум в двух местах за границей.

— Почти двадцать пять лет прошло с момента похищения, — качает головой Гольфист Гэри. — Это дело уже не просто висячее. Оно безнадежное.

Все поворачиваются ко мне.

— Бросьте, — говорю я, разводя руками. — Неужели вам не интересно испытать свои силы?

— Испытать силы — конечно. Но за много лет в

этом деле не появилось ни одного нового факта.

Я откидываюсь на спинку стула.

— О, я бы так не сказал.

Глава 10

Студенты, получив задания, отправляются по домам, а я остаюсь в пустой аудитории и звоню Марти. Тот берет трубку и сразу говорит:

— Прости, у меня сегодня работы просто по горло. Мне так до сих пор и не удалось ничего разузнать, кроме названия компании, на которую оформлено то поместье в Коннектикуте. Его хозяева прикладывают все усилия к тому, чтобы все оставалось шито-крыто.

— Я думаю, это семья Белмонд, — говорю я.

— Те самые…

— Угу.

— А! — говорит он. — Это все объясняет.

— А еще я думаю, что там живет Виктория Белмонд.

Судя по заминке в трубке, Марти не очень понимает, что на это сказать.

— Ясно. Почему ты так считаешь?

Я отвечаю вопросом на вопрос:

— У тебя еще остались друзья в ФБР?

— У меня никогда не было там друзей, — отвечает Марти.

— А контакты?

— Есть человечек, который может знать человечка, — говорит Марти.

— Он может раздобыть для тебя досье на Викторию Белмонд?

— На ту молодую женщину, которую похитили, дай бог памяти, лет тридцать тому назад?

— Двадцать пять, — поправляю его я. Потом добавляю: — Да.

Из-за двери доносятся чьи-то шаги. Кто-то поднимается по лестнице.

— Могу я узнать, зачем тебе понадобилось это досье?

— Конечно, — говорю я. — Есть вероятность, что я смогу раскрыть это дело.

— Похищение Виктории Белмонд?

— Да.

— Думаешь, у тебя получится его раскрыть?

— Кажется, ты сомневаешься в моих силах, — замечаю я.

Судя по звуку шагов, за дверью двое или даже трое.

— Может, самую чуточку, — говорит Марти. — Не расскажешь, почему ты считаешь, что способен раскрыть одну из величайших загадок нашего времени?

Шаги приближаются, звучат все громче и громче.

— Ты, кажется, говорил, что у тебя работы по горло?

— Кирс.

— Я не утверждаю, что это непременно случится, — говорю я, — и вообще, это долгая история. Я тебе потом все расскажу, а ты пока можешь раздобыть для меня досье?

— Ничего не обещаю.

— Я и не просил у тебя ничего мне пообещать, правда?

— Правда. Не просил.

Шаги останавливаются перед дверью. Я отключаюсь, и в следующий миг в аудиторию заглядывает Ленни Треники. С ним Гольфист Гэри.

— Есть минутка? — спрашивает Ленни.

— Конечно.

Ленни подтягивает штаны. Я заметил, что он постоянно это делает. То ли они велики ему в талии, то ли просто сползают с выпирающего живота. Не знаю, почему меня вообще занимают всякие глупости вроде этой, но они отвлекают. Он подтягивает штаны и заходит в аудиторию. И Гэри следом за ним.

Гэри начинает первым:

— Мы здесь по поручению всей группы.

Кажется, это обещает быть интересным. Я откидываюсь на спинку стула и закидываю ноги на стол.

— Так.

— Мы хотели бы знать, — продолжает Гэри, — почему вы так интересуетесь делом Виктории Белмонд.

— А это имеет какое-то значение?

— Наверное, нет.

— Неплохая разминка для мозгов, — говорю я делано легкомысленным тоном. — Сбор информации. Следственные действия. Наружное наблюдение.

Гэри скрещивает руки на груди, обтянутой рубашкой поло с логотипом, который выглядит как красная корзина поверх клюшки для гольфа. Странные люди эти гольфисты.

— Но, — говорит он, — дело не только в этом, да?

Я не отвечаю.

Теперь настает очередь Ленни.

— Женщина, которая вломилась к нам на занятие вчера вечером… Которую вы пытались догнать. Я не хочу совать нос не в свое дело, но я

тоже вижу у себя на телефоне местоположение трекера. Вы только что поручили нам понаблюдать за объектом в Гринвиче, в Коннектикуте, в том самом месте, где у моего трекера сел аккумулятор.

Кажется, я начинаю терять хватку.

— И наконец, — говорит Гэри, как будто какой-то детектив из фильма, который собрал в гостиной всех подозреваемых, чтобы на глазах у зрителей с блеском изобличить преступника, — вы рассмотрели женщину, которая вошла в нашу аудиторию.

— Женщину, — добавляет Ленни, — которая по возрасту примерно совпадает с Викторией Белмонд.

И снова Гэри:

— Та женщина сбежала.

Ленни:

— Вы устроили за ней слежку при помощи GPS-трекера.

— И довели ее до того места, за которым теперь поручили нам наблюдать в связи с делом Виктории Белмонд.

Оба умолкают и смотрят на меня. Я одобрительно киваю:

— Кажется, учитель из меня очень даже непло-

хой. Придется поднять плату за курсы.

Ленни снова поддергивает штаны.

— Значит, та женщина, которая была здесь вчера вечером, которая пришла к нам на занятие… вы думаете, есть вероятность, что…

— …что это была Виктория Белмонд? — договариваю я за них.

Хороший вопрос. Казалось бы, уж я-то должен понимать, она это или нет. Разумеется, в Сети есть фотографии. Не так много, но есть. На большинстве из них Виктория еще подросток, то есть сняты они приблизительно в то же время, когда я знал Анну. А вот тех, что были сделаны после ее возвращения, куда меньше, да что там, практически нет. Родители попросили журналистов оставить их травмированную дочь в покое, и у них были ресурсы для того, чтобы оградить ее от назойливого внимания. Так что, глядя на фотографии семнадцатилетней Виктории, я не могу с полной уверенностью утверждать, что это Анна, с которой я познакомился в Испании, — но думаю, что это все-таки она. В противном случае сходство поистине сверхъестественное. Причина, по которой я не могу сказать, что это абсолютно точно она, прозвучит странно. Когда я пытаюсь вспомнить, как Анна выглядела, я могу описать

ее словами, но не могу визуализировать. Предлагаю вам проделать одно упражнение: подумайте о каком-нибудь человеке, в которого вы были влюблены много-много лет назад и которого знали всего неделю. А теперь попытайтесь его или ее представить. В мельчайших подробностях. Как на фотографии. Ну и как, получилось? Я так и думал. Память так не работает. Память не делает фотографий. Память пытается заполнить пробелы, и, хотя я вижу схожие черты, память не позволяет мне сделать однозначный вывод.

Так что понятнее ничего не становится.

К тому же я тогда был не самым наблюдательным мальчиком. Можете меня презирать, но я, к примеру, не помню, какого цвета у Анны были глаза. И волосы у нее были другого цвета и длиннее, чем у Виктории, но это ничего не значит. Плюс Виктория носит очки. Анна была без очков.

И все же, увидев тогда Анну/Викторию во плоти у себя в аудитории, я на долю секунды был абсолютно уверен, что это Анна.

Дурдом.

— То есть мы утверждаем, — продолжает между тем Гэри, — что вчера на занятие приходила Виктория Белмонд.

— Не исключено.

— И при виде вас она дала деру.

Я улыбаюсь. Мне уже ясно, к чему все идет, но я подыгрываю.

— Я пугаю людей.

— Это правда, — говорит Ленни, — и мы могли бы этим удовольствоваться, если бы на том все и закончилось.

— Но? — спрашиваю я.

— Но вы почему-то решили рвануть за ней, — говорит Ленни.

— Побежать за ней вдогонку, — уточняет Гэри.

— Вы ни на миг не усомнились. На вашем лице промелькнуло дикое выражение, и — бац! — вы вдруг превратились в спринтера мирового класса.

— И давайте будем честны, Кирс. Вы не любите бегать.

— Физическая активность не мое, — признаю я.

— Итого, — провозглашает Гэри драматическим тоном. — Это не просто домашнее задание. Вы, профессор Кирс, знаете — или знали — Викторию Белмонд.

— Или как минимум, — добавляет Ленни, — имеете какое-то личное отношение к ней или к

этому делу.

Я смотрю на Гэри. Потом на Ленни. Потом киваю, чтобы показать, что им удалось произвести на меня впечатление.

— Я не стану ни подтверждать, ни опровергать ваше утверждение, — говорю я — главным образом потому, что не знаю ни что им сказать, ни даже правдиво ли это утверждение. — Но допустим, что имею. И что?

Гэри делает шаг вперед. Потом берет стул, разворачивает его спинкой ко мне и садится на него верхом.

— Вы преподаете свой курс группе любопытных, желающих стать детективами.

— И что же из этого следует?

— А то, что перед тем, как записаться к вам на курс, мы вас погуглили. Мы знаем вашу подноготную. Знаем, что в прошлом вы были признанным детективом в убойном отделе нью-йоркской полиции. И знаем, как вы лишились этой работы. Мы также знаем, что еще одно дело, к которому вы имели личное отношение, недавно было пересмотрено в крайне нежелательную для вас сторону.

Мне приходится приложить усилия, чтобы не ощетиниться.

— Я нашел ее убийцу, — говорю я чуть враждебнее, чем намеревался.

— А теперь он на свободе, — замечает Ленни.

Ну вот, приехали. Парочка смотрит на меня в ожидании ответа. Я развожу руками.

— Если вы не хотите этим заниматься…

— Мы такого не говорили, — быстро возражает Гэри.

— Но считаем, что вам стоило бы выложить нам все начистоту.

— Потому что это может помочь нам раскрыть дело.

Гэри встает и с демонстративной тщательностью возвращает стул на место.

— В любом случае мы вам поможем.

— Потому что вы нам нравитесь, — добавляет Ленни. — И мы считаем вас хорошим человеком.

— Но нам хотелось бы, чтобы вы знали, что мы не марионетки, — говорит Гэри. — Мы идем на это с открытыми глазами.

Они ждут, что я скажу. Я ограничиваюсь скупым:

— Спасибо вам.

Кажется, их это вполне удовлетворяет.

Мы с Молли завтракаем за кухонным столом.

Может, все дело в размышлениях о деньгах Бел-

мондов, но наша кухонька внезапно кажется мне очень маленькой и обшарпанной. Я хочу лучшей жизни для Молли и Генри. Хочу снова иметь работу со стабильным доходом. И чтобы Молли ни о чем не волновалась, тем более о деньгах. Никогда. Может, у меня старомодные взгляды и Молли прибила бы меня, вздумай я высказать их вслух, но я считаю своей обязанностью заботиться о том, чтобы у нее никогда не было необходимости беспокоиться о том, как мы будем оплачивать счета. Я говорю все это без горечи. Один мудрый (и богатый) человек как-то раз сказал мне: лучшее, что дают деньги, — это возможность о них не думать. Сейчас я, как никогда, его понимаю. И хочу такой возможности для нас. Для Молли.

— То, что я вчера вернулся домой за полночь, не имеет никакого отношения к нам с тобой, — говорю я.

— Я знаю.

— Правда?

— Ну конечно, глупыш. Ты меня любишь. Это написано у тебя на лбу большими буквами.

Я против воли расплываюсь в улыбке:

— Правда написано?

Забудьте все, что я тут наговорил. Есть ли на свете человек богаче меня?

— И что случилось? — спрашивает она.

Я решаю просто рассказать ей все как есть.

— Помнишь дело Виктории Белмонд?

Судя по лицу Молли, это совершенно не то, что она ожидала услышать.

— Это та богатая девушка, которую похитили?

— Угу.

— Надеюсь, это не ты ее похитил?

Черный юмор. Обожаю эту женщину.

— Э-э… нет, — говорю я. — Но я, возможно, некоторое время с ней встречался.

— Ого. — Молли склоняет голову набок. — Когда?

— Через два года после того, как ее похитили.

Она ждет продолжения. Его не следует.

— Ты серьезно?

— Двадцать два года назад я отправился в путешествие по Европе с компанией ребят из колледжа в честь его окончания.

— Ты мне когда-то говорил…

— Да, я помню.

— …Но до сегодняшнего дня я ни разу не слышала ни о какой девушке.

— Потому что наши пути тогда очень быстро разошлись. Я познакомился с девушкой по имени Анна. Мы встретились на Коста-дель-Соль, в

Испании. Она мне понравилась, и я сказал ребятам, чтобы ехали дальше без меня, а сам остался с ней.

Я умолкаю.

— Сами…

— И сейчас, впервые за эти двадцать с лишним лет, я увидел ее снова.

— Анну?

— Да.

— Когда?

— Вчера вечером. Она пришла ко мне на занятие. А потом сбежала. Я попытался ее догнать, но…

Я качаю головой. Язык отказывается мне повиноваться.

Молли кладет ладонь мне на локоть.

— Эта Анна, — говорит она. — Ты что, считаешь, что она и есть Виктория Белмонд?

Когда я наконец нахожу в себе силы кивнуть, Молли, пораженная, откидывается на спинку стула. Я трясу головой. Потом выдавливаю:

— Да… нет, возможно. Я не знаю. Я до сих пор пытаюсь хоть что-то понять. Это какое-то… какое-то безумие.

— Все в порядке. Не переживай.

Я снова качаю головой.

— Ты был совсем мальчиком, — говорит Молли. — Даже если это и была она, ты же не знал. Откуда тебе было знать?

Я молчу.

Молли делает еще один заход:

— Тогда, в Испании, эта девушка… эта Анна… она не пыталась подать тебе какой-то знак?

Этот вопрос меня озадачивает.

— Знак?

— Что ее похитили. Что происходит что-то плохое или ее к чему-то принуждают?

Все ясно. Молли думает, я чувствую себя виноватым, потому что закрутил роман с похищенной девушкой и не уловил, что она находится в опасности. Как ни странно, до сих пор я об этом совершенно не думал, но, возможно, в словах Молли есть рациональное зерно.

Неужели Анна всю ту неделю была в беде? А я просто не заметил признаков?

У меня вибрирует телефон. Это Розовая Пантера Полли.

> Из поместья только что выехала машина. Думаем, это она. Мы с Гэри едем за ней.

Сердце подскакивает у меня в груди, и я делаю

то же самое.

— Сами?

— Она куда-то собралась.

— Кто? — Потом: — Виктория Белмонд?

Я киваю:

— Или та, кого я за нее принимаю.

— Откуда ты знаешь?

— От моих студентов.

— Что?

Я быстро объясняю, что Розовые Пантеры составили график, в соответствии с которым мои студенты по очереди ведут наблюдение за поместьем. Ход с точки зрения этики, наверное, сомнительный, зато определенно малобюджетный. Я больше не полицейский, так что приходится выкручиваться.

— Давай договорим потом, ладно? — предлагаю я. — Возможно, через несколько часов я уже буду знать, не напридумывал ли я это все.

— Поезжай, — произносит Молли. — Только вот еще что.

Я оглядываюсь.

— Я тебе уже это говорила, Сами.

— Я слушаю.

— Эта Анна, или Виктория, или кто она там, возникает в твоей жизни ровно в тот момент,

когда Теда Грейсона выпускают из тюрьмы.

Я качаю головой:

— Не вижу никакой связи, Молли.

— Ну так приглядись повнимательнее.

Глава 11

Едва я успеваю спуститься в метро, чтобы успеть на следующий поезд, который, если верить приложению, должен подойти через три минуты, как мне перезванивает Полли.

— Они на шоссе, — говорит она. — Думаю, едут в город.

— Вы уверены, что она в машине?

— Мы так думаем, да. Она на заднем сиденье. За рулем какой-то мужчина. Темно-синий «кадиллак-эскалейд». Номера коннектикутские. Мы с Гэри едем следом. Я сброшу метку, чтобы вы могли следить за нашими передвижениями.

Телефон тренькает, и я смотрю на экран. Их машина движется по Девяносто пятому шоссе на запад, в направлении моста Джорджа Вашингтона. Если бы Анна/Виктория каталась по окрестностям Гринвича, имело бы смысл подъехать туда и попытаться вызвать ее на разговор. Но раз уж она явно намылилась куда-то далеко, разумнее будет подождать и посмотреть, куда она направляется. Я добираюсь до заведения с незамысловатым названием «Бейгл-шоп» и беру

кунжутный бейгл с *намазкой*— этому словечку меня научила Молли — из сига со сливочным сыром, одним глазом поглядывая на движение метки в телефоне. Когда машина съезжает на Хатчинсон-Ривер-паркквей, я прихожу к выводу, что Полли, скорее всего, права и псевдо-Виктория в самом деле держит путь в Нью-Йорк-Сити.

Двадцать минут спустя, когда машина сворачивает на Сорок седьмую Западную улицу в направлении Бродвея, никаких сомнений не остается. Поток машин здесь, как водится, то еле ползет, то стоит, причем чаще стоит. Я по-прежнему сижу за стойкой в «Бейгл-шопе». Несколько минут спустя Полли говорит:

— Сейчас придет фотография.

Я проверяю мессенджер. Маленькое колесико некоторое время задумчиво крутится, потом фотография обретает резкость.

Женщина в бейсболке и солнечных очках выходит из «кадиллака». Одета она совершенно непримечательно: синие джинсы, серая толстовка, белые кроссовки.

Это Анна/Виктория.

— Это же она, да? — спрашивает Полли.

— Угу.

— Я следую за ней пешком, — говорит Пол-

ли. — Мы на Таймс-сквер. Гэри поедет дальше за «кадиллаком».

— Уже еду, — говорю я и мчусь обратно в метро.

Мне нужен любой поезд, который идет в район Таймс-сквер. Их всегда полно. Я заскакиваю в вагон и проверяю приложение. Телефон здесь ловит с перебоями, так что местоположение метки не обновляется. Я доезжаю до станции «Сорок вторая улица / Бродвей» и выныриваю на поверхность. На меня немедленно обрушиваются потоки солнечного света и какофония звуков, и приложение вновь оживает.

Метка в четырех кварталах.

Я звоню Полли:

— Что она делает?

— Просто идет.

— А что с машиной?

— Погодите, я подключу Гэри. — Проходит несколько секунд. — Гэри?

— Водитель оставил «кадиллак» на подземной парковке, — говорит Гэри. — Думаю, он идет в вашу сторону.

— Вы его ведете? — спрашиваю я.

— Ответ отрицательный, — говорит Гэри. — Я подумал, что лучше запереть его машину на

парковке и ждать где-нибудь неподалеку. Они вернутся, а я тут как тут.

— Отличный ход, — говорю я.

— Спасибо, учитель.

— Кирс, — спрашивает Полли, — вы сейчас где?

— В трех кварталах, иду в вашем направлении.

Я на ходу смотрю на экран, что на Таймс-сквер задача непростая. Время еще довольно раннее, но ряженые попрошайки, или как там их сейчас принято называть, уже вышли на промысел. Как известно любому, кто за последние десять лет хоть раз бывал на Таймс-сквер, она кишмя кишит персонажами в костюмах Микки-Маусов, Олафов, Миньонов, Элмо, Бэтменов и Человеков–(или Людей?) — Пауков, надеющимися на то, что кто-нибудь из туристов изъявит желание сфотографироваться с ними за денежку. Мне это всегда кажется исключительно странным. Микки-Маус — символ Диснейленда, а не Нью-Йорка. Кому нужна фотография с Микки-Маусом из Нью-Йорка? И хотя ряженые кретины кажутся безобидными, я по опыту службы в полиции знаю, что они совершают множество преступлений. Некоторые наивные туристы фотографируются с ними, не подозревая, что Микки

рассчитывает на чаевые, а не получив их, может попытаться добиться своего при помощи угроз, а то и насилия. Кое у кого из тех, кто скрывается за этими костюмами, оказываются чересчур шаловливые ручонки, если вы понимаете, о чем я, а грань между необычным и пугающим очень тонка, а может, и не столь тонка, но очень уж нередко весь этот опыт становится пугающим и сваливается в откровенный криминал.

Сейчас мне весьма пригодились бы наушники, но, увы, я их не захватил, поэтому приходится прижимать телефон к уху.

— Да, еще кое-что, — говорит Гэри.

— Что?

— Водитель.

— А что с ним не так?

— Напряженная походка. Чересчур мешковатый пиджак. Бегающие глазки. Я подозреваю, что он может быть вооружен.

— Возможно, он по совместительству ее охранник, — говорит Полли.

— Мы знаем, что Белмонды очень ценят приватность, — добавляет Гэри.

— Погодите, — говорит Полли.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Я сейчас на Сорок седьмой улице напротив

Нью-Амстердамского театра, и… Гэри, какого цвета на водителе пиджак? Песочный?

На меня то и дело налетают какие-то люди, так что я прижимаюсь к витрине ресторана «Красный лобстер». Такое впечатление, что она намазана растопленным маслом. Я прилипаю к стеклу. Посетители глазеют на меня. Я проверяю приложение и вижу, что от Анны меня отделяет сотня ярдов. Она где-то здесь, на Сорок седьмой улице. Я ускоряю шаг.

И внезапно вижу ее.

Я останавливаюсь как вкопанный.

Анна. Виктория. Не суть важно.

Она разговаривает с Водителем-в-песочном-пиджаке, хотя я знаю его под другим дурацким прозвищем, которое существует исключительно у меня в голове.

Чувак-с-пушкой. Это Чувак-с-пушкой, с которым я имел сомнительное удовольствие познакомиться позавчера вечером на территории поместья.

Пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Я задолжал этому малому удар под дых.

Они заканчивают разговаривать о чем-то под навесом перед входом в театр. Анна проходит через металлодетектор — металлодетектор, что-

бы посмотреть бродвейский мюзикл! ну что за страна! — и исчезает в фойе. Чувак-с-пушкой наблюдает за ней сквозь стеклянную дверь. Потом, удостоверившись, что Анна внутри, уходит.

— Полли? — говорю я в телефон.

— Я поведу его дальше.

— Вы что-нибудь видите, Полли? — спрашивает Гэри.

— Она вошла в фойе и просканировала билет, — говорит та. — Судя по всему, пришла на мюзикл.

Гэри:

— Это «Гамильтон»?

— Нет.

— «Злая»?

— Нет.

— Мне и дальше перебирать все возможные варианты, Полли, или вы мне все-таки скажете, что это за мюзикл?

Мне не очень понятно, что делать дальше. Я иду к билетной кассе. Охранник прогоняет меня через металлодетектор. Я подхожу к окошечку.

— Есть еще билеты? — спрашиваю я.

Кассир за стеклом вряд ли мог бы выглядеть более незаинтересованным, даже если бы находился без сознания.

— На когда? — спрашивает он со вздохом.

— На сейчас.

— Все распродано.

— И даже стоячих мест нет?

Кассир сводит брови:

— Для тех, у кого трудности с пониманием, повторяю еще раз: все распродано.

— О, да вы, я смотрю, из тех людей, чья лучезарная улыбка делает мир светлее, — говорю я. — Спасибо, что сделали мой день ярче.

Кассир умело скрывает кровоточащую психологическую рану, которую я наношу ему своим острым как бритва языком. Я выхожу обратно на улицу и топчусь под навесом. В былые времена тут всегда можно было выловить какого-нибудь деятеля, как правило в блестящей спортивной куртке, готового из-под полы продать вам лишний билетик. Увы, те времена безвозвратно прошли. Интернет и телефонные приложения уничтожили даже такой безопасный способ пощекотать себе нервишки, как возможность шепотом поинтересоваться у скользкого типа: «Лишнего билетика не найдется?»

Так что я жду, когда мюзикл закончится. Или, наверное, правильнее будет сказать: «Мы ждем».

Полли доводит Чувака-с-пушкой до «Ярд-хауса», где тот заказывает бургер, картошку фри и пиво.

Гэри сидит в своей машине на парковке. Я захожу в какую-то сувенирную лавку и покупаю пару поддельных эйрподсов. Потом подсоединяю их к моему телефону через блютус и тестирую. Качество звука на верхних частотах ужасное, но Гэри и Полли я слышу нормально. Следующие пару часов я жду, когда кончится мюзикл. В перерыве пытаюсь украдкой проскользнуть внутрь, но меня выводят. Тогда я принимаюсь обдумывать это дело.

Судя по всему, Виктория Белмонд ведет затворническую жизнь. С тех пор как вернулась, она не дала ни одного интервью. Время от времени кто-нибудь из журналистов пытается ее выследить, но по большому счету журналисты переключились на более легкую добычу. Если бы все произошло в старые добрые семидесятые или восьмидесятые, как, скажем, с Патрицией Херст, история Виктории Белмонд до сих пор будоражила бы умы. А так, может, людям и интересно, что с ней случилось, но не настолько, чтобы постоянно об этом думать.

Происшествия не привлекают столько общественного внимания, как когда-то. Мы больше не сбегаемся поглазеть, как спасают упавшего в колодец ребенка, и я не знаю, хорошо это или

плохо. Плюс прибавьте к этому очевидное: деньги все упрощают. Семья Белмонд пошла на большие расходы, чтобы оградить Викторию от внимания прессы. Никто не знает, вспомнила она в конце концов что-нибудь о времени, проведенном в плену, или нет. По-прежнему в памяти Виктории в этом месте зияет провал или ей удалось восстановить события этих одиннадцати лет — а может, она вообще симулировала амнезию? Как-то раз я наткнулся в интернете на слух, что Виктория Белмонд якобы в конце концов все вспомнила, но вместо того, чтобы арестовать похитителя, богатенькие Белмонды наняли людей, чтобы совершить суровое правосудие по собственному разумению.

Я в этом сомневаюсь, но кто знает?

Суть в том, что прошли годы и все уже подзабыли эту историю, так что, наверное, подобные поездки на Манхэттен не представляют для Виктории серьезного риска. Иногда разумнее прятаться на виду у всех. Она, похоже, живет своей жизнью, пусть тихо и не как все, совмещая проживание в огромном поместье в Коннектикуте со свободой при желании насладиться бродвейским шоу в Большом Яблоке.

Хотел бы я знать, как она жила все это время.

И в самом ли деле это моя Анна из Испании, или налицо случайное сходство? И что на самом деле произошло тем кошмарным утром на Коста-дель-Соль. Не хочу слишком углубляться в эту тему, но в некотором смысле я все еще там, в той постели, просыпаюсь от бьющего в окно яркого солнечного света и кричу, по-прежнему кричу — кричу так, что даже сейчас, почти четверть века спустя, скорее ощущаю, чем слышу отголоски этого крика.

Понимаете, почему я не хочу углубляться в эту тему?

После того как я тогда, послушавшись отца, кубарем рванул в аэропорт, сел на первый же самолет до Соединенных Шатов и прилетел из Малаги домой, я перестал нормально спать. Не знаю, было ли это ПТСР или что-то другое, но мне все время снилось, будто я просыпаюсь рядом с безликой мертвой девушкой. Я просто зациклился на этом. Я жадно следил за испанскими новостями, надеясь что-то узнать, но в них ничего не было. Тогда-то я и начал пить. Понемножку. Только для того, чтобы иметь возможность закрыть глаза. Никаких амбиций у меня не осталось, так что я отложил поступление в медицинскую школу на год. Потом на два. Потом питье понемножку пре-

вратилось в питье помногу. Я отказался от всех своих планов, от цели стать врачом. Все утонуло в бутылке вместе с мертвой девушкой, которая, как выясняется, вполне жива и здорова.

Через два с небольшим часа после начала представления мне звонит Полли. Я нажимаю «Ответить», и мы все втроем оказываемся подключены к одному звонку.

— Водитель расплатился по счету. Направляется обратно к театру.

Это означает, что слоняться у входа мне больше нельзя. Чувак-с-пушкой меня увидит и, скорее всего, узнает. Я подхожу к охраннику/билетеру, который стоит с другой стороны навеса и не видел, как я пытался проникнуть внутрь.

— Можно попросить вас об одолжении? — спрашиваю я.

— За спрос не бьют в нос.

— Я был тут у вас на представлении с моей племянницей Пэмми в прошлый четверг.

Совет: когда врешь, добавляй подробности. Имена. Даты.

— Ясно.

— В общем, Пэмми осталась в полном восторге, и я подумал, может, вы позволите мне на минуточку заскочить внутрь и купить ей сувенирную

толстовку.

— Точно такие же продаются вон в той лавке в соседнем доме.

— Продаются, — говорю я, — но там же фуфло паленое. И потом, хотя я понимаю, что это пошло, но мне хочется подарить ей официальную толстовку из театра. Настоящий сувенир. Ну, вы понимаете.

Охранник все эти песни слышал уже не раз, но он тоже человек.

— Вам придется подождать, пока зрители не начнут выходить из зала.

— Разумеется, — говорю я. — Только, наверное, в фойе будет не протолкнуться, так что, может, лучше сразу же, как только закончится представление?

Мне приходится еще немного поканючить, но в конце концов билетер соглашается. Когда представление завершается и зрители начинают вставать со своих мест, он впускает меня в фойе. Я спешу к лотку с сувениркой и делаю вид, что внимательно изучаю ассортимент. Театралы валом валят к выходу, и билетер теряет ко мне всякий интерес. Оказывается, по бокам расположены дополнительные выходы из партера, и я беспокоюсь, как бы Анна не вышла через один

из них. Я принимаюсь пробираться сквозь толпу навстречу потоку музыкальных эмигрантов, чтобы попытаться встать там, откуда мне будут видны все входы. В ушах у меня мои новенькие псевдоэйрподсы, так что я быстро вызываю на связь моих студентов.

— Полли? — говорю я.

— Я тут, — отзывается та.

— Где сейчас водитель?

— Расхаживает перед входом. Под навесом.

Отлично. Это означает, что Анна, скорее всего, будет выходить из зала через центральный вход. Я сканирую взглядом толпу, одновременно стараясь слиться с нею. Если Анна увидит меня первой, она снова сбежит. Кстати, этот момент до сих пор меня озадачивает. Анна, или Виктория, или кто она там, пришла ко мне на занятие. Не наоборот. Такое не может быть совпадением. Мои занятия проходят в здании старой общественной бани в Нижнем Ист-Сайде. Это не то место, где можно оказаться ненароком или чисто случайно проходить мимо.

Анна пришла туда специально, чтобы меня увидеть. Она меня отыскала.

Толпа уже слегка схлынула и начинает редеть. Анны по-прежнему нигде не видно. Я начинаю

беспокоиться, уж не пропустил ли я ее. Выходов-то множество. За всеми не уследишь. Я захожу в стоячую зону и смотрю на сцену.

И немедленно вижу Анну.

Она все еще сидит на своем месте, лицом к сцене, спиной ко мне. Такое впечатление, что она все еще смотрит представление. Или еще что-то. Я не знаю что. Малиновый занавес уже опущен. Я не вижу ее лица, но пытаюсь понять, в чем дело, почему она не уходит. Не хочет толкаться в толпе? Мюзикл настолько потряс ее эмоционально? Просто хочет спокойно полюбоваться великолепием изысканного интерьера в стиле ар-нуво? Или еще немного побыть в одиночестве тихого зрительного зала, прежде чем Чувак-с-пушкой отвезет ее обратно в золотую клетку?

Я понятия не имею. Но никаких причин задерживаться не вижу.

Я направляюсь по проходу к ней. У Анны отличное место в центре партера, ряду в восьмом или десятом. Долларов за триста-четыреста самое меньшее. В зале еще остается некоторое количество народу, человек двадцать-тридцать, но рядом с Анной никого нет.

— Я отключу звук, — шепчу я в микрофон псевдоэйрподсов и нажимаю на кнопку отключения

звука.

— Водитель смотрит на часы, начинает проявлять признаки нетерпения, — сообщает Полли.

Я дохожу по проходу до ее ряда. Место Анны третье с конца. Я быстро иду вдоль кресел и плюхаюсь на соседнее. Она вздрагивает и смотрит на меня.

— Анна, — говорю я.

— Отойдите.

Она начинает подниматься. Я мягко, но твердо кладу руку Анне на локоть и пытаюсь придумать, как удержать ее на месте, не пуская в ход силу. Это нелегко, и я понимаю, что, наверное, переступаю черту.

Я делаю вторую попытку:

— Анна…

— Почему вы так меня называете? Это не мое имя.

Я смотрю ей в глаза. Нет никаких сомнений в том, что это Анна из Фуэнхиролы, но я отдаю себе отчет в том, что мы, люди, способны обманываться в угоду собственным желаниям и нарративам. Поэтому я стараюсь не обольщаться.

— А ты предпочла бы, — говорю я, — чтобы я называл тебя Викторией?

Ее глаза на мгновение вспыхивают. Я попал в

яблочко.

— Как вы меня нашли? — шепчет она.

— Я выследил тебя после того, как ты появилась у меня на занятии, — говорю я ей. — Разве твои охранники не рассказали тебе, как вышвырнули меня из твоего поместья?

По лицу Анны пробегает озадаченное выражение.

— О чем вы говорите?

— Твой дом в Коннектикуте. Я попытался проникнуть на территорию через лес, но твой водитель натравил на меня добермана и угрожал пистолетом.

Анна качает головой.

— Я вас не знаю, — настаивает она, но я слышу в ее голосе сомнение.

Анна снова начинает вставать. Я сильнее сжимаю ее руку, и она бросает сердитый взгляд сначала на нее, потом на меня. Выбора у меня нет. Придется ее отпустить. Анна встает. Я делаю то же самое и иду следом за ней вдоль кресел к противоположному проходу.

— Мы познакомились в Испании, — говорю я.

— Я никогда в жизни не бывала в Испании.

— В Фуэнхироле, если точнее. На Коста-дель-Соль.

Анна продолжает идти, качая головой, как будто пытается убедить саму себя.

— Вы обознались.

— Это была ты, — говорю я. — Я думал, ты умерла.

Она качает головой еще яростнее.

— Ты представилась Анной. Мы познакомились на танцполе на «Дискотеке пальмерас». У тебя была квартира неподалеку.

Она явно начинает колебаться.

— Я проверил даты, — говорю я. — Это было приблизительно через три года после того, как ты… — Я не могу подобрать нужное слово, поэтому говорю: — Исчезла.

В наушниках я слышу голос Полли, которая говорит:

— Водитель говорит с билетером. Кажется, он направляется внутрь.

Черт!

— Я вас впервые вижу, — говорит мне Анна.

— Почему тогда ты пришла ко мне на занятие?

— Я не могу больше здесь находиться, — говорит она. — Он встревожится.

— Кто? — Это все бессмысленно. В руке у меня визитка, на которой напечатано только мое имя и номер телефона. — Вот, возьми.

— Что? Нет.

— Позвони мне, — говорю я.

Она качает головой, но визитку берет. Потом смотрит на меня:

— Вы не лжете? Вы действительно меня знали?

Прежде чем я успеваю ответить, голос Полли в наушниках сообщает:

— Водитель уже внутри.

— Твой водитель, — говорю я ей. — Он в театре.

— Пригнитесь! — говорит она в панике.

Я подчиняюсь. Упав на колени, опускаю голову как можно ниже и слышу знакомый голос Чувака-с-пушкой:

— Эй, у вас там все в порядке?

— Да-да, все нормально, — поспешно отзывается Анна. — Я просто… простите. Тут такой красивый интерьер.

— Угу, — говорит он. — Нам пора.

Анна кивает. Потом, прежде чем двинуться к выходу, смотрит на меня и шепчет:

— Не говорите никому, что видели меня. Пожалуйста.

Глава 12

Полли отменяет наблюдение за поместьем в Коннектикуте. Теперь никакого смысла в нем больше нет. После этого она уезжает на поезде к себе в Гринвич-Виллидж. Звонит Марти и говорит мне, что у него есть кое-какая информация от ФБР о похищении Виктории Белмонд.

— Во-первых, — говорит он, — дело так и не было раскрыто.

— Досье у тебя?

— Значительная его часть.

— Где оно?

— У меня дома.

Он диктует адрес. Я говорю, что уже еду. Гольфист Гэри предлагает меня подбросить, и я соглашаюсь. Гэри ездит на крутом «рейнджровере».

Мы едем в сторону Центрального парка. Я сижу на пассажирском сиденье рядом с Гэри и разглядываю его профиль. На вид я дал бы Гэри лет пятьдесят с небольшим. Он классический пухлячок с пивным брюшком, тощими руками и сутулыми плечами. Когда мне было двадцать, отец преподал мне урок, который я стараюсь

никогда не забывать. Была суббота, самое начало лета. Мы гуляли по парку Вашингтон-Сквер. Если вы там бывали, то знаете, что парк представляет собой этакий микрокосм земного шара, уместившийся на площади менее чем в десять акров. Всего за несколько минут там можно встретить представителей буквально всех разновидностей человеческих существ.

— Надежды и мечты, — произнес отец с широкой улыбкой, раскинув руки, как будто собирался кого-то обнять.

— Ты о чем? — не понял я.

Он наклонился, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Запомни, сын: каждый раз, когда ты видишь человека — не важно, богатого, бедного, молодого, старого, высокого, низкого, какого угодно, — у этого человека есть надежды и мечты.

Развивать свою мысль дальше он не стал. Думаю, это было сделано нарочно, потому что она до сих пор дает мне бесконечную пищу для размышлений. Я вспоминаю слова отца каждый раз, когда на кого-то смотрю. Мне кажется, отец тем самым хотел научить меня эмпатии. Когда проходишь по улице мимо какого-нибудь человека, он может злиться, быть крайне неприятной

личностью или скандалить. Или быть уродливым, или глупым, или каким угодно еще. Так вот, отец хотел, чтобы я помнил, что под всем этим наносным слоем, в глубине, скрыт живой человек со своими надеждами и мечтами. Очень простая мысль. Надежды и мечты. Возможно, этот человек ничем не примечательной наружности пережил крушение всех своих надежд и чаяний. Не важно. Надежды и мечты никогда не умирают совсем. Они где-то остаются, быть может, дремлют под спудом до лучших времен, но никогда не исчезают полностью.

Надо это уважать.

— Гэри?

— Угу?

— Чем вы живете? — спрашиваю я.

— Чем я живу?

У каждого есть надежды и мечты, а это значит, что у каждого есть прошлое. Каждый человек, который встречается тебе на жизненном пути, это роман, уникальный в своем роде.

— Где вы живете? — спрашиваю я. — Кем работаете? Что привело вас на мой курс?

— Вы всегда так живо интересуетесь своими студентами?

— Конечно, — говорю я. — В особенности теми,

которые возят меня на крутых «рейнджроверах» и носят рубашки поло с логотипами престижных гольф-клубов.

Он улыбается, положив запястья на руль.

— Вы играете в гольф?

— Ни разу в жизни не пробовал.

— Откуда тогда вы знаете, что логотипы на моих рубашках принадлежат престижным гольф-клубам?

— Погуглил.

Он кивает.

— Вы, я так понимаю, играете, Гэри?

Он сжимает руль.

— Раньше играл.

— А теперь нет?

— А теперь нет, — эхом отзывается Гэри.

— Послушайте, если вы не хотите рассказывать…

— Да нет, я все понимаю, — говорит Гэри. — Наверное, людей вроде меня не ожидаешь встретить на ваших занятиях. Я не очень вписываюсь в типичный образ студента, хотя, если судить по некоторым другим вашим студентам, никакого типичного образа не существует, правда?

— Верно, компания подобралась очень разношерстная, — соглашаюсь я.

— Можно задать вам один вопрос?

Я развожу руками:

— Я открытая книга.

— Вы женаты?

— Да.

— Дети есть?

— Сын. Ему всего годик.

— Здорово, — произносит Гэри.

— Угу.

— Я погуглил о вас, прежде чем записываться на занятия.

— Угу, — говорю я. — Вы уже об этом упоминали.

— Говорят, вас уволили из полиции за нарушение правил. Вы подвергли свидетеля опасности, загнав его на крышу…

— Его звали Пи-Джей Доусон.

— …А также действовали незаконными методами, что привело к гибели человека.

— Вы, кажется, хотели задать какой-то вопрос, Гэри? — спрашиваю я. — Впрочем, не надо. Не трудитесь, я сам. Да, это правда.

— Многие считают, что вы должны были понести за это наказание.

— Возможно, они правы. Но я заключил сделку. Подал в отставку. Лишился полицейской пенсии.

В обмен на это меня не стали преследовать.

— Мне очень жаль, — говорит он.

— Я крупно налажал.

При этих словах Гэри принимается ерзать на сиденье, не сводя глаз с дороги. Я решаю легонько его подтолкнуть.

— Так чем вы живете, Гэри? Жена, дети, вот это вот все?

— Разведен, — отвечает Гэри, и по его лицу снова пробегает тень. — Две дочери. Элли девятнадцать. Она на первом курсе в Клемсоновском университете. Таня в этом году оканчивает школу.

— Вы часто с ними видитесь?

Гэри пожимает плечами:

— Не так часто, как хотелось бы. Они живут с матерью в Шорт-Хиллс. Знаете такой?

Шорт-Хиллс — престижный анклав в Нью-Джерси. Богатый городок.

— Знаю.

— Девочки там выросли. Обе ходили в школу Пингри.

— Недешевое удовольствие, — хмыкаю я.

— Тогда у меня был свой хедж-фонд. У нас с Венди был пятикомнатный дом на Дорсет-лейн. Мы двадцать четыре года были женаты. — Гэри

бросает взгляд на меня, потом вновь смотрит на дорогу. — Жена вас любит?

— Да, — говорю я.

— Думаю, Венди меня никогда не любила. А может, я несправедлив к ней. Я разрушил ее жизнь. Вот в чем беда. Я думал, мы сможем это пережить. А она не смогла. Вот почему я сейчас один. Безработный. Венди встречается с одним из моих старых друзей. Девочки меня стыдятся. Вернее, Таня стыдится. Элли относится с бóльшим пониманием.

— Мне очень жаль.

Он улыбается:

— Я крупно налажал.

— Может, расскажете?

— Вы все равно мне не поверите.

— Я хорошо умею слушать, — говорю я. — И никого никогда не осуждаю.

— Но вы не играете в гольф.

Я шутовски вскидываю руки над головой, признавая обвинение.

— Уж не взыщите. И, честно говоря, это дурацкий спорт, для которого нужно слишком много места и времени.

— Тут не поспоришь, — говорит он. — Вы слышали когда-нибудь про «Вайн ридж»?

Я роюсь в памяти.

— Кажется, что-то такое припоминаю.

— Это эксклюзивный гольф-клуб. Там проводили несколько турниров Профессиональной ассоциации гольфа, в том числе первенство США двенадцать лет тому назад.

— Да, кажется, я смотрел его по телевизору.

— «Вайн ридж» расположен там же, где «Огаста», «Пайн вэлли», «Мерион» и «Вингед фут».

— Ясно, — отзываюсь я, хотя все эти названия ничего мне не говорят.

— Мы с Венди много лет были его членами. В случае Венди это было членство в третьем поколении. Ну, если можно так сказать. Женщины не могут состоять в клубе. Членами были ее дед и отец. Это, считай, то же самое. Я играл на хорошем уровне в любительской категории. Был членом команды в Амхерст-колледже. Там мы с Венди и познакомились. Так что, когда мы поженились и вступили в клуб, технически его членом стал только я. Потому что женщины не могут быть членами. Понимаете?

— Кажется, да. По-моему, это сексизм.

— Махровейший, — говорит он. — Но Венди это не волновало. Она обожала «Вайн ридж». Можно сказать, она там выросла. С самого детства про-

водила там каждое лето со своими родителями, бабкой с дедом, дядюшками и тетушками. Можете уловить идею?

— Могу, — говорю я.

— Мы с Венди ужинали в клубе три или четыре раза в неделю. Всегда с друзьями. Столики на шестерых или на восьмерых. Море смеха и алкоголя. Венди играла в группе женского девятилуночного гольфа по вторникам и в теннис по средам. Я был одним из лучших игроков в клубе среди мужчин. Мы знали всех и каждого.

Гэри на некоторое время умолкает и сосредоточенно поворачивает налево, с усилием выкручивая руль.

— Три года тому назад я играл в чемпионате клуба против Ричарда Белтхоффа. Мне в тот год впервые удалось выйти в финал. До этого я два года подряд проигрывал в полуфинале, один раз Ричарду в довольно спорном случае. Он забросил мяч за дерево и получил право на дополнительный бросок, потому что заявил, что его мяч лежал в лунке. Можете себе представить?

— Нет, — говорю я, хотя все это для меня китайская грамота.

Гэри предпочитает на этом не останавливаться.

— В общем, мы с Ричардом дружили, хотя и ожесточенно конкурировали между собой. Я попытаюсь особенно не вдаваться в подробности, потому что мне тяжело об этом говорить, а вам, наверное, не слишком интересно все это слушать.

— Напротив.

Гэри с улыбкой качает головой:

— Мы играем в чемпионате клуба. Доходим до восемнадцатой лунки. Это последняя. И у нас ничья. Это матчевая игра. То есть на каждой лунке вы либо выигрываете, либо проигрываете, либо играете вничью. Я выиграл четыре, он выиграл четыре, а на остальных девяти мы сыграли вничью. Так что эта последняя лунка решающая, пар-три за деревьями. Это особая лунка, потому что с ти — это стартовая площадка, финишную зону — грин — не видно.

В общем, все было так. Я начинал первым. Мне показалось, что я сделал отличный удар. Но деревья из-за недавней грозы были не подстрижены. Поэтому одна из веток висела низко. Мы услышали, как мой мяч с размаху влетел в нее. Я не мог поверить глазам. Ричард с трудом сдерживал улыбку. У меня внутри все оборвалось, но потом я подумал, что надежда еще не потеряна. Мяч мог

отскочить и приземлиться в песчаный бункер или еще куда-нибудь. Поэтому мы поспешили туда. Мяч Ричарда приземлился на границе грина, но все равно это были твердые два патта. Если бы я смог найти свой мяч и выбить пристойный чип, мне этого хватило бы для ничьей. Вот только я никак не мог его найти. Мы все решили, что он отскочил от дурацкой ветки, которой вообще не должно было там быть, и приземлился в лесу. Если бы мы не нашли мяч за пять минут, я получил бы штрафной и матч можно было бы считать оконченным. Ричард Белтхофф победил бы. Сейчас, когда я думаю обо всем этом… господи, да кому какая разница? Ну, повесят на стене деревянную табличку с твоим именем. Подумаешь. Но мне до смерти хотелось победить. Не знаю зачем. Я все еще не отошел от того, как Ричард победил год назад, наплетя каких-то небылиц про лунку. Поэтому я решил, что мы будем квиты. Я все равно не стал бы победителем. Если бы мне повезло, после восемнадцатой лунки у нас была бы ничья. Тогда была бы переигровка по правилу «внезапной смерти», и это было бы справедливо, потому что я не проиграл бы из-за какой-то идиотской ветки.

— И что вы сделали, Гэри?

— Я всегда играю мячами «Тайтлист про V» и пишу на них красным маркером мои инициалы, «ГГ». Всегда так делаю. Пишу мои инициалы красными чернилами. Чтобы все знали, что это мой мяч. И разумеется, все гольфисты на всякий случай носят в кармане пару запасных мячей. Чтобы не пришлось возвращаться и рыться в сумке, если случайно забросишь мяч в лес или в воду.

— Ясно.

— Так что, когда никто не смотрел, я вытащил из кармана запасной мяч и незаметно подкинул его на поле за бункером справа.

Я киваю:

— А потом просто сказали, что нашли его?

Он улыбается:

— О нет, это выглядело бы подозрительно. Я пошел искать мяч в лес, изображая из себя отличного парня, которому очень не повезло. Да, я был такой. Отличный парень. Все в клубе меня любили. Так что я ушел и стал надеяться, что мой мяч найдет кто-нибудь другой. И разумеется, кэдди Белтхоффа, Мэнни, внезапно закричал: «Эй, я нашел его!» Я даже глаза закрыл, когда услышал крик Мэнни. Я почти надеялся, что никто его не заметит. Я мог бы все отмотать назад. Но после

того как я подбросил мяч на поле…

— И что было дальше?

— Я разыгрываю изумление и радость. Потом беру клюшку, делаю два отточенных свинга и чипом отправляю мяч на грин. Не хочу хвастаться, но это был лучший чип в моей жизни. До пара мне остается всего один трехфутовый патт. Теперь все присутствующие подтягиваются с террасы, чтобы посмотреть. В руках у них бокалы. Венди тоже там. И ее отец. И дядя. И еще человек сорок-пятьдесят наших друзей. Настает очередь Ричарда. Он примеривается к мячу. Мэнни помогает ему. Если он сейчас попадет в лунку, то выиграет, но до нее тридцать футов. Скорее всего, будет два патта. Значит, мне придется положить мой трехфутовый точно в цель, чтобы была переигровка, дополнительная лунка. Тогда мы продолжим играть до тех пор, пока не будет чистый победитель. Ричард делает длинный патт. Удар получается превосходный. Мяч катится прямо в лунку, но… уфф… останавливается в считаных дюймах от нее. Буквально в трех. Зрители дружно стонут, но все же вежливо хлопают. Потом все глаза обращаются на меня. Я готовлюсь. Мне нужно сделать этот трехфутовый патт. Ричард подходит к своему мячу, чтобы сделать свой трехдюймовый…

Он умолкает. На глазах у него выступают слезы.

— Гэри?

Он отмахивается от меня.

— Что произошло?

Он смаргивает. Кажется, он готов разрыдаться.

— Все в порядке, — говорю я. — Мы можем…

— Нет, — произносит он чуть громче, чем нужно. — Я никогда и никому не рассказывал эту историю. Мне нужно выговориться.

Я жду.

Гэри сглатывает, желваки у него на щеках ходят ходуном. Потом он судорожно выдыхает.

— И вот, значит, Ричард подходит к мячу, чтобы загнать его в лунку, — начинает он заново. — И видит его.

— Что видит? — говорю я.

— В лунке уже есть мяч. — Он поворачивается и смотрит на меня. Сердце у меня сжимается от жалости к нему. — Мой первый мяч, — поясняет он, хотя я уже и так это понял. — Тот самый, который попал в дерево. Он в самом деле отскочил, но только не в лес. Он выкатился на грин и угодил в лунку. Я забросил его с одного удара.

Я ничего не говорю.

— Ричард медленно наклоняется и поднимает

мяч. На нем красными чернилами выведены мои инициалы. Стоит гробовая тишина. Все всё понимают. Я забросил мяч в лунку с одного удара — и выставил себя обманщиком.

Гэри умолкает. Я боюсь сказать какую-нибудь снисходительную глупость, что-то вроде «минутная слабость», или «эй, мы все делаем ошибки», или «ну никто же не умер». Но я понимаю. Понимаю еще до того, как он поясняет: обман разрушил ту жизнь, которую он знал. Гэри немедленно стал парией. Мы любим создавать людей. Но еще больше мы любим их низвергать.

Никто больше не хотел с ним играть. Поток приглашений на ужины иссяк. Местный новостной онлайн-портал, «Шорт-Хиллс патч», проведал об этой истории и опубликовал ее. От них с женой отвернулись друзья. Гэри предложил переехать в другое место, начать все с чистого листа. У них уже было место в гольф-клубе «Олд марш» во Флориде. Они могли переехать туда насовсем. Но члены «Олд марш» тоже слышали о той неприглядной истории. А Венди любила свою жизнь в Шорт-Хиллс. И не хотела отказываться от нее. Скрыться было некуда. И Венди сделала то, что могла, чтобы выжить: развелась с ним, «вырезала рак, чтобы остаться в живых», как сказал Гэри.

А теперь закрутила роман с одним из друзей Гэри — по иронии судьбы он приходился двоюродным братом Ричарду Белтхоффу, — который как раз недавно овдовел. А потом остатки рака дали метастазы. Многие из клиентов Гэри были членами все того же гольф-клуба. Они забрали свои деньги из его хедж-фонда.

В итоге Гэри потерял все.

— Из клуба меня, разумеется, исключили, — говорит Гэри. — Я больше не играю. Но почему-то до сих пор одеваюсь как гольфист. Наверное, в качестве напоминания. Наказания. Моей личной алой буквы, хотя и в виде пошлой гольфистской моды.

И снова мне хочется сказать: «Вы просто поддались сиюминутному искушению и сделали одну маленькую ошибку», и снова у меня хватает ума не оскорбить его подобной банальностью. Хотите горькую правду? Жизнь определяют не большие ошибки. Жизнь определяют ошибки маленькие. Представьте себе боковую линию на футбольном поле или на любом другом игровом поле. Самые дорогостоящие ошибки делаются именно тут, поблизости от этой линии, в тот миг, когда кто-то прочерчивает ее, и ты топчешься через нее туда-сюда, и эта линия становится расплывчатой, а

потом ты видишь, как мяч перелетает через нее, но, может быть, тебе удастся вовремя перехватить его и вбросить в игру, пока никто ничего не заметил. Это ошибки, которые остаются с тобой на всю жизнь. Вот они-то, маленькие ошибки, ошибки, которые вовсе не обязательно было делать, — они преследуют тебя и навсегда меняют твою жизнь.

Поэтому я не пытаюсь утешить Гэри. Вид у него раздавленный. Кое-кто из моих знакомых психологов сказал бы, что Гэри сделал это намеренно. Этот загородный гольф-клуб душил его, и он выбрал единственный доступный ему способ вырваться на свободу — через саморазрушение. Очень сомневаюсь, что это было так, но почему бы и нет.

— Гэри, — произношу я.

— Да.

— Я рад, что вы пришли ко мне на занятия.

Он улыбается:

— Я тоже, Кирс. Я тоже.

Глава 13

Марти живет в трехэтажном пентхаусе в знаменитом многоэтажном Бересфорд-билдинг на Централ-Парк-Вест, неподалеку от Американского музея естественной истории. Я погуглил цену, когда Марти только туда въезжал. Знаю, это не мое собачье дело, но таков мир, в котором мы живем. Не я устанавливаю в нем правила. Выставлен на рынок он был за девятнадцать миллионов долларов, но ушел за «намного меньшую сумму», чем нормальная рыночная цена, потому что предыдущий владелец оказался печально известным барахольщиком и преступником, который прятал в своем захламленном жилище похищенное полотно Вермеера. Так что Марти этот пентхаус достался за скромные четырнадцать миллионов.

Нет, Марти, которому, по моим прикидкам, никак не больше тридцати, купил эти хоромы отнюдь не на свою зарплату полицейского. Он из богатой семьи. Из очень богатой. Его семья живет в Хьюстоне. Таких раньше называли нефтяными баронами. Марти — четвертое поколение нефтя-

ных богачей.

Мы сидим на террасе с видом на Центральный парк. Бересфорд-билдинг известен своими тремя восьмиугольными угловыми башнями поверх двадцати двух этажей (в четвертом, северо-западном углу башни почему-то нет). Квартира Марти расположена аккурат в одной из них. Башня нависает над нами.

— Я хочу, чтобы ты знал, — говорит Марти, — что мы намерены бросить все силы на то, чтобы вновь упрятать Теда Грейсона за решетку.

Я ничего не отвечаю. Не хочу сказать, что этот порыв неискренний, но ни у кого в отделе просто не хватит запала довести дело до конца. Я не критикую, просто так уж устроен мир. Если кто-то и отомстит за смерть Николь, это буду я.

— Но ты здесь не ради этого, — говорит Марти.

— Нет, не ради.

— Тогда давай перейдем к интересующему тебя вопросу. К делу Виктории Белмонд. Должен сказать, там просто странность на странности и странностью погоняет.

Марти протягивает мне витаминный коктейль. Он зеленого цвета. Марти обожает витаминные коктейли, все свободное время пропадает в тренажерном зале, правильно питается — и выглядит

соответствующим образом. Сложно представить себе более выдающийся образчик физического совершенства, чем Марти. Высокий, красивый, мускулистый, в то время как я выгляжу так, как будто меня забыли на дне корзины для грязного белья. В тот непродолжительный период, когда мы с Марти были напарниками в нью-йоркской полиции, мы являли собой то еще зрелище.

— Я весь внимание, — говорю я.

— Начнем с того, что досье строго-настрого засекречено, закрыто, загрифовано, хранится за семью замками и не фигурирует нигде в системе. Доступ к нему есть только у самых высокопоставленных ребят.

— Есть какие-нибудь предположения, почему так? — спрашиваю я.

— Не особенно.

— По каким причинам ФБР может засекретить какое-то досье?

— Официально? Это означает, что содержимое досье, цитирую, «основано на разведывательных данных и оценке угроз, а следовательно, имеет отношение к национальной безопасности». Кроме того, они засекречивают файлы, чтобы защитить свои источники и методы работы или предотвратить утечку улик. Но, думаю, в данном

случае они руководствуются соображениями приватности. Доступ к материалам, содержащим персональную информацию о частных лицах, часто ограничен, если у вас есть деньги. Но, как я уже сказал, дело Виктории Белмонд состоит из сплошных странностей — начиная с той ночи, когда она исчезла.

— Что в нем такого странного? — спрашиваю я.

— Богатые старшеклассницы арендуют помещение над баром для празднования Нового года. Это тебе известно, верно?

— Известно.

— Во-первых, никто не хватился Виктории Белмонд, потому что ее родители были в отъезде и все были уверены, что она тусуется где-то за городом с подругами.

— Это мне тоже известно.

— Ну да, и мы с тобой знаем, насколько критичны первые двое суток, когда речь идет о похищении.

— Знаем.

— А здесь все обстояло куда хуже — времени прошло втрое, если не вчетверо больше. Когда полиция все-таки зачесалась, все, кто был на той новогодней вечеринке, уже дружно отрицали

сам факт того, что в ту ночь вообще была какая-то вечеринка. К тому моменту, когда копы наконец докопались до истины, все присутствующие уже наняли себе адвокатов. Вернее, их родители наняли им адвокатов.

— Подозрительно, — говорю я.

— И да и нет. Все они были несовершеннолетними и воспользовались фальшивыми документами. Всех только что приняли в элитные колледжи, а сам знаешь, для этой публики ничего важнее в жизни быть не может.

Я морщусь:

— Значит, они наняли адвокатов, потому что их подружку похитили и они боялись, что на этом основании их не возьмут в колледжи?

Марти улыбается:

— Что, слабо в такое верится?

— Да нет, почему.

— Богатые всегда так делают. Чуть что, нанимают адвоката. Лучше перестраховаться. Опасения относительно колледжей, наверное, сами по себе были достаточно веской причиной, но, возможно, родители боялись, что их детишки натворили чего похуже.

— Что, к примеру?

— Не знаю. Напились, поссорились с ней, еще

что-нибудь. Не забывай, все происходило почти сразу же после похищения. Тогда большинство считало, что либо девушка сбежала сама, либо рано или поздно ее найдут где-нибудь мертвой. И на тот, и на другой случай адвокаты посоветовали всем молчать.

— А тем временем, — говорю я, — след Виктории остывает.

— Угу. Когда было покончено со всеми юридическими формальностями — разрешениями, соглашениями о неразглашении, всем прочим в том же духе — и детишек наконец опросили, это ничего не дало. Никто не помнил, как Виктория ушла с вечеринки. Никто не помнил никаких крупных инцидентов с ее участием.

Я некоторое время думаю.

— У Виктории же был бойфренд, так?

— Что-то вроде. Тревор Ренни. Его считали неподходящей компанией, что в данном случае означает, что его родители зарабатывали всего лишь несколько сотен тысяч в год. Полиция сразу вцепилась в несчастного Тревора, но все свидетели показали, что они расстались за несколько недель до той вечеринки.

— А он на ней присутствовал?

— Да, но сам подумай, Кирс. В смысле, из се-

годняшнего дня. Учитывая все, что нам уже известно. — Марти вскидывает руки. — Как это мог быть ее бойфренд? Или, уж если на то пошло, кто-то из ее школьных друзей или подруг? Если бы девушку нашли мертвой несколько дней спустя, тогда имело бы смысл трясти Тревора Ренни. Но этого не произошло. Ты в самом деле считаешь, что старшеклассник способен похитить одноклассницу и держать ее взаперти одиннадцать лет? Одиннадцать лет, Кирс.

В словах Марти есть рациональное зерно.

— Ну да, — говорю я. — Выглядит нелогично.

— Есть и еще кое-что такое, что кажется мне странным.

— Продолжай.

— В пабе «Маккейб» готовы были закрыть глаза на кучку празднующих малолеток, но совсем уж откровенно нарушить правила не могли. Зачем рисковать лицензией?

— И что из этого следует?

— А следует из этого то, что заключать договор аренды должен был совершеннолетний. Никаких поддельных документов и прочей ерунды.

— И на чье же имя заключен договор?

— На имя старшего брата Виктории Белмонд, Томаса.

Я обдумываю услышанное.

— Интересненько.

— Это может ровным счетом ничего не значить, — говорит Марти. — Ребята из ФБР его спрашивали, Томас сказал, да, его сестре нужен был кто-то совершеннолетний, кто мог бы подписать договор, и он подумал, почему нет. Судя по всему, Томас и Виктория были близки.

— У Томаса Белмонда были приводы в полицию, верно?

— В юности успел покуролесить. Вождение в пьяном виде. Наркотики. Несколько раз ложился в реабилитационный центр. Был арестован за пьяную драку в баре. Ходили слухи, что он не самым примерным образом вел себя с женщинами, если ты понимаешь, о чем я, но это было до «Me Too»[5], так что, думаю, если там что и было, все удалось замять при помощи денег.

— А чем сейчас живет Томас Белмонд?

— Женат, работает в семейном бизнесе, хотя… погоди секунду. Я сейчас погуглю. — Марти утыкается в свой ноутбук и, набрав что-то на клавиатуре, удовлетворенно кивает. — Угу. Судя

---

[5] Примечания: 5

«Me Too» — распространившийся в социальных сетях в октябре 2017 года хештег, пользователи которого выражали осуждение сексуального насилия и домогательств.

по его официальной биографии, он исполнительный вице-президент «Белмонд корпорейшен», живет в Гринвиче, штат Коннектикут, с женой Мадлен и двумя дочерями, Вики и Стейси.

Марти разворачивает ноутбук экраном ко мне. На фотографии Томас в синем блейзере и зеленом галстуке. Я уже видел его прежде. Томас. Сокращенно Ти.

Коротышка Ти.

Марти внимательно наблюдает за моим лицом.

— Ты его знаешь?

— Ага, — говорю я. — Он грозился меня убить.

Каждый второй четверг на протяжении последних тридцати пяти лет Кирсы собираются на «семейный ужин» в китайском ресторане в Вест-Оранж, штат Нью-Джерси, неподалеку от того места, где я вырос. Когда мои отец с матерью только приехали в Соединенные Штаты, они жили в Ньюарке, пока в конце концов не перебрались в небольшой домик на две семьи в соседний Оранж. Их соседями по дому были Вайнберги. Сэм Вайнберг, патриарх; они с папой очень скоро стали лучшими друзьями. Большое семейство Вайнберг — Сэм, его родители, его сестра, его брат, их дети, человек в общей сложности

обыкновенно десять-пятнадцать, — по субботам собирались на «семейный ужин» в ресторане «Золотой Китай» в торговом центре «Эссекс-Гринмолл». Папе, который восхищался Вайнбергами, идея пришлась по душе, и он решил, что неплохо было бы завести такую же традицию и в нашей семье.

Мы тоже сначала ходили в «Золотой Китай», но потом он закрылся, и мы переместились в «Шан-Ли» в Нью-Йорке, но там было дороговато, так что теперь мы ходим в «Лунный сад». Правда, в нашей семье никогда не было столько народу, сколько у Вайнбергов. На протяжении многих лет нас было всего четверо: мама с папой, я и моя старшая сестра. Сегодня нас снова четверо: я, Молли, Генри и мой папа.

Заказывает еду всегда папа, и берет он неизменно одно и то же: димсам, креветки в омаровом соусе, жареный рис и свиные ребрышки. Иногда мы заказываем что-нибудь новенькое на пробу, но до сих пор ни одно блюдо еще в нашем постоянном меню не прижилось. Мама восемь лет назад умерла от рака яичников, и папа внезапно превратился в завидного вдовца. Он этого не стесняется. Регулярно ходит на свидания, заделался, как это раньше называли, плейбоем, и, хотя он

познакомил нас с пятью или шестью своими «приятельницами», приглашения на семейный ужин не удостоилась ни одна.

«Они умные и красивые, и я наслаждаюсь их обществом, — сказал он мне как-то раз в приступе откровенности, спровоцированном чересчур большим количеством виски, а потом постучал указательным пальцем по груди. — Но место в моем сердце навсегда занято твоей матерью».

Папа — настоящий франт. Он носит винтажные костюмы. Над верхней губой у него тоненькие, идеально симметричные усики; черные, с заметной проседью волосы обильно умащены гелем и зализаны назад. Папа всегда носит в кармане расческу. Он из тех мужчин, которые выглядят так, как будто открывают перед дамой дверь, даже когда они этого не делают.

Генри страшно радуется каждый раз, когда видит своего «деду»: его мордашка озаряется улыбкой, и кроха принимается дрыгать ножками, как будто все его маленькое тельце пытается выразить то, чего он не может пока сказать словами. Молли тоже обожает моего отца и как-то раз даже обмолвилась, что именно после знакомства с ним решила, что меня «надо брать». Бытует мнение, что женщина со временем превраща-

ется в свою мать, как-то объяснила она мне. Так вот, когда она познакомилась с моим отцом, то подумала: хорошо бы подобное было верно и в отношении мужчин тоже. Все это, конечно, очень трогательно, но я никогда в жизни не был франтом и вообще пошел в маму.

Я стараюсь, чтобы было не очень заметно, что мысли мои, пока я поливаю омаровым соусом жареный рис, заняты совершенно посторонними вещами, но отец и жена знают меня как облупленного. Кого я пытаюсь обмануть? Генри сидит в высоком стульчике, по уши перемазанный рисом, и из его кулачка вытекает начинка пельменя. Молли поднимается и достает нашего сына из стульчика.

— Пойду-ка я его переодену, — говорит она.

— Давай я схожу? — предлагаю я.

— Я сама. Все равно мне нужно в туалет.

Предлог шит белыми нитками, но я все понимаю. Молли хочет на несколько минут оставить нас с отцом наедине. Мне тоже весь вечер этого хотелось, и в то же самое время возможность уклониться от разговора меня более чем устраивала: мы с папой избегали его без малого четверть века.

Папа начинает:

— Значит, убийца Николь вышел из тюрьмы.

Это не совсем та тема, которая была у меня на уме, но:

— Да, — говорю я.

— И как ты с этим справляешься?

— Нормально.

— И тебя не тянет, не знаю, взять дело в свои руки?

— Тянет? Наверное. Поддамся ли я? Точно нет.

Папа сощуривается. Думаю, он мне верит.

— Тебя гложет что-то еще, так ведь?

Я смотрю на него. Просто смотрю, молча. И он все понимает без слов.

— Ах ты черт! — Он откидывается на спинку стула и похлопывает ладонью по груди чуть пониже узла на галстуке. — Расскажи мне.

Упрашивать себя я не заставляю. Я быстро рассказываю ему о занятии, о неожиданном появлении Анны, о том, как я устроил за ней слежку, о нашем столкновении в театре на Таймс-сквер, обо всем. И на протяжении всего этого рассказа память упорно возвращает меня к тому международному звонку из Испании, к паническим ноткам в обыкновенно ровном голосе отца.

«Поезжай в аэропорт. Прямо сейчас. Ни с кем не разговаривай. Просто садись на первый же

самолет домой. Или хотя бы в США. Все равно, в какой город…»

Отец слушает, постукивая пальцем по столешнице. Когда я заканчиваю, он говорит:

— Я не стану оскорблять тебя вопросом, точно ли ты уверен, что это та же самая девушка.

Я ничего не отвечаю.

Он продолжает барабанить.

— Ты, разумеется, понимаешь, что это хорошая новость. Это означает, что ты не…

Я чувствую, как внутри поднимается какая-то волна, но он говорит чистую правду. Все это время я ломал голову, что же случилось тогда на самом деле, перебирал в уме все возможные варианты — после того, как, сбежав из квартиры, в которой лежал «труп», осознал, что при мне нет ни кошелька, ни телефона, после того, как явился в местную полицию, к тому полицейскому, Карлосу Осорио, который сначала мне не поверил, а потом вдруг захотел со мной поговорить, хотя я так никогда и не узнал почему…

— Ни с кем не разговаривай. Просто садись на первый же самолет в США. Все равно, в какой город…

— Но, папа…

— Ты азиатский мальчик в чужой стране.

— А может…

— Правда никого не интересует. Послушай меня. На тебя повесят всех собак. Запиши номер моей кредитки. Садись на первый же самолет.

Я послушался. И улетел из Испании первым же рейсом — до Атланты. К тому времени, когда я приземлился, отец успел договориться с моей теткой, что я поживу у нее в Талсе. Месяцок. Потом месяцок превратился в два — просто на всякий случай. И все это время мы провели в ожидании, что Карлос Осорио позвонит на наш домашний номер в Нью-Джерси или на порог к нам нагрянут полицейские с ордером на экстрадицию меня в Испанию.

Ничего этого не произошло.

Осорио так и не позвонил. В новостях не появилось ни слова про найденный на курорте труп. И после моего возвращения из Талсы мы с отцом никогда больше об этом не говорили.

Папа откладывает в сторону палочки:

— Значит, твоя Анна на самом деле оказалась Викторией Белмонд.

— Похоже на то.

— И какие у тебя есть предположения по этому поводу?

Я снова вспоминаю любимую цитату из «Шер-

лока Холмса» о том, что не стоит слишком спешить строить гипотезы.

— Никаких.

— Когда мы только приехали в эту страну, — говорит отец, — во всех новостях было похищение Пэтти Херст. Ты о нем слышал?

Я киваю. Я тоже об этом думал.

— Пэтти было девятнадцать, когда ее похитили радикалы, — продолжает папа. — Вскоре она начала делать заявления против собственной семьи и участвовать в налетах на банки. В какой-то момент двоих ее похитителей арестовали за кражу из магазина. Она выскочила из фургона, на котором они собирались скрыться, и расстреляла магазин из автомата.

— Я помню.

— Когда ее нашли, Херст заявила — и до сих пор это утверждает, — что ей промыли мозги и удерживали в плену против ее воли, попутно насилуя. Но ее все равно признали виновной. Так что всей правды не знает никто. Возможно, что-то в том же роде случилось и с Анной… я имею в виду, с Викторией… а может, и нет. Ее могли заставлять этим заниматься. Она принимала наркотики в больших количествах. Ты сам мне говорил. Дилер, тот, который посоветовал тебе

бежать, вполне мог быть ее похитителем. Или работать на похитителей. Они могли выкрасть девчонку, переправить ее в Испанию и подсадить на наркотики.

Я киваю. Такая возможность уже приходила мне в голову, но я не смог заставить себя в нее поверить. Да, мы принимали наркотики. Да, к той дряни, которую мы, ну или по крайней мере я, приняли в ту последнюю ночь, скорее всего, было подмешано какое-нибудь более сильнодействующее вещество. Но у Анны не было ни ломок, ни следов уколов, ничего такого. Я бы заметил, будь у нее зависимость от какого-то наркотика, которая влияла бы на ее поведение.

Ведь заметил бы?

Лучшим другом Анны, единственным ее другом был тогда наш дилер, парень из Нидерландов, которого все звали Базз. Я пришел к выводу, что дружба с Баззом помогала Анне зарабатывать на жизнь. Что она продавала для него наркотики или еще что-нибудь в этом духе. Я не слишком-то о таком задумывался. Я наслаждался каникулами. Все происходящее было для меня новым и волнующим опытом. Я получал удовольствие. Выходит, следовало включить голову?

Именно Базз услышал тогда мой крик и ворвал-

ся в комнату.

«О господи, что ты натворил?»

Папа кладет руку мне на локоть:

— Все в порядке, Сами.

Я с трудом заставляю себя кивнуть.

«Если ее тело найдут, нас обоих посадят…»

— Ты рассказал Молли? — спрашивает папа.

— Кое-что.

— Когда?

— Вчера. Не хотел ей врать.

Папа кивает.

— И что она сказала?

— Она упомянула Теда Грейсона.

Отец сводит брови на переносице:

— С чего вдруг?

— Она считает, что это не может быть совпадением. Появление Анны. Освобождение Теда Грейсона.

Папа лихорадочно соображает, и я вижу отражение моих собственных эмоций на его лице.

— Не понимаю, какая тут может быть связь.

— Вот и я так ей сказал.

— Но это не значит, что связи нет, — продолжает он. — Может, нам провести небольшое расследование?

— Расследование?

— Где был Тед Грейсон в то время, когда ты находился в Испании? Не могла его жизнь каким-то образом пересечься с жизнью Виктории Белмонд?

Я строю гримаску:

— Он что, похитил Викторию за много лет до того, как наши жизненные пути пересеклись, затащил ее в Испанию, а потом начал встречаться с женщиной, которой я в итоге сделал предложение, и тогда он убил ее, продолжая удерживать Викторию Белмонд в плену еще восемь или девять лет?

Отец откидывается на спинку стула. В руке у него «олд-фэшен»[6], отец всегда его берет. Он медленно делает глоток.

— У меня есть другой совет.

— И какой же?

— Примерно такой же, какой я дал тебе тогда.

— Ты посоветовал мне забыть это все как страшный сон и жить дальше.

Папа улыбается. Как и у вашего покорного слуги, у него обаятельная улыбка.

— Вот именно.

Я не хочу говорить ему, что думаю, потому что

---

[6] Примечания: 6

«Олд-фэшен» (*англ.* «старомодный») — алкогольный коктейль на основе бурбона или ржаного виски. *— Примеч. ред.*

вряд ли папа будет счастлив это услышать. К тому же я терпеть не могу, когда взрослые люди винят в своих проблемах родителей. Но правда заключается в том, что я тогда последовал его совету. Попытался жить дальше. Попытался забыть все, что произошло в Испании, как страшный сон. А что нужно делать, чтобы забыть? В моем случае — и я совершенно уверен, что я не один такой, — я прибегнул к помощи одного широко известного психоактивного вещества. Опять-таки я вовсе не собираюсь винить отца в том, что начал пить. Но не будет, наверное, таким уж большим грехом сказать, что события той знойной ночи в Коста-дель-Соль сыграли в этом определенную роль?

— Нам всем нужно переехать во Флориду, — говорит папа. — В Сент-Питерсберг. Будем смотреть правде в глаза. Здесь тебе ловить уже нечего. Работа в полиции осталась в прошлом. И Тед Грейсон тоже. А теперь, когда ты знаешь, что Анна жива и здорова, можешь оставить в прошлом даже ее. Начнем все с чистого листа. Помнишь моего друга Акаша? Он открыл во Флориде частное охранное агентство. Говорит, ему не помешал бы в штате человек с твоим опытом. И деньги предлагает более чем достойные.

К столу медленно идет Молли. Она несет на руках Генри, который тут же расплывается в улыбке и всем телом тянется ко мне.

Первое мое побуждение — ответить отцу отказом, сказать, что я не собираюсь больше убегать, что я никуда не поеду, что это мой дом, что я здесь родился и вырос, и все прочее в том же духе. Но с моей стороны это было бы чистой воды упрямством.

— Мне нужно подумать, — говорю я.

— Хорошо.

— И разумеется, поговорить с Молли.

— Разумеется. Но давай договоримся вот о чем. Пока ты не принял решение, ты просто отпустишь прошлое.

— Оно меня уничтожило, — говорю я, не подумав, и жалею о своих словах, едва они вылетают у меня изо рта, еще даже до того, как отец вздрагивает, словно от пощечины. — Я не это имел в виду, — поспешно говорю я.

— Все в порядке.

— Просто… ты учил меня не бегать от трудностей.

— Я-то как раз не учил, — говорит отец, а потом на его лице появляется ностальгическая улыбка. — А вот твоя мать, увы, учила.

Глава 14

Уже совсем поздно, часа в два ночи, Молли говорит мне:

— Я специально оставила тебя сегодня наедине с отцом.

Мы с ней лежим рядышком в темноте.

— Я догадался.

— Вам удалось поговорить?

— Он считает, что мы должны начать все заново.

Молчание.

— У него во Флориде есть друг, у которого своя охранная фирма. Предлагает взять меня на работу. На очень неплохие деньги.

— И что ты думаешь по этому поводу?

— Я женат на прекрасной женщине, и у нас с ней маленький сын. Это не только мое решение.

— Прозвучало немного снисходительно.

Я улыбаюсь в темноте:

— Я понял это в тот же миг, как произнес эти слова.

— Я не просила тебя принимать решение.

— Знаю.

— Я хотела узнать твои мысли по этому поводу.

— Ясно, — говорю я. — Есть за и против.

— Не хочешь поделиться?

— В два часа ночи?

— Ну, мы оба все равно не спим, — говорит Молли, переворачиваясь со спины на бок, и кладет теплую ладонь мне на грудь. — За: погода.

— Мы оба терпеть не можем холод, — соглашаюсь я.

— Зимы становятся чем дальше, тем длиннее.

— И все же мы прожили здесь всю жизнь.

— Это мы заносим в графу против переезда во Флориду? — уточняет Молли.

— Наверное.

— Мы здесь родились, — говорит она. — И выросли. Нам здесь нравится.

— Даже если мы терпеть не можем зиму.

Молли продолжает:

— Еще за. Во Флориде дешевле снимать жилье.

— Намного.

— Тебе будут платить хорошие деньги. Я смогу найти работу.

— Да и да.

— Генри будет расти в доме с настоящим задним двором.

Я склоняю голову набок:

— Это за?

— Полицейское управление Нью-Йорка перестанет быть проблемой, — продолжает она. — Ты сможешь наконец освободиться от прошлого.

Молчание.

— Сами?

— Нельзя освободиться от прошлого, — говорю я.

— Еще как можно. Не зря же существует поговорка «С глаз долой — из сердца вон». Да, ты останешься собой, но уже в других обстоятельствах. Это все равно что добавить в смесь свежий катализатор. Я знаю, что у тебя есть свои демоны, Сами. У нас всех они есть.

— У всех, но не у тебя, — говорю я. — Ты само совершенство.

— Кажется, кое-кто меня идеализирует. И я сказала «освободиться от прошлого», а не сбежать от него. Только вот какая штука. Знаю, тебе пришлось пережить много всякого-разного. И мне тоже. Но все это привело нас в то место, где мы с тобой, я и ты, находимся здесь и сейчас. В ином случае у меня сейчас не было бы ребенка и самого замечательного в мире мужчины. А ты замечательный, Сами. Так что ошибки, боль,

даже смерти — возможно, все это чему-то нас научило.

Ладонь Молли по-прежнему лежит у меня на груди. Я накрываю ее своей, и наши пальцы переплетаются.

— А вдруг, — говорю я, — то, чему это меня научило, — то, что делает меня замечательным, — это невозможность отпустить прошлое?

— Тушé, — произносит она после секундного молчания.

— Ты хочешь во Флориду? — спрашиваю я.

— Ни за что.

— Тогда вопрос закрыт, — говорю я.

В пять утра я наконец засыпаю, а ровно в шесть с плачем просыпается Генри. Я шепчу любимой на ушко, чтобы не вставала, я сам обихаживаю малыша, и Молли, негромко всхрапнув, вновь закрывает глаза. Я свешиваю ноги с постели, беру с прикроватной тумбочки телефон и иду к Генри. Мой сын — спокойный ребенок. Даже сейчас его плач звучит скорее успокаивающе, чем тревожно или пронзительно; кажется, малыш хочет аккуратно разбудить родителей, а не заставить вскочить с постели и бежать к нему. Как только я склоняюсь над кроваткой, Генри понимает, что сейчас о нем позаботятся, и мгновенно перестает

плакать. Он улыбается мне и что-то лепечет, и я растекаюсь сладкой лужицей от умиления. Достаю малыша из кроватки, меняю ему подгузник, несу в кухню и сажаю в детский стульчик. Чтобы чем-то занять его, пока я буду готовить завтрак, кладу на подносик несколько разноцветных кукурузных колечек и проверяю телефон.

Первые два сообщения от Артура, и пришли они в 06:04.

Первое из них гласит:

> Чур, гонца не убивать.

Ничего хорошего это не предвещает. Я прокручиваю экран вниз, ко второму сообщению.

> По просьбе Теда Грейсона пересылаю тебе его сообщение. «Передайте Кирсу, что я хочу показать ему одну улику. Пусть подъезжает к дому моей матери по адресу: 198B Сити-бульвар на Стейтен-Айленде. Я буду дома весь день. Хорошо бы он позвонил заранее, чтобы я знал, когда его ждать».

Нажимаю на кнопку «Ответить» и начинаю набирать ответ Артуру:

Почему я должен к нему ехать? Пусть сам ко мне едет.

Три пляшущие точки говорят мне о том, что Артур набирает ответ. Вскоре он приходит.

Он взял на себя уход за умирающей матерью. Ей осталось совсем недолго.

Меня не волнуют ни Тед Грейсон, ни его умирающая лживая мамаша. Чтобы выразить свои чувства, я набираю: «Как трогательно. Щас расплачусь» — и завершаю свою реплику рыдающим смайликом, но не нажимаю «Отправить», а вместо этого стираю все в неожиданном приступе зрелости и набираю все заново:

Если у него есть какая-то улика, почему он не сказал мне об этом вчера?
Я задал такой же вопрос.
И что?

Его ответ:

На нее можно посмотреть только у него дома. Не в офисе.

Я снова строю гримаску. Потом смотрю на Ген-

ри. Он тоже хмурится, копируя мое выражение. Я смотрю на него и говорю:

— Нормально, да?

Генри заливается хохотом.

Телефон тренькает. Очередное сообщение от Артура.

Так ты подъедешь к нему или нет?

Я набираю ответ:

Передай, что я буду ровно в шесть.

Это вранье. Незачем давать ему время подготовиться.

Я действую очень быстро. Надеюсь, Молли проснулась. Увы, нет. Приходится мне ее разбудить. Очень нежно. Как Генри. Молли стонет, но все понимает. Я аккуратно кладу Генри ей на грудь, принимаю душ и одеваюсь. Потом на метро отправляюсь на паром до Стейтен-Айленда.

К восьми утра я на Стейтен-Айленде разглядываю дом, в котором выросло это чудовище, Тед Грейсон. Дом можно было бы тактично назвать обшарпанным, но на самом деле выглядит он так, как будто активно облезает, а то и вовсе вот-вот развалится. Вид у дома какой-то до странности

кособокий, как будто его нарисовал дошкольник. Все окна задернуты шторами, кроме одного, верхнего правого, которое заколочено. Перед всеми соседскими домами весело зеленеют лужайки, такие ухоженные, что хоть сейчас турнир по гольфу устраивай. Но только не перед домом Грейсонов. У них на участке пышно разросся бурьян высотой в человеческий рост. Я сказал бы, что в асфальте кое-где виднеются трещины, но куда справедливее будет сказать, что это в трещинах кое-где виднеется асфальт.

Я с опаской подхожу к двери, пытаясь вспомнить, когда в последний раз делал прививку от столбняка, и пытаюсь найти дверной звонок. Такового не обнаруживается. Когда я стучу, осторожничая, чтобы не ободрать костяшки пальцев и не посадить занозу, на землю дождем осыпаются пласты старой краски. Жду. Никто не открывает. Снова стучу, и голос, принадлежащий Теду Грейсону, отзывается:

— Минуту!

Когда он открывает дверь, я снова с удивлением, если не с удовольствием отмечаю, как ужасно Грейсон выглядит. Он тяжело дышит, как будто только вернулся с пробежки. На Грейсоне резиновые перчатки, а в руке он держит белый

полиэтиленовый пакет. До меня доносится запах чего-то человеческого и одновременно тошнотворного.

— Ты хотел что-то мне показать? — бросаю я.

— Думал, ты подъедешь ровно к шести.

Я ничего не отвечаю.

— Я должен был догадаться, когда услышал «ровно», — со вздохом говорит Тед. Потом отодвигается в сторону. — Я помогаю маме одеться. Тебе придется немного подождать.

И тут как по команде до меня доносится дребезжащий старческий голос:

— Тед?

— Уже иду, мам.

Он делает мне знак проходить. Не знаю, как быть. Заходить в эту развалюху меня совершенно не тянет. Я мог бы подождать снаружи, на свежем воздухе, но за годы работы в полиции усвоил, что, когда подозреваемый приглашает тебя в свое жилище, стоит принять приглашение, если только у тебя нет оснований подозревать серьезную опасность. Дом может рассказать о человеке очень многое. Это и обстановка, в которой человек живет, и его предпочтения, и его характер. Никогда не знаешь, что он может невольно о себе выдать.

Так что я захожу.

И из крошечной прихожей сразу попадаю в гостиную. Диван разложен. Судя по всему, Тед сегодня на нем ночевал. Спальное место занимает все невеликое пространство, так что я остаюсь стоять — не то чтобы, впрочем, мне очень хотелось присесть на засаленную мебель. В углу громоздкий старомодный телевизор с двумя антеннами. Лампочки в люстре желтого оттенка, так что все в комнате выглядит болезненно-желтушным. По стенам развешены выцветшие фотографии в захватанных рамках. Я принимаюсь их разглядывать. На большинстве запечатлено семейство из четырех человек: мама, папа и два мальчика. Одна фотография сделана во дворе, когда лужайка перед домом куда больше походила на соседские, другая — в этой самой комнате, на фоне этого самого телевизора. Отец, насколько мне известно, умер много лет назад. Я припоминаю, что у Теда Грейсона был брат по имени Натан. За некоторое время до убийства он перебрался в Лос-Анджелес. Не помню, чтобы после ареста Теда он приехал поддержать брата. Остается мать, Патрисия. Я видел ее на суде, хотя здесь, на снимке, она моложе.

Слышу журчание, потом кто-то несколько раз спускает воду в туалете. Два человека — судя по

всему, Тед и его мать — приглушенно о чем-то переговариваются. Его голос звучит заботливо, ласково, успокаивающе. Ее — расстроенно, растерянно, испуганно. Мне тут не нравится. Темно, мрачно и пахнет дезинфектантом и смертью. Этот запах, хотя и напоминает запах от подгузников Генри, вызывает у меня совершенно противоположные эмоции.

Запахи человеческих экскрементов как отражение жизненного цикла.

Мне вдруг становится трудно дышать.

Дверь, ведущая в спальню, открывается, и оттуда, шаркая, выходит Тед Грейсон. Глаза у него покрасневшие. Я не знаю почему. Мне плевать.

— Она умирает, — говорит он мне.

Я ничего не отвечаю.

— Я просил ненадолго отпустить меня из тюрьмы. Всего на день или на два. Чтобы я мог с ней попрощаться. Знаешь, что мне ответили?

Я ничего не говорю.

— Они ответили, что, возможно, меня отпустят к ней на похороны. — Он качает головой, как будто сам не верит своим словам. — До чего же странная система, правда? На похороны отпустить тебя они могут, а дать попрощаться с близким человеком, пока тот еще жив и способен

тебя услышать, получить какое-то утешение и, возможно, найти мир в своей душе, — это нет, это чересчур.

Грейсон смотрит на меня с таким видом, как будто ожидает, что я с ним соглашусь.

— Мать Николь умерла четыре года назад, — говорю я ему. — Перед смертью она все звала свою погибшую дочь. Ничего более душераздирающего я в жизни своей не слышал.

Мы некоторое время молча смотрим друг на друга.

— Где обещанные доказательства, что ты ее не убивал? — спрашиваю я наконец.

— Скажи мне, Кирс, как можно доказать, что ты чего-то не делал?

— Ты это хотел мне сказать?

— Нет, — отвечает он. — Я вообще ничего не хотел тебе сказать.

Я отступаю на шаг назад:

— Я тебя не понимаю.

— Это моя мать хотела, — говорит Тед Грейсон. — Это ради нее я позвал тебя сюда.

Он поворачивается к двери и кладет руку на ручку. Потом смотрит на меня, чтобы убедиться, что я готов. Мне совершенно не хочется туда заходить. Я не знаю, как правильно себя вести

в подобных ситуациях. Да и кто вообще знает? Я не любитель общаться с больными людьми. И вообще, я немного мизофоб, а этот дом кишит, наверное, всеми возможными разновидностями микробов.

Тем не менее я следом за Грейсоном вхожу в комнату к его больной матери.

Я ожидаю увидеть множество аппаратов, к которым она подключена. Но никаких аппаратов в комнате нет. Мать сидит на заправленной постели. Ноги прикрыты одеялом. Сквозь жидкие седые волосы просвечивает скальп. Кожа выглядит восковой. Глаза, которые она не спускает с нас, кажутся слишком большими, слишком яркими, слишком голубыми. Я пытаюсь сопоставить женщину, которую вижу сейчас, с женщиной на тех фотографиях, с женщиной, которую я помню по заседаниям суда много лет тому назад. Общего между ними нет ничего, кроме этих пронзительных голубых глаз, которые буравят меня, словно пытаясь просверлить насквозь, в точности как тогда, в суде, когда она давала показания.

— Тед? — окликает Патрисия.

— Да, мама.

— Ты предложил нашему гостю что-нибудь выпить?

Я перехватываю инициативу:

— Нет, не предложил, потому что я не гость и не хочу ничего пить.

Ее взгляд перескакивает на сына.

— Подожди снаружи, пожалуйста.

Просьба, похоже, застает Теда врасплох.

— Мама?

— Будь так добр, Тед. — Голос у нее совсем слабый, но, думаю, он до сих пор слышит в нем стальные нотки, к которым был привычен с детства. — Подожди снаружи.

Тед выходит и закрывает за собой дверь. Я не шевелюсь. Запахи никуда не деваются, пробиваясь сквозь цитрусовую отдушку освежителя воздуха, который каким-то образом только делает их еще неприятнее. У кровати стоит стул. Я не сажусь на него. Не шевелюсь. Просто продолжаю стоять неподвижно.

— Тед был здесь, со мной, — говорит она. — В ночь, когда Николь застрелили.

Хоть бы что-то новенькое придумала.

— Да, я был в суде, когда вы давали показания, вы не забыли? Вам нечем подкрепить ваше алиби. Никто из тех, кто жил на вашей улице, не видел Теда в ту ночь. Присяжные не поверили вам тогда. Я не верю вам сейчас.

— Я умираю.

— Знаю, — говорю я. — Это ничего не меняет. Предсмертное заявление матери, которая хочет вытащить сына из тюрьмы, не прибавляет веса вашим показаниям. Другой свидетель видел вашего сына совсем рядом с местом убийства в то время, когда он, по вашему утверждению, находился здесь.

— Брайан Энселл, — произносит она.

— Да.

Она закрывает глаза, делает глубокий вдох и говорит:

— Я очень долго об этом думала.

— И что надумали?

— Энселл солгал на суде. Я считала так долгое время.

— А теперь?

— А теперь я задаюсь вопросом, — говорит она срывающимся голосом. Потом пытается сесть прямее. Я не бросаюсь ей на помощь. — Вы никогда не думали, что, может, все было подстроено?

Я молчу.

— Тед ездил в Пенсильванию, чтобы купить пистолет, — продолжает она. — Возможно, кто-то об этом знал. Кто-то проследил за ним, украл пистолет и оделся, как он.

— Миссис Грейсон, — говорю я. — Думаю, мне пора уйти.

— Она была здесь за два дня до того, как ее убили. Вы знали об этом?

Я застываю на месте.

— Я имею в виду Николь. Она приходила ко мне.

Я пытаюсь унять сердцебиение.

— Зачем?

— Потому что Тед устраивал ей скандалы. Николь его разлюбила. Мы обе это знали. Но его судьба все равно была ей небезразлична. Такая уж она была, Николь.

Меня разрывает между желанием заставить ее заткнуться и желанием выслушать человека, который знал Николь и может поговорить о ней, потому что, как это ни чудовищно, мир оставил ее в прошлом.

В особенности я, любовь всей ее жизни.

— Мы с Николь были очень близки, — говорит миссис Грейсон. — Вы же знаете это, Сами.

Мне не нравится, что она называет меня по имени. Меня это злит. Но я должен сохранять спокойствие. Убийца Николь находится за дверью. На фоне его освобождения и неожиданного воскресения Анны/Виктории меня захлестывают

эмоции. Я с трудом соображаю и отдаю себе в этом отчет.

— Значит, — говорю я, пытаясь рассуждать логически, — Николь пришла к вам, поскольку ее беспокоили угрозы, которые она получала в свой адрес от вашего сына, который только что приобрел пистолет, из которого ее впоследствии застрелили. Я верно излагаю?

Ответа нет.

— Я прямо даже и не знаю, как вам сказать, миссис Грейсон, но эта информация едва ли снимает с него подозрения.

— Это не все, что она мне сказала.

— Да?

— Николь рассказала мне об одном деле, которым занималась.

— О деле, — говорю я, скептически вскидывая бровь.

— Да. Она разрабатывала кого-то, кто, по ее мнению, мог причинить ей вред.

— Как удобно, — говорю я. — Миссис Грейсон…

— Патрисия.

— Миссис Грейсон, — повторяю я. — Николь служила в полиции. Мы подняли все ее дела, чтобы проверить, не мог ли это быть кто-то, у кого были основания затаить на нее злобу. Мы

проверили все возможные зацепки, но ничего не нашли.

— Это было не уголовное дело, — говорит мне миссис Грейсон.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Да что вы говорите!

— Это было что-то личное. Что-то, имеющее отношение к ее семье.

— Значит, она пришла к вам, чтобы рассказать, что ваш сын ей угрожает…

— Она не боялась Теда. Она знала, что он ничего плохого ей не сделает.

— …а потом и говорит: «Да, кстати, я тут занимаюсь одним делом, только оно не уголовное, а имеет отношение к моей семье, и оно тоже очень меня пугает». Так, да?

Ее яркие глаза темнеют.

— И чтобы убедиться, что я ничего не перепутал, — продолжаю я, — вы никогда никому об этом не рассказывали?

— Совершенно верно, — отвечает она. — И вы знаете почему.

— Прямо-таки теряюсь в догадках, — развожу руками я.

Она кашляет в платок. Потом поворачивается и

смотрит на стакан с водой на прикроватной тумбочке. Не знаю уж, ожидает ли она, что я брошусь ей на помощь, или как. Я не двигаюсь с места.

— Если бы я сказала полицейским, что Николь приходила ко мне пожаловаться на сообщения от Теда, прокурорские перекрутили бы мои слова и использовали против него. Как вы сейчас. Но послушайте меня. Мне осталось уже совсем недолго. В ту ночь Тед был у меня. Я с самого начала это говорила и никогда не отступалась от своего слова. Ни разу. Кто-то другой… возможно, кто-то, кого Николь разрабатывала и кого опасалась… возможно, это его вам нужно искать. Вам нужно выяснить, над чем работала Николь.

Я киваю. Мне отчаянно хочется уйти.

— Это все?

Патрисия Грейсон начинает уставать. Ее голова падает на подушку. Взгляд устремлен больше не на меня, а в потолок.

— А что, если вы ошибаетесь?

Я ничего не отвечаю.

— Что, если вы упекли моего сына на восемнадцать лет в эту кошмарную тюрьму, где он превратился в пустую оболочку, потому что не желаете признавать правду? Что, если в глубине души вы сами знаете, что совершили вопию-

щую несправедливость, но не позволяете себе признать это, потому что такая возможность кажется вам слишком чудовищной, чтобы даже помыслить о ней? Как вы будете жить с таким камнем на совести, если выяснится, что Тед этого не делал?

Я ничего не говорю.

— Я умирающая женщина. И клянусь на смертном одре, что в ту ночь, когда убили Николь, мой сын был у меня. Он ее не убивал.

Глава 15

Я не говорю Теду Грейсону ни слова. Просто выхожу из дома и направляюсь прямиком обратно на паром до Манхэттена. Приятно побыть на свежем речном воздухе — я вдыхаю его полной грудью на протяжении всей двадцатипятиминутной поездки. Сойдя с парома на Саут-стрит, иду пешком вдоль набережной Ист-Ривер. Не знаю, сколько времени. Наверное, несколько часов. Я никуда не спешу. Мне никуда не надо. Молли повела Генри гулять в парк. Вернутся они не скоро. Поэтому я пытаюсь пройтись, чтобы избавиться от воспоминаний о доме Грейсонов. От мерзкого ощущения и мерзкой вони.

Я прокручиваю в голове все то, что мне сказала мать Теда. Снова и снова. Она лгала, чтобы спасти сына, как тогда, в суде. Я это знаю.

Но не могу не признать: кое-что из того, что она сказала, очень похоже на правду.

К примеру, я знаю, что Николь питала к Патрисии Грейсон теплые чувства. Мать Теда очень поддержала Николь во время тяжелого развода ее родителей. Николь неоднократно упоминала

о ней с теплотой. Жизнь у нее была отнюдь не сахар, рассказала мне Николь. Перебитый нос, провалившиеся щеки — результат побоев мужа, отца Теда Грейсона. Так что я не удивлен, что Николь могла побывать у Патрисии Грейсон. Я знаю, что Николь время от времени водила ее куда-нибудь пообедать. И пригласила ее к нам на выпускную церемонию полицейской академии.

Николь никогда не рассказывала мне о самых угрожающих сообщениях от Теда. И я, разумеется, понимаю почему. Она боялась, что я что-нибудь с ним сделаю. Хотела разобраться сама.

Ну и как она разобралась бы?

Николь вполне могла попытаться достучаться до Теда через его мать. Могла пойти к Патрисии, чтобы вдвоем найти какой-нибудь способ помочь Теду, пока тот не зашел слишком далеко.

Если это так, у обеих ничего не вышло.

Я не знаю, что со всем этим делать. Тед Грейсон убил Николь. Все улики указывают на это. Но, может, я просто стою на своем из чистого упрямства? Не так давно задержали серийного убийцу, который подставлял невинных людей. К тому моменту, когда настоящего убийцу поймали, многие из них отбывали пожизненные заключения. Так ли уж высосано из пальца то, что говорит

Патрисия Грейсон? Если быть объективным, если попытаться взглянуть на факты отстраненно и непредвзято…

Нет, простите, моего мнения это не изменит.

«Как вы будете жить с таким камнем на совести, если выяснится, что Тед этого не делал?»

Прекрасно буду. Я ничего не выдумывал. Все улики указывали на него. Отвергнутый мужчина шлет женщине, которую я люблю, отвратительные сообщения с угрозами. Он обещает всадить пулю ей в голову. Он покупает пистолет. Из этого пистолета ее убивают. Все это факты, которые не оспаривает даже Тед. Так что, если это и не он нажал на спусковой крючок…

Стоп. Я что, в самом деле рассматриваю эту безумную мысль всерьез?

Нет уж. Патрисия Грейсон лжет, чтобы выгородить сына. Но, возможно, мне удастся этим воспользоваться. Возможно, если удастся доказать, что она лжет, если удастся войти к ней в доверие, сделать вид, что я ее слушаю, и подловить в тот момент, когда она проговорится и откроет правду…

Может, я слишком поспешил уйти? Может, стоит вернуться?

Все эти мысли крутятся у меня в голове, когда

я открываю дверь в свою квартиру. Какое счастье, что в Нью-Йорке еще остались районы, где законом запрещено слишком сильно повышать арендную плату! И тут я, к изумлению своему, слышу голоса, доносящиеся из кухни. Один, разумеется, принадлежит Молли. А другой, как выясняется, когда я подхожу ближе, Виктории Белмонд. Она сидит за столом с моей женой. Они пьют чай. Молли относится к чаю со всей серьезностью. Она собственноручно готовит чайные смеси, покупает какие-то травы на местном фермерском рынке, а что-то даже выращивает сама в горшочках на подоконнике. Заваривая чай, Молли никогда не спешит. Она растирает мяту между пальцами особым образом, чтобы лучше отдавала аромат. Засекает время, необходимое для того, чтобы чай настоялся, — обыкновенно это двенадцать минут. У Молли есть специальный пестик, которым она измельчает чайный лист. У нас в хозяйстве имеются заварочные чайники, инфузеры, ситечки, герметичные банки для хранения чая.

Обе женщины одновременно оборачиваются ко мне. Первая мысль меня совершенно не красит. Вы будете меня осуждать, но из песни слова не выкинешь, так ведь? Первая моя мысль — и

в свое оправдание скажу, что она была мимолетной, безотчетной, и задерживаться на ней я не стал — о том, что обе эти женщины очень красивы и с обеими я занимался любовью. Ну вот. Извиняться я не собираюсь.

В иных обстоятельствах я бы, пожалуй, даже возгордился.

Молли заговаривает первой.

— У нас гости, — сообщает она очевидное.

— Простите, — говорит Виктория. — Мне следовало бы позвонить, но если бы я это сделала, то, боюсь, струсила бы и никуда не поехала.

— Все в порядке.

Это говорит Молли, не я. Она протягивает руку и кладет ее Виктории на локоть. Ладони Виктории кольцом обхватывают чашку с горячим чаем, словно ей отчаянно хочется тепла. Она вскидывает глаза и с благодарностью улыбается моей жене. Молли еще секунду-другую сидит так, потом встает.

— Я пойду, а вы тут пока поговорите, — произносит она.

— Не надо, не уходите, — говорит Виктория. — Пожалуй, даже лучше будет, если вы останетесь.

Молли застывает в нерешительности и смотрит на меня. Я не очень понимаю, как относиться к

этой просьбе, но киваю. Она медленно опускается обратно на свое место.

Мы молчим. В углу стоит стул. Меня очень подмывает придвинуть его к столу и сесть рядом с ними, но стоя я чувствую себя увереннее. Я не очень понимаю, мне заговорить первым или лучше не торопить Викторию. Проходит несколько секунд. Виктория, все так же обнимая кружку обеими руками, подносит ее к губам. Мы с Молли не торопим ее. Она ставит кружку на стол, потом поворачивается ко мне.

— Я не знаю вас, — говорит она.

Я ничего не отвечаю. Она не для того проделала весь этот путь, чтобы просто сообщить мне это. Так что я жду.

— Ну или, во всяком случае, я вас не помню. Но у меня есть какое-то ощущение… не знаю даже, как его назвать. Это не дежавю. Но что-то в вас кажется мне очень… знакомым. Что-то притягивает меня к вам. — Она смущенно улыбается и качает головой. — Я все говорю не так.

Молли вновь кладет ладонь на локоть Виктории:

— Все в порядке.

— Я не в том смысле, что меня к вам тянет, а в некотором смысле наоборот, как бы странно это

ни прозвучало. Как будто я могу дать вам какое-то успокоение. Понимаете?

Обе женщины вопросительно устремляют на меня взгляд. Я сглатываю, не очень понимая, что на это ответить. Потом решаю действовать пошагово.

— Вчера вечером вы пришли ко мне на занятие.

— Да.

— Можете сказать зачем?

Виктория Белмонд утыкается в свою кружку.

— Я увидела вашу фотографию в новостях. Это был репортаж о том, что вас уволили из полиции и теперь преступника выпустят на свободу из-за того, что вы нарушили правила.

Молли откидывается на спинку стула, и мы с ней переглядываемся. Мы пытались понять, какая связь может быть между выходом Теда Грейсона из тюрьмы и появлением в моей жизни «Анны». Ну вот, пожалуйста.

— В общем, после того, как я увидела ваше фото, оно не давало мне покоя. Как будто пыталось что-то мне сказать. И еще я все время думала — только, опять же, пожалуйста, не поймите меня неправильно, — что мне нравится ваше лицо. — При виде моего выражения Виктория

умолкает. — Что такое?

— То же самое вы сказали мне, когда мы с вами познакомились.

— Правда?

— Ну да.

— Вы сказали, что мы познакомились в ночном клубе в Испании.

— В Фуэнхироле, — говорю я. — На «Дискотеке пальмерас».

— И когда мы познакомились, я сказала, что мне нравится ваше лицо?

— Да. Вы сказали, что в нем чувствуется характер.

Молли улыбается:

— Не могу не согласиться. Чувствуется, правда же?

— В нем есть доброта, да?

— Да, — говорит Молли. — Что-то такое, что с первой же минуты внушает доверие.

«Не вздумай возгордиться», — напоминаю я себе.

— Потом я стала искать, — продолжает Виктория. — Прочитала все, что смогла найти в интернете. Увидела, что вы ведете вечерние курсы. Ну и подумала: а вдруг, если я приду к вам на занятия и увижу вас вживую, может, в голове у

меня что-нибудь щелкнет? Я ведь почти ничего не помню о… — Она умолкает, закрывает глаза, открывает их вновь и начинает заново: — Ну… в общем, я подумала, что, если я увижу вас вживую, может быть, я что-нибудь вспомню.

— И как, вспомнили? — спрашиваю я.

— Нет. Когда вы меня заметили, я просто испугалась. И убежала. У меня есть личный водитель. Родные не любят, когда я выхожу из дома в одиночку. Я прибежала к машине и велела ему отвезти меня домой. Ума не приложу, каким образом вы меня выследили.

Я не вижу особого смысла пускаться в рассказы о GPS-трекерах.

— Так чем мы можем вам помочь? — спрашивает Молли.

Виктория поворачивается ко мне:

— Вы можете рассказать мне все, что вы помните?

— Про Фуэнхиролу?

— Да.

Я с сомнением во взгляде смотрю на Молли.

— Все в порядке, Сами, — со смехом говорит моя жена. — Я знаю, что была у тебя не первой.

— Да, но это не означает, что мне было бы приятно слышать, как ты рассказываешь о своем

бывшем.

— Это потому, что я взрослее тебя, — говорит Молли. Потом спрашивает: — Ты собираешься вдаваться в подробности относительно секса?

— Нет.

Молли взмахом руки делает мне знак продолжать.

Я как могу излагаю историю моей поездки в Европу в обществе членов студенческой команды по лякроссу, о нашем знакомстве на «Дискотеке пальмерас», о квартирке Анны в Фуэнхироле, о наших ленивых днях на пляже, о вечеринках в ночных клубах, о единственном человеке, который казался вовлеченным в ее жизнь, торговце наркотиками по прозвищу Базз из Нидерландов. Рассказывая, я пытаюсь уловить в ее взгляде какие-то признаки узнавания, но ничего такого в нем нет. Я вижу перед собой женщину, заинтересованную и прекрасную слушательницу. Эта мысль мгновенно переносит меня в прошлое. Анна была прекрасной слушательницей. Мы с ней болтали допоздна, и я сам не замечал, как выкладывал ей какую-нибудь очередную историю о том, как опростоволосился или сел в лужу (нет, не о том, о чем вы подумали). Никогда прежде я до такой степени не раскрывался ни перед одной

девушкой. По моему опыту, женщины любят слушать, как их мужчины признаются в своих недостатках и демонстрируют им свои уязвимые места, но не хотят, чтобы ты при этом производил впечатление слабака. Не знаю уж, можно ли считать это противоречием или нет, но дело обстоит именно так.

— Расскажите мне побольше об этом Баззе, — просит Виктория.

Я пытаюсь, но известно мне немногое. Описываю его внешность и говорю, что у него был сильный голландский акцент.

— Сколько ему, на ваш взгляд, было лет?

— Побольше, чем нам. Лет тридцать пять — сорок. Тогда он казался мне чуть ли не стариком.

Я умолкаю и жду. Мы вплотную подходим к главному вопросу, и я до сих пор не очень понимаю, каким образом к нему подступиться.

И, словно прочитав мои мысли, Виктория спрашивает:

— И как все это закончилось?

Я все еще полицейский. Ты не даешь, не получив чего-то в ответ. Когда допрашиваешь подозреваемого, ты, разумеется, не выкладываешь ему всю информацию по делу. Ты кое-что придерживаешь — чтобы разговорить его или

подловить на вранье. Думаю, Виктория Белмонд не пытается темнить, но до конца пока все же не уверен.

Я беру стул из угла и придвигаю его к столу так, чтобы он оказался ближе к Молли, чем к Виктории. Мне не хочется вторгаться в ее личное пространство.

Я изо всех сил стараюсь не включать полицейского. Я улыбаюсь обезоруживающе, как только могу, и демонстрирую Виктории лицо, которое ей, по ее уверениям, так нравится.

— Можно, я сперва задам вам пару вопросов?

Она хлопает глазами, но отвечает:

— Конечно.

— Вы Виктория Белмонд, так?

— Ну да.

— Что вы помните?

— Про вас?

— Для начала.

— Ничего. Я же уже говорила. Простите. Я не помню ни вас, ни Испанию, ни Базза — ничего из этого. Не хочу, чтобы вам показалось, что я разочарована, но никакие воспоминания во мне не всколыхнулись.

— Это то, ради чего вы сюда приехали?

— Да.

— Вы надеялись, что, возможно, я смогу восполнить хотя бы часть пробелов в ваших воспоминаниях о том времени, когда вы… когда вас считали пропавшей без вести.

— Да. Но это была не единственная причина. Есть и другая.

— И что же это за причина? — интересуюсь я.

— Я уже говорила. Когда я увидела сперва вашу фотографию… а потом и вас самого на занятии… мне захотелось сказать вам, что на самом деле со мной все в порядке.

И прошлое вновь подступает к моим глазам, так что в горле встает соленый ком.

— Сами? — подает голос Молли, но я ничего не отвечаю.

Я тронут и испытываю горячую благодарность. По правде говоря, теперь, когда я вижу ее своими глазами и знаю, что она жива и здорова, с моей души свалился огромный камень.

Виктория склоняет голову набок:

— Почему у меня возникло такое желание?

— Я не знаю, — говорю я, но теперь обе женщины смотрят на меня с таким выражением, как будто насквозь видят мое вранье. Я пытаюсь взять себя в руки и включить полицейского. — Вы можете рассказать мне все, что помните? Не

только про меня?

Виктория подносит кружку к губам, но на этот раз рука у нее дрожит. Молли замечает, что кружка почти опустела. Она встает сделать еще чаю.

— Вы знаете, как меня нашли? — спрашивает Виктория.

— В какой-то забегаловке в Мэне, — говорю я.

— Я находилась в состоянии ступора. Как будто я жила, отгороженная от всего мира стеклянной перегородкой. Как будто слышала, что мне говорят окружающие, но слова еле пробивались сквозь это стекло. Я не понимала их. И у меня было такое ощущение, словно я пытаюсь им что-то сказать в ответ, и даже не говорю, а кричу, но никто меня не слышит. Я никого не знала. Не знала, кто я такая. Не могла даже толком различить ничьих лиц. Поначалу не знала даже, как меня зовут. Моя память была сплошным белым пятном. Только когда я увидела родителей и брата, что-то начало пробиваться. Но все равно то, что я думала и чувствовала, было каким-то раздробленным, фрагментированным, как будто я была разбитым стеклом, которое невозможно уже склеить, но по каким-то осколкам я могла понять, что раньше я была стеклом. Простите, я бестолково объясняю.

— Все в порядке, — заверяет ее Молли.

— Вы хотите знать, что я помню об этих одиннадцати годах, — говорит Виктория, — так я вам скажу. — Она смотрит мне прямо в глаза. — Ничего. Нет, даже хуже чем ничего. Это то, как я для себя это описываю. «Ничего» сойдет. Это просто провал в памяти. Такое впечатление, что я легла спать в восемнадцать лет, собираясь встречать Новый год в компании подружек, а проснулась почти тридцатилетней. А между этим — ничего. Но периодически в памяти всплывают какие-то обрывки ощущений. Темнота. Повязка на глазах. Я помню, что меня неоднократно кто-то избивал. Когда я вернулась, врачи сказали, что в какой-то момент у меня был сломан нос и раздроблена скула. Я помню страх. Мне все время было страшно. Я не помню Испанию, но временами у меня возникают воспоминания о слепящем солнце. Я работала с психиатрами, разумеется. Они были со мной очень терпеливы. Мы вместе пытались восстановить картину того, что со мной произошло. Но что-то в моем мозгу не пускает меня туда.

Молли снова накрывает ее руку ладонью:

— Я очень вам сочувствую.

— Сейчас уже все в порядке. — Виктория

выдавливает из себя улыбку. — Это было давным-давно.

Молли поднимается и подливает ей еще чаю. Потом бросает вопросительный взгляд на меня. Я отрицательно качаю головой.

— Еще что-нибудь вам известно? — спрашиваю я.

— Что, например?

— Полиции не удалось выяснить, кто вас похитил?

— Нет.

— И даже никаких зацепок не было?

— Никаких, — говорит она.

— Значит, тот, кто это сделал…

— …до сих пор гуляет на свободе? Не знаю. Может, его уже нет в живых. Одно время ходила такая версия.

— Что похититель умер?

Виктория снова смотрит мне прямо в глаза:

— Что я его убила. Что я его убила и сбежала.

Молли снова опускается на свой стул. Мы некоторое время сидим молча.

— Время шло, — продолжает Виктория задумчиво. — В конце концов полиция забыла про это дело. И все остальные тоже.

— А вы?

— Я пыталась. Но обвинения никогда не прекращались.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает Молли. — Какие обвинения?

— Ходят самые разные теории, — говорит Виктория почти будничным тоном.

Молли не намерена отступать:

— Относительно вашего похищения?

— Да. Множество.

— Например?

— Например, что меня никто не похищал, — отвечает она со слабой улыбкой. — Что мне ничего не грозило. Что я выдумала всю эту историю. Что сбежала с каким-нибудь парнем. Или что сбежала с каким-нибудь парнем, а он потом сделал меня своей пленницей. Или — от тех, кто подобрее, — что у меня случилось что-то вроде психотического срыва и все это время у меня была амнезия. Зачем кому-то похищать девушку из состоятельной семьи и не требовать выкупа? А может, требования были. Может, похититель потребовал у моих родителей выкуп. Может, они даже заплатили ему, а ФБР ничего не сказали. И мне тоже.

— Вы в какую-нибудь из этих теорий верите? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами, но говорит:

— Нет. Смысл в том, что в ФБР не знают, чему верить. В одну секунду я ухожу с новогодней вечеринки. В следующую секунду — бабах! — прошло одиннадцать лет, и я сижу в закусочной.

Мы некоторое время молчим, обдумывая ее слова. Потом из соседней комнаты доносится младенческий лепет. Проснулся Генри. Молли с улыбкой поднимается и идет в комнату.

Когда мы остаемся одни, Виктория/Анна накрывает мою руку ладонью.

— Я ведь не ошиблась, да?

Я ничего не отвечаю.

— Когда я увидела вашу фотографию, какой-то внутренний голос велел мне отыскать вас и сказать вам, что со мной все в порядке. Это же не просто так, да?

— Да.

— А с вами? С вами все в порядке? Или, по крайней мере, вам стало лучше? Мое появление вам помогло?

Я заставляю себя кивнуть.

— Да, — отвечаю я. — Помогло.

— Я сделала вам что-то плохое. В Испании.

— Это уже не имеет никакого значения.

Виктория улыбается мне, и это самая искренняя

улыбка, какую я за все время видел на ее лице.

— Тогда, наверное, этого достаточно, — говорит она.

— А вам помогло? — спрашиваю я. — То, что вы меня увидели?

Виктория на некоторое время задумывается. Потом заключает:

— Наверное, да. Я не знаю как и почему. Но мне стало как-то спокойнее на сердце. — Она берет со стола телефон, смотрит на время, открывает приложение вызова такси. — Мне надо идти.

Она поднимается. Я провожаю ее до двери. Молли с Генри присоединяются к нам. Виктория некоторое время воркует с Генри, потом обнимает Молли на прощание. Приезжает «Убер».

— Никто не знает, что я поехала к вам, — говорит Виктория.

— В смысле? — спрашивает Молли. — Ваши родные что, следят за вами?

— Они обо мне беспокоятся, — поправляет Виктория. Потом поворачивается ко мне. — Думаю, нам не стоит больше встречаться, Сами.

С этими словами она садится в машину и машет мне рукой. Я машу в ответ, и в этот момент меня накрывает абсолютной уверенностью.

Виктория лжет.

Глава 16

Я сижу с Генри в кухне на полу и читаю ему нашу с ним любимую книгу. Это слегка пожеванное картонное издание истменовской классики — «Ты моя мама?». Ее еще мне читал в детстве папа. Захватывающее повествование про только что вылупившегося из яйца птенчика, который решает, что мама его бросила, и отправляется ее искать (пешком — летать-то он еще не умеет). Птенец задает вынесенный в заголовок вопрос по очереди котенку, курице, собаке, машине и катеру и в конце концов оказывается в ковше великанского парового экскаватора. Это жуткая и вдохновляющая история. Если задуматься, то «Ты моя мама?» — наше первое столкновение с ужасом.

Молли заканчивает принимать душ и выходит из ванной в моем халате. У нас с ней плюс-минус один размер, и я люблю, когда она надевает мой халат, рубашки или боксеры. Это совершенно особый уровень близости.

— Ты как? — спрашивает она.

— Нормально.

— Это было…

— …странно, — договариваю я за нее.

— Да. Мне ее жаль.

Генри тянет ручки к книге и дергает ее. Это его способ дать нам понять, что он хочет слушать дальше. Мы с ним остановились на странице, где птенчик забирается на голову к большущей собаке. Не знаю, что это за порода. Как-то я даже пытался гуглить, но ничего не нашел. У меня есть полузаброшенный аккаунт в одной социальной сети, я и там тоже спрашивал. Большинство мнений было, что это или бладхаунд, или бассет-хаунд.

Вот видите, я не хуже других способен тратить время на всякую ерунду.

Молли опускается на пол рядом с нами:

— А знаешь, что показалось мне особенно странным?

— Скажи мне.

— Ты видишь у себя на занятии бывшую подружку. С которой провел всего несколько дней, от силы неделю. Ты не сказал, сколько именно.

— Пять дней, — говорю я.

— Пять дней, — повторяет Молли. — И вот сейчас, двадцать с лишним лет спустя, ты видишь ее у себя на занятии и, когда она убегает, бросаешься

за ней в погоню и вторгаешься в ее поместье. Перед тем как мы с тобой познакомились, ты, помнится, встречался с Джейми Ратнер. Если бы она появилась у тебя на занятии, а потом дала деру, ты точно так же за ней ломанулся бы?

— Нет.

И я все ей рассказываю. Я рассказываю, как проснулся весь в крови. Как обнаружил у себя в руке окровавленный нож. Как в комнату внезапно ворвался Базз и закричал: «Боже, что ты натворил?.. Вали отсюда! Если ее тело найдут, нас обоих посадят! Решат, что это ты ее убил, и тогда меня… давай, сваливай быстрее!» Я давно уже понял, когда прокручивал в голове все произошедшее, что смесь, которую Анна получила от Базза, была более сильнодействующей, чем обычно, что я все еще с трудом соображал и потому Баззу удалось подавить мою волю. Я подчинился. Он вытащил меня из квартиры. Я кубарем скатился по лестнице, выскочил из дома и побежал что было духу. Я бежал и бежал, то и дело на что-то натыкаясь, пока, сам не помню, каким образом, не очутился на пляже и там не отключился. Когда я вновь пришел в себя, то совершенно не знал, что делать. Я был растерян и напуган, и единственное, чего мне хотелось, это

уехать. Забыть все как страшный сон. Казалось бы, что могло быть проще — просто вновь присоединиться к товарищам и продолжить поездку…

Но я не мог так поступить.

Даже будучи глупым зеленым мальчишкой, я понимал, что так поступать нельзя.

Поэтому я отправился в полицейский участок на Авенида Кондес де Сан-Исидро. Там я встретился с молодым детективом по имени Карлос Осорио. Но как только я принялся путано объяснять ему про молодую американку по имени Анна, которую убили, то немедленно осознал, как дико звучит вся эта история. Отчасти проблема была в том, что произошедшее и впрямь казалось дурным сном. Возможно, во всем были виноваты наркотики. А может быть, не знаю, может быть, ничего этого на самом деле никогда не было.

Вот только я знал, что было.

Вторая часть проблемы крылась в том, что я лгал инспектору Осорио, ну, или, по крайней мере, не говорил ему всей правды. Я был молодым парнем пакистанского происхождения на курорте, кишевшем белыми европейцами. У меня хватало соображения не заявить: «Я проснулся с окровавленным ножом в руке», так что, пытаясь убедить Осорио, что я говорю правду, я ему врал,

и, думаю, он прекрасно это понимал.

В конце концов Осорио согласился пойти со мной к Анне. Но ее квартира находилась в жилом комплексе из нескольких однотипных зданий. Я никак не мог вспомнить, в каком из них обитала Анна. Когда мы наконец нашли его — спустя сутки, — квартира была пуста и сияла первозданной чистотой. Осорио посмотрел на меня многозначительным взглядом. Меня очень подмывало возразить. Сказать, что Базз, должно быть, привел здесь все в порядок, как и обещал, но тут я сообразил, что нож с моими отпечатками на нем, скорее всего, сейчас у Базза, и потом, не забывайте, это было двадцать два года тому назад: употребление и хранение наркотиков в чужой стране вполне могло повлечь за собой солидный тюремный срок.

И что я мог сделать?

Я не знал.

Я вернулся к себе в хостел на окраине города, чтобы хорошенько все обдумать. Потом из таксофона в холле позвонил отцу и рассказал ему о том, что произошло. В это время мне со стойки регистрации передали срочное сообщение от инспектора Осорио. Он просил, чтобы я немедленно явился в участок.

–Не ходи никуда,— велел мне отец.

— Ты это серьезно?

— Ты не получал никакого сообщения. Ни с кем не разговаривай. Не собирай никакие вещи. Садись на первый же самолет в США. Все равно, в какой город…

— Но, папа…

— Ты азиатский парнишка в чужой стране.

Когда я заканчиваю свой рассказ, Генри все еще грызет книгу. Молли сидит молча, переваривая услышанное.

— Что ж, по крайней мере, теперь мы знаем, что ее никто не убивал, — произносит она наконец.

— Угу.

— Ты, наверное, испытываешь огромное облегчение.

Я киваю, не доверяя собственному голосу.

— А пульс ты у нее тогда проверял?

— Нет.

— Потому что, когда ты закричал, в комнату ворвался этот твой Базз?

— Угу.

— Как будто ждал за дверью, когда ты проснешься?

— Угу, — повторяю я в третий раз.

— Ты наверняка задумывался об этом.

— Да, за последние двадцать с гаком лет я перебрал в уме все возможные варианты. Но, видимо, мозг не мог позволить мне увидеть то, что сейчас представляется правдой.

— И что же это?

— Что меня развели. У меня при себе была куча денег. И мобильный телефон. Когда я выскочил из квартиры, я обо всем этом даже не вспомнил. На то и был их расчет. Анна с Баззом были обыкновенными мошенниками. А я их объектом. Задачей Анны было подобраться к объекту и втереться в доверие. Они вдвоем накачивали его наркотиками и заставляли поверить, что он убил ее, после чего по их замыслу объект должен был сбежать. Он не стал бы поднимать шум. Не пошел бы в полицию, не стал бы выдвигать никаких обвинений. В большинстве случаев, видимо, их жертвы поступали в точности так, как посоветовал мне отец. Бежали без оглядки. А если кто-то все-таки сообщал в полицию, они успевали замести все следы до того, как их находили.

— Слишком уж много телодвижений, — говорит Молли. — Не проще ли было провернуть все в первую же ночь?

Я качаю головой:

— Мои деньги все время оставались в сейфе в

хостеле. А в тот вечер я их забрал. Я собирался переехать к ней.

Молли сидит молча. По щеке у нее ползет слезинка. Мое сердце будто рвут на куски. Никогда еще я не видел жену такой печальной.

— Молли?

— Ты никогда мне об этом не рассказывал.

— Я вообще никому никогда об этом не рассказывал. Только отцу.

Молли сглатывает.

— А Николь?

Я снова качаю головой:

— Даже Николь. Даже матери.

— Такая огромная часть тебя, — говорит Молли, и ее голос звучит отстраненно. — И ты ни словечком не обмолвился.

— Прости, — говорю я. — Я предпочел обо всем забыть.

Она морщится:

— Ты и не думал забывать.

— Я не хотел, чтобы это присутствовало в нашей жизни.

Молли ничего не отвечает. Она сидит молча, и это разбивает мне сердце.

— Молли?

— Наверное, лучше будет, если ты сегодня пе-

реночуешь у отца.

То, что осталось от моего сердца, камнем обрывается куда-то в бездну. В ее голосе нет гнева. Уж лучше бы был.

— Я не хочу тревожить отца, — говорю я.

— Тогда в отеле или у кого-нибудь из друзей. Только сегодня.

В конце концов я решаю поехать к Крейгу, на сей раз не только ради того, чтобы взять машину. Вообще-то, я думал переночевать у Марти — видит Бог, его жилище не в пример комфортнее, — но в последнее время я совсем не баловал Крейга своим вниманием и беспокоюсь, что ему одиноко. Узнав о том, что я еду, Крейг страшно обрадовался. Он сбегал в супермаркет и купил гуакамоле, сальсу, чипсы «Тостито» («те, что в форме лопаток, я помню, ты такие любишь») и черемуховой колы. Бренди у Крейга в запасе есть всегда. Он любит мешать его с черемуховой колой. Возможно, такое сочетание покажется вам отвратительным, но это исключительно потому, что так оно и есть.

Крейг записал сегодняшний футбольный матч между британскими «Манчестер-Сити» и «Фулхэмом», и мы садимся его смотреть. Я люблю смотреть футбол, в особенности когда ни за кого

не болею. Когда ты вовлечен в игру эмоционально, это слишком нервное занятие, когда же нет, футбол становится зрелищем почти медитативным, со всеми этими пробежками туда-сюда, вперед-назад и — как американец не могу не подчеркнуть отдельно — без вставок и перерывов на рекламу, кроме как между таймами. Жаль, что в других видах спорта так не бывает, но я не настолько наивен, чтобы не понимать, что все это ради денег. В силу возраста я еще помню времена, когда тотализатор был вне закона — когда же они закончились? лет десять тому назад? — теперь же букмекерские приложения по телевизору рекламируют едва ли не чаще, чем пиво.

Если бы я был вовлечен, то не мог бы не ворчать.

У Крейга есть единственный сын по имени Майкл. Он уже взрослый и живет в Сан-Франциско. В квартире повсюду расставлены и развешаны семейные фотографии. На всех до единой присутствует покойная жена Крейга, Касси. Не хочу никого обидеть, но Касси была внешне ничем не примечательной женщиной. А может, это и не обидно вовсе с той точки зрения, что нам всем не помешало бы иметь рядом человека, который смотрел бы на нас таким взглядом, каким Крейг

смотрел на Касси.

Крейг засыпает в кресле. Мне он постелил в гостевой — раньше это была комната Майкла. Из-за стены доносится его храп.

В полночь телефон у меня начинает вибрировать. Звонит Молли. Я беру трубку и говорю:

— У вас там все в порядке?

— Я не могу уснуть, — говорит она.

— Я тоже.

— Мы договаривались не ложиться спать, не помирившись, — говорит Молли.

— Я не злюсь.

— И я. Приезжай домой, Сами. Хочу, чтобы ты был здесь, со мной.

— Прости, что не рассказал тебе про Испанию.

— Это все не имеет никакого значения. Я хочу, чтобы ты был дома, с нами.

— Крейг уже спит.

— Разбуди его и скажи, что едешь домой. Или просто оставь записку. Пожалуйста!

Упрашивать меня не приходится. Крейг все понимает и немедленно засыпает снова. Приложение говорит мне, что мой поезд опаздывает, так что я раскошеливаюсь на старое доброе желтое такси. Когда-то отец водил такое. А потом стал инвестировать деньги в лицензионные жетоны

для таксистов. Когда-то такие жетоны имели огромную ценность — на пике в Нью-Йорке они стоили под миллион долларов. Отец вложил в них почти все свои сбережения и некоторое время преуспевал, а потом появился «Убер» и тому подобные приложения, и вместо миллиона жетоны стали стоить дай бог сотню тысяч, так что отец потерял все.

Когда вызываешь такси в ночное время, никогда не знаешь, какой водитель тебе попадется. Мой оказывается разговорчивым малым по имени Дмитрий Скалл, худым, небритым и напряженным. Он рассказывает мне, что раньше работал в рекламном бизнесе.

— Я придумал отличную рекламную кампанию для «Верайзона»[7], — сообщает Дмитрий.

Люблю поболтать с таксистами. Жаль, сейчас почти никто из них не желает с вами разговаривать. Уши у всех заткнуты наушниками, и они часами разговаривают с кем-то в своих родных странах. Я частенько задаюсь вопросом, кто там так сильно их любит. Это как с Касси. Любовь повсюду, нужно только приглядеться повнимательнее.

---

[7] Примечания: 7

«Верайзон коммьюникейшенс, Инк.»— американская телекоммуникационная компания.

— Я видел вашу рекламу? — спрашиваю я.

— Они не стали использовать ее. Но идея была просто блестящая. Хотите, расскажу?

— Конечно.

— Брюса Спрингстина знаете?

— Лично — нет.

— Я имею в виду его песню «Открой для счастья свой разум». — Дмитрий принимается петь. — Открой для счастья свой разум…

— Я ее помню, — говорю я.

— Ну, в общем, я изменил всего два слова. «Свой разум» заменил на «Верайзон».

Я улыбаюсь и пою:

— Открой для счастья «Верайзон»?

— Именно.

Всю оставшуюся поездку мы с ним хором горланим: «Открой для счастья „Верайзон“, руку мне дай, не отставай…»

— Ведь запоминается, правда?

— Блестящая идея, — соглашаюсь я.

Молли открывает дверь еще до того, как я успеваю постучать. На ней ярко-красная ночнушка, моя самая любимая. Я задаюсь вопросом, надела она ее именно по этой причине, или специально переоделась, пока ждала меня, или просто так вышло случайно. Потом задаюсь вопросом, по-

чему я задаюсь такими идиотскими вопросами. Молли обвивает мою шею руками. Я изо всех сил обнимаю ее в ответ.

— Прости, — повторяю я снова.

Она прерывает меня поцелуем. От Молли пахнет жимолостью и мылом «Ньютроджина», а сопротивляться этому сочетанию не под силу ни одному мужчине.

С утра я первым делом тянусь к телефону и проверяю новые сообщения. Первое отправлено с незнакомого номера.

А Молли идет красный цвет.

Я подскакиваю в постели. Молли мирно спит рядом. Я делаю скриншот и отправляю его Марти.

Выясни, что за номер.

Я знаю, что это ничего не даст. Нет ничего проще, чем отправить анонимное сообщение из одного из бесчисленных приложений, генерирующих липовые телефонные номера. Но все равно, может, Марти удастся что-нибудь разузнать об этом номере.

Впрочем, я и так прекрасно знаю, кто отправил сообщение.

Тед Грейсон.

Во всяком случае, я так думаю, когда выбираюсь из постели и на цыпочках подкрадываюсь к окну спальни. И как будто у меня и без того мало забот, там, на улице, за углом, стоит припаркованный «кадиллак-эскалейд» с коннектикутскими номерами.

Машина Белмондов.

Я принимаюсь натягивать на себя одежду, и тут Молли отрывает голову от подушки:

— Что случилось?

— Все в порядке, любовь моя. Спи.

— Ты и дальше собираешься так же покровительственно ко мне относиться?

Она права.

— У нас за углом припаркована машина Виктории Белмонд, — говорю я.

— Думаешь, она здесь?

— Ну, она у нас не объявлялась, так что вряд ли.

— В прошлый раз она приехала на «Убере» тайком от родных.

— Верно.

— И что тогда здесь делает ее машина?

— Именно это я и собираюсь выяснить.

— Может, позвонить в полицию? — предлагает

Молли.

— И что мы им скажем? «У нас на улице стоит дорогущая машина»?

— Это крайне подозрительно, — с ухмылкой отзывается Молли.

— Я сам со всем разберусь.

Мы договариваемся, что Молли будет следить за «кадиллаком» из окна с телефоном в руке — на случай, если что-то пойдет не так. У меня есть пистолет. Я держу его под замком в тайнике в высоком месте. Мне прекрасно известна статистика по хранящемуся в доме оружию, так что я, скорее всего, избавлюсь от пистолета, едва Генри подрастет настолько, что физически сможет до него добраться. Но в то же самое время я полицейский и умею правильно обращаться с оружием. Я прекрасно осознаю все плюсы и минусы. Я знаю, что делаю.

Может, пора его достать? Береженого Бог бережет.

Я решаю все-таки не брать пистолет и выхожу из дома. Первое, что я вижу, это ошивающийся на углу подозрительный по всем меркам тип с татуировкой на лице и нечесаными грязно-русыми патлами, в джинсовой жилетке и зеркальных солнечных очках. В руке он сжимает предатель-

ский бумажный пакет. (Для тех, кто не понял, что я имею в виду, в такие пакеты из плотной коричневой бумаги чаще всего прячут бутылку со спиртным, чтобы не оштрафовали за распитие в общественном месте.) При моем приближении он вскидывает руку с пакетом, как будто хочет произнести тост в мою честь. Я сдержанно киваю в ответ. Что о нем думать, я не очень знаю. Подозрительного вида типы, пьющие с утра пораньше, в нашем районе отнюдь не редкость, но что-то в этом малом меня настораживает.

Я сворачиваю направо. Как только впереди показывается синий «кадиллак», водительская дверца открывается, и из машины выходит мой старый знакомый, Чувак-с-пушкой. Он с улыбкой машет мне рукой, как будто мы с ним лучшие друзья. Я бросаю быстрый взгляд на окно нашей спальни. За стеклом маячит силуэт Молли. Снова оглядываюсь на Патлатого. Тот неторопливо удаляется в противоположную сторону. Его уже почти не видно. Я подхожу к Чуваку-с-пушкой. На лице его по-прежнему играет улыбка.

— Рад снова вас видеть, — говорит он, когда я подхожу ближе.

Меня очень подмывает ему врезать. Я имею на это полное право, но не уверен, что стоит так де-

лать прямо здесь, посреди улицы. Когда подхожу к машине, он открывает заднюю дверцу и делает мне знак садиться. Я заглядываю внутрь, чтобы посмотреть, есть ли в салоне еще кто-нибудь. Там никого.

— Это вы прислали мне сегодня утром сообщение? — спрашиваю я.

— Нет, не я, — отвечает он. — Я из тех, кто предпочитает личное общение.

— Что вы здесь делаете?

— Меня попросили привезти вас в поместье.

— В поместье Белмондов?

Он снова улыбается и указывает на открытую дверцу:

— Почему бы вам не сесть в машину?

— Мама в детстве учила меня не садиться в машины к незнакомым дядям.

— Ой, бросьте, мистер Кирс. Мы же с вами старые друзья, разве нет? Прошу вас. Располагайтесь.

— Спасибо, я пас, — говорю я и делаю шаг в сторону дома.

Это блеф с моей стороны? Я сам не до конца понимаю. Едва ли мне что-то угрожает. Чувак-с-пушкой уже в курсе, что я бывший полицейский. И что он сделает, отвезет меня в какое-нибудь

глухое место и избавится от тела? Нет, он явно хочет отвезти меня к Белмондам. Не знаю, зачем и по чьему поручению. Но мне любопытно. И тем не менее я надеюсь, что демонстрация намерения уйти вынудит его раскрыть чуть больше информации. Чувак-с-пушкой приехал сюда забрать и доставить по назначению посылочку. Если он вернется с пустыми руками, его, надо полагать, по головке не погладят.

— Это просьба ее отца, — говорит Чувак-с-пушкой.

Я останавливаюсь. Чьего отца, я не уточняю. Мы танцуем вокруг имен, и я готов некоторое время покачаться под музыку.

— Чего он хочет?

— Меня в это не посвящали.

— Почему нельзя было просто позвонить?

— Меня в это не посвящали.

Я нажимаю первый номер в списке быстрого набора. Когда Молли отвечает, я говорю ей, что собираюсь прокатиться в обществе Чувака-с-пушкой (разумеется, вслух я его так не называю) до поместья Виктории Белмонд по просьбе ее отца. Молли настаивает на том, чтобы я перезвонил ей по «Фейстайму» и всю дорогу держал его включенным — на всякий случай. Я соглаша-

юсь, несмотря на то что не испытываю особых опасений. Молли видела номер машины, а я сфотографировал Чувака-с-пушкой, к тому же мы знаем, на кого он работает.

Когда мы подъезжаем к поместью в Коннектикуте, затейливые чугунные ворота медленно открываются. Я прощаюсь с Молли, и мы едем по длинной подъездной дорожке. Проходит целая минута, прежде чем впереди показывается дом. Он, разумеется, огромный. Величественный. В нем просматриваются некоторые викторианские черты, сочетающиеся с классическим серым камнем, и все же что-то в нем не дает понять, что перед вами — очень старинный дом в хорошем состоянии или новодел, косящий под архитектуру более роскошной эпохи.

Когда мы подкатываем к дому, знакомый молодой человек открывает дверь и выходит нам навстречу.

Артур из «Белой кости».

Его появление должно было бы меня удивить — и, пожалуй, удивляет, — но у меня такое впечатление, что все мои миры сталкиваются друг с другом и утрамбовываются в одно крошечное пространство. Машина останавливается, и я открываю дверцу, не дав Чуваку-с-пушкой опере-

дить меня. Артур подходит ко мне и протягивает руку. Я пожимаю ее — почему бы и нет?

— Ты работаешь на Белмондов? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит Артур. — Я работаю на тебя.

— Тогда зачем ты здесь? Или, еще точнее, зачем я здесь?

— Я здесь по просьбе мистера Белмонда, — говорит Артур.

— Но ты представляешь мои интересы?

— Да. Мистер Белмонд хочет, чтобы мы обсудили кое-какие моменты, прежде чем вы встретитесь. Он счел, что я могу оказать содействие, позаботившись о том, чтобы с тобой был надежный адвокат, способный ответить на любые вопросы, которые могут у тебя возникнуть.

Я смотрю на него:

— Ясно. А теперь то же самое, но по-английски.

— Мистер Белмонд хочет с тобой встретиться.

— Да, эту часть я понял.

— Прежде чем встречаться, он хочет позаботиться о том, чтобы вы оба были, — Артур вскидывает глаза к потолку, как будто подыскивает нужное слово, — защищены.

— Погоди, откуда Белмонд вообще знает, что мы с тобой знакомы?

Артур строит скептическую гримаску, которая напоминает мне о том, что для человека, располагающего такими средствами, разузнать что-то подобное не составляет никакого труда, и он, разумеется, совершенно прав.

— Юридическое управление мистера Белмонда возглавляет Леонора Спайкс.

— Это имя должно о чем-то мне говорить?

— Не важно. В общем, миз Спайкс составила соглашение о неразглашении. Для предотвращения утечки конфиденциальной информации, — зачем-то добавляет он.

— Я знаю, зачем нужно соглашение о неразглашении, Артур.

— Условия довольно стандартные и довольно жесткие. Ты не можешь никому рассказывать ни о чем, что будет иметь место на этой встрече. Ты не можешь никому рассказывать о Белмондах. Ты обязуешься сохранять в тайне любые сведения о семье Белмонд и о любых взаимодействиях с ними как в настоящем, так и впредь.

Я хмурюсь:

— Мне послышалось или ты только что сказал «впредь»?

— Я профессионал.

— И зачем мне подписывать это соглашение?

— По трем причинам. Во-первых, это условие, без которого эта встреча не может состояться.

— Это не причина.

— Во-вторых, есть некоторые вещи, которые он, возможно, захочет тебе раскрыть. Он хочет быть уверен в том, что ты способен держать язык за зубами.

Я снова хмурюсь:

— Опять же, это не то чтобы очень веская причина. А в-третьих?

— А в-третьих, мистер Белмонд готов выплатить тебе за подписание сто тысяч долларов.

Это привлекает мое внимание. Артур изо всех сил пытается сохранить невозмутимый вид.

— Сто тысяч долларов, — повторяю я.

— Да.

— Просто за факт подписания соглашения о неразглашении.

— Да.

Ух ты! Белмонд явно хочет, чтобы я держал рот на замке. Я не очень понимаю, относительно чего именно. Видимо, относительно Испании. Только в курсе ли он об этом вообще? Что рассказала ему дочь?

— А если я откажусь подписывать?

— Тогда твой душка-водитель незамедлитель-

но отвезет тебя обратно домой. Семья Белмонд никогда больше не будет вступать с тобой в коммуникацию ни на каком уровне. Если ты приблизишься к ним хотя бы на пушечный выстрел, их адвокат будет требовать в суде официального запретительного предписания, и у них хватит ресурсов на то, чтобы его получить.

Я лихорадочно соображаю.

— Эта сотня — не обман?

— Ни в коей мере, — заверяет меня Артур. — Более того, твой адвокат настоял на том, чтобы деньги были переведены на твой счет в «Бэнк оф Америка» в ту же секунду, как только ты подпишешь соглашение — перед встречей с Белмондом.

— Эти деньги мне очень бы не помешали, — говорю я.

— Я знаю.

— У меня такое чувство, будто они покупают мое молчание.

— Наверное, отчасти так оно и есть. Не хочешь обо всем мне рассказать?

Я задумываюсь. Единственное, что мне известно, это про Испанию. Что я могу с этим сделать? Я не в состоянии даже доказать, что та молодая женщина — моя Анна — и Виктория Белмонд

одно и то же лицо. Я подозреваю. И считаю, что так оно и есть. Но никаких доказательств у меня нет. Даже если бы я захотел употребить то, что знаю, во вред семье Белмонд, что я смог бы сделать? Пойти к журналистам? И что им сказать? Наверное, существует крохотный шанс, что я мог бы раздуть скандал. Возможно, этого крохотного опасения богатым достаточно. Сотня тысяч — небольшая цена за то, чтобы подобного не произошло.

Сто тысяч долларов, дамы и господа.

Видит бог, я нашел бы, на что потратить эти деньги. Я банкрот. Я по уши в долгах. Кроме того, меня гложет любопытство. Зачем Белмонду понадобилось со мной встречаться? Если я откажусь подписывать и меня отвезут обратно, расследование событий, которые двадцать два года тому назад произошли со мной — и, что более важно, с Викторией, — зайдет в тупик. А вот если я подпишу, если я поговорю с ним…

Сто тысяч долларов, дамы и господа.

— Я подпишу, — говорю я.

Это единственный возможный ход. Единственный способ что-то узнать. А если встреча закончится ничем…

Сто тысяч долларов, дамы и господа.

И еще одно соображение. Если за всем стоит попытка скрыть что-то похуже, какое-то преступление, заслуживающее уголовного наказания, я найду способ нарушить чертово соглашение. И пусть потом судятся со мной сколько влезет. С меня все равно нечего взять, кроме…

Нет, я не буду повторять это в четвертый раз.

Артур распахивает передо мной огромную входную дверь и заводит внутрь.

— Погоди, — спохватываюсь я, — ты что, занимаешься этим на благотворительных началах?

Артур смотрит на меня с таким видом, как будто я спросил у него, существует ли Санта-Клаус на самом деле.

— Я не работаю бесплатно, Кирс, но ты можешь не беспокоиться. Свою комиссию я оговорил отдельно, когда договаривался об условиях для тебя.

— Умный ход, — киваю я.

— А то. И потом, если бы ты отказался подписывать, у тебя не было бы денег, чтобы мне заплатить.

Глава 17

Дом оказывается совершенно не таким, как я ожидал. Тут нет ни мрамора, ни позолоты, ни пошлых колонн или оригиналов Пикассо — ничего в таком роде. Архитектор, кажется, вдохновлялся скорее строгими, сдержанными линиями Смитсоновского комплекса, нежели пышностью «позолоченного века». Из вестибюля мы первым делом попадаем не в бальный зал и не в гостиную, а в роскошную двухэтажную библиотеку, которая немедленно вызывает в памяти «Красавицу и Чудовище», только книг тут куда больше. Я вижу подписанные авторами первые издания Диккенса, Фицджеральда, Хемингуэя, Харпер Ли. Когда Викторию нашли, при ней была записка, написанная кем-то, кто назвался Библиотекарем. Существует ли между этими двумя фактами какая-то взаимосвязь? Вряд ли. У богачей всегда библиотеки. У них так принято.

Кроме книг, здесь выставлен скафандр, который надевал Юрий Гагарин. Люк от лунного модуля «Аполлона». Подборки подлинников писем Джона Адамса и Томаса Джефферсона. Я знаю,

что это за предметы, потому что они снабжены карточками с подписями.

За деревянным библиотечным столом в глубине ждут две женщины. Ближе к входу и в центре тоже стоят столы, но я подозреваю, что нас отправили к самому дальнему, чтобы произвести впечатление. Если это было целью, они ее добились, хотя у меня и промелькнула мысль: «Не знаю, какое отношение к нам обоим имеет попытка произвести на меня впечатление вашими дорогущими артефактами».

Из-за стола поднимается чернокожая женщина в безупречно сидящем деловом костюме и протягивает мне руку. Ее лицо мне знакомо, хотя я не знаю откуда. Возможно, она одна из бесчисленных говорящих голов из телевизора, а может, я видел ее в новостях или еще где-нибудь. Очень уж она характерно выглядит. Буквально всем своим видом излучает профессионализм.

— Леонора Спайкс, — представляется она уютным голосом радиоведущей. — Я глава юридического отдела и старший вице-президент «Белмонд индастриз». А это Джилл Маккейн. Она нотариус и здесь для того, чтобы засвидетельствовать и заверить вашу подпись. Ваш поверенный уже сообщил нам ваши банковские реквизиты,

так что деньги будут у вас на счету в течение нескольких секунд.

Мы вчетвером усаживаемся за стол. Я подписываю соглашение. Леонора Спайкс отправляет кому-то сообщение.

— Деньги отправлены, — говорит Спайкс, поднимаясь. — Ну что, идемте?

— Секундочку.

Я открываю банковское приложение. Пользуюсь я им не слишком часто, поэтому на то, чтобы войти в него, уходит минута или две. Я смотрю на баланс на счету и — опаньки! — он уже успел пополниться. Я знаю, что Молли, обеспокоенная состоянием наших финансов, регулярно заглядывает в приложение проверить баланс, поэтому отправляю ей коротенькое сообщение:

Да, сто тысяч на нашем счету тебе не померещились. Я потом все объясню.

Свое сообщение я завершаю смайликом в виде сердечка. Молли практически мгновенно присылает в ответ три восклицательных знака.

Артур отводит меня в сторонку.

— Буду ждать здесь на случай, если зачем-нибудь тебе понадоблюсь.

— Ты мне не понадобишься.

— Я на почасовой ставке, а оплачивает все Белмонд.

— А, ну тогда да, можешь и понадобиться.

Артур хлопает меня по плечу:

— Молодец, схватываешь на лету.

Леонора Спайкс ведет меня по коридору.

— Вы что-нибудь знаете об Арчи?

Арчи Белмонд. Отец Виктории.

— Практически ничего.

— Вы из Ньюарка, верно?

— Да, я там родился.

— И Арчи тоже. В больнице «Бет-Израэл». Вырос в маленьком городке по соседству. В Ирвингтоне. Денег в семье не было. Его отец работал маляром, мать пыталась устроиться куда-нибудь бухгалтером. Арчи в старших классах был математическим гением. В семнадцать лет придумал приборчик, который позволял медицинским работникам удаленно контролировать у пациентов на дому жизненные показатели и опасные симптомы. Вам ведь наверняка доводилось слышать истории о талантливых ребятах, которые начинали бизнес в родительском гараже?

Я киваю.

— У родителей Арчи не было гаража. И машины тоже не было. В местном отделении Ассоциации

молодых христиан работал уборщик, который знал, что в подвале есть неиспользуемая комнатушка. Без вентиляции, практически неотапливаемая. Вот там-то Арчи и положил начало тому, что сейчас носит название «Белмонд индастриз». И когда он добился успеха, то передал этому уборщику десять процентов бизнеса. Об этой части истории вам наверняка ничего не известно. Арчи не хотел огласки, уборщик тоже. Вы видели в библиотеке всю эту кучу поразительных экспонатов?

Я снова киваю.

— Ни один из них не задерживается здесь дольше чем на два месяца. Отсюда все эти индексные карточки. Белмонды дают экспонаты напрокат музеям. Они постоянно ротируются. И семья покупает их исключительно у частных коллекционеров и дает публике шанс увидеть их — нередко впервые. Белмонды основали самый крупный благотворительный фонд в стране. Вы вряд ли слышали о нем, поскольку Арчи не любит привлекать к себе внимание, в особенности добрыми делами. Он делает пожертвования и настаивает на том, чтобы не было никаких благодарностей, никаких банкетов, никаких названий в его честь. Это не в его характере.

Вы, должно быть, задаетесь вопросом, зачем я вам все это рассказываю, — добавляет она после небольшой паузы.

Я пожимаю плечами.

— Вы считаете, что вам предстоит встретиться с избалованными богачами. Так вот, это не так. В вашей голове уже сложился их образ, но он не соответствует действительности. Арчи вырос в бедности. Со своей женой Талией познакомился в Принстоне. Она родилась в Огайо, в Коламбусе, и попала в университет благодаря стипендии Американского легиона. В своей семье она первая, кто получил высшее образование. Отец Талии работал на почте. Они хорошие люди. И, несмотря на всю мишуру, им пришлось немало пережить.

Леонора Спайкс сворачивает налево и направляется к входу в помещение со сводчатыми потолками.

— Хотите услышать слащавый конец истории?

— Конечно.

— У того уборщика, который владеет десятью процентами компании, была дочка. Она окончила юридическую школу и теперь работает в компании главой юридического отдела.

— Вы правы, — говорю я.

— В каком смысле?

— Это слащаво.

Она с улыбкой открывает дверь. Я вхожу в оранжерею со стеклянным сводчатым потолком и огромным количеством зелени. Четверо Белмондов — отец (Арчи), мать (Талия), сын (Томас, он же Ти) и дочь (Виктория) — стоят в разных местах, как будто их расставил режиссер перед тем, как дать команду поднимать занавес. Виктория в углу справа ломает руки. Я смотрю на нее, и она робко улыбается мне в ответ. Что же до остальных, я знаю о них больше, чем признался Леоноре Спайкс. Розовые Пантеры прислали мне на каждого краткую биографическую справку.

Томас, который стоит с бокалом в руке, женат, у него две дочери, живет по соседству, работает в «Белмонд индастриз» на туманной должности вице-президента по маркетингу. По всеобщему мнению, он человек достаточно приличный, из тех, кого раньше называли столпами общества, но известно мне и о том, что юность у него была весьма бурная, с многочисленными приводами в полицию за правонарушения, которые человека бедного неминуемо привели бы в тюрьму. Впрочем, когда ты богат, такое с легкостью списывается на юношескую неосмотрительность и сходит тебе с рук. Я не злюсь на этого малого.

Я злюсь на то, что мы не даем всем остальным такого же шанса.

Мать, Талия Белмонд, встает из своего темно-зеленого кресла. У нее царственная манера держаться, совершенно седые волосы, собранные в хвост, которые подчеркивают голубизну глаз, и широкие скулы. На ней белоснежная мужская рубашка (не знаю, почему я назвал ее мужской, — разве женские белые блузки на пуговицах не выглядят точно так же?) с закатанными рукавами, обнажающими узловатые руки.

И наконец, Арчи, патриарх. Он первым подходит ко мне, чтобы поприветствовать. Жизнерадостный толстячок с мягким брюшком, широкой улыбкой и лысой головой. Он протягивает мясистую руку и с наслаждением пожимает мою. Потом представляется. Жена следует его примеру. Когда ко мне подходит его сын, я не спешу пожать ему руку.

— Прошу прощения за позапрошлую ночь, — говорит мне Томас, он же Ти.

— Да, не очень красиво получилось, — говорю я. — Вы угрожаете убийством каждому, кто случайно забредает на вашу территорию?

— Мы очень серьезно относимся к нашей безопасности, — говорит Томас. — Но никогда не

причинили бы вам зла.

— Ваш человек набросился на меня, так что это неправда, — возражаю я.

— Я имел в виду…

— Вы ведь не живете здесь, верно, Томас?

— Нет, не живу.

— Что тогда вы делали здесь позавчера ночью?

Он замирает:

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Тут живут мои родные.

— И на этом основании вы решили присоединиться к охранникам?

— Вообще-то, да. Я был тут в гостях, а потом сработал датчик. У нас уже очень давно не было незваных гостей.

— И ваша обычная реакция — нападение и угрозы убийством?

— Вы проникли на территорию поместья незаконно.

Томас бросает взгляд на отца. Арчи Белмонд откашливается, неловко улыбается и говорит:

— А теперь я попрошу всех уйти, чтобы мы с мистером Кирсом могли поговорить наедине. Я просто хотел познакомить всех с вами, чтобы вы знали: мы выступаем таким же единым фрон-

том в том, что нам с вами предстоит обсудить.

Я не очень понимаю, что он имеет в виду, но пояснить не прошу. Его родные направляются к выходу. Первой Талия, которая за все это время не проронила ни слова, за ней Томас. Прежде чем выйти, он говорит:

— Я приношу вам свои извинения за то, что произошло. От всего сердца.

Он кажется искренним, но я решаю не отвечать. Пытаюсь перехватить взгляд Анны — да, иногда я называю ее Викторией, но для меня, думаю, она навсегда останется Анной, — но та, кажется, избегает встречаться со мной глазами. Она выходит из оранжереи последней и, прежде чем закрыть за собой дверь, наконец смотрит на меня и едва заметно кивает.

Мы с Арчи Белмондом остаемся одни. То, что Леонора Спайкс рассказала мне об этом человеке, меня удивило. Я всегда ожидаю, что богатые будут выглядеть и вести себя по-другому, не так, как обычные люди, и в большинстве случаев так оно и оказывается. Не как-то по-особенному или лучше. И это не всегда что-то очевидное вроде одежды или украшений. На Арчи Белмонде джинсы и голубой пуловер. Они вполне могли бы быть куплены где-нибудь в бюджетном «Олд Неви».

Но обычно это все-таки видно. В случае с Арчи я этого сказать не могу. Ничто в его внешнем облике и манере держаться не выдает богатого человека. Он в хорошем смысле совершенно ничем не примечателен.

— Спасибо, что согласились встретиться со мной без предварительной договоренности, — начинает он. — Я также прошу прощения за все это юридическое крючкотворство. Вы уже познакомились с Леонорой?

— Да.

— Тогда вы, наверное, понимаете. Она ярая поборница таких вещей.

— Я понимаю, — говорю я.

— Я постараюсь не тратить ваше время попусту. Я знаю, что вы говорили с Викторией и что вы считаете, что могли видеть ее в Испании в то время, когда ее…

Он умолкает и закрывает глаза.

Меня очень подмывает поправить его, сказать, что все эти «считаете» и «могли» здесь совершенно лишние и я совершенно точно видел его дочь, но какой в этом смысл?

— С ее возвращения прошло четырнадцать лет. Вы ведь это знаете?

— Знаю.

— Позвольте мне быть в этом вопросе предельно честным: вы не первый, кто подписывает такое соглашение. За прошедшие годы мы наняли десятки сыщиков. Первых — еще когда Вик считалась пропавшей без вести, разумеется. ФБР продолжало расследование. Я не говорю, что они ничего не делали. У вас ведь есть ребенок?

— Да, — говорю я.

— Никто не болеет душой за ребенка так, как родители, верно?

— Верно.

— Поэтому мы наняли своих людей. А потом, уже после того, как Виктория наконец вернулась… одиннадцать лет ее жизни оказались потеряны. Их просто вырвали. Начисто. И я не знаю, хочу ли я вернуть ей эти годы — наверное, нет, — но человек или люди, которые сделали это с ней, так и не были пойманы. Так и не заплатили за все, что совершили. И мы с Талией не можем с этим жить. — В руках он держит стакан с чем-то, на вид похожим на холодный чай. — Никто не предложил вам чего-нибудь выпить?

— Я не хочу, спасибо, — говорю я.

— Насколько я понимаю, вы заслуженный сотрудник полиции, — продолжает Белмонд.

— Был раньше.

— А теперь частный сыщик.

— У меня нет лицензии.

— Артур сказал, вы время от времени выполняете для него кое-какую работу.

— Выполняю.

— Я хочу, чтобы теперь вы выполнили работу для меня. Вернее, для нас. Для всей семьи.

— Вы сказали, что нанимали других сыщиков.

— Да.

— Надо полагать, это были не самые последние люди с обширными возможностями.

— Да.

— Почему вы считаете, что мне удастся то, что не удалось им?

Арчи Белмонд отводит взгляд, делает глоток из стакана и говорит:

— Никто из них не знал про Испанию.

Я медленно киваю:

— Значит, вы верите мне, когда я говорю, что видел ее?

— Это Виктория нашла вас после того, как увидела вашу фотографию, а не вы ее. Так что да, я вам верю.

Ну вот.

Арчи Белмонд делает большой глоток холодного чая.

— Какое впечатление Виктория на вас произвела? — спрашивает он. — Я имею в виду, тогда, в Испании? Вам не показалось, что ей плохо или…

— Нет, — говорю я. — Ей не было плохо.

Он кивает и закрывает глаза, потом делает еще глоток чая.

— С вашего позволения, я сейчас ненадолго включу делового человека.

— Валяйте.

— Мы с Талией хотим нанять вас, чтобы вы выяснили, что произошло с нашей дочерью. Вы будете работать на нас. О том, что вам удастся выяснить, вы будете докладывать мне лично, и никому более. Соглашение о неразглашении также защищает все результаты вашей работы на меня как предмет адвокатской тайны, чтобы у вас не возникло искушения рассказать кому-нибудь о том, что вы узнали. Я хочу, чтобы вы рассказывали мне обо всем, что сможете выяснить, а потом, когда мы закончим, когда будем знать все, что удастся раскопать, о том, что произошло с нашей дочерью. Я хочу, чтобы вы не имели никакого касательства к тому, как мы поступим с этой информацией.

Я некоторое время обдумываю его слова.

— Допустим, мне очень повезет и я найду по-

хитителя.

— Вы расскажете о нем только мне.

— А полиции?

— Я оставлю это на свое усмотрение. Все результаты вашей работы будут принадлежать мне. Я могу поделиться ими с полицией. А могу предпочесть не делать этого.

— Не уверен, что мне это нравится.

— Простите, мистер Кирс, но этот пункт не обсуждается. Я не намерен допускать, чтобы мою и без того травмированную дочь снова полоскали в прессе или таскали по судам. Я не позволю, чтобы она во второй раз стала жертвой того, кто это сделал. Я достаточно ясно изложил свою позицию?

Я ничего не отвечаю.

— Если вам удастся найти похитителя, вы укажете на него мне. И на этом все. Ваша роль этим ограничится. Что будет потом — не ваша забота. Ваше дальнейшее участие не предполагается.

Кажется, он говорит о самосуде. О совершении правосудия и воздаянии собственными силами. Я могу его понять. Шансы, что я найду виновных, очень невысоки, но шансы, что столько лет спустя я найду достаточно улик, чтобы виновных можно было арестовать и вынести им приговор, попросту стремятся к нулю.

Белмонд хочет взять дело в свои руки.

Я его понимаю. И мне это не нравится.

Арчи Белмонд чувствует мою нерешительность.

— Давайте обсудим детали и вознаграждение, — говорит он. — Я хочу нанять вас на следующие три месяца с условием, что вы будете работать исключительно над расследованием того, что случилось с Викторией. Оплата полмиллиона долларов плюс компенсация всех расходов.

Я очень стараюсь не вытаращиться на него с разинутым ртом, но, кажется, мне это не слишком хорошо удается.

Полмиллиона долларов, дамы и господа.

Плюс еще та сотня, которую я заработал, просто приехав сюда.

— Половина этой суммы будет переведена на ваш банковский счет сегодня же, — продолжает он. — Вторая половина — по окончании вашей работы, через три месяца.

Я, конечно, человек высоких моральных принципов и все такое, но в самом деле? Пятьсот тысяч? Это не просто деньги — это деньги, способные изменить жизнь. Это лучшая (или, по крайней мере, более легкая) жизнь для моей се-

мьи. Я взвешиваю все за и против, и за побеждают с огромным отрывом. Голова моя идет кругом. Не знаю, рассуждаю я объективно или деньги затмили мне разум, но если я откажусь, то, скорее всего, впредь не смогу подойти к этой семье даже на пушечный выстрел и ничего больше не узнаю. Мне этого не хочется. Да, я отдаю себе отчет в том, что Арчи Белмонд в некотором смысле меня покупает. Если я соглашусь, то не смогу рассказать о том, что произошло в Испании, никогда и никому… хотя кому я мог бы об этом рассказать? Кто поверил бы мне? Кому было бы не наплевать? И как звучала бы эта история? Тем не менее именно это делает Белмонд, так ведь? Платит за то, чтобы все, что произошло в Испании, осталось тайной. Или я ошибаюсь? Может, он и без меня все знает? Может, Виктория все вспомнила? Или вообще никогда не забывала?

Если я отклоню предложение, я никогда этого не узнаю.

Все шансы за то, что мое расследование ни к чему не приведет. Я хороший сыщик, чертовски хороший, но не до такой степени. Однако, если я откажусь, я вылечу из игры. Все будет кончено. Если же соглашусь, если останусь в игре, если смогу продолжить махать битой, у меня, по край-

ней мере, будет хоть какой-то шанс.

Ну и да, полмиллиона долларов, дамы и господа. Полмиллиона!

Я откашливаюсь.

— Мне понадобится доступ ко всему — к членам семьи, к старым друзьям, полицейским досье, отчетам сыщиков.

— Разумеется, — говорит Белмонд. — Мы, в свою очередь, попросим вас действовать как можно осмотрительнее.

— Вы не хотите, чтобы я привлекал к себе излишнее внимание. Я все прекрасно понимаю.

— Значит, вы беретесь за это дело?

Я киваю:

— Берусь, да.

— Превосходно. Давайте тогда прямо сейчас и начнем, если не возражаете. Что произошло между вами в Испании?

Глава 18

Мне неловко говорить про Испанию в отсутствие Виктории, но Арчи Белмонд объясняет:

— Вик не попросила вас, поскольку пока не уверена, что готова это услышать.

И я начинаю свой рассказ. Я описываю нашу встречу на «Дискотеке пальмерас», моих товарищей по колледжу, все прочее. В неприглядные подробности относительно того, чем мы занимались по ночам в ее квартирке, я по понятным причинам не углубляюсь. В сравнении со всем остальным, что Анне/Виктории пришлось пережить, это наверняка цветочки, но передо мной ее отец, зачем ему слышать такое? Я неоднократно подчеркиваю, видимо, для того, чтобы ему было полегче, что Анна/Виктория совершенно не производила впечатления человека, который находится в бедственном положении. Мы очень весело проводили время, сообщаю я ему. Она очень мне понравилась, и я был уверен, что тоже ей нравлюсь, но мы с ней были двумя подростками на летних каникулах в Европе.

— И каким образом все закончилось? — спра-

шивает Арчи Белмонд.

И тут я принимаю решение, которое становится неожиданностью для меня самого. Вообще-то, я собирался выложить ему все начистоту. В конце концов, этот человек платит мне хорошие деньги. Белмонду есть что терять ровно в той же степени, что и мне. Мы с ним работаем вместе ради одной цели — выяснить, что произошло с его дочерью (и попутно — что произошло со мной тем утром в Испании). Но какой-то внутренний голос — какой-то древний первобытный инстинкт — подсказывает мне: признаваться в том, что я проснулся с окровавленным ножом в руке рядом с трупом, как я полагал тогда, его на тот момент считавшейся безвестно пропавшей дочери, было бы опрометчиво.

Да и какой в этом смысл?

За время работы в полиции я усвоил, что информацией не стоит разбрасываться бездумно. Всегда лучше ее придержать. Или, как сформулировал мой отец, рассказать что-то всегда можно и потом, а вот уже рассказанное нерассказанным не сделаешь. Поэтому я рассказываю Арчи Белмонду нечто такое, что можно с натяжкой назвать полуправдой. Я говорю ему, что его дочь и ее напарник Базз развели меня и ограбили, что

когда я проснулся, то обнаружил, что все мои деньги исчезли, и после этого мы с ней никогда больше друг друга не видели.

— До тех пор, пока она не пришла к вам на занятие, — говорит Арчи, когда я заканчиваю свой рассказ.

— Да.

— Вы говорите, она вас ограбила.

— Или Базз. Или они вдвоем.

Арчи Белмонд потирает подбородок:

— Я кое-чего не понимаю.

Я жду.

— Когда Вик пришла к вам на занятие, вы сразу же ее узнали.

Я ничего не отвечаю.

— Вы четверть века ее не видели. У нее другая прическа. Она стала старше. Сейчас она выглядит совсем не так, как тогда. Тем не менее вы видите ее с другого конца аудитории и мгновенно узнаете в женщине за сорок юную девушку, с которой были знакомы в Испании. Как?

— Хороший вопрос, — говорю я.

Я и сам им задавался. Беда в том, что я не рассказываю ему всей истории, а только усеченную версию. Можно забыть девушку, с которой ты встречался и которая тебя околпачила. Но ты

совершенно точно не забудешь девушку, которая заставила тебя поверить в то, что ее убили, и, возможно, это сделал ты сам в алкогольно-наркотическом угаре. Но я даю другой ответ, который тоже не так уж далек от правды.

— Возможно, это потому, что она убежала, когда я ее увидел, — говорю я. — Мне кажется, сперва я ее не узнал. Но когда она бросилась бежать, в мозгу у меня что-то щелкнуло.

Я успел нагромоздить друг на друга такое количество полуправд, что сам уже не уверен, какое отношение что к чему имеет.

— И с чего вы планируете начать? — спрашивает он меня.

— Я хотел бы поговорить с вашей женой.

Талию Белмонд, одетую в белую теннисную форму, я перехватываю по пути на корт. Спрашиваю, где мы могли бы поговорить, пока она не начала играть. Талия бросает взгляд на свои часики и задерживает его там несколько дольше необходимого. По-прежнему не отрывая глаз от часов, произносит:

— Могу я задать вам один вопрос, мистер Кирс?

— Конечно.

— Мы делаем глупость?

— Я не совсем вас понимаю, — говорю я, хотя на самом деле, пожалуй, понимаю.

— Это расследование. Копание в прошлом.

— Вы хотите знать, что произошло с вашей дочерью, — говорю я. — Это вполне естественное желание.

— У нас сейчас все хорошо, — говорит мне Талия Белмонд. — У всех нас, у всей семьи. Включая Викторию. Так не лучше ли не будить лихо?

— Это риторический вопрос? — спрашиваю я.

— Мне хотелось бы услышать ваше мнение.

— Оно может показаться вам своекорыстным, учитывая те деньги, которые вы мне платите, — говорю я. — Но нет, не будить лихо не лучше. Раз уж мы заговорили метафорами, я, с вашего позволения, отвечу вам другой. За свою жизнь я видел немало людей, которые пытались похоронить прошлое. И на какое-то время им это даже удавалось. Но все, что похоронено, рано или поздно находит способ выбраться на поверхность.

Талия кивает.

— Я тоже так думаю, — говорит она. — У меня такое чувство, как будто все, что произошло, никуда не делось, а по-прежнему тут, с нами, прячется в шкафу или похоронено в земле и, если мы не раскопаем его сами, оно нападет на нас в

самый неожиданный момент.

— Это кажется совершенно логичным.

— Но я беспокоюсь, — говорит Талия. — Потому что тут мы имеем дело с травмой. С очень глубокой.

— Вы ведь знаете, что я раньше был полицейским?

— Да, разумеется, — отвечает она.

— Полицейские постоянно этим занимаются — расковыривают чужие раны в поисках ответов. Это больно. Нужно быть очень аккуратным и делать это медленно. Как на археологических раскопках, где все настолько хрупкое, что приходится использовать кисточки вместо лопат. Но знаете, что я вынес из этого опыта?

— Расскажите мне.

— Ничто не исцеляет рану лучше, чем возможность получить ответы на все мучающие тебя вопросы и поставить точку.

Талия Белмонд некоторое время пристально на меня смотрит.

— Включая вашу собственную?

Я ничего не отвечаю.

— Бросьте, мистер Кирс. Думаете, я не знаю, что у вас есть личная заинтересованность в том, чтобы найти ответы?

— Да, она у меня есть, — признаю я. — Возможно, вы и правы. Возможно, это мне необходимо получить ответы на все мучающие меня вопросы и поставить точку.

— Кажется, это необходимо нам обоим, — произносит Талия. — Так что валяйте, задавайте ваши вопросы.

Я тут же бросаюсь в омут с головой:

— Вас ведь не было дома в ту новогоднюю ночь, верно?

— Это так.

— Можете сказать, где вы были?

— Я была в Чикаго. Отца только что положили в хоспис, и я хотела побыть с ним.

— Ваш муж не полетел с вами?

— Нет, он остался дома.

— Он пошел куда-нибудь отмечать?

— Он был дома.

— Это был конец тысячелетия. Тысяча девятьсот девяносто девятый и все такое. Вас наверняка засыпали приглашениями на вечеринки. До того как вашего отца положили в хоспис, вы планировали куда-нибудь пойти?

— Какое это имеет значение? — Прежде чем я успеваю пуститься в объяснения, что, возможно, кто-то мог счесть, что в доме в новогоднюю

ночь никого не будет, Талия вскидывает руку в упреждающем жесте. — Мы с Арчи не отмечаем Новый год. Мы никогда никуда не ходим в новогоднюю ночь. И даже, пожалуй, гордимся этим. Как правило, к полуночи мы уже крепко спим. Но в тот год Арчи немного беспокоился из-за проблемы двухтысячного года. Помните, сколько было связанных с ней страхов?

Я киваю:

— Никто не знал, как поведут себя компьютеры, когда год в дате сменится с тысяча девятьсот девяносто девятого на двухтысячный.

— Совершенно верно. Поскольку в датах год иногда обозначали двумя цифрами, а не четырьмя, были опасения, что компьютерные системы не смогут различить тысяча девятисотый и двухтысячный годы и сойдут с ума, и тогда во всем мире начнется хаос, отключения электричества и все прочее в том же духе. Мы не делали запасов всего необходимого, как некоторые, но Арчи остался дома на всякий случай, чтобы, если что-нибудь пойдет не так, быть рядом с детьми. Как только стало понятно, что никаких ужасов не происходит, Арчи сел на самолет и прилетел ко мне.

— Вы не помните, в какое время он призем-

лился?

— Нет, простите. Очень поздно. Часа в три, в четыре утра? Помню, что, когда проснулась, он был в постели рядом со мной.

— Где вы останавливались?

— В гостинице «Четыре сезона», кажется, — отвечает Талия, но я вижу, что мои вопросы уже начинают ее раздражать. — Неужели это настолько важно?

Это вообще не важно.

— Вы пробыли в Чикаго еще несколько дней?

— Да. А потом состояние отца стабилизировалось, так что мы вернулись домой.

Мне известно, что ее отец умер три недели спустя. Незачем поднимать этот вопрос.

— Можно, я быстро отвечу на все остальные ваши вопросы сразу? — говорит она. — Нет, мне не казалось, что что-то не так. Я была сосредоточена на отце. Виктория могла не выходить с нами на связь по несколько дней. В этом не было ничего необычного. Томас тоже не выходил с нами на связь. Дело было двадцать пять лет тому назад. У меня тогда еще не было мобильного телефона. Я одна из немногих, кто не заводил его до последнего. Я не любила мобильники уже тогда и еще меньше люблю теперь. Арчи, возможно, говорил

вам, что он получил несколько сообщений с номера Виктории. В одном было написано «С Новым годом!». Он показывал его мне. Томасу пришло от нее точно такое же.

— И когда вы начали волноваться?

— В этом-то и загвоздка.

— В чем именно?

— Я позвонила Виктории на мобильный третьего января. Она не взяла трубку, но опять-таки тогда были другие времена. Никто из нас не носил телефон при себе постоянно. Поэтому я ничего такого не подумала. Я больше переживала из-за отца. Я хочу сказать, обыкновенно кажется, что подобные вещи обрушиваются на тебя внезапно. В моем случае это не так. Беспокойство нарастало постепенно. Сначала какой-то маленький зудящий червячок, потом беспокойство переросло в тревогу, а потом и в легкую панику. Но даже когда мы пошли в полицию, я не была до конца уверена, что это стоит делать. Виктория могла вести себя очень независимо, иногда даже вызывающе. Я думала, что она с кем-нибудь познакомилась и на несколько дней ушла в отрыв. Или зависла где-нибудь у подружки, про которую мы не вспомнили. Вы, наверное, думаете, что уж мать-то должна была бы понять, что что-то

не так, да? Почуять неладное каким-то шестым чувством. Нет, я ничего такого не почуяла. Или была слишком занята своими переживаниями. А может, это какой-то защитный механизм и на самом деле я подсознательно знала правду, но старательно отгораживалась от нее.

От Талии волнами исходит ощущение вины. Я не вижу смысла играть на ее чувствах. Судя по всему, сообщения родным отправлял похититель Виктории или же каким-то образом вынуждал ее сделать это. А потом в какой-то момент сообразил, что местонахождение телефона можно отследить, поэтому перестал их отправлять и, возможно, избавился от телефона. Тем не менее это был хитроумный ход. Благодаря ему родные Виктории заволновались не сразу, а к тому времени, когда они обратились в полицию, никаких концов уже было не найти.

— Что-то еще? — говорит она.

— Вам не покажется странным, если я сейчас попрошу вас переместиться на одиннадцать лет вперед, в тот день, когда она вернулась домой?

Талия улыбается:

— Самую капельку.

— Прежде чем я это сделаю, позвольте задать вам еще один вопрос: за эти одиннадцать лет не

происходило ничего такого, что могло бы пролить свет на произошедшее?

— Ничего, — быстро отвечает она. — Большую часть времени я просто ничего не чувствовала. Очень странное ощущение. Я никогда не забывала о дочери. Ни на секунду. Каждое утро ты просыпаешься и не можешь поверить, что это твоя жизнь. Что нужно вылезти из постели и идти чистить зубы, а потом, через год-два, к тебе понемногу возвращается аппетит, и бывают дни, когда ты чувствуешь себя почти нормально, снова кажешься себе почти живым человеком, а потом вспоминаешь, что она до сих пор не нашлась, и вдобавок к своей каждодневной боли начинаешь еще ненавидеть себя за то, что позволила себе на мгновение забыть про нее и почувствовать радость или улыбнуться, и это кажется самым ужасным злодеянием.

Я ничего не отвечаю.

— Мне все время мерещилось, что я ее вижу. По-настоящему. Арчи вам об этом не рассказывал?

Он упомянул об этом мимолетом, но я не хочу ее прерывать, поэтому отрывисто качаю головой.

— Видели когда-нибудь сцены в фильмах, где парень ищет пропавшую девушку, свою подружку или еще кого-нибудь, и ему кажется, что он

видит ее в баре или в клубе, и он бросается к ней и хлопает по плечу, а потом она оборачивается и оказывается, что это не она?

— Конечно.

— Ну вот, некоторое время так выглядела моя жизнь. Раз месяца в три, четыре я выбиралась в Нью-Йорк и готова была поклясться — в самом буквальном смысле, — что вижу на другой стороне улицы Викторию, но никогда не успевала ее догнать. Или она оказывалась в толпе на каком-нибудь концерте в «Мэдисон-сквер-гарден», но к тому моменту, когда я успевала до нее добежать, ее уже там не было. Однажды я вбила себе в голову, что бариста в «Старбаксе» — Виктория. Я побежала домой и потащила бедного Арчи со мной обратно в «Старбакс». Заставила его проверить каждого баристу. Он даже заплатил менеджеру, чтобы тот показал нам фотографии всех, кто в тот день не работал. Арчи нянчился со мной, как с младенцем. Пытался помочь мне найти какую-то отдушину. Мы с ним основали «Викс плейс». Вы знаете, что это такое?

Я киваю:

— Приют для девушек в трудной жизненной ситуации?

— Да. Мы исходили из убеждения, что если мы

сумеем помочь другим девушкам, если из того, что случилось с нашей дочерью, нам удастся сделать что-то хорошее, то, наверное, это поможет каким-то образом восстановить космическое равновесие. В общем, мы основали «Викс плейс». Я стала там волонтерить. Постоянно. И время от времени — вы, наверное, уже догадались, к чему я веду, — я видела там какую-нибудь девушку и начинала думать, что это Виктория. Тогда я начала ходить к психотерапевту, дважды в неделю. — Талия умолкает и качает головой. — Я, наверное, невразумительно объясняю.

— Все нормально.

— Я имею в виду, терапевт обычно начинает копаться в прошлых травмах. Им так полагается. Какие у меня были родители? Не пришлось ли мне в детстве пережить сексуальное насилие? А как же дядюшка, который проявлял ко мне слишком уж живой интерес? Все в таком духе. Но дело было совершенно не в этом. У меня не было проблем с психикой — я просто хотела знать, где моя дочь. Она мертва? Ее где-то тайно похоронили? Или, может, сбросили в море? Или кто-нибудь держит ее у себя в подвале? А может, она ударилась головой и потеряла память? Или жива и здорова и работает где-нибудь в «Стар-

баксе» поблизости. Неведение было пыткой. Так что, разумеется, *разумеется,* она повсюду мне мерещилась. А потом в один прекрасный день, одиннадцать лет спустя, — на глазах у нее выступают слезы, — твой ребенок наконец-то оказывается дома.

Я пытаюсь проявить весь возможный такт:

— Можете рассказать мне об этом?

— Я поначалу не поверила. Забавно, если задуматься. Виктория повсюду мне мерещилась, но, когда мне сообщили, что в той закусочной нашли женщину с обритой головой, мне оказалось слишком страшно в это поверить. И когда я впервые ее увидела, я не была уверена, что это моя девочка. Она не разговаривала. Полицейские задавали ей кучу вопросов, но она молчала. Несколько дней подряд. Мы забрали ее домой. Арчи настоял на этом. Обеспечили круглосуточный уход. Сразу же сделали ДНК-тест. Я сдавала кровь. Это была идея Арчи. Тест подтвердил, что это Виктория. Я была с ней безотлучно. Не отходила ни на минуту. Боялась, что, если отойду, она исчезнет. Или проснусь, и окажется, что все это было во сне. Так уже случалось раньше. А потом, на четвертый день, дочь впервые заговорила со мной.

— Вы помните, что она сказала?

— Конечно. В комнате у Виктории была большая двуспальная кровать. Она позволила мне прилечь рядом с ней. Мы смотрели телевизор. Показывали «Цену вопроса». Я держала Вик за руку, и она вдруг произнесла: «Ты моя мама?»

Я склоняю голову набок:

— Это были ее первые слова?

Талия Белмонд кивает. Теперь слезы катятся по ее щекам.

— Это не то, что вы думаете. Она не спрашивала меня, как будто не знала этого. Это был не вопрос.

— А что же тогда?

Талия сглатывает.

— Это была ее любимая книга. Когда ей было три года. Я читала ее ей каждый вечер. Старая такая книжка с картинками, «Ты моя мама?» называется. Истман написал. Помните такую?

— Помню, — говорю я.

— И когда Виктория была маленькой и я укладывала ее по вечерам, она никогда не просила «Почитай мне», она просто говорила…

— Ты моя мама?

Талия моргает.

— Только тогда я окончательно поверила в то, что это она. Не после ДНК-теста. В общем, начало

было положено. Мало-помалу Виктория начала говорить. Не сразу, но она к нам вернулась. Ничего более прекрасного в моей жизни не случалось и не случится. Знаете, есть такая старая поговорка: «Родитель никогда не будет счастливее самого несчастного из своих детей».

Я некоторое время обдумываю ее слова. Потом говорю:

— Глубокая мысль.

И это не издевка.

— Да. Поэтому я хочу знать, что произошло с Викторией, мистер Кирс. Но закавыка в том, что моя дочь действительно счастлива. А счастье — штука очень хрупкая. Как мыльный пузырь.

— И вы боитесь, что я лопну этот мыльный пузырь.

— Верно, боюсь.

— Я очень постараюсь, чтобы такого не случилось.

У меня звонит телефон. Я уже упоминал, что он у меня стоит на беззвучном режиме для всех, кроме нескольких человек. Смотрю на экран. Это Молли. Я извиняюсь и, отойдя в угол, прикладываю трубку к уху:

— Молли?

— Ты где?

— Я еще у Белмондов. У вас все в порядке?

— Нет, — говорит она. — За нами кто-то следит.

Глава 19

Если верить навигатору, до того места в Нижнем Ист-Сайде, где сейчас находится Молли, от поместья Белмондов ехать сорок две минуты.

Чувак-с-пушкой жмет на газ, за что я ему очень признателен. Сам я все это время остаюсь на телефоне с Молли. Они с Генри сейчас в «Деликатесах Каца», знаменитом нью-йоркском заведении, которое претендует на звание старейшей закусочной в городе. У них обширное меню, но если вы закажете что-нибудь другое, кроме сэндвича с пастрами в том или ином варианте, то заслуживаете всех самых уничижительных эпитетов. Я прошу Молли оставаться там и следить за тем, чтобы вокруг были люди, а также не спускать глаз с двери. Звоню Марти, но он на мальчишнике у друга где-то на побережье в Нью-Джерси. Можно, конечно, подергать Крейга, но что он сделает? Раздумываю, не позвонить ли в полицию, и опять же, что это даст?

Молли с Генри в закусочной, где всегда не протолкнуться. Они в безопасности.

Теперь, судя по навигатору, мне до них ехать

сорок три минуты.

— Когда ты поняла, что он за тобой следит?

— Заметила, когда мы выходили из квартиры, — говорит Молли. — А потом на выходе из аптеки.

— Как он выглядит?

— Как стереотипный киношный злодей. Солнечные очки, несмотря на пасмурную погоду. Длинные волосы.

Я подскакиваю на сиденье:

— Татуировка на шее и джинсовая куртка?

— Ты его видел?

— Ошивался у нашего дома, когда я выходил. Он все еще перед закусочной? Ты его видишь?

— Я не у окна.

Мне нужна его фотография, но я не хочу, чтобы Молли подвергала себя даже минимальному риску. Я говорю ей оставаться на месте. Мы едем. Я нетерпеливо притопываю ногой и то и дело прошу ее доложить обстановку. Минут через пятнадцать на телефон мне приходит сообщение:

В голубом Молли не так хороша.

— Молли?

— Да?

— Что на тебе надето?

— Тебе не кажется, что сейчас не время для флирта, Сами?

— Я не…

— Знаю, знаю. Уже и пошутить нельзя? Смеяться полезно для здоровья. На мне голубой комбинезон.

Приходит еще одно сообщение:

> А у твоей жены отличная фигурка. Передай ей, что мне нравится, когда она мне ее демонстрирует.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Что такое? — спрашивает Молли.

— Очередное сообщение, — говорю я.

— Прочитай его мне.

Я не хочу, чтобы она снова обвинила меня в покровительственном отношении, поэтому читаю. Когда я заканчиваю, Молли говорит:

— Теперь сталкер пытается застыдить меня за плохой вкус в одежде?

— Мне нравится, когда ты надеваешь такие комбинезоны.

— Ну, тебе все нравится, — говорит она. — Сами?

— Да?

— Тебе еще долго ехать? Я начинаю немножко

нервничать.

— Двенадцать минут. Может, вызвать полицию?

— Не нужно. Тут уже и так двое полицейских.

— Это хорошо. Сиди, где сидишь.

— Как думаешь, кто он такой?

— Я не знаю.

Все это время я говорю вполголоса, потому что не доверяю Чуваку-с-пушкой. Почем мне знать, может, они с Патлатым заодно. Я исподтишка наблюдаю за ним на случай, если он потянется к телефону или попытается отправить сообщение. Пока что ничего такого мне заметить не удалось. Он, конечно, все слышит, но ничего из того, что я говорю, ему не поможет.

Ехать еще шесть минут.

Я отключаю микрофон в телефоне и наклоняюсь вперед.

— У вас пистолет все еще при себе? — спрашиваю я.

— Угу, — отзывается Чувак-с-пушкой. — Да, у меня есть на него разрешение. Нет, я его вам не одолжу.

— А как насчет второго пистолета?

— Какого второго? — Он фыркает. — А, вы имеете в виду, когда мы застукали вас в лесу, то

пообещали пристрелить и подкинуть вам пистолет? Вы про тот пистолет?

— Угу, — говорю я. — Про тот.

— Это был блеф, Кирс.

Ой ли!

— Я теперь тоже работаю на Белмондов.

— Я слышал. И все равно пистолет вам не одолжу.

— И как давно вы работаете на них?

— Давно.

— Когда вы ждали у моего дома, вы не заметили поблизости типа с татуировкой на лице и длинными волосами?

— Это который следил за вашим домом?

— Да.

— Он уже околачивался там, когда я приехал.

— В котором часу это было?

— За двадцать минут до того, как вы вышли.

— Он все это время там стоял?

— Ага. Не то чтобы я подслушивал, но это тот тип, который преследует вашу жену?

— Да.

— Он, похоже, сидел.

— Почему вы так считаете?

— У него на веке вытатуированы пять точек, — говорит Чувак-с-пушкой. — Как на игральном

кубике. Четыре внешние точки символизируют тюремные стены, а пятая внутри — тебя, отбывающего срок. Он или сиделец, или подражатель. Но мне он не показался похожим на подражателя.

— А вы, я вижу, свое дело знаете.

— Меня не за красивые глаза наняли.

— Бросьте, — говорю я. — Наверняка и за них тоже.

Он улыбается:

— Простите за удар под дых и вообще за весь этот спектакль с угрозами.

— Следующим номером мы обнимемся и зарыдаем друг у друга на груди?

— Господи, надеюсь, что нет.

— Вы в курсе, зачем Белмонды меня наняли?

— Догадываюсь.

— Будут какие-то соображения на эту тему?

— Ни единого.

— Что Виктория за человек?

— Меня не за красивые глаза наняли, — повторяет он. — А еще я хорошо умею держать язык за зубами.

— Да вы, я смотрю, настоящее сокровище.

— Просто удивительно, что я до сих пор холост, — говорит он. Потом: — Что вы собираетесь делать, когда найдете этого типа с татуировкой?

— Задам ему пару вопросов, — отвечаю я.

— Вы больше не полицейский.

— Он преследует мою жену.

Чувак-с-пушкой кивает:

— Законный аргумент. Хотите, я на всякий случай побуду поблизости?

Я по-прежнему ему не доверяю или, наверное, правильнее будет сказать, не вижу причин ему доверять. Однако подстраховка мне не помешает. Мы договариваемся, что Чувак-с-пушкой высадит меня и будет ездить кругами на случай, если мне понадобится помощь.

Я выхожу из машины в двух кварталах от закусочной. На улицах не протолкнуться, местные и туристы толпами бродят в поисках паленых дизайнерских шмоток и пастрами. Наушники я с собой не захватил, поэтому говорю Молли, что уже почти на месте, и опускаю телефон. Когда подхожу ближе к закусочной, замедляю шаг. Патлатого нигде не видно. Я останавливаюсь на углу авеню А, там, где раньше был офис «Бултона и Ватта»[8]. Закусочная находится на другой сто-

[8] Примечания: 8

«Бултон и Ватт»— британская инжиниринговая компания, основанная в 1775 году английским производителем Мэтью Бултоном и шотландским инженером Джеймсом Ваттом. Компания занималась проектированием и производством морских и стационарных паровых двигателей. — *Примеч. ред.*

роне Хьюстон-стрит. Я внимательно наблюдаю. Патлатого по-прежнему нигде не видно. Молли вошла в закусочную сорок пять минут назад. Он мог уже уйти или где-нибудь прячется.

Я не очень понимаю, как лучше поступить.

Ухожу с угла и говорю Молли, с которой по-прежнему на связи:

— Я его не вижу.

— Тогда мы можем выходить? — спрашивает она.

Я размышляю. Можно было бы сказать Молли, чтобы выходила, и посмотреть, не увяжется ли за ней кто-нибудь, но я не готов использовать жену и сына как наживку.

— Нет, — говорю я.

Я объясняю, что приду и заберу их, но сначала хочу еще несколько раз обойти квартал. Потом переключаю звонок на Чувака-с-пушкой.

— Видите его где-нибудь?

— Ответ отрицательный, — говорит он.

Следующие двадцать минут я прочесываю улицы. Учитывая, что Патлатый знает меня в лицо, задача довольно щекотливая. Я захожу и туда и сюда. Его нигде не видно. Время от времени проверяю сообщения, хотя включил уведомления со звуком. Никаких новых комментариев относи-

тельно гардероба моей жены.

И сколько еще так ходить?

— Генри начинает проявлять беспокойство, — говорит Молли. — И под «беспокойством» я имею в виду тридцать секунд до полномасштабной истерики.

Хватит. Ничего не поделаешь. Я говорю Чуваку-с-пушкой, что сворачиваюсь.

— Вас понял, — отзывается он.

Я направляюсь в закусочную и обнаруживаю Молли с Генри за столом в дальнем углу. Молли сидит лицом к двери, чтобы вовремя заметить, если войдет Патлатый. При виде меня она вскакивает. Я спешу к ним и подхватываю Генри на руки в тот момент, когда он уже готов расплакаться. При виде папы малыш передумывает плакать, во всяком случае на какое-то время. Сын улыбается мне, я думаю о Талии Белмонд и о долгих одиннадцати годах, на протяжении которых она не знала, где ее ребенок, и от одной этой мысли мне хочется разрыдаться.

— Что такое? — спрашивает Молли.

Я беру себя в руки. Моя жена встает. В руке у нее бумажный пакет.

— Что там? — спрашиваю я.

— Сэндвич с пастрами на ржаном хлебе с

горчицей и кошерным соленым огурцом с укропом, — говорит она.

Мой любимый.

— Я уже говорил, что люблю тебя?

— Я бы сказала, что тоже тебя люблю, но, думаю, сэндвич скажет это лучше.

— Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, — объявляю я.

— Скорее уж через место чуть пониже.

Я улыбаюсь ей. Чем сильнее Молли нервничает, тем больше шутит.

— Все будет хорошо, — заверяю я.

— Знаю.

Мы выдвигаемся в сторону дома. Патлатый (или лучше называть его Татуированный?) и так знает, где мы живем, так что пытаться оторваться от него не имеет смысла. Я исподтишка пытаюсь высмотреть его. Дважды останавливаюсь, завернув за угол, и жду. Иногда без предупреждения резко оборачиваюсь в надежде, что, может быть, удастся засечь его позади. После того как я оборачиваюсь в третий раз, Молли просит:

— Пожалуйста, прекрати. Ты ведешь себя так, будто у тебя конвульсии.

Когда мы возвращаемся домой, я тщательнейшим образом проверяю всю квартиру. Никого.

Приходит Молли и выкладывает мой сэндвич на тарелку. Там такая гора мяса, что я с трудом удерживаюсь, чтобы не спросить, не прилагается ли к сэндвичу лекарство от несварения. Это бородатая шутка, но, не будь в ней только доли шутки, она не передавалась бы из поколения в поколение.

— Ладно, — говорит она, — расскажи мне, чего от тебя хотели Белмонды.

Я рассказываю. Когда говорю про деньги, Молли хватается за телефон и проверяет банковское приложение.

— О господи… — говорит она.

— Как тебе?

— Это же…

Молли закусывает нижнюю губу и смаргивает слезы. Я тянусь к ней через стол и накрываю ее руки своей. Мне больно на нее смотреть. Молли ни разу не заставила меня почувствовать себя глупым, плохим или виноватым в том, что меня уволили из полиции, хотя вылетел я оттуда исключительно по собственной вине. Я это знаю. Я могу сколько угодно оправдывать все свои превышения полномочий стремлением к справедливости и готовностью ради нее не останавливаться ни перед чем. Но это было глупо и безрассудно.

Так к чему я это все?

Когда я потерял работу, наше финансовое положение было подорвано. Мы лишились всего. Мы по уши в долгах. Молли не хочет, чтобы я чувствовал себя виноватым, и делает вид, что все в порядке, гордо и отважно лавируя в море наших счетов, как и многие из нас. Но сейчас, видя, что она до такой степени потрясена суммой на нашем банковском счете, что не отваживается даже взглянуть на меня, я понимаю, как дорого стоили мои ошибки женщине, которую я люблю.

— Это не сон, — говорю я.

Мы некоторое время сидим молча, держась за руки. Молли то и дело смотрит на шестизначную сумму на нашем счете, где еще совсем недавно было жалкое четырехзначное число, и вновь вскидывает на меня глаза. В конце концов она произносит:

— Если ты так и будешь держать меня за руку, то не сможешь съесть свой сэндвич.

— Я могу попытаться справиться одной рукой.

— Обляпаешься.

Она выпускает мою руку, и я вгрызаюсь в сэндвич.

— У меня такое чувство, будто все складывается так, как надо, Сами, — говорит Молли. — Работа.

Деньги. Словно подарок свыше. Кисмет[9]. Тебе самому нужно выяснить, что с ней произошло. Это даст тебе ощущение завершенности. И ее семье тоже. И возможно, самой бедной женщине, не знаю. Это хорошее дело. Но деньги… это неправильно, что я им радуюсь?

— Ну почему неправильно?

Я откусываю еще кусок сэндвича. Кажется, в меня больше не влезет. Заворачиваю остатки и убираю в холодильник, и тут мой телефон начинает вибрировать, сигнализируя о входящем звонке. Номера в списке моих контактов нет, но я узнаю его. У меня мелькает мысль выйти в соседнюю комнату, но, думаю, это будет неправильно.

Нажимаю на зеленую иконку «Ответить»:

— Алло?

— Надо же, у тебя до сих пор тот же номер.

— Привет, Элла, — говорю я. Потом добавляю: — И у тебя.

Элла — старшая сестра моей убитой невесты Николь. Мы с ней уже сто лет не разговаривали, наверное, потому, что напоминаем друг другу о Николь, а ни мне, ни ей это не нужно. Кроме любви к Николь, у нас с ней никогда не было ничего

---

[9] Примечания: 9

Кисмет (*араб.* кисма — «доля, судьба, участь») — общее обозначение судьбы, рока в мусульманской традиции.

общего. Когда Николь погибла, у нас не осталось ни одной причины общаться.

— Значит, его выпустили на свободу, — говорит она.

— Это ненадолго.

— И все из-за тебя.

Я не утруждаю себя ответом.

— Мне никто позвонить даже не удосужился, — говорит Элла.

— Напрасно они так, — говорю я.

— Я предпочла бы, чтобы меня предупредили заранее, — продолжает Элла. — Я узнала обо всем, когда ко мне в салон явился репортер, чтобы получить комментарий.

У Эллы свой салон красоты в Квинсе. Называется «Ветреная челка».

— Мне очень жаль, — говорю я.

— Я не за этим звоню.

— Ясно.

— Он болтался у салона.

— Тед Грейсон?

— Да.

Я крепче сжимаю телефонную трубку:

— В каком смысле болтался?

— А в каком еще смысле он мог болтаться? — огрызается Элла. — Стоял на улице и смотрел. Я в

салоне, крашу клиентку и делаю ей парафиновое обертывание, а потом выглядываю в окно — а там он.

— И что ты сделала?

— Вышла на улицу, чтобы высказать ему все, что я о нем думаю.

— А он?

— Убежал. Я позвонила в полицию. Они сказали, что я могу попробовать получить ограничительное предписание, но для этого мне нужно доказать, что он представляет для меня непосредственную угрозу.

— Мне очень жаль.

— Хватит уже твердить как попугай: «Мне очень жаль, мне очень жаль», — говорит Элла. Потом спрашивает: — Я слышала, ты женился и у тебя ребенок?

— Сын, — говорю я. — Зовут Генри.

— Мило. Она наверняка одумалась бы. Николь, я имею в виду. У нее точно хватило бы ума не выходить за тебя.

Я снова выбираю промолчать. Элла всегда считала, что я недостаточно хорош для Николь. Я и впрямь был недостаточно хорош для нее — как, впрочем, и для Молли.

— Я видела по телевизору его пресс-конферен-

цию, — говорит Элла.

Я по-прежнему ничего не отвечаю.

— Тед был довольно убедителен.

— Психопаты это умеют.

— Думаешь, он все еще опасен?

— Да.

— Для всех нас?

— Да.

И тут я бросаю взгляд в окно, мимо пожарной лестницы. Там, внизу, на углу, привалившись к фонарному столбу, глядя прямо мне в глаза, с улыбочкой на лице стоит Патлатый.

Глава 20

Я не колеблюсь ни секунды.

— Я перезвоню, — бросаю я Элле и, дав отбой, распахиваю окно на пожарную лестницу.

Молли поднимается:

— Сами?

— Оставайся здесь. Я пойду с ним потолкую.

— Подожди, — говорит Молли.

Я не жду. Я уже вылезаю на пожарную лестницу. Забавно. Я никогда раньше тут не бывал. Во-первых, у нас никогда не было пожара. Во-вторых, железная конструкция за окном выглядит ржавой, шаткой и не слишком располагающей к прогулкам. Когда ноги оказываются на ней, я обнаруживаю, что это так по всем трем пунктам. Лестница шатается так сильно, что я боюсь, как бы она не оторвалась от стены и я не рухнул вниз. Ничего, разумеется, не отрывается.

— Сами?

Это снова Молли. Я ее понимаю. Она хочет, чтобы я остановился. Патлатый может быть вооружен и опасен. Я действую импульсивно, возможно, безрассудно, и в прошлом такое

поведение ничем хорошим для меня не заканчивалось. Я все это понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Я где-то читал, что мы, люди, существа иррациональные, потому что наше поведение не очень вписывается в модель рационального агента. Мы считаем, что принимаем решения самостоятельно, руководствуясь свободой воли. Но это не так. И никогда так не было.

Патлатый уже заметил меня и дал деру. У него приличная фора. Догнать его будет непросто, а если мне это и удастся, он намного крупнее меня. Затея заведомо гиблая. Не надо было пытаться его догнать. Надо было сфотографировать и отправить фото Марти или позвонить в полицию. Это было бы рационально.

Но что сделают полицейские? Успеют они приехать вовремя или он снова улизнет?

Я дергаю выдвижную секцию пожарной лестницы, чтобы спустить ее на землю, но она заржавела и ни туда ни сюда. Прыгаю на ней, надеясь, что под моим весом она придет в движение. Лестница не поддается. Возиться мне некогда. Я наполовину слезаю, наполовину съезжаю вниз, повисаю на последней ступеньке и спрыгиваю на землю. До нее оказывается больше, чем я ожидал. Я не удерживаюсь на ногах и кулем плюхаюсь

на асфальт.

Патлатый некоторое время наблюдает за мной, видимо остолбенев от неожиданности, но вскоре понимает, что происходит, и бросается бежать. Он пухлый и упитанный, и, когда бежит, руки у него двигаются, точно у надувных зазывал, которых так любят устанавливать перед автосалонами. И опять мне следовало бы остановиться, но, когда я вспоминаю о сообщениях с комментариями относительно одежды Молли и о том, как сильно он напугал ее — напугал мою Молли! — простите, с моей стороны было бы нерационально не помчаться за ним вдогонку.

Патлатый заставил Молли почувствовать себя не в безопасности. Он заставил Молли просить меня о помощи.

Такое с рук не сходит.

Возможно, это никого не удивит, но я человек довольно неспортивный. Не хочу сказать, что в детстве никто не горел желанием брать меня к себе в кикбольную команду, нет, ничего такого не было. Я был крепким середнячком. У меня не слишком хорошая координация и начисто отсутствует техника, зато я быстрый и выносливый. А больше ничего от меня сейчас и не требуется. Я поднимаюсь на ноги и припускаю за ним.

Патлатый успел опередить меня на квартал, но он медлительный и неуклюжий, а руки-макаронины скорее тормозят его движение, нежели ускоряют. Готов поклясться, что с его немытых патл стекает жир и забрызгивает его лицо. Патлатый пытается резко повернуть вправо, но не рассчитывает скорость и едва не теряет равновесие. Потом оглядывается на меня. Лицо у него красное, грудь ходит ходуном.

Я постепенно сокращаю дистанцию.

Кровь во мне закипает.

На Ривингтон-стрит полно народу. Некоторые оборачиваются и глазеют. Большинству все равно. Меня очень подмывает закричать, чтобы его хватали, что я полицейский, но это неправда, и я не уверен, не выйдет ли это в итоге мне боком.

И потом, я его нагоняю.

Патлатый сворачивает на Клинтон-стрит и бежит в сторону Деланси. Он пробегает мимо «Клинтонс экзотик плюс энд дели», лавки, торгующей курительными принадлежностями и по совместительству закусочной. Я тысячу раз проходил мимо, но внутри никогда не бывал. Не уверен, что хочу, чтобы сэндвич мне делал тот же чувак, который продает вейпы и кальяны. Возможно, это все мои тараканы. Молли говорит,

мне нужно расширять горизонты.

Я продолжаю сокращать дистанцию.

Патлатый внезапно кидается влево, в направлении магазина уцененки. Молли иногда берет там чистящие средства и подарочные пакеты. Возможно, это помогает сэкономить, но оно того не стоит. Патлатый хватается за дверную ручку. Это на несколько секунд его задерживает. Я с разбегу налетаю на него и, обхватив ногами его колени, увлекаю за собой на асфальт. Патлатый с хрюканьем валится на мостовую.

— Ты что, совсем спятил? — кричит он.

Я пригвождаю его к земле своим весом. Он выворачивается и пытается меня пнуть. Задеть меня ему не удается, но и я тоже не могу его ухватить. Мы оба кое-как поднимаемся на ноги.

Патлатый вскидывает руку, давая мне понять, что пытается отдышаться. Когда он прекращает хватать ртом воздух, то выдыхает:

— Отвали от меня!

— Кто ты такой? Зачем преследуешь мою жену?

— Я не обязан перед тобой отчитываться.

— Еще как обязан.

— И что ты мне сделаешь?

Готового ответа у меня нет. Это вызывает у него

улыбку.

— Я ухожу, — говорит Патлатый. — И ты меня не остановишь.

Он делает шаг. Я заступаю ему дорогу. Наверное, выглядит это слегка комично. На нас начинают оборачиваться. Патлатый куда крупнее меня, но я не собираюсь дать ему уйти.

— Зачем ты преследуешь мою жену?

Патлатый делает шаг в сторону, я делаю шаг в сторону. Тогда он начинает надвигаться на меня. Я стараюсь не отступать. Каждый из нас только и ждет, когда другой полезет в драку. Мы стоим друг напротив друга. Мой подбородок находится где-то на уровне его груди.

— Прочь с дороги, — цедит Патлатый.

— Кто ты такой?

— Я ни хрена не обязан тебе говорить.

Он прет прямо на меня, своей тушей слегка оттесняя меня назад. Я не очень понимаю, как быть. Я запер его, но дальше-то что? Он намерен просто уйти. И что мне прикажете делать, брать его в плен? Пытаться посреди бела дня выбить из него ответ? Чтобы не дать Патлатому просто взять и уйти, мне придется применить физическую силу. Он настоящий бугай. У него тюремные татуировки. Он, вероятно, сидел. Разумеется, ничто из

этого меня не волнует. Если дело дойдет до драки, я совершенно уверен, что выйду победителем.

Возможно, это утверждение покажется вам самоуверенным. Поверьте, это не так.

Я пытаюсь его удержать. Патлатый делает еще шаг вперед. Я теряю равновесие и отпихиваю его. Ничего большего ему не требуется. Патлатый с улыбкой бросается на меня. Я не делаю попытки увернуться. Мы летим на асфальт.

Я уже упомянул, что это не самоуверенность. И вот почему. В драке у меня есть только одно преимущество, зато очень веское: мне начисто срывает крышу. Я впадаю в неистовство, и остановить меня невозможно. Я снова и снова налетаю на противника, как маленький пакистанский терминатор. Патлатый с размаху бьет меня по уху. Потом отскакивает, считая, что драка окончена. Не тут-то было. Я снова и снова наскакиваю на него. Он бьет меня под ребра. Может, даже какое-то ломает. Я не знаю.

Но я не останавливаюсь.

Это моя суперсила. Мне неоднократно доводилось участвовать в потасовках. Я не проигрываю, потому что не умею отступать. Как только в моей крови начинает пульсировать адреналин, я перестаю чувствовать боль. Патлатый пыта-

ется увернуться от меня, поняв, что, похоже, не рассчитал сил. Я прыгаю ему на спину, точно первобытный дикарь. Под моим весом он теряет равновесие и падает на колени. Я продолжаю давить, пока он не падает лицом на мостовую.

Тогда я хватаю его за волосы и впечатываю мордой в асфальт. Потом наматываю его жирные патлы на кулак и с силой тяну на себя, так что спина у него выгибается, а мои губы оказываются у самого его уха.

— Ты кто? Что тебе нужно от моей жены?

Патлатый растягивает губы в улыбке, и я вижу на его зубах кровь.

— Да пошел ты!

Я снова припечатываю его к асфальту. Потом оттягиваю за волосы его голову, чтобы приложить мордой еще раз. И тут кто-то неожиданно набрасывается на меня сзади.

— Полиция! Прекратить сопротивление! Руки за спину!

На меня прыгает еще кто-то. Теперь разом навалились еще и двое полицейских в форме.

— Нет, — протестую я. — Послушайте…

Я лежу на асфальте лицом вниз. Один из полицейских слегка подпрыгивает и всаживает колено мне в позвоночник. Знакомый прием. Мне

самому доводилось его применять. Это больно.

— Руки за спину!

Меня очень подмывает сказать им, что я тоже коп, но, когда они выяснят, что больше нет, это может выйти мне боком. Да они все равно не послушают. Я позволяю им застегнуть на моих запястьях наручники. Интересно, Патлатый сбежит? Нет, он стоит и довольно улыбается.

— Он чокнутый, ребята, — заявляет Патлатый. — Взял и ни с того ни с сего побежал за мной.

Полицейский вопросительно смотрит на меня:

— Сэр?

— Он слал моей жене сообщения. Преследовал ее.

— У вас имеются доказательства? — спрашивает меня полицейский.

— Он больной на всю голову, — говорит Патлатый. — Я его никогда в жизни не видел. Стою себе спокойно на углу авеню С, а тут он вдруг как на меня набросится! Психопат чертов. Видали, что он со мной сделал?

Патлатый указывает на разбитую губу.

— Сэр, — спрашивает его полицейский, — вы будете предъявлять обвинения?

— Нет, приятель. Я просто хочу поскорее по-

пасть домой. У меня жена-красотка и маленький сын. Они меня ждут.

Меня охватывает ярость.

— Он лжет!

Полицейский с усталым видом вздыхает:

— И снова я спрашиваю, у вас имеются доказательства?

— Отвезите нас в участок, — говорю я. — Моя жена вам расскажет.

— Что именно она должна нам рассказать?

— Что он ее преследует.

— Каким образом?

— Сегодня утром он ошивался под окнами нашей квартиры. Потом жена пошла гулять с ребенком и увидела, что он за ней идет. Потом я видел, как он смотрел в окно ее комнаты.

— Бред собачий, — заявляет Патлатый.

— Кроме того, он прислал мне два сообщения.

— Сэр, — спрашивает меня полицейский, — вы знаете этого человека?

— Я не знаю, как его зовут, но…

— Ваша жена знает этого человека?

— Нет.

— Тот факт, что ваша жена видела на улицах Нью-Йорка одного и того же человека, даже если он попался ей на глаза намеренно, еще не явля-

ется преступлением. Вы ведь отдаете себе в этом отчет, верно? У вас есть доказательства, что это он прислал вам эти сообщения?

— Просто отвезите нас в участок.

— Нет, сэр, мы не станем тратить попусту время и силы на двух придурков. Считайте, что вам повезло. Отделаетесь всего лишь предупреждением. Вы, — он тычет пальцем в Патлатого, — убирайтесь отсюда. Живо. А вы, — он указывает на меня, — несколько минут подождете тут с нами, а потом пойдете в другую сторону. Вам все понятно?

— Запишите его имя, — говорю я.

— Нас не интересует его имя. А даже если бы интересовало, вам мы бы его не сказали. — С этими словами коп поворачивается к Патлатому. — Давайте, катитесь отсюда.

Патлатого дважды просить не приходится. Он бросается бежать, двигая руками-макаронинами.

Когда с меня снимают наручники, я поспешно лезу в карман за телефоном, чтобы сделать фотографию. На мгновение у меня мелькает мысль, как бы эти ребята не заподозрили, что у меня там пистолет, но они даже не реагируют. И тем не менее к тому моменту, когда я вытаскиваю телефон, Патлатый со своими руками-макаронинами уже

успевает скрыться. Вскоре уходят и полицейские. Я поднимаюсь с асфальта.

Из дверей магазина выходит пакистанец и говорит мне:

— Включите «Эйрдроп».

— Зачем?

— Просто сделайте это, пожалуйста.

Я включаю.

Мужчина щелкает по иконке на экране своего телефона, и на моем появляется фотография Патлатого, четкая и крупным планом. Мужчина улыбается мне.

— Спасибо вам, — говорю я ему.

Он молча кивает и скрывается в недрах магазина.

На обратном пути я отправляю сообщение моим десяти избранным студентам, что сегодня вечером будет сбор. Кроме того, звоню папе и прошу его прийти к нам сегодня вечером и побыть с Молли и Генри, потому что у меня занятия, а их одних оставлять я не хочу. Потом внимательно смотрю на фотографию Патлатого, которую скинул мне мой безымянный друг из магазина уцененки, и увеличиваю ее, чтобы получше рассмотреть татуировки на лице.

Пять точек.

Чувак-с-пушкой был прав. Этот малый сидел в тюрьме.

Мелькает мысль послать фотографию Патлатого Марти, чтобы тот попробовал установить его личность, но такие вещи работают только в фильмах, а не в реальной жизни. У меня было множество случаев — я просто потерял им счет, — когда у нас на руках имелись очень четкие кадры с камер видеонаблюдения, на которых подозреваемые были запечатлены в процессе, но нам так и не удавалось выяснить, кто они. Для этого нужно опубликовать фотографии в прессе или показать по телевидению. Тогда, возможно, удастся узнать имя. Вы наверняка видели в местных новостях, а в последнее время и в социальных сетях зернистые размытые фотографии с камер видеонаблюдения под заголовком «Полиции требуется ваша помощь в опознании подозреваемого».

Тем не менее я отправляю Марти снимок и прошу помочь установить личность Патлатого.

Через две секунды Марти перезванивает:

— Что там у тебя стряслось?

— Этот тип преследовал Молли. — Я быстро ввожу его в курс дела. Марти соглашается, что шансы что-нибудь разузнать невелики, но обеща-

ет попробовать. — Мне тут подкинули большую работу, — добавляю я.

— Здорово, — говорит он. — А кто?

— Семья Белмонд.

В трубке повисает молчание.

— Что, никакой реакции не будет?

— Ты внезапно сообщаешь мне, что, возможно, тебе удастся раскрыть дело Виктории Белмонд, и даже просишь меня найти тебе информацию по этому делу, а потом — бац! — ее семья тебя нанимает?

— Да.

— То есть ты или собирал сведения, чтобы потом предложить им свои услуги, — говорит Марти, — или утаиваешь от меня твою настоящую связь с этим делом.

Теперь умолкаю я.

— Я ставлю на второй вариант, — говорит Марти.

Я не очень понимаю, что можно ему рассказать, а о чем лучше умолчать.

— Возможно, я видел ее в тот период, когда она считалась пропавшей.

— Викторию Белмонд?

— Угу.

— В то время, пока она была у похитителей?

— Угу.

— Где?

— В Испании. Я только что окончил колледж. Познакомился в баре с девушкой. Мы провели вместе несколько дней. Я думаю, это была она.

— Ясно, — медленно говорит Марти. — Видимо, часть «я думаю» можно опустить, верно? Ты уверен, что это была она, так ведь?

— Да, я уверен.

— Ух ты. Значит, у тебя есть реальный шанс раскрыть дело.

— Не знаю, насколько он реальный.

— И если тебе нужен полицейский, который готов принять на себя бремя славы за поимку преступника, вот он я.

Мне не хочется ни вдаваться в подробности про соглашение о неразглашении — кстати, я, наверное, уже нарушил его, рассказав Марти все это? — ни посвящать его в то, что щедрое вознаграждение полагается мне в том числе за то, чтобы полиция не имела к этому делу никакого касательства.

— О, да ты, Марти, оказывается, у нас честолюбец, — подкалываю я его. — Кто бы мог подумать.

— Ты себе даже не представляешь, — гово-

рит он.

Когда он вешает трубку, я делаю еще один телефонный звонок, на сей раз Леоноре Спайкс. Нужно получить от нее добро на командировочные расходы. Я излагаю ей свою основную просьбу и жду возражений, но Леонора говорит:

— Без проблем, я сейчас же этим займусь. Еще что-то?

— Еще две вещи, — говорю я.

— Выкладывайте.

— Мне нужно опросить Томаса Белмонда.

— Сегодня вечером пойдет?

— У меня занятие, так что смогу подъехать не раньше чем в начале одиннадцатого.

— Если вам это удобно, то без проблем. Томас будет дома.

— Отлично, — говорю я.

— Что еще?

Я перехватываю телефон другой рукой.

— Мне нужно еще раз встретиться с Викторией.

Она заминается.

— Миз Спайкс?

— Леонора, — торопливо говорит она. — Зовите меня Леонора. Вы же понимаете, что она ничего не помнит?

— Ну, что-то она все-таки помнит.

— Родные не хотят, чтобы она, — Леонора не сразу подыскивает нужное слово, — переживала.

— И я тоже.

— Я переговорю с ее отцом и перезвоню вам. Это максимум, на который я способна.

Ни слова больше не говоря, она вешает трубку.

Молли ждет меня дома, и я рассказываю ей о драке с Патлатым. Когда заканчиваю, говорю:

— У меня есть один план.

— Что за план?

— Для нас троих.

— Я вся внимание.

— У меня сегодня занятие. Ранним вечером. А потом мне нужно будет съездить поговорить с Томасом Белмондом.

— Ясно.

— Мне не нравится идея оставлять вас с Генри одних, так что я пригласил в гости отца.

Молли вскидывает бровь:

— Серьезно? Ты пригласил отца?

— Только на то время, пока меня не будет.

— Ты позвал отца, потому что беспокоишься о нас.

— Да.

— И что, скажи на милость, твой отец сможет

сделать? Ну вот, представь, этот тип снова появится, и что, твой отец будет с ним драться? Твой отец, Сами. Он же и мухи не обидит.

— Ну да, — признаю я.

— К счастью, мы с твоим сыном всегда рады видеть твоего папу просто так.

— Но тогда лучше будет, если кто-нибудь приглядит за домом. Наверное, я попрошу Марти припарковаться у нас под окнами или что-нибудь еще.

— С нами все будет в полном порядке. Мы не будем выходить из дома.

Я думаю об этом.

— Ты сказал, что у тебя есть какой-то план, — напоминает мне Молли.

— Есть.

— И твой план заключается в том, чтобы твой отец нас защищал?

— Нет, — говорю я с улыбкой. — Это блестящий план.

Молли вновь вскидывает бровь. Обожаю, когда она так делает.

— Может, расскажешь все-таки?

— Собирай чемоданы, — говорю я.

— О-о-о, продолжай.

— Для тебя, меня и Генри.

— Мы куда-то поедем?

— Ага, — говорю я. — Выезжаем завтра вечером.

— И куда же мы поедем?

Моя улыбка становится шире.

— На Коста-дель-Соль. В Испанию.

Глава 21

Когда я начинаю раздавать студентам листочки, Гольфист Гэри спрашивает:

— Боже, это что, викторина? Терпеть их не могу.

— Так нечестно, Кирс, — ноет Ленни. — Никто не предупреждал нас, что придется учиться.

— Это не викторина, — говорю я. — Это соглашение о неразглашении конфиденциальной информации. Я расследую одно дело. И подумал, что вам, возможно, будет интересно поучаствовать в расследовании.

— Побыть помощниками детектива?

— Что-то вроде.

— А жетоны нам выдадут? — интересуется Реймонд.

Я только сейчас его замечаю. Его не было в списке студентов.

— Что ты здесь делаешь, Реймонд?

— Можно подумать, — со смешком говорит он, — тебе не нужна моя помощь.

Я смотрю на Дебби. Та пожимает плечами.

— Он за мной увязался, — говорит она.

— Жетонов не будет, — сообщаю я. — Прочитайте внимательно текст. Если согласны, то подпишите. Полли у нас нотариус. Она заверит ваши подписи.

— А если не согласны?

— Тогда я буду вынужден попросить вас удалиться, — отвечаю я. — Мой клиент настаивает на полной конфиденциальности. Если вы не можете ее соблюдать, пока-пока.

Никто, разумеется, не уходит. Они толком даже не читают документ — за исключением Реймонда, который вставляет в глаз монокль. Остальные быстро выстраиваются в очередь на подпись. Полли тщательно заверяет каждую.

— Могу я уточнить значение слова «и» в последнем абзаце? — спрашивает Реймонд.

— Оно означает, что ты в любой момент волен уйти, Реймонд.

— Смешно, Кирс.

Реймонд подписывает, Полли заверяет его подпись. Итого подписали все.

Дебби спрашивает:

— Так, ладно, что за дело?

— Их на самом деле два, — говорю я. Они ждут. — С первым вы уже хорошо знакомы.

— Виктория Белмонд? — спрашивает Полли.

— Да.

— И кто наш наниматель?

«Наш». Уже «наш».

— Это конфиденциальная информация. Всегда. В этом деле конфиденциально все. Этически. Морально. И юридически. Все меня поняли?

— А нам заплатят? — интересуется Реймонд.

— Нет. Это часть вашего курса обучения. Я подготовил задания для всех вас. Кроме тебя, Реймонд.

— Тем лучше, — говорит Реймонд. — Я птица вольная, летаю в одиночку.

— Как ведьма на крыле самолета, — говорю я.

Реймонду моя шутка нравится. Он складывает из пальцев пистолет и делает вид, что стреляет.

— Точниссимо!

— И что это за задания? — спрашивает Гэри.

— В основном исследовательская работа. Но может понадобиться и наружное наблюдение.

— А второе дело какое?

Я сглатываю, потому что мне трудно произнести это вслух.

— Убийство Николь Бретт.

Молчание.

Они всё знают.

Я жду, что кто-нибудь из них задаст вопрос. Но

никто ничего не спрашивает. Все сидят молча и ждут.

Я откашливаюсь.

— В убийстве был обвинен некто Тед Грейсон, но недавно его выпустили из тюрьмы на основании формальных причин. Если мы сумеем собрать достаточно новых улик, возможно, нам удастся убедить районного прокурора Манхэттена открыть дело заново. Николь Бретт была заслуженной сотрудницей полиции Нью-Йорка, когда Тед Грейсон застрелил ее. Она была…

У меня срывается голос. Я на секунду умолкаю.

Поднимается Полли:

— Мы знаем, кто она была, Кирс.

Я обвожу взглядом серьезные, полные сочувствия лица своих студентов и говорю:

— Я выдам каждому его задание.

Томас Белмонд живет в перестроенном каменном фермерском доме, богатом, вылизанном до блеска и отделанном так, что можно хоть сейчас устраивать фотосессию для какого-нибудь глянцевого интерьерного журнала. Томас и его жена Мадлен выглядят под стать. Томас словно только что сошел с яхты в Хайаннис-Порте. Загорелый и моложавый, он пышет здоровьем. На Томасе голубая оксфордская рубашка навыпуск, джинсы

и мокасины без носков. Он так чисто выбрит, что только что не лоснится. Мадлен выглядит как стереотипная жена такого мужчины. Это привлекательная блондинка, подтянутая, с безупречной кожей и идеальными зубами. Для полноты картины не хватает разве что свитеров, наброшенных на плечи и завязанных на шее.

Когда я захожу, одна из их дочерей как раз спускается по лестнице.

— За мной сейчас заедет Карли, — говорит она родителям, еще не видя меня. — Стейси у себя наверху, занимается. У нее контрольная по математанализу.

Тут Вики замечает меня и, не дожидаясь родительской подсказки, подходит ко мне и протягивает руку:

— Здравствуйте, я Вики.

— Я Сами Кирс.

— Приятно познакомиться, мистер Кирс.

Вики одаривает меня точно такой же безупречной, как у матери, улыбкой. Я улыбаюсь в ответ. Она как глоток свежего воздуха, из тех людей, которые входят в комнату — и тебе против воли кажется, будто вокруг стало светлее. Ее родители сияют от гордости, и я их понимаю. Из биографических справок, которые подготовили для меня

Розовые Пантеры, мне известно, что Вики восемнадцать, она в этом году оканчивает школу, и меня пронзает исходящее от нее ощущение юности и живости, которое невозможно не заметить даже во время этой мимолетной встречи в холле, а следом — мысль о том, что ей сейчас столько же, сколько было ее тете Виктории, когда та исчезла.

— Во сколько вернешься? — спрашивает ее отец.

— Я ненадолго. Хотим вместе посмотреть «Холостяка» у Джейми.

Вики обнимает родителей. Это не формальное прикосновение для галочки, а настоящее полноценное объятие. Томас и Мадлен закрывают глаза и впитывают его. Мне происходящее кажется почти нереальным, как будто я смотрю представление, вот только это не показная демонстрация чувств специально для меня. Они на самом деле такие.

— Очень приятно было с вами познакомиться, мистер Кирс, — говорит Вики и направляется к входной двери.

— Взаимно, — говорю я.

Вики скрывается за дверью. Мы втроем остаемся стоять в холле, как будто мимо нас, никого не задев, только что пронеслось торнадо.

— Прошу вас, — говорит Мадлен. — Проходите в гостиную.

Они устраиваются на плюшевом диване в цветочек. Я сажусь в такое же кресло напротив.

— Хотите чего-нибудь выпить, мистер Кирс? — предлагает Мадлен.

Я прошу ее звать меня Сами и говорю, что буду пить то же, что и они. Это оказывается холодный чай. Время для чая слишком позднее, но я обнаружил, что некоторые люди чувствуют себя расслабленнее, когда ты принимаешь их гостеприимство.

Томас закидывает ногу на ногу, потом вновь опускает ее. Пытается улыбнуться, но выходит не слишком убедительно.

— Я не очень понимаю, какие чувства испытываю по этому поводу.

— По какому именно? — уточняю я.

— По поводу необходимости снова все бередить. Ворошить пчелиный улей. Мы все хотим знать правду, но…

Он умолкает. Мадлен берет мужа за руку. На лице ее написана тревога.

— Ладно, не важно, — говорит Томас и снова вымучивает из себя такую же неубедительную улыбку. — Спрашивайте все, что считаете нуж-

ным. Что вы хотите знать?

— Можете рассказать мне о том тридцать первом декабря?

Неубедительная улыбка слетает с лица Томаса, как будто я только что сообщил, что умерла его любимая собака. Мадлен выглядит встревоженной.

— Томас? — говорит она.

— Это моя вина, мистер Кирс, — говорит он. — Вы, наверное, и без меня это знаете.

— Я здесь не для того, чтобы кого-то обвинять.

— Виктория звонила мне в ту ночь. Я не взял трубку.

Он приходит в состояние такого нервного возбуждения, что я боюсь, как бы Мадлен не попросила меня уйти.

— Давайте по порядку, — говорю я. — Виктория с подругами планировали отметить наступление нового тысячелетия в пабе «Маккейб» в Нью-Йорке. Им нужен был кто-то взрослый, чтобы подписать договор. Все так?

Томас кивает:

— Это было безответственно с моей стороны.

— Но по-человечески вполне понятно, — говорю я, пытаясь прикинуться сочувствующим союзником. — Когда я был подростком, старший

брат покупал мне пиво. Я был ему за это страшно благодарен.

Я соврал, но сами понимаете.

— Я тогда сам не понимал, что творил, — говорит Томас. — Полагаю, вы подготовились, прежде чем приезжать сюда.

— Подготовился.

— Значит, вам известно, что я слишком много пил. Меня четырежды задерживали за вождение в пьяном виде. В колледже я попался на употреблении наркотиков. Отделался тогда легким испугом.

— Томас, я здесь не затем, чтобы тыкать вас носом в былые грехи. Но вы сказали, то, что произошло, случилось по вашей вине. Можете пояснить, что вы имеете в виду?

Он делает глубокий вдох.

Мадлен шепчет:

— Все хорошо, милый. — Потом бросает на меня не вполне добрый взгляд. — Для него болезненно, — говорит она, — заново вспоминать.

— Прошу прощения за то, что вынуждаю вас делать это, — говорю я, и это не пустые слова.

Томас, судя по всему, действительно переживает, и я не хочу усугублять его состояние. По словам местных, Томас хороший человек. Он жертвует во

множество благотворительных фондов. Он давно исправился и не возвращался больше к старым привычкам. Хотя воспоминания о нашей первой встрече у меня остались, мягко говоря, не самые приятные, я понимаю, на что может толкнуть желание защитить тех, кого любишь. Я сейчас скажу одну вещь, хотя и с огромной оговоркой: да, я отдаю себе отчет в том, что это скоропалительное суждение, а скоропалительные суждения нередко оказываются ошибочными, но мне кажется, что я вижу перед собой в общем и целом хорошего человека. Возможно, все дело в том, как искренне дочь обняла Томаса на прощание. Возможно, в том, как за Томаса беспокоится его очаровательная жена. Исчезновение младшей сестры явно глубоко травмировало его. Я понимаю и сочувствую. Но это не заставит меня отступиться. Хороший детектив распознает больные места и проявляет сочувствие, но не позволяет этому мешать работе.

Я вновь устремляю взгляд на Томаса и жду.

— Я отвозил Вик на ту вечеринку, — говорит он. — Они с подружкой — кажется, это была Каролина, — хотели приехать пораньше, чтобы все подготовить.

— Подготовить?

— Украсить помещение, развесить новогодние постеры, всякое такое. — Томас улыбается жене, не прекращая разговаривать со мной. — Такой уж Вик была девушкой. Суперответственной. Всегда готовой прийти на помощь другим. — Он вновь смотрит на меня. — Хотите услышать кое-что ужасное?

Я не знаю, как ответить, поэтому пытаюсь просто сделать заинтересованный вид.

— Я был уже изрядно нетрезв, когда вез ее.

— Думаете, она знала?

— Что я выпил? Скорее всего. Я не особенно об этом думал. Вик была моей глупенькой младшей сестренкой. Я был слишком поглощен собой, чтобы видеть ее. Понимаете, что я имею в виду?

Я киваю.

— Я тогда был в очень плохом состоянии. Моя подружка Лейси только что меня бросила. Меня колбасило. — Томас вдруг улыбается. Его улыбка больше не кажется неубедительной, но это, наверное, самая печальная улыбка, которую мне когда-либо доводилось видеть. — И Виктория это понимала.

— Что вы имеете в виду?

— Она видела, что мне плохо. Во время поездки. И пыталась уговорить меня остаться.

— В «Маккейбе»?

— Да. Она сказала, что беспокоится за меня и не хочет, чтобы я был один. Поэтому твердила, что я должен пойти с ней на вечеринку. — Печальная улыбка по-прежнему играет у него на губах. — И знаете что? Я ведь в самом деле чуть было не остался. Я подъехал к бару, она попыталась в последний раз уговорить меня, и я чуть было не согласился, но, понимаете, если и есть что-то более жалкое, чем встречать Новый год в одиночестве, так это пойти на школьную вечеринку к младшей сестре, когда тебе двадцать пять.

Ну да, пожалуй.

— Вы сказали, что расстались со своей девушкой.

— Она меня бросила. Накануне.

— Ее звали Лейси Монро?

— Верно.

— Но вы сказали ФБР, что в ту ночь в конце концов поехали к ней.

— Поехал. В том-то и дело. После того как я высадил сестру, я вернулся домой и в одиночестве засел в нашем домашнем кинотеатре. Упивался жалостью к себе. Посмотрел какой-то старый фильм. Пил. Закидывался какой-то дрянью. В общем, меня капитально развезло. И в какой-то

момент мне позвонила Лейси.

Я киваю:

— Судя по досье ФБР, это было в 1:21 ночи.

— Кажется.

— И что Лейси вам сказала?

— Это был классический пьяный звонок. Она по мне скучает, она меня любит, она была не права и хочет, чтобы я вернулся. Ну, сами знаете.

— О да, еще как.

Томас слегка распрямляется:

— Надеюсь, с моей стороны будет не слишком большой бестактностью сказать, что я в курсе. Когда мама захотела вас нанять, наша служба безопасности быстренько узнала вашу подноготную. Они сказали, что вы сильно пили.

— Пил, — подтверждаю я.

— Но уже несколько лет как завязали.

— Все так.

— Это хорошо, — кивает Томас. — Я рад за вас. Это непростой путь.

Я не очень понимаю, пытается он таким образом расположить меня к себе или говорит искренне. Да меня это и не очень волнует.

— Значит, после того, как Лейси вам позвонила, — продолжаю я, — вы поехали к ней.

— Угу. Несколько дней спустя она снова меня

бросила. Наши отношения были того рода, которые нынче совершенно справедливо принято называть токсичными.

— Ясно, — говорю я. — Вы упомянули, что в ту ночь вам также звонила сестра.

Он сглатывает:

— Верно.

— Судя по списку звонков, это было в 23:04, за несколько минут до того, как ее видели на выходе из «Маккейба».

Томас ничего не отвечает. Мадлен тоже молчит.

— И, — добавляю я, — звонок длился всего одну минуту.

— Это потому, что я не взял трубку, — говорит Томас.

Он закрывает глаза. Опять-таки мне в жизни приходилось видеть гениальных притворщиков, и я не хочу сказать, что верю каждому его слову, но у меня нет практически никаких сомнений в том, что Томас искренне раскаивается.

Мадлен смотрит на мужа, который сидит с опущенной головой, и я вновь вижу на ее лице тревогу.

— Может, стоит сделать небольшой перерыв? — предлагает она.

— Нет, — говорит Томас. — Все в порядке, честное слово. Нужно покончить с этим, понимаешь?

Она кивает:

— Конечно.

— Я не взял трубку, когда позвонила моя сестра, — говорит он.

— Ясно, — повторяю я.

— Не знаю, это потому, что я был в отключке или настолько поглощен собственными переживаниями, что просто проигнорировал звонок младшей сестры. А может, боялся, что Лейси позвонит, а линия окажется занята, не знаю. — Томас делает паузу, чтобы перевести дух. — Не знаю. Не помню. В конце концов включился автоответчик и запись голосового сообщения.

— И что там было? — спрашиваю я.

Вопрос, похоже, застает его врасплох.

— Вы имеете в виду, в голосовом сообщении?

— Да.

Он качает головой:

— Ничего.

Я жду, чтобы он пояснил. Иногда таким образом удается узнать самые поразительные вещи.

— Единственное, что было слышно, это шум вечеринки на заднем плане.

— В голосовом сообщении?

— Ну да.

— И никаких слов?

— Ничего членораздельного. Возможно, Вик хотела повесить трубку. Возможно, она просто не поняла, что телефон все еще включен.

Я некоторое время обдумываю его слова, пытаясь разложить все, что мне известно, по полочкам. Виктория встречает новый, двухтысячный год на большой вечеринке, которую сама же организовала. Там что-то происходит. Она звонит брату. Тот не отвечает. Тогда она выбегает на улицу, где попадает на камеру видеонаблюдения.

— Когда вы прослушали голосовое сообщение? — спрашиваю я.

— Вы имеете в виду, когда я его проиграл?

— Ну да. Когда вы услышали это сообщение с шумом вечеринки?

— Не помню. Дело в том, что я почти никогда не проверяю голосовые сообщения. Могло пройти несколько дней.

— Но вы не помните точно, когда именно это случилось?

Мадлен, судя по всему, все эти вопросы начинают раздражать.

— Какое отношение это имеет к делу?

— Я пытаюсь понять, как все было, — говорю я. — Ну, например, вы прослушали ее сообщение и подумали: «Как-то странно». Вы проверили ваши голосовые сообщения до или после того, как ваши родители начали беспокоиться, что Виктория не выходит на связь. Все в таком роде.

— Какая теперь-то разница? — спрашивает Мадлен.

— Возможно, никакой, — соглашаюсь я. — Но так ведется расследование. Ты пытаешься восстановить последовательность событий и смотришь, в какой момент что-то пошло не так. — Я вновь устремляю взгляд на Томаса. — Так вы помните, когда вы впервые прослушали то голосовое?

— Нет. — Он на некоторое время задумывается, потом добавляет: — Но я не помню, чтобы оно меня как-то обеспокоило, так что, видимо, это было еще до того, как мы начали волноваться.

— Оно у вас, разумеется, не сохранилось?

— Сообщение двадцатипятилетней давности? Нет, конечно.

— У вас имеются какие-то соображения, зачем Виктория могла звонить?

— Это кажется очевидным. — Из глаза у Томаса выкатывается слезинка и ползет по щеке. — На вечеринке что-то произошло, и она хотела, чтобы

ее отвезли домой.

Он снова умолкает. Мадлен нашептывает какие-то слова утешения, но, думаю, он их не слышит.

Некоторое время спустя Томас продолжает:

— Виктория была юной девушкой, а мы все, вместо того чтобы приглядывать за ней, чтобы заботиться о ней, были заняты своими делами. Я был поглощен своей драмой с Лейси. Мама переживала из-за деда. Я могу сколько угодно придумывать оправдания: Виктория писала нам сообщения, мы были уверены, что она где-нибудь у подружек, и так далее, — но почему мы не забеспокоились, когда она не вернулась домой?

Я поудобнее устраиваюсь в кресле.

— А ваш отец?

— Что мой отец?

— Вы сказали «мы все были заняты своими делами». Мы уже обсудили перипетии ваших отношений с Лейси. Ваша мама переживала из-за болезни своего отца. А что ваш папа?

Томас хмурится:

— Наверное, у папы было много работы. Кроме того, он помогал маме с дедушкой. Если вы пытаетесь намекать, что…

— Я не пытаюсь ни на что намекать, — пере-

биваю его я. — В новогоднюю ночь он был дома, верно?

— Да.

— Вы его видели?

— Нет. Я почти все время просидел в домашнем кинотеатре.

— И даже когда уезжали к Лейси?

— Нет, я его не видел. Возможно, он в то время уже летел в Чикаго. А почему вы спрашиваете?

Время сменить тему.

— Можно, я спрошу вас кое о чем другом?

Томас откашливается.

— Ну конечно.

— Вы сейчас не пьете.

— Не пью. Уже двадцать пять лет как.

— Это значит, что вы бросили примерно в то время, когда исчезла ваша сестра.

— Чтобы встать на путь исправления, нужно сперва достигнуть самого дна. Мы с вами оба это знаем, так ведь? Возможно, с моей стороны мелодраматично было заявлять: «Это все из-за меня», но горькая правда заключается в том, что, будь я в ту ночь трезв, все было бы совершенно иначе. Поэтому я стал лечиться. Лег в реабилитационную клинику. Начал ходить в церковь. Мы познакомились с Мадлен. У нас двое детей. Вы

видели нашу старшую. Я назвал ее Виктория — Вики — в честь моей сестры. Но, как ни странно это прозвучит, это было примерно как ковид.

— Ковид? — переспрашиваю я. — В каком смысле?

— Я отдаю себе отчет в том, что это странное сравнение, но помните, как мы все чувствовали себя, когда во всем мире разразилась пандемия? Нам казалось, что все изменилось навсегда. Что мир никогда больше не будет прежним, а теперь, всего несколько лет спустя, почти никто об этом уже и не помнит. Примерно так же было и после того, как Виктория вернулась домой. Я не знаю, это вытеснение или благодарность за новую жизнь, но у моих родителей все прекрасно, у нас с Мадлен все прекрасно, и даже Виктория, кажется, счастлива. Осмелюсь сказать — и я отдаю себе отчет в том, как это прозвучит, — все произошедшее пошло нам на пользу. Когда приходится пережить что-то ужасное, начинаешь больше ценить то, что по-настоящему имеет значение. С трагедиями всегда так. Они чудовищны и безжалостны, но они — лучший учитель. Сложно искать плюсы в ситуации настолько кошмарной, но, по правде говоря, я не знаю, где бы был сейчас, если бы всего этого не произошло. Я никогда не

познакомился бы с Мадлен. Не было бы ни Вики, ни Стейси. Благословение это было или проклятие — я не знаю.

Я откидываюсь на спинку кресла и кладу ногу на ногу, обдумывая его слова.

— У вас есть какие-то гипотезы о том, что случилось с вашей сестрой? — спрашиваю я его.

— Они у меня были. В смысле, до того, как мы встретились с вами и узнали про Испанию. Я думал, что кто-то похитил ее и держал в плену.

— А теперь?

— А теперь, — говорит Томас, сжимая руку жены, — я боюсь, что это было что-нибудь похуже.

Глава 22

Турагентша Белмондов не зря ест свой хлеб. Она забронировала нам роскошный двухкомнатный номер в пятизвездочном отеле «Игуерон» в Фуэнхироле и договорилась, чтобы нас заселили раньше стандартного времени. Едва переступив порог, Молли ахает:

— Я. Не. Верю. Своим. Глазам.

Я улыбаюсь:

— Скажи, а?

Одной рукой я держу Генри. Второй обнимаю Молли, и мы смотрим в открытое окно. Перед нами раскинулась бликующая гладь Средиземного моря. В окно влетает легкий ветерок. Молли закрывает глаза и вдыхает его полной грудью. В воздухе пахнет солью. Я, со своей стороны, не испытываю никакого дежавю, потому что разница между проживанием друг у друга на голове в студенческом хостеле с вечно засорившимся туалетом в компании товарищей по колледжу и пребыванием в этом поистине королевском номере в обществе жены и ребенка, мягко говоря, колоссальная.

— Пожалуй, стоит переехать сюда насовсем, — говорит Молли.

— В Испанию?

— В этот гостиничный номер.

— Нам станет скучно.

Молли склоняет голову набок:

— Думаешь?

Я прослеживаю направление ее взгляда, устремленного за окно.

— Угу, — говорю я. — Но не сразу.

— Когда у тебя встреча?

Я смотрю на часы. Мне удалось договориться о встрече с Карлосом Осорио, тем самым молодым полицейским инспектором, к которому я явился двадцать два года назад, под прикрытием легенды (честной легенды, без обмана), что я частный детектив, работающий на семью Белмонд. Осорио по-прежнему служит все в том же отделе полиции и дослужился до звания comisario. Не нужно быть первоклассным лингвистом или выдающимся борцом с криминалом, чтобы догадаться, что это означает «комиссар».

— У меня есть час, — говорю я.

Молли подходит ко мне ближе:

— А знаешь, говорят, есть одно средство, которое хорошо помогает от джетлага.

— Э-э… но ребенок же не спит.

— Прогулка по солнышку, глупыш.

— А-а.

— Не делай такое разочарованное лицо. Будет классно.

Так оно и оказывается. Час спустя я оставляю жену и сына у роскошного панорамного бассейна на так называемом балийском лежаке. Что там гостиничный номер, — думаю, Молли могла бы жить на этом лежаке и не заскучать.

Когда я выхожу из такси возле отеля «Эль Пуэрто», дежавю не просто возвращается — оно накрывает меня с головой. Что-то здесь, конечно, изменилось, но не слишком многое. Я бросаю взгляд на куда более многолюдный пляж и — готов в этом поклясться! — вижу парочку молодых людей, как две капли воды похожих на нас с Анной, на покрывале ровно в том месте, где любили лежать мы. Воспоминания обрушиваются на меня так стремительно, что я с трудом удерживаюсь, чтобы не пригнуться. Они сменяют друг друга с частотой калейдоскопа, мелькая в мозгу ослепительной чередой ярких вспышек, и я не могу понять, хорошие это воспоминания или плохие. Я пытаюсь взять себя в руки, сосредоточиться на работе, напоминаю себе, что Анна,

возможно, тоже была жертвой. Но когда вспоминаю, что произошло потом и как вся моя жизнь пошла под откос, против воли ощущаю злость и на нее тоже.

Двадцать два года тому назад, когда я явился в участок, чтобы сообщить Карлосу Осорио об «убийстве», я был чисто выбритым щуплым парнишкой. Теперь я заматеревший бородатый мужик, ничем не напоминающий себя прежнего. А вот Осорио совершенно не изменился, хотя он и в молодости производил впечатление человека, немало повидавшего на своем веку. Годы пощадили комиссара Осорио. Если не считать седины на висках, он остался совершенно таким же.

Мы обмениваемся рукопожатиями и проходим в его кабинет. Осорио предлагает мне эспрессо, обещая, что кофе поможет преодолеть джетлаг. Я не уверен, что это так, но напиток, которым меня угощает комиссар, оказывает эффект реактивного топлива. Это производит на меня сильное впечатление. Осорио немедленно переходит к делу.

— Ну и какой интерес у Белмондов к Фуэнхироле? — осведомляется он. — Я бы сказал, что по ритму жизни им куда больше подошла бы Марбелья.

Мои студенты уже раскопали, что, перед тем как поступить в полицейскую академию, Осорио три года отучился в Кембридже. Что объясняет его безупречный британский акцент.

— Вы меня не узнаете? — спрашиваю я.

Осорио вглядывается в мое лицо:

— А должен?

— Мы уже встречались, — говорю я. — Двадцать с гаком лет назад. Меня зовут Сами Кирс.

Комиссар откидывается на спинку кресла и складывает скрещенные руки на животе.

— Я думал, вы тут по поручению Белмондов.

— Так и есть. Двадцать два года назад я был одним из множества приезжающих сюда на отдых каждое лето молодых людей, которые наводняют местные хостелы. Я пришел к вам, потому что девушку, с которой я тогда, если это можно так назвать, встречался, убили. Вы списали все на то, что я пьян или под кайфом, но согласились отправиться вместе со мной к ней на квартиру.

— И тела там не оказалось, — договаривает он за меня.

— Вы вспомнили?

— Нет, не то чтобы. Но я наверняка вспомнил бы, если бы тело было, правда?

— Наверное, это так и есть.

У Осорио уставшее от жизни лицо, какое, кажется, бывает только у нас, полицейских. Его дочерна загорелая, словно выдубленная кожа выдает многие годы пребывания на солнце.

— Чего вы от меня хотите, мистер Кирс?

— Все это ни капли вас не удивляет, так ведь?

Осорио потирает подбородок:

— Вы приехали в Испанию, будучи студентом американского колледжа, верно?

— Я только что выпустился.

— И решили поехать с друзьями в путешествие по Европе?

— Что-то в этом роде.

— И когда явились ко мне в участок, вы рассказали мне всю историю целиком? Или опустили кое-какие ключевые подробности?

— Я опустил кое-какие ключевые подробности, — признаюсь я.

Осорио поглаживает себя по подбородку:

— Вы до сих пор считаете, что в тот день видели убитую девушку?

— Нет, — говорю я. Потом добавляю: — Значит, вы меня все-таки помните?

Осорио предпочитает не отвечать.

— Вы, вероятно, уже догадались, что стали жертвой мошенников.

— А вы сразу же это поняли.

— Да. Преступления подобного толка не были редкостью, но в вашем деле было кое-что необычное.

— Что именно?

— В те времена были распространены самые разнообразные вариации такого рода мошеннических схем. Девушка соблазняла молодого туриста. Жертву, если угодно. Она дожидалась, когда он утратит бдительность, а потом грабила. Проблема была в том, что жертвы часто шли в полицию. Они могли опознать мошенницу. Ей приходилось уезжать из города или по меньшей мере менять места проживания. Поэтому мошенники стали, назовем это так, более изобретательными. Они имитировали какое-нибудь заболевание или еще что-нибудь похуже, чтобы убедить жертв, что те сами виноваты. Жертвы в панике убегали и никогда не сообщали о преступлении. Потому что боялись угодить в тюрьму. Знакомо звучит?

— Очень.

Осорио ухмыляется:

— Вот почему вы не сказали мне всей правды. Потому что в противном случае вам пришлось бы свидетельствовать против самого себя.

— Пришлось бы, да, — соглашаюсь я.

— Большинство схем были попроще. Девушка имитировала передозировку наркотиков. Сообщник говорил что-то вроде: «Это ты купил наркотики» или «Когда мы привезем ее в больницу, тебя арестуют за хранение, так что давай вали, пока не поздно». И жертвы предпочитали скрыться. Судьба девушки их не волновала. Они просто хорошо проводили время, не более. А вот схемы вроде вашей — убитая девушка с ножом в груди или что-то подобное — были большой редкостью. Хотя кто знает, может, околпаченных было много, но вы, к вашей чести, оказались одним из немногих, если вообще не единственным, кто все-таки счел моральным долгом пойти в полицию.

— О да, я светоч нравственности, — говорю я, переносясь мыслями в свое прошлое пребывание в этом участке. — Вы могли бы мне сказать. Могли бы снять с моей души огромный камень.

— Я собирался, — отзывается он. — Оставил сообщение на стойке администрации в вашем хостеле. Но вы сбежали, помните?

— Все равно могли бы позвонить.

— У меня не было вашего телефона. И потом, вы тоже были со мной не до конца откровенны.

Я не обязан был за вами бегать.

— А может, кто-то в отделе полиции был в доле?

— Мне об этом ничего не известно. Но приморские городки вроде нашего живут за счет туризма. Раздувание новостей о преступлениях не идет на пользу нашей бизнес-модели.

— Поэтому вы закрываете на них глаза.

— Вы разводите мелодраму, мистер Кирс. Но давайте будем реалистами. Если бы вы остались, возможно, мы выследили бы и задержали двух человек, которые совершили мелкое преступление. Потому что это было мелкое преступление. Ее ведь на самом деле никто не убивал, вы не забыли? Возможно, их осудили бы, если бы вы дали против них показания, но тогда вам пришлось бы признаться в незаконном хранении наркотиков в чужой стране. Понимаете, что я хочу сказать?

— Более чем, — говорю я.

— Можно задать вам один вопрос?

— Валяйте.

— Какое отношение все это имеет к Белмондам? — спрашивает Осорио. — Или вы просто воспользовались их именем как наживкой, чтобы встретиться со мной?

— Это была не наживка, — говорю я.

— А что же тогда? — разводит руками он.

— Девушка, которая меня развела… та, которую я считал убитой.

— А при чем тут она?

— Это Виктория Белмонд.

Осорио хлопает глазами, переваривая услышанное.

— Похищенная наследница?

— Она самая, — киваю я. — ФБР понятия не имеет, где она находилась одиннадцать лет, на протяжении которых считалась пропавшей без вести. Теперь мы знаем, что через три года после исчезновения она была здесь, в Фуэнхироле, где успела облапошить по меньшей мере одного юного и наивного туриста.

Осорио откидывается на спинку кресла:

— Не знаю даже, что и сказать. Вы уверены, что это одна и та же девушка?

— Да.

— Вы с ней встречались?

— Один раз, совсем недавно.

— Я полагаю, вы спрашивали ее о вашем ограблении?

— Она утверждает, что ничего не помнит об этих одиннадцати годах.

Осорио снова потирает подбородок.

— Кажется, я что-то такое читал, — говорит он. — Но послушайте, амнезия? Это же наверняка вранье, вам так не кажется?

— Я не знаю, — отвечаю я. — Но мне нужна ваша помощь.

— Какого рода?

— Она провернула все не в одиночку. У нее был подельник. По прозвищу Базз.

Осорио скептически вздергивает бровь:

— Базз?

— Да. Он и снабжал ее наркотиками.

— Скорее, курировал, — говорит Осорио.

— В каком смысле?

— Послушайте, это было двадцать два года назад. Тогда мы еще не до конца понимали, каким образом устроена торговля людьми. Но работало это так: я уверен, вам известно о том, что множество молодых женщин — и мужчин тоже — были против их воли вовлечены в сексуальное рабство.

— Известно.

— За всем этим нередко стояли организованные преступные группировки. Они занимались самыми различными видами незаконной деятельности, не только сексуальной эксплуатацией. Не брезговали и другими способами заработка.

— Например?

— Например, одинокую девушку, находящуюся в бедственном положении, убеждают в том, что где-нибудь на курорте для нее есть работа — к примеру, официанткой или хостес в ночном клубе. По приезде куратор забирает у девушки паспорт и заставляет ее заниматься совершенно другой работой: проституция — самое очевидное. Но некоторых отправляли на улицы попрошайничать. Другие становились карманницами, воровали в магазинах или разводили на деньги мужчин. А кое-кто участвовал в более изощренных мошеннических схемах.

— Вроде той, жертвой которой стал я.

— Совершенно верно.

Я пытаюсь сложить картинку воедино. Получается, Викторию похитили, а потом заставили жить жизнью мелкой преступницы? Не очень-то похоже на правду. Она определенно не производила впечатление человека, находящегося в бедственном или отчаянном положении. И что думать про ее амнезию? Она реальна? Или это лишь прикрытие? Я пытаюсь отмотать события назад, в самое начало, к той новогодней вечеринке в помещении над пабом «Маккейб».

Что-то в ту ночь побудило Викторию позвонить

брату.

Что-то побудило ее уйти с вечеринки.

Но что?

Что могло привести вполне благополучную с виду девушку из состоятельной семьи с новогодней вечеринки в честь наступления нового тысячелетия, которую она организовала с точно такими же богатыми подружками из школы, в положение мелкой мошенницы, облапошивающей наивных туристов на Коста-дель-Соль?

— Я помню, как нашли ту девушку, дочку Белмондов, — говорит мне Осорио. — Это же было где-то в ресторане?

— Да, в закусочной.

— И чем я могу помочь?

— Нам нужно найти Базза.

— Двадцать два года спустя?

— Ну, он же не обычный законопослушный человек, — говорю я. — Скорее всего, я был не первой его жертвой и не последней.

Теперь Осорио понимает мою логику.

— Думаете, он должен был засветиться где-то в системе?

— Я думаю, на это есть хорошие шансы. Начнем прямо с того лета. Я могу дать вам общее описание. Белый. Рост где-то метр восемьдесят,

вес килограммов девяносто пять. Ему тогда было около сорока. У Базза был голландский акцент, и Анна вроде бы упоминала, что он из Амстердама. Не знаю, правда это или нет. Когда мы виделись, у Базза был фиолетовый ирокез на голове и кольцо в носу. Он говорил, что работает диджеем.

Осорио тщательно все записывает.

— А этот ваш Базз не сказал, где работает?

— Нет.

— Двадцать два года назад, — говорит Осорио. — Мы начали вести цифровую базу только в две тысячи восьмом, так что если у нас что-то на него и есть, то в бумажном виде.

— Вы имеете в виду фотокартотеку задержанных?

— Угу.

— Мы можем получить к ней доступ?

— Она в архиве в Малаге.

— И сколько времени это займет?

— Можете вернуться через пару часов?

— Конечно.

Я поднимаюсь, чтобы уйти.

— Это жестоко, — говорит Осорио. — Вы тогда были совсем ребенком и думали, что совершили нечто ужасное. Эта мысль преследовала вас всю жизнь.

Я не отвечаю.

— Мне следовало бы это понять, но я сам был лишь немногим старше. Как я и сказал, у меня не было вашего телефона. Но я мог бы его найти. Мне следовало его найти, позвонить вам и рассказать правду. Простите, что я этого не сделал.

Я не доверяю собственному голосу, поэтому лишь молча киваю в знак благодарности, надеясь, что Осорио поймет, и выхожу на улицу.

Глава 23

Я иду на пляж и стаскиваю туфли с носками. Песок грубый, крупный, похожий на раскрошенные ракушки. На побережье Джерси песок куда лучше. Без обид, но это так. И волны тоже лучше. Желания оставаться здесь надолго у меня нет. Я обуваюсь и иду к «Дискотеке пальмерас». Смотрю на фасад. Никаких особых чувств у меня не возникает, потому что, кажется, я ни разу не видел это здание снаружи в дневное время. Может, за прошедшие два десятилетия что-то в нем и изменилось, но я не могу этого сказать. Вам когда-нибудь доводилось задержаться в ночном клубе до самого закрытия, когда в зале включают свет и все внутри вдруг совершенно преображается? Это, надо сказать, отрезвляющее зрелище, когда ночной клуб, лишенный всего своего гламура и атмосферного освещения, предстает перед тобой в резком утреннем свете.

Я сосредоточен на расследовании — на том, чтобы выяснить, что на самом деле произошло с Викторией Белмонд и во вторую очередь со мной самим, — но не могу не думать о неожиданном

богатстве, которое свалилось на меня как снег на голову и вознесло на недосягаемые высоты, как в том церковном гимне про ангельские крылья. Я не хочу, чтобы эти деньги имели какое-то значение. Чтобы они каким-то образом изменили меня и все такое прочее. Но я ощущаю легкость в груди и знаю, что Молли тоже ее ощущает. Не уверен, что мы все это время осознавали, каким тяжким бременем лежали на нас долги, как сильно давили физически, ментально, эмоционально. Мне очень хотелось бы сказать, что не в деньгах счастье, но на самом деле все куда как сложнее.

Словом, нужно быть очень осторожным, чтобы деньги не застили мне разум.

Какой-то парень видит, что я таращусь на входную дверь в клуб. Даже не кивнув мне, он проходит мимо и начинает отпирать замок.

–Buenos días[10], — произношу я.

Я бегло говорю по-испански. Не так хорошо, как Осорио по-английски, но лишь немногим хуже. Я учил испанский в школе, как и множество американских подростков, но вынес со школьных уроков не слишком многое. А потом, после того, что мне довелось пережить здесь, после Анны,

---

[10] Примечания: 10
Добрый день *(исп.).*

меня вдруг охватило неожиданное желание овладеть испанским. Вы, возможно, спишете это на какую-то парадоксальную реакцию на травму, начнете подводить под мою потребность выучить язык страны, которая причинила мне такую боль, какое-то психологическое обоснование. И будете правы. Видимо, все настолько примитивно. А может быть, в глубине души я всегда знал, что когда-нибудь вернусь сюда, чтобы найти ответ.

Что-то меня сегодня тянет на самокопание.

Молодой человек — на глаз ему около двадцати — кивает.

— Я раньше здесь бывал, — говорю я по-испански. — Когда приезжал двадцать два года тому назад.

Мое сообщение не производит на него ровным счетом никакого впечатления.

— Не знаете, еще остался кто-то, кто работал здесь в то время? — спрашиваю я.

— Разве что мой дед.

— Вы не знаете, где мне его найти?

— На кладбище «Санта-Мария» в Михасе, — отвечает парень и качает головой. — Двадцать два года тому назад. — Он фыркает. — Разве это было еще не при Франко?

Прекрасно. Столько лет зубрить испанский, чтобы понимать все нюансы речи саркастического молокососа.

Я пытаюсь отыскать старый жилой комплекс, где все произошло. Оказывается, его снесли вместе с другими такими же, а на их месте теперь высятся новые многоэтажки. Туда ему и дорога, наверное, хотя где-то в самой глубине души я надеялся, что дом все еще на месте и я смогу убедить Осорио отправить туда криминалистов, чтобы исследовали в той квартире каждый квадратный сантиметр в поисках… ну, теперь-то я знаю, что это была не кровь, так что какой в этом смысл?

Я возвращаюсь обратно на пляж и ищу какой-нибудь ресторанчик, который не выглядел бы чересчур туристическим. Заказываю два блюда: жаренные в легкой панировке бокеронес — анчоусы — с помидорами и паэлью, которая не похожа ни на одно блюдо, которое мы, американские невежды, считаем паэльей. И хотя, наверное, не стоит, но наслаждаться этими яствами без бокала белой «риохи» из винограда вьюра было бы преступлением. Заказываю и его.

Потом звоню Молли. Она отвечает, и голос ее мелодичен. Опять-таки дело не только в том, что мы живем в пятизвездочном отеле в Испании.

Дело в деньгах.

— Ты где? — спрашиваю я.

— На балийском лежаке.

— На том же самом?

— Мы никуда особо не перемещались.

— Как Генри?

— Спит. Или, наверное, лучше будет сказать, у него сиеста.

— Да ты, я смотрю, уже стала наполовину испанкой.

— Скажи? А еще я пью что-то под названием «Тинто де верано»[11].

— Это что такое?

— Блаженство.

По второй линии пробивается звонок. Я объясняю Молли, что это Осорио, и переключаюсь.

— Возвращайтесь, — говорит Осорио.

Я расплачиваюсь по счету и спешу обратно в участок. Осорио усаживает меня в помещении, которое, скорее всего, используют для допросов. На столе горой свалены толстые папки. Много. Я вижу на обложке одной из них слова «Fotos de detenidos». Не нужно быть большим знатоком испанского, чтобы догадаться, что внутри.

---

[11] Примечания: 11

«Тинто де верано» — популярный в Испании холодный винный коктейль, смесь красного вина и газированного лимонада.

— Как они упорядочены? — спрашиваю я.

— По дате.

— А по преступлениям или по приметам?

— Нет, простите.

— Иностранцы в отдельной папке?

— Нет. Я был не прав.

— Значит, только по дате, — говорю я.

— Боюсь, что так.

Я протяжно вздыхаю:

— Ладно.

— Вам принести что-нибудь попить?

Меня очень подмывает попросить «риоху бланко».

— Спасибо, не нужно.

— Скажите, если что-нибудь понадобится.

Я ожидаю, что мне понадобится несколько часов. И ошибаюсь. Я нахожу его за пятнадцать минут.

Я начал с 11 июля 2003 года, того самого дня, когда я в панике улетел из Испании, поскольку у меня нет никаких оснований полагать, что Базз с «Анной» на мне остановились. Снимки арестованных практически ничем не отличаются от тех, что делают у нас в США: две фотографии, одна в фас, другая в профиль.

Только-только я разогнался, вошел в ритм, как

обнаружил то, что искал.

На голове у Базза все тот же фиолетовый ирокез, в носу кольцо. Дата на фотографии на четыре месяца позже той, когда они развели меня. Имени под фото нет. Данных о преступлении тоже. Только номер — 9039384.

Я беру увесистую папку и, держа ее открытой на нужной странице, несу в кабинет Осорио.

— Нашел! — объявляю я.

Осорио смотрит на меня поверх очков:

— Дайте взглянуть.

Я протягиваю ему папку. Комиссар внимательно разглядывает снимок.

— Вы его узнали?

— Лицо кажется мне смутно знакомым, — говорит Осорио. — Но в те времена многие парни выглядели примерно так, как этот придурок.

— Мы можем узнать, за что он был арестован?

— Из соображений приватности мы не можем указывать здесь преступления, за которые они были задержаны. Статья восемнадцать, параграф четыре Конституции Испании защищает персональные данные, включая снимки из полицейской картотеки и полицейские протоколы.

— И что из этого следует?

— Из этого следует то, что посторонние лица не

могут получить к ним доступ.

— Но вы-то не постороннее лицо.

— Я-то да, зато вы постороннее. Так что отойдите в сторону и не смотрите мне через плечо.

Осорио набирает на клавиатуре своего компьютера номер дела и начинает читать. Я терпеливо жду.

— Ну что там?

— Его зовут Вред Бергкамп.

— Вред?

— Подходящее имя, правда? Он гражданин Нидерландов. На момент ареста ему было тридцать шесть лет. Через год после того, как вы уехали. Послужной список у парня немаленький, но это исключительно всякая мелочовка. Мелкие ограбления. Я же вам говорил. Даже если бы мы тогда его задержали, какое преступление ему можно было бы вменить? Кражу суммы менее тысячи долларов и что, инсценировку чьей-то смерти?

— А этот арест?

— Нападение. — Осорио, сощурившись, принимается читать. — Наш друг Вред затеял драку в номере отеля «Эль Пуэрто».

— Его судили?

Осорио качает головой:

— Пострадавший забрал заявление. — Он чита-

ет дальше. — О, а вот это уже интересно.

— Что?

— Судя по протоколу, пострадавший был американец по имени Фрэнк Эйк. Бергкамп заявил, что это была самозащита, поскольку Эйк первым напал на его подружку, девушку по имени, — он вскидывает на меня глаза, — Анна Мэриголд.

Бабах!

Он читает дальше. У меня нет больше сил терпеть.

— Ну что там?

— Погодите секунду.

Я достаю телефон и гуглю Анну Мэриголд. Ничего существенного не находится. Запускаю поиск по изображениям. Вываливается куча цветочных орнаментов[12], разработанных некой Анной Спайро. Пробую взять имя и фамилию в кавычки — «Анна Мэриголд» — и все равно ничего не нахожу. С другой стороны, разве я в самом деле рассчитывал найти что-нибудь стоящее? Нет. Пробую поискать сочетание «Вред Бергкамп», но все результаты исключительно на голландском. Я проглядываю несколько, — похоже, все они относятся к человеку с таким именем, который

---

[12] Примечания: 12
Marigold *(англ.)* — календула.

умер в 1876 году.

В конце концов Осорио протяжно выдыхает, откидывается на спинку кресла и потирает лицо.

— Так, ладно, вот что там была за история.

Я откладываю телефон и наклоняюсь к нему.

— Все разворачивалось примерно по тому же сценарию, что и с вами. Анна познакомилась с Эйком в «Дискотеке пальмерас». Она инсценировала передозировку наркотиков. Не смерть, но полную потерю сознания. Закавыка, судя по всему, оказалась в том, что Бергкамп где-то застрял и не успел появиться вовремя. Поэтому Эйк принялся ее трясти что было сил. Анна пыталась не открывать глаз и делать вид, что находится в отключке. Но сколько так можно продержаться? Эйк понял, что она притворяется, а она уже украла у него деньги и спрятала их. Так что Эйк разозлился и стал ее избивать.

Сломанный нос, думаю я. Раздробленная скула. Уж не тогда ли она все это заработала?

— В этот момент появляется Вред Бергкамп и видит, что у его подружки проблемы. Он набрасывается на Фрэнка Эйка, чтобы остановить его. Заканчивается все плохо. Вмешивается служба безопасности отеля. Бергкампа и Эйка арестовывают. Анну Мэриголд увозят в больницу.

Он умолкает и вновь утыкается в экран компьютера.

— А дальше что? — не выдерживаю я.

— Ничего. Дело закрыто. Думаю, ни одна сторона не хотела судебного разбирательства.

— Насколько сильно пострадала Анна?

— Тут не указано. Указано только, что ее отвезли в больницу в Малагу.

— А нельзя получить выписку из больницы?

— Двадцать с лишним лет спустя? Вряд ли. И что вы из нее узнаете? Фотографий там не будет.

— Ладно, — говорю я. — Как мы можем установить текущее место жительства Вреда Бергкампа?

Глава 24

С помощью Полли и Розовых Пантер я нахожу Вреда за три дня, да не где-нибудь, а в штате Теннесси, в Нэшвилле.

Или лучше называть его Базз? Или вообще Баззи?

Вред Бергкамп теперь — оцените фантазию — именует себя Баззи Бергом. Он снимает малобюджетные фильмы ужасов, используя в качестве площадок местные пивоварни и заброшенные здания. Все его фильмы без исключения совершенно чудовищны и на три головы ниже самых низкопробных картин, которые раньше, минуя кинопрокат, выпускали сразу для распространения на видеокассетах для домашнего просмотра. Я попытался посмотреть один, под названием «Кровавая баня», но я не люблю расчлененку, а кроме нее, в фильме по большому счету ничего другого и нет.

Я вновь прибегаю к имени Белмонд, но на сей раз говорю, что семья заинтересована в финансировании фильма. Для тех, кто приходит с подобного рода предложениями, всегда найдется

местечко в любом самом плотном графике, хотя я не думаю, что график у Базза такой уж плотный.

Базз назначает мне встречу в отеле «Гейлорд Оприленд резорт». О чем он меня не предупреждает, так это о том, то этот «Гейлорд» — самый большой отель, не являющийся при этом казино, в мире. Да-да, в мире. Я почитал о нем, прежде чем ехать. В отеле без малого три тысячи номеров, а общая площадь составляет три с лишним миллиона квадратных футов, и все они до единого — и я не шучу! — расположены внутри гигантского стеклянного купола и так обильно озеленены, что возникает ощущение, будто ты угодил в самый большой в мире террариум, что подкрепляется каким-то невероятным количеством искусственных заводей и проток. Как бы мне хотелось, чтобы Молли с Генри здесь побывали, но они решили остаться в Испании еще на несколько дней, и у кого повернулся бы язык их за это упрекнуть?

Мы с Баззом встречаемся у кораблика — куда он плывет, я не знаю и знать не хочу. Хотя вместо шипастого фиолетового ирокеза у Базза теперь бритая голова, а вместо кольца в носу — одно колечко в ухе, я сразу же его узнаю.

— Баззи Берг, — представляется он, сунув мне

для рукопожатия вялую, похожую на снулую рыбину руку.

— Самюэль Пирс, — говорю я.

По понятным причинам это мой излюбленный псевдоним. Использовать свое настоящее имя, Сами Кирс, я не могу, поскольку тогда, в Испании, он его слышал и может вспомнить. Базз на миг заминается, и мне мерещится в его взгляде какой-то проблеск мыслительного усилия, как будто он пытается напрячь память. Однако он широко улыбается мне и ведет по дорожке в грот под искусственным водопадом.

Базз заметно прихрамывает. Когда я видел его в прошлый раз, с ногами у него все было в полном порядке.

— Мы готовимся к съемкам, — поясняет он мне.

«Мы» — это сам Базз и еще один малый с бородой, как у Билли Гиббонса и Дасти Хилла из «Зи Зи Топ», и с камерой в руках. Базз представляет мне его как Дейла. Дейл не обращает на меня особого внимания, я плачу ему тем же. Все мое внимание сейчас целиком и полностью приковано к «мертвой» женщине в луже крови на постели. Из груди у нее торчит нож. Я поспешно отворачиваюсь. Базз замечает это и фыркает.

— Всю бутафорию и спецэффекты я делаю сам, — сообщает мне он. — Неплохая работа, правда?

— Да, — выдавливаю я из себя. Потом спрашиваю: — Где вы этому учились?

— Да где только не учился. Это моя первая любовь. — Потом бросает Дейлу: — Сходи перекури, старик.

Того дважды просить не приходится.

— Расскажите мне поподробнее, — говорю я.

— О чем?

— О том, как вы начали этот бизнес. Как довели свое мастерство до совершенства.

— Я из Голландии. Вы, наверное, уже уловили мой акцент.

— Не особенно, — говорю я, не кривя душой. На слух его теперь практически невозможно отличить от американца. — Давно живете в Штатах?

— Да уж лет двадцать с гаком.

— А до этого?

— В Европе. Я начинал как ассистент постановщика, если вы можете в это поверить. Пробивался из самых низов.

— А где именно в Европе? — уточняю я.

— О, много где. Но это было давным-давно. Вы выбрали очень удачный момент, поскольку мои

близкие друзья из Голливуда как раз изъявили желание сыграть в моем новом ромкоме ужасов «Ромео и Вурдалетта». Тем более что мой последний фильм получил премию «Кровища». Вы, возможно, об этом слышали. В общем, я не люблю хвастаться знакомствами, но сейчас я веду переговоры с Ленни ди Каприо.

— Ленни?

— Так зовут его друзья. Вы же не думаете, что друзья зовут его Леонардо?

Базз издает смешок.

— Я думал, они зовут его Лео, — замечаю я.

Он давится смешком, но быстро берет себя в руки.

— Нет-нет, Лео его зовут его *публичные* друзья. Понимаете, те, кто знает его по-настоящему близко…

Я понимаю, что с этим пора кончать.

— Ваше настоящее имя Вред Бергкамп, так ведь?

Улыбка сползает с его лица.

— Ну да, разумеется. Кто вообще в нашем бизнесе пользуется настоящими именами? Вы знаете, что Вина Дизеля на самом деле зовут Марк Синклер? Майкла Кейна звали Морис Миклуайт? Джуди Гарленд была Фрэнсис Гамм. Гамм. Мо-

жете себе представить «Волшебника страны Оз» с Фрэнсис Гамм в роли Дороти? Вам не кажется, что Баззи Берг звучит лучше?

— Кажется, — соглашаюсь я, хотя это звучит как имя какого-нибудь голливудского агента.

— Вот именно. Хорошее имя. Если вы хотите чего-то достичь в жизни, то должны визуализировать это. Баззи Берг — подходящее имя для знаменитого кинопродюсера. Поэтому я визуализировал это, повторял, и вот, — он разводит руки, — и вот мы здесь, мистер Пирс.

— Кирс, — говорю я.

— Прошу прощения?

— Моя фамилия Кирс. Как Пирс, только с «К». А мое имя Сами. — Я любезно произношу свое имя по буквам. В его взгляде начинает что-то брезжить. Я не даю Баззу опомниться. — Мы были знакомы двадцать два года назад. На Коста-дель-Соль, в Испании.

— А-а. — Теперь он смотрит на меня. В его лице происходит разительная перемена, но я не могу определить, чем именно она вызвана. Страх ли это, гнев, возмущение, раскаяние — я не знаю. — Вы записываете все на диктофон? — спрашивает он у меня.

— Нет.

— Теперь я вас вспомнил. Несколько сотен долларов в другой стране четверть века назад. Срок давности давным-давно вышел.

— Я в курсе.

— Значит, вы здесь для того, чтобы отомстить?

— Нет, не для того.

— Зачем же тогда?

— Мне нужны ответы на кое-какие вопросы. Это все. Потом я оставлю вас в покое.

— А если я откажусь?

— Я предпочел бы не прибегать к угрозам.

— А я предпочел бы не ворошить мое темное прошлое. Поэтому спрошу еще раз: а если я откажусь?

— Тогда я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы превратить вашу жизнь в ад. Люди, которые организовали эту встречу. Белмонды. Вам известно, кто они такие?

— Разумеется.

— Так вот, я задаю эти вопросы по их поручению.

— По их поручению?

— Ага. Вряд ли вы захотите настраивать их против себя.

Он хмурится:

— Какое отношение мое прошлое может иметь

к Белмондам?

— Если вы откажетесь, — продолжаю я, игнорируя вопрос, — они задействуют все свои обширные ресурсы, влияние и связи, чтобы устроить вам веселую жизнь.

— Я ничего не понимаю, — говорит Базз.

— Расскажите мне об Анне.

Его губы изгибаются в слабой улыбке.

— А вы точно здесь по поручению Белмондов?

— Точно, — отвечаю я твердо, как только могу. — Расскажите мне об Анне.

— Она ведь вам понравилась, да? — Улыбка Базза становится слегка садистической. — Почему вы считаете, что мне известно, где она сейчас?

— Я не спрашивал, где она сейчас, — говорю я. — Я хочу, чтобы вы рассказали мне о ней. Ее полное имя. Где она выросла. Как вы с ней познакомились.

— А вам зачем? — интересуется он.

— Предлагаю начать с того, как вы познакомились.

Базз откидывается назад.

— Вообще-то, из этой истории вышло бы отличное кино. Но я, пожалуй, не стану его снимать.

— Вы правы, — говорю я. — Давнишнее ограбление никого не заинтересует. А вот похище-

ние — громкое, до сих пор оставшееся нераскрытым, — это уже совсем другой коленкор.

— Какое еще похищение? О чем вы вообще?

Базз, похоже, искренне озадачен. Он-то был уверен, что мой интерес к Анне сугубо личный, но, даже услышав фамилию Белмонд, не пытается увильнуть от ответа или прибегнуть к отговоркам, как можно было бы ожидать от похитителя. На самом деле я именно по этой причине воспользовался именем Белмонд, чтобы договориться о встрече. План был таков: если он причастен к похищению — если знал, кто такая Анна на самом деле, — то, скорее всего, запаниковал бы, поняв, что ему звонят Белмонды. Леонора Спайкс организовала за Баззом наблюдение, чтобы, если после звонка он попытался бы скрыться, за ним проследили. Но он и не думал скрываться. И явно с нетерпением ждал этой встречи. Значит, Базз или не был напрямую причастен к похищению, или у него по-настоящему стальные яйца и он решил блефовать по-крупному.

— Просто расскажите мне об Анне.

— Мы с ней оба были в одной программе.

— В какой еще программе?

— Точная история Анны мне неизвестна. Но они все были плюс-минус похожи. Есть рекру-

тинговое агентство. Они находят девочек, у которых никого нет. И мальчиков тоже. Когда они приезжают, группа мужчин — жестоких мужчин, ужасных мужчин — их тренирует. И это на самом деле, конечно, никакие не тренировки. Они их ломают. Вы в самом деле хотите знать все подробности?

— Нет, не хочу, — говорю я.

— Люди считают, что эти девочки приезжают только из Восточной Европы и прочих подобных мест. Это не так. Им нужны любые безнадзорные подростки, такие, до которых никому нет дела. Которых никто не хватится. Таких больше, чем может показаться. Повсюду.

— И Анна была одной из них?

Базз кивает:

— Ее поставили в пару со мной. Нашей задачей было грабить туристов. Вроде вас.

Я знаю, что это не имеет никакого отношения к делу, но не могу не спросить:

— Почему вы просто не сделали то, что от вас требовалось?

— Что не сделали?

— Просто меня не ограбили?

— Мы ограбили.

— Вы знаете, что я имею в виду.

Базз кивает. Он понимает, о чем я спрашиваю.

— У нас обоих была творческая жилка. У Анны и у меня. Нам нравилось действовать с выдумкой. Я понимаю, что это звучит жестоко. Я отрабатывал свои умения. — Он кивает в сторону «мертвой» женщины в постели. — Это правда. Спецэффекты. Кроме всего прочего, это было очень эффективно. Если ты убеждаешь человека, что он совершил убийство… А еще это было весело. Простите.

Я очень стараюсь говорить ровным тоном:

— И рискованно.

— Не особо. Я всегда быстро заходил в комнату, чтобы они не успели проверить у Анны пульс и понять, что она жива. К тому же они сами были под кайфом. Думаю, мы дали вам слишком большую дозу. Вы очень долго не просыпались. Мне пришлось практически вынести вас из комнаты. И даже если у кого-то возникали подозрения, что они могли сделать? Заявить в полицию? Я однажды попался. В тот раз я работал с другой девушкой. В полиции только посмеялись. Сколько дают за инсценировку собственной смерти?

Осорио сказал примерно то же самое.

— И что случилось с Анной? — спрашиваю я.

— Я не знаю. В конце концов девушки теряют

товарный вид. Тогда их отпускают на все четыре стороны. Или они сбегают. Либо оказываются в тюрьме или умирают.

— Она никогда не называла вам свое настоящее имя?

— Она говорила, что ее зовут Анна Мэриголд. Что выросла она неподалеку от Пенсильванского университета. Ее мать умерла совсем молодой и оставила Анну на свою сестру. Потом сестра вышла замуж за мужчину, который измывался над Анной всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Когда ей показалось, что представился шанс сбежать, она им воспользовалась. — Он пожимает плечами. — Может, это правда, а может, и нет. Я не знаю.

— Но это то, что рассказала вам Анна?

— Это то, что она мне рассказала, да. Я в то время работал с четырьмя девушками.

— Вы имеете в виду, были их куратором?

— Можете использовать любой термин, который вам нравится. Он все равно не отражает сути. Но мы прокручивали по четыре мошеннических схемы одновременно. Так продолжалось на протяжении еще шести месяцев после вас, а потом Анна на некоторое время сделала перерыв.

— Перерыв?

— Да.

— Почему?

— Не суть важно. У нее возникли какие-то проблемы со здоровьем.

В его взгляде что-то мелькает. И это что-то мне не нравится.

— Ну, в общем, примерно год спустя после вас — точно не помню — Анна вернулась ко мне, и мы с ней снова стали работать вместе. Она подцепила не того мужчину. Или, вернее, мальчика. Ему было семнадцать, и он прямо-таки сорил деньгами. Таких пощипать всегда было в удовольствие. Только мы не знали, что у его семьи связи в криминальном мире. Все пошло не так. Ее избили. Меня арестовали. Но этот малый и его семья никак не желали успокаиваться. Они стали нас преследовать. Про нее я ничего не знал. Честно говоря, я думал, что Анна, возможно, умерла, так что, раз вы тут, видимо, она все-таки выкарабкалась. Ну и я тоже тогда вышел из бизнеса.

Мы некоторое время сидим молча.

— Вы сказали, она попала туда через какое-то агентство?

— Как и все девушки. Это, разумеется, было не настоящее агентство. Вся наша экономика держится на мошеннических схемах, сами по-

нимаете. Вы когда-нибудь смотрите телевизор в дневное время? Купите золото, купите страховку, которая вам не нужна. Мы все на свой лад мошенники. У этого агентства раньше были стойки в торговых центрах. Они останавливали людей и говорили: послушайте, у вас есть все данные для того, чтобы стать моделью. Единственное, что вам нужно, это портфолио, мы можем за небольшую плату вам его сделать. Некоторые покупались. А иногда они замечали кое-кого другого, кое-кого более уязвимого.

— Вы не помните название этого агентства?

— «Радиант Аллюр». Забавно, что я это помню.

— Больше вы ничего рассказать мне про Анну не можете?

— Я знаю, что вы обо мне думаете. Но все не так просто. У меня самого был садист-куратор. Я вырос в приюте. Думал, что меня отправят в Испанию в киношколу. Так они мне сказали. Собирался работать помощником постановщика в настоящем испанском фильме. Когда с тем малым из криминальной семьи все пошло не так, мой куратор сказал их ребятам, где нас искать. Меня повалили на пол. Втроем. Перевернули на живот. Двое уселись мне на ноги. Третий взгромоздился на спину и схватил меня за волосы.

А четвертый… — Он умолкает и проводит языком по пересохшим губам. — У него была ножовка. Он перепилил мне ахиллесово сухожилие. Я четыре месяца провалялся в больнице. Потом переехал сюда.

Я ничего не говорю.

— Я не для того все это вам излагаю, чтобы надавить на жалость. Вы явились сюда и рассказываете мне, что ищете Анну и что это имеет отношение к громкому похищению. Из этого я делаю вывод, что вы говорите о дочери Белмондов. Вы считаете, что Анна могла иметь какое-то отношение к похищению. Я в это не верю. Я не хочу сказать, что она была святая. Совсем нет. Она была стойкая и умная. Но она заботилась о других девушках. Она не стала бы участвовать ни в чьем похищении. Как по мне, вы хотите причинить Анне зло. Хотите посадить ее или еще каким-то образом отомстить. И Белмонды наняли не первого попавшегося частного детектива, а вас. Человека, которого она много лет назад облапошила. И если Анне удалось уйти, я за нее рад. Она выжила. И я скажу вам кое-что еще, Сами Кирс, хотя вы этому и не поверите. Вы были ей небезразличны. Обыкновенно мы обрабатывали каждую жертву за день-два. С вами же она отго-

варивалась то одним, то другим. Потому что Анна влюблялась в вас. Мне пришлось надавить. Сказал, что мы слишком долго возимся. Боссы будут недовольны. Думаю, она планировала сбежать вместе с вами. Так что, если вам нужен злодей или кто-то, кого можно во всем обвинить, пусть это буду я. Оставьте ее в покое.

Я ему верю. Знаю, это звучит безумно. Но я ему верю.

— Я тоже хочу ей только хорошего, — говорю я.

— Тогда, может быть, не стоит пытаться сдать ее богатой семье.

— Это совершенно не то, чем я занимаюсь, — говорю я. — Мы уже ее нашли.

— О чем вы?

— Она и есть Виктория Белмонд.

— Что?! — Базз с улыбкой качает головой. — Бог ты мой, это же просто афера века.

— Что именно?

— Попытка выдать себя за похищенную наследницу.

— Ее родные сделали ДНК-тест.

— Вы серьезно?

— Да.

— Ух ты… — Он качает головой, пытаясь переварить услышанное. — Значит, Анна, которую я

знал… была богатой наследницей?

— Что-то в этом роде.

— Почему тогда вы у меня спрашиваете о том, что произошло? Почему бы вам не спросить у нее самой?

— Она говорит, что ничего не помнит.

— Как она может ничего не помнить?

Я пожимаю плечами:

— Какая-то амнезия.

— И вы в это верите?

— Я не знаю.

— И что, вы все еще пытаетесь найти тех, кто ее похитил?

— Да.

Базз снова качает головой:

— Не знаю даже, что и сказать.

— Если скажете кому-нибудь хоть слово, ее семья не даст вам жить спокойно. Если будете держать язык за зубами, они в самом деле профинансируют ваш следующий фильм.

— Как мило с их стороны, — говорит он. — Я выбираю финансирование. Мне оно не помешает. Но, между нами говоря, мне не нужны ни угрозы, ни подкуп. Мы с Анной вместе прошли через ад. И выжили. Если она меня вспомнит, то вспомнит, что между нами всегда была связь.

— Вы ее эксплуатировали.

— Она не станет так считать. В любом случае передайте ей, что, если понадоблюсь, я всегда рядом. Но, Сами…

— Что?

— Оставьте это дело в покое. Все, что мы с ней делали, было очень давно. — А потом, используя в точности те же слова, что я слышал от Талии Белмонд, он добавляет: — Не будите лихо.

Глава 25

Я регистрируюсь на стойке на входе в офис благотворительной организации под названием «Абеона» и спрашиваю Дженнифер Шульц. Здание находится на углу Хадсон и Харрисон-стрит в Трайбеке. До 1977 года в нем располагалась Нью-Йоркская товарная биржа, но мне оно всегда казалось больше похожим на нарядное пожарное депо.

Как я здесь оказался?

Все началось со звонка Полли после того, как я поделился результатами встречи с Вредом Бергкампом с Розовыми Пантерами.

— Я обнаружила в истории модельного агентства «Радиант Аллюр» одну странность, — сказала Полли.

— Так.

— Агентство закрылось в две тысячи четвертом году, когда оба его основателя, Юнис и Вернон Шульц, ушли на пенсию.

— Нам известно, где сейчас Шульцы?

— Обоих нет в живых. Юнис умерла от рака через год после выхода на пенсию. Возможно,

поэтому они и отошли от дел, я не знаю. Муж, Вернон, умер в восемнадцатом. Ему было восемьдесят два.

— И где тут странность?

— Мы нашли их дочь. Дженнифер Шульц. Она согласилась побеседовать с вами. Честно говоря, мне показалось, что ей очень этого хочется.

И вот я здесь.

Меня проводят в конференц-зал, где ждет женщина, чье лицо уже знакомо мне по фотографиям, которые выдал «Гугл» по запросу «Дженнифер Шульц».

— Почему вы интересуетесь старым агентством моих родителей? — вместо приветствия спрашивает она.

Я не намерен ее щадить:

— Вы прекрасно знаете почему.

— Прошу прощения?

— Ну, не просто же так вы здесь работаете, — говорю я, разводя руками. — Все ясно как день, вам не кажется?

«Абеона» — международная организация, которая спасает детей, находящихся в опасности. Абеоной звали древнеримскую богиню, покровительницу детей, покидающих отчий дом, и путников, отправляющихся в дорогу, отсюда и

название. Судя по тому, что я слышал, они делают много хорошего.

— В каком смысле «ясно как день»? — прищуривается Дженнифер.

— В том смысле, что ваши родители были замешаны в торговле детьми. Вы испытывали чувство вины по этому поводу, что совершенно понятно. Хотели как-то загладить вину. И теперь вы здесь работаете.

Вид у нее ошеломленный, но я вижу, что попал в точку.

— А вы, я смотрю, не любитель ходить вокруг да около, — говорит Дженнифер.

— Когда как. Но не сейчас.

— Я любила своих родителей, — говорит она.

— Не сомневаюсь в этом.

— Нас, детей, у них было четверо, и они были очень добры ко всем нам. Мы были счастливой семьей. И подавляющее большинство их клиентов — молодые люди, которые обращались к ним за услугами, — получали в точности то, то заказывали: модельное портфолио с профессиональными снимками. Некоторые из этих молодых людей стали моделями. Многие получили хорошую работу в индустрии развлечений и в ресторанной отрасли.

Я нетерпеливо отмахиваюсь, давая понять, что предпочел бы перейти к интересующей меня теме, и говорю:

— Когда вы выяснили правду?

Дженнифер еще не готова.

— Я могу показать вам отзывы клиентов, в которых говорится, что «Радиант Аллюр» изменило их жизнь.

— Ничуть не сомневаюсь. Но совершенного ими зла это не отменяет, так ведь?

Молчание.

— Как вы выяснили правду? — спрашиваю я снова.

— Мама мне все рассказала, — говорит Дженнифер. — Перед смертью. — Ее взгляд устремлен на мое лицо, но глаза смотрят куда-то сквозь меня. — Она хотела, чтобы я поняла. Был совсем крошечный процент подростков, сказала она мне. Они с папой шли на это только в самых безнадежных случаях, когда у детей не было никого и ничего и никаких шансов. А прибыль от этих операций позволяла агентству помогать другим молодым людям, тем, до которых еще можно было дотянуться. «Возделывать можно только тот сад, до которого ты способен дотянуться», — любила повторять мама. Это старая буддийская

пословица, кажется, а до этих девушек невозможно было дотянуться. — Дженнифер вскидывает на меня глаза. — Я любила мать всем сердцем, и последнее, что я сказала ей перед смертью, это что я никогда ее не прощу.

Мы оба умолкаем. Молчание давит на стены и окна. Я не пытаюсь заговорить. Дженнифер тоже. В глубине души мне хочется накрыть ее руку своей. Я стараюсь сделать то же самое взглядом. Она, похоже, понимает это и еле заметно признательно кивает в ответ. Потом делает мне знак садиться. Я опускаюсь в кресло. Дженнифер устраивается напротив.

— Так что да, вы правы, — говорит Дженнифер Шульц. — Я работаю здесь, чтобы как-то искупить то зло, которое совершили мои родители. Это, очевидно, глупо и недостаточно.

— Но хотя бы что-то, — договариваю я за нее.

— Да. Так кого вы ищете?

— Она жила под именем Анна Мэриголд. Ее отправили в Испанию.

— Когда?

— В начале двухтысячных.

— Давно, — говорит Дженнифер Шульц. На шее у нее на золотой цепочке висит подвеска в виде бабочки. Она гладит ее пальцами. — Забавно.

Я все ждала, что рано или поздно кто-то придет ко мне с таким вопросом. Кто-то, кто потерял любимого человека, кого-то, кто был ему дорог, или, по крайней мере, чье исчезновение не осталось незамеченным. Но за все это время вы первый. Вы ее родственник?

— Нет.

— Получается, мама была не так уж и не права.

Мы оба знаем, что это не так, поэтому нет необходимости произносить это вслух.

— Что еще вам известно об этой девушке?

Я рассказываю Дженнифер почти все, что узнал от Вреда Бергкампа. Она записывает. Рассказываю, что Анна Мэриголд жила где-то неподалеку от Пенсильванского университета, что ее мать умерла и ее взяла к себе тетка. Что в Испании она еще с одним мужчиной разводила туристов. Дженнифер кивает, продолжая записывать. Надо полагать, подобных историй она слышала не один десяток.

Я не говорю о том, что стал одной из жертв Анны Мэриголд. Не хочу, чтобы она усомнилась в чистоте моих мотивов.

— Вы не знаете, жива ли еще эта Анна Мэриголд? — спрашивает меня Дженнифер Шульц.

— Жива.

Дженнифер Шульц крутит в пальцах бабочку на цепочке, словно это четки.

— У нее все в порядке?

— Да.

— Но у нее есть вопросы относительно своего прошлого.

— Что-то в этом роде.

— У меня есть частная база данных, но она огромная. Вам известно, как работало агентство «Радиант Аллюр»?

— Расскажите мне.

— У нашего агентства были стойки в торговых центрах. Молодые девушки проходили мимо — и юноши тоже, — и мы останавливали их и говорили, что они очень красивые и что, возможно, им стоит подумать о карьере модели. На самом деле пускали в ход грубую лесть. Потом пытались продать им модельное портфолио. По сути, фотосессию. Кое-кто называл это мошенничеством, но цены у нас были сравнимые с конкурентами, и потом, мы были далеко не первыми, кто продавал мечту.

— Вы тоже работали в агентстве?

— Да. Все четверо детей. Подрабатывали после школы. Это была хорошая подготовка к жизни. У агентства были стойки в десятках торговых

центров по всей Пенсильвании и Огайо.

— Вы сказали, у вас есть частная база данных.

— Да. Я не могу ее обнародовать из соображений конфиденциальности. Это привело бы ко множеству ложных исков и судебных процессов. У вас есть фотография Анны из тех времен?

И тут я понимаю, что фотографии у меня нет. Зато в Сети есть несколько размытых зернистых снимков Виктории Белмонд того периода, так что я гуглю их. Негусто. Я вижу Анну в лице Виктории, в особенности в глазах, но не исключено, что это всего лишь игра моего воображения. Я нахожу несколько фотографий, сделанных сразу же после того, как Виктория объявилась вновь, — те самые, на которых она без волос и снята с расстояния, потому что ФБР и ее родители оберегали ее приватность. Они чуть более четкие. Дженнифер Шульц просит меня сбросить их ей через «Эйрдроп». Я колеблюсь.

— Я могу рассчитывать на то, что вы сохраните ее личность в тайне? — спрашиваю я.

— Разумеется.

Я скидываю самый четкий снимок. Дженнифер внимательно изучает его на экране телефона. Я не называл имени Виктории Белмонд и не могу понять, догадалась она сама, чья это фотография,

или нет.

— У меня есть команда помощников, — говорю я. — Они могут прогнать эту фотографию через ИИ, изменить прическу, омолодить ее и, возможно, немножко подчистить изображение.

— Это может помочь, — говорит Дженнифер. Потом вскидывает на меня глаза. — Что происходит, мистер Кирс?

— У меня к вам есть более тяжелый вопрос, — говорю я.

Она ждет.

— Ваши родители не могли быть причастны к похищению?

Она хлопает глазами:

— Каким образом?

— Я не знаю. Например, самым очевидным — могли они похитить девушку-подростка?

— Я с радостью сказала бы: «Нет, конечно же», но… — Дженнифер не заканчивает свою мысль. В этом нет необходимости. — Я не думаю. Мне кажется, им важно было иметь оправдание своим действиям.

— Ваши родители никогда не помогали кого-нибудь переправлять?

— Переправлять?

— Ну, например, не мог кто-нибудь привести к

вашим родителям девушку и попросить спрятать ее за границей?

Она хмурится:

— Думаете, кто-то привел эту девушку к моим родителям, чтобы они спрятали ее в Испании?

— Возможно. Я не знаю.

— Ладно. — Дженнифер опирается обеими руками о столешницу и, оттолкнувшись от нее, поднимается. — Пойду искать вашу девушку в базе данных. Да, существует и более безобидное объяснение, мистер Кирс.

Я оборачиваюсь.

— Эта ваша девушка… вы считаете, что ее похитили.

— Возможно.

— Но есть люди, которые в это не верят, так? Я имею в виду, многие считают, что Виктория Белмонд просто сбежала.

А, значит, все-таки поняла, кто на фото.

— Это так, верно? — настаивает она.

— Верно.

— Тогда, возможно, именно таким образом мои родители и оказались к этому причастны.

— Каким именно?

— Если Виктория Белмонд хотела сбежать так, чтобы ее никогда не нашли, — говорит Дженни-

фер Шульц, — сделать это при посредничестве моих родителей было проще всего.

Я все еще кручу в голове последние слова Дженнифер Шульц, когда телефон у меня начинает вибрировать. На экране высвечивается имя «Белмонд», так что я беру трубку.

— Алло?

— Леонора сказала, вы хотели со мной поговорить.

Это Виктория.

— Мы можем встретиться? — спрашиваю я.

— Что-то случилось?

— Я был в Испании.

Молчание.

— Виктория?

— Я слушаю, — говорит она. — Вам удалось что-нибудь выяснить?

— Я могу к вам подъехать.

— Нет. У родителей возникнет масса вопросов. Я сама к вам приеду.

Глава 26

Детская площадка находится на месте бывшего кладбища.

Парк Джеймса Уокера, расположенный в Гринвич-Виллидж на Хадсон-стрит, между Сент-Люкс-плейс и Кларксон-стрит, разбит на том месте, где в девятнадцатом веке хоронили прихожан церкви Святой Троицы на Нижнем Манхэттене. Десять тысяч покойников до сих пор лежат в земле под бейсбольным полем, пиклбольными кортами и кортами для игры в бочче, детской площадкой и даже под той скамейкой, на которой мы сейчас сидим с Викторией Белмонд.

Единственным зримым напоминанием о мрачном прошлом парка остается памятник погибшим пожарным, почти семифутовый мраморный саркофаг, возведенный в 1834 году в память о двух совсем юных пожарных, погибших в первый же день службы. Судя по выбитым на мраморе словам: «Здесь погребены тела Юджина Андерхилла, 20 лет, 7 месяцев и 9 дней от роду, и Фредерика А. Уорда, 22 года, 1 месяц и 16 дней от роду», их останки до сих пор покоятся в этом

саркофаге, расположенном впритык к ограде бейсбольного поля. Для тех, кому требуется дополнительное напоминание, имеется бронзовая табличка, текст на которой я перечитываю каждый раз, когда бы ни пришел сюда, и он гласит:

НА ЭТОМ МЕСТЕ С 1834 ПО 1898 ГОД НАХОДИЛОСЬ КЛАДБИЩЕ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. В 1897–1898 ГОДАХ ВЛАСТИ ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА ПРЕВРАТИЛИ ЕГО В ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПАРК. ЭТОТ ПАМЯТНИК СТОЯЛ НА КЛАДБИЩЕ И БЫЛ ПЕРЕНЕСЕН НА ЭТО МЕСТО В 1898 ГОДУ.

Добро пожаловать в Нью-Йорк.

Многие скамейки в Нью-Йорке именные — это значит, что кто-то жертвует на них деньги и за это получает маленькую табличку на спинке. Та, на которой мы сидим, посвящена памяти какого-то человека по фамилии Мэдофф. Ничего больше о нем я знать не хочу. Мы с Викторией сидим не более чем в десяти ярдах от памятника. Позади нас с визгом скатывается с горок и карабкается по лазалкам малышня. Перед нами за сетчатой изгородью с воодушевлением отрабатывают подачи и ловят мячи ребятишки постарше. Я люблю смотреть бейсбол. Наверное, это все ностальгия. Я вижу бейсбольное поле и каждый раз вспоминаю, как отец впервые взял меня с

собой на бейсбольный матч на стадион Ши, когда мне было шесть. До сих пор помню запах травы и гулкий звук, с которым маленький белый мячик отскакивал от деревянной биты. В тот день папа купил мне два вымпела: один — нью-йоркских «Метс», а другой — хьюстонских «Астрос». «Потому что противника нужно уважать», — объяснил он мне. Дома я повесил оба вымпела на стену над кроватью. Со временем краски выцвели, но я упрямо не снимал вымпелы со стены — до тех пор, пока, вернувшись из Испании, не убрал из комнаты все свои детские вещи.

Кстати, вымпелы я тогда выкидывать не стал. Они до сих пор хранятся в коробке где-то в подвале. Можете думать, что хотите.

Мы с Викторией пока не начали говорить. Тренер подкидывает мячи трем мальчикам, стоящим на шорт-стопе. Они по очереди ловят их и отправляют на первую базу. В этом есть что-то радостное и медитативное, и мы некоторое время бездумно следим за летающими туда-сюда мячами.

— Я не знала, что вы собираетесь в Испанию, — говорит Виктория. — Хотя, наверное, можно было догадаться.

Я жду. Тренер бросает мяч. Самый высокий из троих мальчишек ловит его с такой легкостью,

как будто в перчатке у него спрятан гигантский магнит, и бросает игроку на первой базе.

— И что вам удалось выяснить? — спрашивает она.

— Достаточно.

Мы не сводим глаз с бейсбольного поля.

— Я выяснил, что меня развели. Что я был далеко не единственным, кого вы развели подобным же образом. Что в конце концов вы разозлили не тех людей. А еще я нашел Базза.

Это привлекает ее внимание.

— Вы его нашли?

— Да.

— И где он сейчас?

— В Нэшвилле.

— В Теннесси?

Я киваю.

Виктория отворачивается, чтобы я не мог видеть ее лица.

— Вы не знали, где он, верно? — спрашиваю я.

— Нет, конечно же нет, — отвечает она после секундной паузы.

— Нет, я имею в виду… — Я умолкаю и делаю еще одну попытку. — Ваш отец потребовал от меня подписать соглашение о неразглашении. Вы ведь это знаете, верно?

— Да.

— Я в любом случае никогда не злоупотребил бы вашим доверием, — говорю я. — Но даже если бы я и захотел это сделать, я не могу. Легально, я имею в виду.

— Не очень понимаю, о чем вы.

— Еще как понимаете, — говорю я. — Базз рассказал мне, что, когда вы с ним околпачивали наивных туристов, обыкновенно вся схема занимала день-другой. Раз-два — следующий. Но на меня вы потратили гораздо больше времени. Вы тянули и тянули. Не знаю уж, правду сказал Базз или нет, но он считал, что вы питали ко мне искренние чувства.

Виктория по-прежнему на меня не смотрит.

— Ты меня помнишь, — говорю я.

Я наклоняюсь вперед, чтобы взглянуть на ее профиль. Она сидит с зажмуренными глазами.

— Виктория?

Глаза по-прежнему остаются закрыты.

— Пожалуйста, — говорю я. — Ради меня, не ради тебя. — Я разворачиваюсь к ней всем телом. Руки у меня дрожат. — Ты ведь меня помнишь, правда?

И тогда она наконец произносит это вслух:

— Да.

Велик соблазн попросить, чтобы она повторила это снова, но я не хочу разрушать настрой.

— И Базза ты тоже помнишь.

— Как у него дела?

— У него все в порядке.

— Чем он занимается?

— Работает в киноиндустрии.

Виктория улыбается:

— Он любил кино. Мы с ним столько фильмов посмотрели вместе, и он рассказывал мне о том, как было выставлено освещение на съемочной площадке и как делались спецэффекты. Вечно придумывал всякое. Потому и устраивал настоящее представление каждый раз, когда мы инсценировали смерть, — чтобы продемонстрировать свои умения. Но я не должна была позволять ему делать это с тобой.

— Вы проделывали это и с другими?

— Да. Но они были отвратительными, избалованными мальчишками. Мне никого из них было совершенно не жалко. Они убегали и никогда не оглядывались. Но вот ты… Я знала, то, что мы сделали, будет преследовать тебя до конца жизни. Прости.

Я не знаю, что на это сказать, поэтому молча жду. Хочу посмотреть, что она скажет дальше.

— И Вред не солгал, Сами. Я в самом деле в тебя влюбилась. Думаю, он понял это раньше меня. Во всем этом мраке ты был как маячок доброты. Я его не стоила, но, по крайней мере, могла хоть немного погреться у этого огонька. Ты улыбался мне, и у меня было такое чувство, будто все плохое отступало. Будто мы можем быть счастливы. Это было почти мучительно. Быть с тобой — это все, о чем я мечтала, так что да, я продолжала изобретать одну отговорку за другой, хотя и понимала, что все равно долго это не продлится. Но я никогда тебя не забывала. И то, как я себя с тобой чувствовала. И то, как с тобой поступила. Когда я увидела твою фотографию в новостях, я почитала про тебя в интернете и поняла, что ты не стал врачом, как хотел, и что вся твоя жизнь пошла наперекосяк. Поэтому я пришла к тебе на то занятие. Чтобы ты понял, что никого не убивал. Что все в порядке и что я не могу простить себя за все зло, которое причинила тому замечательному юноше.

Слова Виктории меня оглушают. Они были сказаны из самых добрых побуждений, но я их не заслуживаю. Она была прямо передо мной, беспомощная, в беде, а я, что сделал я, чтобы понять это и помочь?

— Почему тогда ты убежала?

— Когда ты меня заметил, я запаниковала. Я видела, что ты меня узнал. Так что ты должен был понять, что я жива и здорова и в ту ночь ничего плохого не случилось. И я просто… — Виктория качает головой. — Это ведь касается не только нас с тобой, понимаешь, Сами?

— В каком смысле?

Она снова качает головой.

— У тебя вообще была амнезия? — спрашиваю я.

— Я хочу, чтобы ты сперва кое-что мне пообещал.

— Что?

— Ситуация не черно-белая. То, что произошло. Кое-что из этого правда, а кое-что нет. Но то, что по-настоящему важно, то, что имеет значение, это правда.

Я понятия не имею, что Виктория пытается мне сказать, поэтому лишь молча киваю, чтобы она продолжала.

— Они такие добрые, такие прекрасные люди, мои родные. Все, что случилось, эти одиннадцать лет страданий оставили в них глубокий след. Они столько пережили, и теперь я должна защитить их. Понимаешь?

— Нет, не очень.

— Но ты ведь это чувствуешь, правда?

— Что чувствую?

— Что они очень добрые. Что пережили много боли и страданий, но, если откинуть в сторону деньги и прочую мишуру, станет видна вся их доброта.

Я задумываюсь над услышанным. Очевидно, она говорит об очень важных для себя вещах.

— Наверное.

— И я люблю их всем сердцем, Кирс. Маму, папу, Томаса, Мадди, моих племянниц — особенно племянниц. Я люблю их. И я люблю мою жизнь. Ты должен это понять.

— Ясно, — говорю я, чтобы что-то сказать, потому что не очень понимаю, к чему она клонит. — Так что случилось в ту новогоднюю ночь? Каким образом ты оказалась в Испании?

— Сперва ты должен пообещать мне.

— Что пообещать?

— Что не причинишь им зла. Что защитишь их.

— От чего я должен их защитить? — Потом я понимаю, что так мы далеко не уйдем, и сдаюсь. — Я обещаю. Я их защищу.

— Как Вред оказался в Нэшвилле?

— Я сам не очень знаю. Он упомянул что-то о том, что вы с ним попытались облапошить не того парня. Ты это помнишь?

— Да, — говорит она. — Это он меня избил.

— Сломанный нос и раздробленная скула, — говорю я.

Виктория кивает.

— Базз сказал, после того как его выпустили, вы с ним оба сбежали. Но эти ребята поймали его. После встречи с ними он остался хромым.

Она снова закрывает глаза.

— Мы с ним оба были ущербные люди, что Вред, что я. Да, мы были мошенниками, но, когда этим занимаешься, изнутри все кажется не таким ужасным. Ты видишь какого-нибудь избалованного сопляка, который сорит деньгами направо и налево на роскошном курорте. Ну грех же такого немного не пощипать. Можно подумать, от него убудет. А Вред… я так рада, что у него все в порядке.

— Он сказал то же самое про тебя.

— Погоди. Так, значит, он в курсе…

— Теперь да. Он попросил меня передать тебе, что, если тебе когда-нибудь понадобится его помощь, он всегда рядом.

И тут, прежде чем кто-либо из нас успевает

произнести хотя бы слово, я вижу, как Виктория устремляет взгляд куда-то мимо меня и глаза ее потрясенно расширяются. После этого ничего поправить уже нельзя. Я не знаю, услышал я сперва пистолетный выстрел или почувствовал обжигающую боль в плече, когда пуля вошла в него, разорвав кожу. И теперь, думая об этом, я, как и тогда, в тот момент, задаюсь вопросом: угоди пуля на сантиметр ниже, застрянь она в моей плечевой кости, вместо того чтобы пройти по касательной, может быть, это остановило бы ее продвижение или хотя бы замедлило настолько, чтобы пуля не продолжила свой полет и не попала Виктории в шею сбоку.

Из ее разорванной артерии фонтаном брызжет кровь.

Виктория обмякает, будто кто-то разом вырвал все кости из ее тела. Я бросаюсь к ней.

Обхватываю ее шею пальцами, зажимая ладонью рану. С расстояния, наверное, выглядит так, будто я душу ее. Кровь течет у меня между пальцами, пачкая тыльную сторону ладони. Я сильнее прижимаю ее к ране.

И тут в меня прилетает вторая пуля.

Эта уже проходит не по касательной. Я пытаюсь не упасть, пытаюсь держаться за шею Виктории,

но словно чья-то исполинская рука с размаху хлопает меня по спине. Меня швыряет вперед, и я падаю, больно ударившись головой об угол скамейки. Перед глазами все плывет, я моргаю, пытаясь не поддаваться. Но у меня ничего не выходит. Я перестаю что-либо понимать.

А потом наступает чернота.

Викторию Белмонд хоронят пять дней спустя.

Я стою поодаль у дерева, баюкая примотанную к боку руку в перевязи, все еще слегка одурманенный опиоидами.

Как я узнал уже впоследствии, один из бейсбольных тренеров, кидавших мячики своим подопечным в парке, оказался врачом скорой помощи по имени Кен Лисс. Как только он убедился, что ребятишки дисциплинированно попадали наземь и им не грозит никакая опасность, а стрелок сбежал, Лисс поспешил к Виктории Белмонд, но сделать там уже ничего было нельзя. Что же до меня, я лежал навзничь, глядя слезящимися глазами на солнце, в густой луже крови, большая часть которой, как выяснилось позже, была не моей.

Виктория истекла кровью, лежа рядом со мной.

Кто-то, наверное, увидит в том, что я вновь

очнулся рядом с ее мертвым телом, жмуря слезящиеся от солнца глаза, двадцать два года спустя после того, как она инсценировала практически в точности такую же сцену, кармическое возмездие. Но я не из их числа. На мою долю выпало немало трагедий, и правда в том, что каждая последующая переживается немного проще. Верно говорят, что первый порез самый глубокий. Ты глубоко скорбишь, а когда рана наконец затягивается, на ее месте остается такой толстый и грубый шрам, что в этом месте ты практически ничего не чувствуешь. Не позволяешь себе. Поэтому сейчас, наблюдая за закрытыми семейными похоронами, я не плачу.

Но эта смерть просто раздавила меня.

Анне/Виктории было всего сорок два года. А теперь она мертва.

Вот и весь итог.

Вторая пуля попала мне в спину чуть повыше лопатки. Ранение не опасное для жизни, но пульсирующая боль, кажется, не отступает ни на минуту. На то, чтобы полностью восстановиться после такого ранения, уйдет много времени, несколько месяцев, если не год. Врачи не хотели отпускать меня на похороны, но я должен был прийти. Все в жизни развивается в своем темпе.

Я подошел уже к самому концу, я близок к тому, чтобы получить ответы на все вопросы, но несколько шагов я уже пропустил.

Я не могу больше терять времени.

В больнице меня навещали. Молли, разумеется. Мой отец. Артур провел в моей палате немало времени, часть которого инструктировал меня, как действовать, чтобы, если даже Белмонды захотят разорвать наш с ними контракт, я получил всю причитающуюся мне сумму. На самом деле Артур рвется выбить для меня дополнительные деньги, что-то вроде компенсации за травму на рабочем месте. Я уговариваю его не делать этого. Белмонды потеряли дочь. В некотором смысле дважды. Их утрата неизмерима. Даже с расстояния в тысячу ярдов я вижу это в их взглядах. Одиннадцать долгих лет они жили во мраке, думая, что потеряли дочь навсегда. С ними произошло чудо, они получили временную передышку, а теперь, четырнадцать лет спустя, когда, казалось, все в их жизни было как нельзя лучше, горе швырнуло их обратно в бездонную черную яму.

Даже с расстояния я не просто вижу, а чувствую, насколько они опустошены. Арчи, Талия, Том, Мадлен, Вики, Стейси — у всех одинаково

убитые горем лица людей, которые неожиданно получили под дых. Талия и Арчи поддерживают друг друга — в самом буквальном смысле, и, как я ни ищу в их глазах ожесточения или чего-то еще, относящегося ко мне, в них ничего нет.

Гроб опускают в могилу. У Талии Белмонд подламываются колени. Арчи, который и сам едва держится на ногах, не дает ей упасть. Томас первым подходит и бросает горсть земли на крышку гроба. Арчи практически на руках подносит Талию к свежевырытой могиле. Оба делают то же самое. Арчи неотрывно смотрит на гроб. От него исходит настолько острое ощущение горя, что мне хочется спрятаться за дерево. Он вскидывает глаза и встречается со мной взглядом. Я стараюсь не отводить глаз, стараюсь, чтобы он увидел в них печаль и сочувствие.

Арчи делает Томасу знак, чтобы помог матери. Тот берет ее под руку, и Арчи медленно бредет в мою сторону. Я собираюсь с мужеством, не зная, что он может сказать или сделать. Мне вспоминаются последние слова Виктории — обещание, которое она с меня взяла.

Что я защищу их.

Когда Арчи приближается ко мне, я произношу очевидное:

— Я очень вам соболезную.

— Спасибо, — говорит он. Потом кивает на мою перевязь. — Как ваша рука?

— До свадьбы заживет.

Арчи вскидывает глаза к небу и несколько раз моргает.

— Мы вас не виним, — произносит он наконец. — Хочу, чтобы вы это знали. И все-таки…

Я молчу.

— Я не могу понять, — говорит он. — Какую опасность вы принесли в нашу жизнь?

Его голос полон такой боли, что мне хочется от нее спрятаться, но я борюсь с этим желанием. Арчи не пытается выместить ее на мне. Он искренне этого не понимает, и я тоже.

— Зачем только я вас нанял? Надо было просто оставить все как есть. Я попытался взять все под контроль. А это невозможно. Тогда было невозможно. И сейчас тоже. — Он встречается со мной взглядом. — Я виню себя. Именно я убил ее, когда решил разворошить прошлое.

Это неправда, но говорить ему это сейчас без толку.

— Мистер Белмонд, — кашлянув, говорю я. — Нам по-прежнему нужно найти похитителя.

Вид у него становится растерянный.

— Что?

— Это может иметь отношение к…

— Разве полиция не установила, что это дело рук того человека, которого вы когда-то посадили, а теперь его выпустили?

Сейчас самая распространенная версия — что стреляли в меня, а не в нее. По словам Марти, полиция склоняется к мысли, что Тед Грейсон хотел отомстить мне, а Виктория просто некстати оказалась рядом.

Логично.

— Полицейские задержали Теда Грейсона, чтобы допросить, но его адвокат, Келли, как ее там…

— Ноймайер, — подсказываю я.

— Не суть важно. Она пришла с ним. Она спросила у полицейских, какие у них есть улики, которые указывали бы на то, что ее клиент имеет отношение к стрельбе. Когда никто не смог дать ей никакого вразумительного ответа, кроме того, что у него был мотив вам отомстить, она с улыбкой заявила: «Идемте, Тед. Я отвезу вас обратно к матери».

— Да, — говорю я. — И это вполне вероятный мотив. Но я хочу рассказать вам кое о чем, что Виктория сказала мне перед тем, как погибла.

— Что она вам сказала?

— Я не уверен, что сейчас подходящий момент…

— Только не начинайте! — рявкает Арчи. — Что она вам сказала?

Я делаю глубокий вдох.

— Что она помнит Испанию. И меня тоже помнит.

— Погодите. Вы хотите сказать, к ней вернулась память?

Я не знаю, как сформулировать это так, чтобы не причинить еще большую боль убитому горем отцу, так что просто говорю все как есть:

— Я думаю, она всегда это помнила.

Я ожидаю, что мои слова потрясут Арчи, но ничего подобного не вижу. С другой стороны, как я уже сказал, он убит горем настолько, что, возможно, его ничего уже не может потрясти сильнее.

— Что еще она сказала? — спрашивает он.

— Что любит свою семью больше всего на свете, — говорю я. — Что вы все прекрасные и добрые люди. Она взяла с меня обещание защитить вас.

Арчи закрывает глаза. С губ его срывается стон. Мне следовало бы не мучить его еще больше, но я не могу.

— Что она имела в виду?

Он ничего не отвечает. Я давлю сильнее.

— От чего я должен вас защитить, мистер Белмонд? — спрашиваю я. — От чего вам требуется защита?

Арчи Белмонд отступает на шаг назад.

— Я не знаю, — говорит он сдавленным голосом, но уже не от горя. Нет, дело тут в чем-то еще, но я не могу понять, в чем именно. — Но, как бы там ни было, теперь все кончено. Вы меня слышите? Пожалуйста, оставьте нашу семью в покое.

Он не дожидается ответа и, развернувшись, идет прочь. Я остаюсь стоять на своем месте. Вскоре тишину взрывает гудение садовых пылесосов и газонокосилок и тарахтение желтого трактора, который засыпает ее гроб оставшейся землей. Плечо наливается болью. Мне плевать. Наверное, я тоже горюю, хотя это очень отличается от прошлых случаев. Я человек не религиозный, но произношу про себя что-то вроде молитвы. Главным образом обращаюсь к мертвым с просьбой подсказать мне, что делать дальше. Ответа я, разумеется, не получаю. Я на него и не рассчитывал.

Я сую руку в карман, вытаскиваю таблетку болеутоляющего и глотаю ее. О том, как я в таком состоянии сяду за руль, к счастью, сегодня можно не беспокоиться. Сюда Крейг привез меня на моей машине, а сам поехал куда-то в магазин за

чем-то необходимым. Мы договорились, что на обратном пути он меня подберет. Я поворачиваю голову в сторону парковки, где мы с ним условились встретиться. И обнаруживаю, что за спиной у меня стоит Талия Белмонд.

— Они считают, что она погибла от пули, предназначавшейся вам, — говорит Талия.

Я ничего не отвечаю.

— Думаете, это правда?

— Это самая вероятная версия.

— Но не единственно возможная?

— Не единственно возможная.

Талия Белмонд смотрит на то место, где несколько минут назад стояли мы с Арчи Белмондом.

— Что сказал вам мой муж?

— Чтобы я оставил вас в покое.

— Вполне понятно. Он сказал это из лучших побуждений. — Талия разворачивается и делает шаг по направлению к черной машине. — Не слушайте его.

Глава 27

Я соглашаюсь вернуться в больницу при одном условии: что врачи разрешат моим студентам меня навещать. Больничные правила ограничивают посещения всего четырьмя человеками за один раз, так что в палату впускают только Полли, Гэри, Ленни и Дебби. Все остальные, как мне сказали, сидят в вестибюле, хотя больничный персонал настоятельно попросил, чтобы Реймонд подождал на улице.

— Они хотят, чтобы мы заходили по очереди, — говорит Гэри. — Чтобы все смогли вас повидать.

— Не уверен, что у меня хватит на это сил, — говорю я.

Полли подходит к моей койке.

— Мы все сбросились и купили вам вот это.

Она протягивает мне огромную термокружку «Стэнли» с торчащей из крышки соломинкой. На боку у нее написано: «Лучшему учителю в мире».

— Это ужасно мило, — говорю я. — Спасибо.

— Посмотрите, что написано с другой стороны, — говорит Дебби.

— Что?

Она поворачивает кружку другим боком. На нем я вижу всего одно слово: «Норбери».

Я против воли улыбаюсь. Норбери упоминается в одном из моих любимых рассказов о Шерлоке Холмсе, который называется «Желтое лицо». Этот рассказ примечателен тем — и я рассказывал об этом моим студентам, — что в нем Шерлок Холмс оказался не прав в своих выводах. Смысл в том, что даже сам Шерлок Холмс не был непогрешим. Как и все мы. И в финале этого сентиментального и на удивление не утратившего актуальности и сейчас рассказа о смешанных браках, когда потрясенные Холмс с Ватсоном возвращаются к себе на Бейкер-стрит, Шерлок говорит своему другу: «Мой дорогой Ватсон, если вам когда-нибудь покажется, что я вдруг слишком много возомнил о своих способностях или подхожу к делу не с таким тщанием, как оно того заслуживает, будьте добры, шепните мне на ухо: „Норбери“» — и я буду безмерно вам признателен».

— Норбери, — говорит Гэри.

— Норбери, — вторит ему Полли.

Я вскидываю руку, прежде чем к ним успевает присоединиться Ленни.

— Ладно, ладно, я все понял.

— И что теперь? — спрашивает Ленни. — Все, дело закрыто?

Я замечаю, что Полли уже достала ноутбук. Она водружает его на шаткий больничный столик и запускает PowerPoint.

— Наверное, нет. — Я смотрю на их полные надежды лица. — Ну, что там у вас?

— Мы работаем над различными аспектами, связанными с обоими делами, о которых вы нас спрашивали. Для простоты будем называть одно делом Виктории Белмонд, а другое — делом Теда Грейсона.

— Я хотел, чтобы мы называли его делом Николь Бретт, — говорит Ленни. — Потому что тогда мы называем дела в честь жертв, а не в честь преступников.

— Вот только, — замечает Полли, — теперь жертв может быть две. — Николь Бретт и…

— Меня вполне устроит, если мы будем называть его делом Теда Грейсона, — говорю я. — Давайте не будем углубляться в семантику. Что вы хотели мне показать?

— Мы все еще пытаемся установить личность человека, который преследовал вашу жену. Того, кого вы назвали Патлатым. У нас есть одна версия, основанная на том, что вы нам рассказали, и

мы привлекли к работе над ней детектива Марти Макгрегора.

— Моего старого напарника?

— Бывшего, — учительским тоном поправляет меня Полли. — Не старого.

Я подавляю вздох.

— Каким образом вы познакомились с Марти?

— Здесь, внизу, в тот день, когда вас ранили. Он тоже приходил вас навестить. Мы ждали в вестибюле.

— Выглядит он, конечно, отпадно, — замечает Ленни.

— Вы приходили сюда в тот день, когда меня ранили?

— Разумеется.

Я смотрю на них.

— Я должен бы чувствовать себя тронутым, — говорю я, — но почему-то не чувствую.

Гэри разводит руками:

— Нам все равно особо нечем заняться в свободное время, так что…

— Говори за себя, — огрызается Полли, но я вижу, что она улыбается. Потом откашливается и принимается говорить деловым тоном: — Мы координируем свою работу с Дженнифер Шульц и ее базой данных агентства «Радиант Аллюр». Но

пока нам не удалось ничего узнать. Наша версия сейчас заключается в том, что Виктория Белмонд воспользовалась агентством как прикрытием, но уверенными быть никогда нельзя.

Их версия неверна, но я пока не разочаровываю их.

— Ясно, — говорю я.

— Давай уже, не томи, — вздыхает Гэри. — Вечно она так. Выдает информацию по капле, как будто это последняя глава романа Агаты Кристи.

— Неправда! — возмущается Полли. — У всего есть свой контекст.

— Просто расскажи уже ему все.

— Ладно, — вздыхает Полли. — Мы попытались составить список школьных подруг Виктории Белмонд, которые могли присутствовать на той вечеринке. Через детектива Марти Макгрегора мы раздобыли имена шестерых из них из досье ФБР. Ни одна не стала с нами разговаривать. Но нам удалось заполучить школьные списки и фотоальбомы. Мы сопоставили их друг с другом, чтобы определить потенциальных участниц. К примеру, Виктория Белмонд состояла во французском клубе и в команде по хоккею на траве. Значит, все, кто состоял и там, и там, вероятно, были на той новогодней вечеринке. Используя

простенькую компьютерную программу, мы смогли вычислить близких подруг Виктории, которые, скорее всего, присутствовали на той вечеринке.

Все четверо смотрят на меня.

— Ясно.

— Мы также… Не знаю, как это сформулировать и зачем мы вообще это сделали. Это была идея Дебби. Но мы также подняли дела, которыми вы занимались во время работы в полиции.

— Мои дела? — хмурюсь я.

— Ну да.

— Зачем?

— Потому что вы каким-то образом в этом замешаны, Кирс.

Я смотрю на нее.

— Виктория Белмонд исчезает, — говорит Дебби. — Вы единственный, кто за время одиннадцатилетнего отсутствия встречает ее.

— Мы все были уверены, что это ничего не даст, — добавляет Гэри.

— Даже я, если честно, — признается Дебби.

В больничной палате слишком жарко и душно, но меня все равно продирает озноб.

— И?..

— И последним делом, которое вы вели перед

тем, как уйти из полиции, было убийство в Фарнвуде, поместье, принадлежащем семье Беркетт.

— Верно.

Прежде чем Полли произносит это вслух, в памяти у меня всплывает разговор с Томасом Белмондом. Он рассказывал мне, что подвозил сестру на новогоднюю вечеринку.

«Я отвозил ее на ту вечеринку. Они с подружкой — кажется, это была Каролина — хотели приехать пораньше…»

Каролина.

Полли кивает, как будто способна читать мои мысли.

— Лучшей подругой Виктории Белмонд в старших классах, — говорит она, — была Каролина Беркетт.

Я опущу ту часть, где доктора напоминают мне, что я пообещал больше не сбегать из больницы, если они разрешат мне присутствовать на похоронах Виктории Белмонд.

Марти везет меня в Фарнвуд, роскошное поместье Беркеттов, приобретшее печальную известность после того, как в нем произошло убийство, которое транслировалось на весь мир. На въезде дежурит пожилой охранник. Он окидывает нас хмурым взглядом, но все-таки нажимает

на кнопку. Ворота, скрипя, открываются, но так медленно, что их движение сложно отследить невооруженным взглядом. Мы едем по дорожке мимо теннисного корта, потом мимо футбольного поля. Сам особняк представляет собой английский загородный дом девятнадцатого столетия с элементами готического стиля вроде гаргулий и арочных окон в частых переплетах. Он сложен из елизаветинского красного кирпича, идеально симметричный, с выстроенными в тюдоровском стиле флигелями с башенками.

Там, в самом центре, словно для того, чтобы создать симметричные линии, возвышается внушительная фигура Джудит Беркетт. Ей сейчас под восемьдесят, но она все еще привлекает к себе внимание. Осанка царственная, голова высоко поднята. Невозможно не замечать ее элегантности и харизмы, поскольку и того и другого у Джудит Беркетт в избытке, но я знаю, что все это она использует во зло. Когда мы останавливаемся, Джудит Беркетт направляется к машине такой походкой, как будто идет по подиуму. Она мне улыбается. Она по-прежнему воплощение стиля. И взгляд у нее по-прежнему стальной.

— Мистер Кирс, — произносит Джудит Беркетт, упирая на слово «мистер», потому что, когда мы с

ней встречались в прошлый раз, она знала меня как *детектива* Кирса и ей хочется непременно ткнуть моим понижением в статусе мне в лицо. — Рада снова вас видеть.

Она протягивает руку, и я после некоторого колебания пожимаю ее. Джудит ощущает мой дискомфорт и немедленно усиливает хватку, чтобы вынудить меня прервать рукопожатие первым. Мне очень хочется что-нибудь ей сказать или сделать, например с размаху врезать по физиономии, но я должен получить от нее информацию.

Марти тоже выходит из машины. Это он устроил встречу. Его, кажется, удивило, что Джудит Беркетт согласилась со мной увидеться. Меня — нет. Одни избегают конфронтаций. Другие получают от них удовольствие. Я поставил на то, что она не сможет устоять.

Джудит с улыбкой говорит Марти:

— А вы, надо полагать, детектив Макгрегор?

— Да, мэм.

«Мэм». Мне хочется его прибить.

— Я попросила бы вас подождать у ворот.

Джудит кивком отпускает Марти и делает мне знак следовать за ней. Мы направляемся в фойе. В таком доме ожидаешь увидеть интерьер под

старину, но, хотя здесь он достаточно роскошный, чтобы в полной мере отражать богатство и былой статус семьи, ковры и обивка вносят в него современную струю. Мы останавливаемся перед огромным семейным портретом. На нем изображены Джудит, ее муж Джозеф и четверо их детей: Эндрю, Джо, Каролина и Нил. Все смотрят прямо перед собой, кроме Эндрю, потому что этот портрет был написан, когда того уже не было в живых. Теперь Джозеф-старший мертв. Джо-младший тоже. Его застрелили в Центральном парке. Джудит останавливается и смотрит на портрет. Ждет, когда я заговорю.

— Я хотел бы побеседовать с Каролиной, — говорю я.

— Каролины, — отвечает она, — сейчас нет.

— Когда она будет дома?

Джудит улыбается, продолжая смотреть на портрет.

— Боюсь, точно я не скажу. Но не слишком скоро. — Она наконец отрывается от портрета. — Мне сказали, вам нужна информация о Виктории Белмонд. Вы ведь за этим здесь?

— Да.

— Какая трагедия. Бедная девочка пережила столько испытаний — и все ради того, чтобы по-

гибнуть от случайной пули, предназначавшейся совершенно другому человеку. — Она цокает языком. — Наши семьи раньше были очень близки. Вы знали об этом?

— Я знаю, что Каролина с Викторией были подругами.

— Лучшими подругами, — уточняет Джудит.

Она снова улыбается. Мне невыносимо думать о том, какое количество людей заплатило своей жизнью или здоровьем за эту пошлую картину и этот шикарный дом. За то, что Джудит Беркетт имеет возможность наслаждаться жизнью в роскошном поместье, дышать прекрасным воздухом и улыбаться своей мерзкой улыбочкой.

Но я держу свои мысли при себе.

— Именно поэтому я и хотел бы поговорить с Каролиной.

— Я не вполне понимаю, — произносит Джудит, преувеличенно склонив голову набок. — Что Каролина может рассказать вам о смерти Виктории? Разве стрелявший целился не в вас?

— Мы не знаем наверняка.

— Но не можете же вы всерьез считать, что кто-то хотел убить Викторию?

— Кто-то ее похитил. Кто-то держал ее в плену одиннадцать лет. Мы занимаемся и этим.

— И считаете, что похищение как-то связано с ее смертью?

— Не знаю, — развожу руками я. — Это не исключено. В любом случае тот или те, кто это сделал, должны понести наказание. Мы должны добиться справедливого возмездия ради нее.

— После ее смерти? — игриво вскидывает бровь Джудит. — Думаете, мертвым есть какое-то дело до похитителей?

— Такие сложные умствования мне не по зубам, — говорю я, — но в худшем случае они не смогут похитить кого-то еще.

— Наверное, это правда.

— В ту ночь, когда Виктория исчезла, — говорю я, пытаясь вернуть Джудит Беркетт к теме нашего разговора, — в пабе «Маккейб» была вечеринка в честь наступления нового тысячелетия.

— Мне прекрасно об этом известно.

— И Каролина на ней присутствовала.

— Разумеется. И не просто присутствовала, а участвовала в ее организации вместе с Викторией.

— Где сейчас Каролина? — снова спрашиваю я.

Джудит Беркетт поворачивается обратно к портрету. Теперь ее взгляд устремлен на единственную дочь.

— Вы когда-нибудь слышали о восстановительном центре «Солемани»?

Я о нем слышал. Это очень престижный эксклюзивный реабилитационный центр.

— Она сейчас там?

Джудит кивает.

— Я предупрежу о вашем визите, чтобы они могли, — она делает паузу, словно подбирая подходящее слово, — подготовить Каролину. Завтрашнее утро вас устроит?

— А сегодня ее никак нельзя увидеть?

Улыбка становится напряженной.

— Боюсь, что никак.

— У Каролины все в порядке?

Джудит закусывает нижнюю губу.

— Я не уверена, что она готова принимать посетителей, но, если это поможет Белмондам, мы обе будем более чем рады пойти вам навстречу.

— Крайне вам признателен, — зло бросаю я.

Мы стоим молча. Джудит выше, поэтому подходит ближе, но я к такому привык. Меня подобными вещами не запугать.

— Мне пора, — говорю я.

— А вы знаете, что Талия Белмонд обращалась ко мне за помощью? — спрашивает у меня Джудит, и в ее голосе слышатся дразнящие нот-

ки. — За профессиональной помощью, я имею в виду.

Этого я не ожидал.

— Вы были терапевтом Талии?

— Ее врачом. После того как пропала ее дочь, ну, сами можете себе представить. Я, разумеется, не имею права практически ничего рассказывать о наших сессиях.

— Но она обратилась к вам после того, как Виктория исчезла? Талия Белмонд, я имею в виду.

— Да. Она очень тяжело переживала травму, — Джудит ослепляет меня своей острой как бритва улыбкой, — и, разумеется, вину.

Она ждет моей реплики. Я услужливо подыгрываю.

— Вину, — повторяю я.

— Да.

— Потому что она не сразу сообщила в полицию, что ее дочь пропала, — говорю я. — Потому что в ту ночь была в отъезде.

— Не просто в отъезде.

И вновь эти дразнящие нотки. Джудит Беркетт наслаждается игрой. В глубине души мне хочется ее удавить, но преобладающая моя эмоция сейчас — это смертельная усталость от несправедливости происходящего.

Я выдаю ожидаемую реплику, как будто долго ее репетировал:

— В каком смысле — не просто в отъезде?

Джудит внезапно начинает скромничать:

— Боюсь, мне не стоит больше ничего говорить. Это медицинская тайна.

— В ту ночь Талия Белмонд была в Чикаго.

— Это правда.

— У нее умирал отец.

— И это тоже правда.

— Что же тогда?

— Белмонды — нувориши. Вам это, возможно, известно. Когда они только разбогатели, мы с мужем с радостью приняли их в наш круг. В отличие от многих. Мы ввели Талию в попечительский совет филармонии. Позаботились о том, чтобы их приняли в нужные клубы. Я принимала их в гостях в этом самом доме. Наши дети сблизились. Томас с Эндрю и Джо играли в футбол на нашем поле. Виктория с Каролиной были не разлей вода. Когда Виктория исчезла, Каролина пережила тяжелую психологическую травму. Можете себе представить. Ее лучшая подруга уходит с вечеринки, которую они вместе организовали, и как сквозь землю проваливается. Так что, когда Талия Белмонд была на грани, когда ей нужна была

профессиональная помощь, чтобы пережить похищение дочери, я пришла ей на помощь — сперва как подруга, затем как врач.

Джудит Беркетт вновь поворачивается и смотрит на чертову картину.

— Но когда тяжелые времена настали у нас, Беркеттов, когда доброе имя моей семьи оказалось под угрозой, Талия Белмонд ни разу не проявила сочувствия. Ни разу не позвонила. Ни разу не послала мне записку, чтобы узнать, как дела. Так что должна ли я покрывать Талию Белмонд? Не думаю.

Я жду. Джудит Беркетт разыгрывает этот спектакль для меня. Спектакль глупый и бессмысленный, но так уж и быть. Нет никакого смысла давить, когда ей самой до смерти хочется все мне выложить.

— Прежде чем я скажу что-либо еще, я должна задать вам один вопрос, мистер Кирс.

— Пожалуйста.

— Вы видели мою внучку?

Джудит Беркетт говорит о Лили. Лили сейчас четыре года.

— Нет, — говорю я.

Это вранье.

Мы с Лили видимся очень часто. Я по-преж-

нему присутствую в ее жизни — и всегда буду присутствовать, если это будет зависеть от меня. Я ведь поклялся защищать Лили от чудовищ.

От чудовищ вроде ее бабушки.

Глаза Джудит Беркетт наполняются слезами.

— Это правда? — спрашивает она. — Вы не видели Лили?

Я говорю ей неправду без малейшего трепета:

— Нет, не видел.

Джудит поворачивается и внимательно вглядывается в мое лицо. Не знаю уж, что она там видит. Да мне, честно говоря, все равно.

— Она встречалась там с мужчиной, — говорит Джудит Беркетт. — В Чикаго.

Голова у меня идет кругом. Я прекрасно понимаю, о чем она говорит. И что это означает, понимаю тоже. Но все равно бормочу, практически против воли:

— Что?

— Талия Белмонд, — повторяет Джудит, вновь устремляя взгляд на портрет. — Она летала в Чикаго не только для того, чтобы навестить больного отца. Талия встречалась там с мужчиной. Поэтому ей было не до дочери. И поэтому она до сих пор винит себя в том, что в ту ночь случилось с Викторией.

Глава 28

— Отдай ключи, — говорю я Марти.

— Что?

— Просто отдай их мне, пожалуйста.

— Но ты отвратительно водишь. И еще не восстановился после ранения.

Я протягиваю руку ладонью вверх. Марти неохотно кладет на нее ключи. Я сажусь на водительское сиденье, он занимает пассажирское.

— Как все прошло? — спрашивает Марти. — Что она рассказала?

Я отмахиваюсь от него. Не сейчас. Пока не время это обсуждать.

Я спешу поскорее уехать из Фарнвуда. Такое чувство, как будто за мной гонятся привидения. Я пытаюсь переварить все услышанное. Разумеется, Джудит вполне могла сказать неправду. Она мстительная манипуляторша, но не стоит забывать и о том, что она крайне эгоистична. В ее безумии обыкновенно прослеживается четкая закономерность, и выдумывать эту историю только ради того, чтобы… не знаю… усложнить мне расследование дела или поиздеваться надо

мной, не кажется достаточно веским основанием. Жестокости у нее для этого вполне бы хватило, но для Джудит жестокость — средство достижения конкретной цели.

И обвинение ее тоже похоже на правду.

Звонить им заранее я не считаю нужным. Просто подъезжаю к очередным дурацким воротам, перегораживающим въезд в поместье богачей, и называю свое имя охраннику. Когда я был здесь в прошлый раз, на воротах дежурил кто-то другой, и охранник смотрит на меня и мою старую колымагу с таким видом, как будто я только что подбросил им на лужайку кучку собачьих экскрементов. Это меня злит. Мало того что богачи смотрят на тебя свысока, так еще и люди, которых они нанимают, — люди, которые ничуть не богаче тебя, — ведут себя ничем не лучше, если не хуже, хотя у них-то оснований для снобизма нет ровным счетом никаких. Это меня тоже злит. Меня злит просто все. В том числе дурацкие ворота, перед которыми я торчу, пока охранник звонит хозяевам. Хочется дать по газам и снести их к чертовой матери.

— Марти?

— Что?

— Не возражаешь, если я попрошу тебя подо-

ждать меня здесь?

— Серьезно?

Я молча смотрю на него. Охранник наконец-то открывает дурацкие ворота, и Марти со вздохом выходит из машины. Я еду к дому, но чем ближе я подъезжаю, тем медленнее ползу.

Их дочь мертва.

Возможно, по моей вине.

Скорее всего, по моей вине. Как на это ни посмотри. Если та пуля предназначалась мне, все очевидно. Но даже если и нет, даже если ее настигло собственное прошлое, это я разворошил его своим расследованием, так что все равно виноват я.

Возможно, этим и объясняется моя злость. Только я выбрал не тот объект. Я злюсь не на ворота. Я злюсь на самого себя. Когда впереди показывается дом, я вспоминаю, как блуждал в этом лесу в поисках Анны Мэриголд, призрака из моего давнего прошлого. С того самого первого дня в голове у меня крутилось такое количество версий, я так много раз пытался выяснить правду, что пришел к выводу: единственное, что можно утверждать с уверенностью, это что доверять нельзя никому и ничему. Я не склонен к паранойе, и мои теперешние чувства едва ли можно так назвать, но

это, пожалуй, что-то сродни — ощущение, что действительность, кажется, замышляет что-то против очевидности.

Арчи с Талией уже ждут на пороге, стоя бок о бок. Когда я выхожу из машины, Арчи становится перед женой, словно загораживая ее своим телом, и произносит:

— Я же сказал вам больше не лезть в это дело.

— Помню, — говорю я и, приблизившись к ним, киваю на Талию. — А она сказала, чтобы я продолжал.

Арчи в изумлении оборачивается к жене:

— Талия?

— Кто-то забрал ее у нас, — говорит она.

— Полиция ведет расследование…

— Я не про сейчас. Я про тогда. Это изменило ход ее жизни. Неужели ты не понимаешь? Если бы ее не похитили, вся ее жизнь была бы совершенно другой. Она никогда не познакомилась бы с Кирсом. Не пошла бы с ним в парк. Она была бы жива.

— Талия…

— Я не хочу отступать, — умоляющим тоном произносит она. — Я хочу знать, что произошло с нашей дочерью в ту ночь, когда она ушла с вечеринки. А ты, Арчи? Разве ты не хочешь? Разве

нам не нужно это знать? Нам обоим?

Арчи открывает рот, но некоторое время ничего не может сказать.

— Я думал, мы оставили все в прошлом, — выговаривает он наконец. — В тот день, когда она вернулась домой.

Талия качает головой:

— Это ты оставил все в прошлом.

— А ты?

— Я пыталась не думать об этом. Затолкать все в дальний угол памяти. Но теперь наша дочь мертва. И я хочу получить ответы. — Талия Белмонд не дожидается реакции мужа. — Вы узнали что-нибудь новое? — спрашивает она меня.

— Мне нужно поговорить с вами, — говорю я ей. — С глазу на глаз.

— Нет, — говорит она.

— Миссис Белмонд…

— Талия, — поправляет она меня. — Все, что вы считаете нужным, вы можете мне сказать в присутствии Арчи.

— Я только что от Джудит Беркетт, — говорю я. — Думаю, нам лучше поговорить наедине.

Но, произнося эти слова, я уже вижу, что в этом нет никакой необходимости. Все написано у них на лицах. Они оба знают, что сказала мне

Джудит Беркетт. Они бессознательно (ну или мне так кажется) тянутся взять друг друга за руку. Не могу сказать, кто из них был первым или оба сделали это движение одновременно. Однако же они стоят передо мной плечом к плечу, готовые противостоять мне единым фронтом.

— Наедине не лучше, — говорит Талия.

Они стоят, поддерживая друг друга, как будто на пляже в ожидании гигантской волны, которая неминуемо должна сбить их с ног и унести в море. Я вспоминаю последнюю просьбу Анны защитить их, и мне хочется сказать ей, что я не знаю как.

— Джудит рассказала вам, зачем я летала в Чикаго, — говорит Талия.

И вновь я прибегаю к уже испытанному приему — молчанию. Лишь киваю в ответ.

— Не понимаю, какое это имеет значение. Вы давно женаты?

— Без малого год.

— Вам еще предстоит пережить взлеты и падения. Наша младшенькая должна была вот-вот уехать в колледж. Синдром опустевшего гнезда. Мы не говорили об этом Томасу с Викторией, но мы решили попробовать некоторое время пожить раздельно. И очень быстро поняли, что это

не для нас. Думаю, в конечном итоге брак сделал нас сильнее.

Большой вопрос, сделал ли, думаю я. Не вслух, разумеется.

— Я тогда так ничего и не сделала, — говорит Талия. — Хотя могла. Я сидела в лобби отеля, почти в пять утра, пытаясь собраться с мужеством, чтобы войти к нему в номер. И никак не могла перестать плакать. А потом внезапно появился Арчи. Он не должен был прилетать. Должен был остаться дома. Но не знаю, возможно, он что-то почувствовал. В общем, он уберег меня от огромной ошибки. Его приезд был как чудо, словно нам посулили спасение.

Арчи закрывает глаза, словно пытается защититься от ударов.

— Мы проговорили весь следующий день. И следующий за ним тоже. И поняли, что все еще любим друг друга. Мы спасли наш брак и вернулись домой счастливее, чем чувствовали себя на протяжении многих лет.

И, думаю я про себя, вы расслабились и потеряли бдительность. И опять произносить это вслух нет необходимости. Они сами все знают. Поэтому их так мучает чувство вины. Поэтому они не заметили тревожных звоночков, когда

дочь перестала выходить на связь. «Пообещай мне, что защитишь их», — попросила меня Виктория, поэтому я не стану говорить о том, что их невнимательность, скорее всего, поспособствовала тому, что случилось. Я подозреваю, что они и сами говорили себе все это каждое утро на протяжении одиннадцати долгих, мучительных лет. Вся боль. Весь ужас. Я задаюсь вопросом, каково им было жить с осознанием собственной вины на протяжении одиннадцати лет, и в очередной раз думаю, что понимаю, почему Анна — я замечаю, что в своих мыслях постоянно называю ее то так, то так, — просила меня защитить их.

— Простите, что поднимаю эту тему, — говорю я.

— Это не имеет никакого отношения к тому, что случилось с Викторией, — каким-то чересчур твердым тоном произносит Талия. — Это привело нас в ту точку, где мы находимся сегодня.

Хотелось бы мне знать, о какой точке она толкует. Я верю тому, что сказала мне Виктория. Что они были счастливы. Что они хорошие, порядочные люди. Но не могу не думать об этом и под другим углом тоже. Их брак дал трещину. Они утверждают, что тогда, в Чикаго, им удалось заклеить ее, и, возможно, так оно и было, но

последствия — исчезновение их дочери — неминуемо должны были все изменить. Зиждились ли их обновленные брачные узы на понимании, что они все еще любят друг друга, или их скрепила трагедия?

И имеет ли все это какое-то значение?

Я пытаюсь собрать все в кучку. Новогодняя ночь 31 декабря 1999 года. Талия летит в Чикаго на свидание с каким-то мужчиной. Виктория уходит с собственной вечеринки в Нью-Йорке. Есть ли между этими двумя событиями какая-то связь? Прибавьте к этому Томаса, который отвозит Викторию в паб «Маккейб» и возвращается домой киснуть в одиночестве. Есть еще Арчи, который остается дома, потому что опасается возникновения «проблемы 2000 года», но в конце концов мчится в Чикаго, чтобы помешать потенциальному свиданию своей жены.

Что-то тут не сходится.

— Кто был тот мужчина?

— Это не важно, — отвечает Арчи.

— Это и вправду не важно, — вторит ему Талия. — Я встречалась с ним во время учебы в колледже. Его звали Стивен Риччи. Он потом переехал в Майами. Умер четыре года назад.

Я перевожу взгляд на Арчи.

— Вы в ту ночь собирались оставаться дома, — говорю я. — Потому что беспокоились о возможной «проблеме 2000 года».

— Да.

— И тем не менее в итоге полетели в Чикаго на частном самолете часа в три или четыре утра.

— Раньше, — поспешно говорит Арчи. Слишком поспешно. И меня начинает грызть крошечный червячок сомнения.

— Почему?

— Я же говорил. Я остался дома на случай, если произойдет какой-то сбой, вызванный «проблемой 2000 года». Как только стало понятно, что сбоя не случилось, я решил присоединиться к Талии.

Я молча стою, глядя на них, чтобы мы могли прочувствовать момент. Мы все это понимаем. Что-то не сходится.

— Вы знали, что Талия собирается встретиться с Риччи?

Арчи напряженно сглатывает.

— Нет, — произносит он наконец. — Понятия об этом не имел.

— Вам, наверное, было очень тяжело.

Он опускает голову. Талия подходит ко мне.

— Забудьте все, что я говорила вам раньше, —

произносит она. — Оставьте нас в покое.

— Не хочешь рассказать мне, как все прошло? — спрашивает Марти.

— Еще не время.

Марти переключает передачу.

— Тогда домой?

— Можем по пути кое-куда заехать?

— Куда?

— На кладбище.

— На то, где мы только что были?

— Угу.

Моя просьба явно озадачивает Марти, но он ничего не спрашивает.

Кладбище находится в миле от поместья Белмондов. Марти паркуется, и я прошу его подождать в машине, пообещав, что я ненадолго. Выхожу из машины, дверца гулко хлопает, когда я закрываю ее. Я пробираюсь между могилами, пока не вижу пятачок свежей земли. Мне не представилось возможности сделать это на похоронах. С моей стороны это было бы неуместно, поскольку ее родные не хотели присутствия посторонних. Даже некролога в газетах не было. Все приготовления к похоронам велись в строгой тайне. Убийство, разумеется, попало в новости, но привлекло вовсе не столько внимания, как

вы могли бы себе вообразить. Мир очень легко переключается на новые завлекательные истории. Бесконечный калейдоскоп новостей не останавливается ни на миг. Все сливается и превращается в невнятную, неразличимую кашу. Ничто не удостаивается нашего внимания дольше чем на день, от силы на два, и, если семья Белмонд не подпитывает эту историю — если не происходит ничего нового, — она исчезает из поля зрения публики.

Но я не хочу, чтобы с Викторией тоже так произошло.

Я не имею в виду общественное внимание. Оно меня не волнует, да и сама Виктория, очень подозреваю, предпочла бы безвестность. Я имею в виду себя. Ее смерть оставила в моей душе глубокий отпечаток. И сама она тоже. Может, это и не была настоящая любовь, как с Молли, но вовсе не значит, что наши чувства друг к другу не были глубокими и искренними. Между нами возникла связь. Можете считать, что то, как она поступила со мной в Испании, было непростительно, или что она стала жертвой чудовищных обстоятельств, или вообще что-то иное. Для меня все это не имеет никакого значения. Сейчас я думаю о нашем самом первом танце на дискотеке

в Испании и о том, что двадцать два года спустя я был рядом, когда она испустила последний вздох в Нью-Йорке. И я хочу признать все это. Признать, что она тоже что-то для меня значила. Проститься с ней.

С нами.

Поэтому я сажусь на траву рядом со свежей могилой и кладу руку поверх того места, где покоятся ее останки. Я думаю обо всем, что связано с Анной/Викторией, и внезапно понимаю, что все до единого действующие лица этой истории мне лгут. Я пока не знаю почему. Но в историю о том, что побудило Арчи Белмонда среди ночи примчаться в Чикаго, мне верится не вполне. Я думаю о Белмондах, о каждом из них, о том, как та новогодняя ночь изменила траектории их жизней, и, пожалуй, не только по самой очевидной причине.

У меня начинает наклевываться одна версия. И она очень мне не нравится. Но я не могу о ней не думать. Вспоминается аксиома Шерлока Холмса, та самая, которую я написал на доске на самом первом занятии с моими студентами: «Строить гипотезы, не имея на руках всех данных, — фундаментальная ошибка. Неизбежно начинаешь подгонять факты под гипотезу, а не гипотезу под

факты».

Тут необходимо сделать оговорку. Если не зацикливаться сразу на чем-то одном, нет никакого вреда в том, чтобы проверить все версии, которые приходят в голову. Это дело попало мне в руки не только что. В каком-то смысле я пытаюсь раскрыть его уже двадцать два года. А потому в память о женщине, которая похоронена в этой могиле, женщине, которая страдала, пыталась выкарабкаться и боролась — и построила для себя счастливую жизнь только для того, чтобы какой-то никчемный кусок дерьма всего одной пулей оборвал ее, — я намерен докопаться до правды.

Во всяком случае, именно так я себе говорю.

Потому что Анна не просила меня докапываться до правды, так ведь? Она совершенно недвусмысленно сказала, чего от меня хочет.

— *Сперва ты должен пообещать мне.*

— *Что пообещать?*

— *Что не причинишь им зла. Что защитишь их.*

Так защитит ли их правда? А если нет, если окажется, что правда причинит им зло, выходит, мне придется нарушить обещание, которое я дал ей перед смертью?

— Кирс? — Это Марти. — У тебя все в порядке?

Я киваю.

— Звонил твой врач. И Молли тоже. Я обещал им привезти тебя обратно и до сих пор не привез. Они недовольны.

Когда рука на перевязи, подняться с земли не так-то просто. Марти подходит помочь, но я отмахиваюсь от него и, кривясь от боли, встаю сам. Потом одной рукой отряхиваю с брюк грязь.

К тому времени, когда мы подъезжаем к больнице, рука успевает разболеться уже не на шутку, но принимать еще одну таблетку болеутоляющего я не хочу. Молли ждет в палате. Она осторожно меня обнимает, принюхивается и говорит:

— Тебе нужно принять душ.

— Это же больница, — говорю я. — Может, лучше оботрешь меня влажной губкой?

— Я рада, что тебе лучше. Но нет. Марш в душ и в постель!

Молли помогает мне с душем. За это время успевает стемнеть. Я отправляю ее домой. Они с Генри на время переехали к ее сестре, потому что я не хочу, чтобы они были дома без меня, пока я не буду уверен в том, что это безопасно. Я засыпаю. Неглубоко. Я называю такой сон больничным — поверхностная дрема, балансирование на зыбкой

грани между сном и явью. Не знаю, из-за чего так — из-за писка приборов, приглушенных голосов персонала или из-за самого факта того, что ты находишься в месте, которое за все время своего существования успело повидать такое количество страха и боли. Врач говорит, что меня, возможно, выпишут уже послезавтра, и я, как и всякое разумное существо, прихожу в экстаз.

Прямо перед тем, как я засыпаю, приходит сообщение. От Джудит Беркетт.

> Каролина встретится с вами завтра в полдень. Не вздумайте опоздать.

«Не вздумайте опоздать». Я ей что, нерадивый школьник?

И тут же приходит следующее:

> Пожалуйста, не расстраивайте ее.

Я отвечаю на оба сообщения смайликами в виде поднятого вверх большого пальца, потому что не хочу ничего писать. Потом кулаком взбиваю подушку и пытаюсь устроиться поудобнее. Это не работает, но, к счастью, в конце концов действуют таблетки.

Рано утром меня будит чей-то шепот.

— Кирс?

Я не шевелюсь и даже не пытаюсь разлепить глаза. Я узнаю голос. Это Полли.

— Гэри стоит на стреме, — сообщает мне Полли все тем же негромким шепотом. — Посещения начнутся только через три часа, но мы нарыли кое-что такое, что вы должны увидеть.

Я пытаюсь проморгаться. Голова до сих пор ватная из-за таблеток.

— Полли?

— Вы были правы относительно Патлатого, — говорит она.

— Что? — Я с горем пополам усаживаюсь в постели. — Что вы накопали?

— Мы поступили так, как вы предложили, — прошерстили всех заключенных, которые за последние восемнадцать лет отбывали сроки в исправительной тюрьме Синг-Синг. Пришлось отсортировать их в обратном хронологическом порядке, поэтому у нас ушло столько времени. Объем работы просто огромный. Ваш Патлатый тогда был безбородым. И волосы у него были коротко подстрижены.

— Но вы его нашли?

— Да. Нашли. Его зовут Брайан Пауэлл. И угадайте, кто целых шесть месяцев был его сока-

мерником?

Я понимаю и все равно не могу поверить.

— Тед Грейсон?

Полли кивает.

— Вы знаете, где живет этот Пауэлл?

— В Ньюарке. У нас есть адрес.

Я спускаю ноги с кровати:

— Помоги мне одеться.

Глава 29

Гэри ведет мой старенький «форд-таурус». Полли сидит на переднем сиденье рядом с ним. Я лежу на заднем. Каждая колдобина отдается в теле ударом кинжала. Я закрываю глаза и терплю. Пока мы едем, Полли рассказывает подробности. Я отправляю Марти и Молли сообщения, что со мной все в полном порядке и я скоро вернусь. Куда мы едем, я не пишу. Оба мной недовольны, и недовольство не становится меньше, когда я сообщаю, что со мной мои студенты.

— Его имя Брайан Пауэлл, — говорит Полли голосом, который, судя по всему, почерпнула из сериала «Закон и порядок». — Ему пятьдесят четыре. Мотает срока с перерывами с восемнадцати.

— «Мотает срока?» — хмурится Гэри.

— Что не так?

— Полли, ты только что произнесла «мотает срока»?

— Я использую общепринятую лексику.

— Чего? У кого она общепринятая? У рецидивистов?

— Что, — говорит она.

— Что?

— Не «чего», а «что».

— Ребята, — одергиваю их я. — Когда Пауэлл был в тюрьме Синг-Синг с Тедом Грейсоном?

— Девять лет назад, — говорит Полли.

— А сколько Пауэлл уже на свободе?

— Столько же.

— Девять лет?

— Да.

— Давно. — Я некоторое время думаю. — Задержания с тех пор были?

— Даже ни одного штрафа за неправильную парковку, — отвечает Молли цитатой из очередного старого детектива. — В две тысячи двадцать первом у него закончился срок УДО. Последние шесть лет работает на складе в Блумфилде.

Через туннель Линкольна мы выезжаем на шоссе 21 и пересекаем Малберри-стрит. Когда сворачиваем на Гобл-стрит, я вижу Дебби с Реймондом. На Реймонде белые хлопковые трусы поверх джинсов, на голове — шапочка для душа.

— Э-э… а они что здесь делают? — спрашиваю я с заднего сиденья.

— Приглядывают за домом Пауэлла.

— Это Реймонд-то?

— Он отлично вписывается в здешний пейзаж, — говорит Полли.

— Выглядит настолько дико, что это даже органично, если вы понимаете, о чем я, — добавляет Гэри.

— Они наблюдают за домом с шести, — говорит Полли.

— С шести утра?

— Угу. — Гэри сворачивает к обочине. — Если бы Пауэлл ушел, они последовали бы за ним. Реймонд у нас жаворонок, вы знали?

Заезжаем на площадку перед домом. Мы находимся в южной части района Айронбаунд-дистрикт, приблизительно в миле от Пруденшиал-Центра, где играют джерсийские «Дьяволы».

— Квартира «С», — говорит Полли. — Первая дверь справа.

Дом представляет собой прямоугольную постройку, рассчитанную на две семьи. Фасад обшит бежевым алюминиевым сайдингом, который не притворяется ничем, кроме бежевого алюминиевого сайдинга. Никаких тебе архитектурных и дизайнерских излишеств, голый функционал. Кажется, в поисках вдохновения строители смотались на машине времени в какую-нибудь из стран Восточного блока эпохи 1980-х.

Дебби с Реймондом подходят ко мне.

— Что-нибудь заслуживающее внимания видели? — спрашиваю я.

— На той стороне улицы бомбическая красотка живет, — сообщает мне Реймонд. — У нее такой зад, что хочется открыть проктологическую практику на одного.

— Фу, — говорит Дебби. — И вовсе она никакая не бомбическая красотка.

— Красотка, красотка, — настаивает Реймонд. Он достает телефон. — Вот, я сделал несколько фоточек. И даже видео снял. Смотри, Кирс.

Дебби качает головой:

— Ну так себе, на шесть из десяти.

Реймонд оскорблен в лучших чувствах.

— Шесть?!

— Максимум семь.

— Эй, я бы попросил не оскорблять мою будущую бывшую жену. — Потом, обращаясь ко мне: — Бомбическая Красотка прошла мимо час назад, а сердце у меня до сих пор колотится. — Реймонд расстегивает две верхние пуговицы на рубашке. — Вот, можешь сам послушать.

Он выпячивает грудь в мою сторону. Я мысленно благодарю его за то, что это не какое-нибудь место пониже.

— Спасибо, Реймонд, не хочется.

— Кирс? — говорит он, снова застегиваясь.

— Что?

Реймонд заговорщицки наклоняется ко мне поближе:

— Можешь одолжить мне баблишка? Ну, знаешь, на кольцо.

— На кольцо?

— Когда Бомбическая Красотка пойдет назад, я хочу сделать ей предложение. В жизни своей такой роскошной задницы не видел.

Я вздыхаю и говорю всем оставаться на другой стороне улицы, но, когда направляюсь через дорогу к дому Пауэлла, Гэри увязывается за мной. На нем неизменная рубашка поло, такая облегающая, что кажется, будто он решил тайком пронести под ней шар для боулинга. На груди логотип в виде оранжевой ступни с крылышками такого яркого цвета, что Гэри вполне мог бы подрабатывать парковочным конусом.

— Вам нужно подкрепление, — поясняет Гэри.

— Вы все слишком много смотрите телевизор, — качаю головой я.

Мы подходим к двери. Я стучу. Никто не открывает. Снова стучу. С таким же результатом.

Полли, которая с Реймондом и Дебби осталась

стоять сзади, читает сообщение на телефоне.

— Пауэлл всю неделю не появлялся на работе.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю я.

— Мы отправили двух из трех Красоток к нему на склад.

— Кого именно?

— Я их не различаю, — говорит Полли. — Они пофлиртовали с работниками, когда те вышли на перекур.

Гэри смотрит на меня:

— Может, стоит выбить дверь?

— Нет, не стоит выбивать дверь.

Из-за поворота показывается знакомая машина и едет по улице в нашем направлении. Это Марти. И почему это меня не удивляет? Он останавливается перед домом Пауэлла, выходит из машины и хлопает дверцей, чтобы продемонстрировать свое отношение к происходящему.

— Кирс, — громким шепотом кричит мне Реймонд через улицу, указывая на Марти. — Бомбическая Красотка вернулась.

Дебби закатывает глаза:

— Это мужчина, балда.

Марти решительным шагом направляется к крыльцу, на котором стою я.

— Ты что творишь, Кирс?

— Как ты меня нашел?

— Молли видит твое местоположение на локаторе в айфоне.

— А, — говорю я. — Ну да, точно.

Марти не скрывает раздражения:

— Что происходит? Ты должен быть в больнице.

— Тот тип, который преследовал Молли, с длинными патлами, про которого ты сказал, что мы не сможем установить его личность.

Марти вздыхает:

— Я никогда не говорил, что мы не сможем…

— Он здесь живет. Они, — я делаю жест в сторону Гэри, Полли, Дебби и — да, Реймонда, — нашли его.

— Не благодари, котик, — кричит Реймонд.

Я смотрю в его сторону и строго грожу пальцем. Реймонд вскидывает руки над головой в комическом раскаянии.

— Его зовут Брайан Пауэлл, — говорю я Марти. — И он был сокамерником Теда Грейсона в тюрьме Синг-Синг.

Глаза Марти расширяются.

— Погоди, ты серьезно?

Гэри выходит вперед:

— Никто не открывает, и Пауэлл уже несколько

дней не показывался на работе.

Марти смотрит на меня. Я поворачиваюсь и снова стучу в дверь, словно в подтверждение слов Гэри. Потом дергаю за ручку. Дверь заперта. Марти подходит поближе и тоже стучит. Как будто его стук официальный и должен сработать лучше.

— Мистер Пауэлл, — кричит Марти. — Это полиция. Пожалуйста, откройте дверь.

Мы ждем. Я прикладываю к двери ухо. Ничего.

— Здесь не моя юрисдикция, — говорит Марти. — Погодите, я сейчас позвоню в ньюаркское отделение и попрошу прислать кого-нибудь на подмогу.

— У нас нет на это времени, — говорит Гольфист Гэри. Потом щелкает пальцами, как будто в голову ему пришла блестящая идея. — И потом, мне кажется, за дверью слышны какие-то крики.

Вид у Марти становится озадаченный.

— Что?

— Ну вот, опять, — говорит Гэри. Он, разумеется, все выдумывает. Никаких криков не слышно. Не слышно вообще ничего. — Ситуация экстренная. Ломайте дверь. Неужели вы не имеете права это сделать, когда слышите такие душераздирающие крики?

Марти вскидывает руки:

— Давайте просто подожде…

— Я не могу, — говорит Гэри. — Кто-то в опасности.

И, ни слова не говоря, отклоняется назад с ловкостью, какой я в нем совершенно не подозревал, и бьет пяткой в дверь. Во все стороны летят щепки, и дверь, поддавшись, с грохотом распахивается. Реймонд с улюлюканьем аплодирует. Дебби тоже хлопает в ладоши. Гэри раскланивается.

Мы с Марти некоторое время стоим столбом, слишком ошарашенные, чтобы двигаться, потом Марти рычит:

— Всем оставаться здесь! — Он в упор смотрит на меня. — Включая и тебя.

— Да сейчас, — говорю я ему.

У Марти хватает ума не настаивать на своем.

— Ладно, но все остальные за порог ни шагу.

— Погоди, — говорит Реймонд, подталкивая Дебби локтем. — Это не Бомбическая Красотка. Это мужчина.

Марти заходит в дом. Я иду следом. Свет выключен. Все шторы задернуты. Мы медленно продвигаемся вперед. У Марти на бедре пистолет. Он не достает его из кобуры, но на всякий случай

держит ладонь на рукояти. В квартире жарко. Воздух густой, спертый, неподвижный. Такое впечатление, как будто мы пробираемся сквозь занавесь из бусин.

Мы бочком заходим в кухню, но могу сказать, что и я, и он уже знаем, что здесь найдем. Чувствуем. Тут нет никакой паранормальщины, и я уверен, что этому явлению существует вполне научное объяснение. Но мы оба просто знаем. И дело не столько в запахе, хотя тут он уже ощущается, сколько в текстуре воздуха, в какой-то неестественной тишине. Ты всегда знаешь, что сейчас найдешь, и лишь подтверждаешь эту уверенность глазами, словно какая-то призрачная фигура неслышно похлопывает тебя по плечу и делает знак следовать за ней.

Брайан Пауэлл сидит за кухонным столом, уронив голову на столешницу, и его длинные волосы слипшимся комом мокнут в луже крови.

Марти звонит в полицию, а мне велит подождать снаружи. Я подчиняюсь. Мои студенты притихли. Выйдя на крыльцо, я звоню Артуру и сообщаю ему новости. Он инструктирует меня не говорить ни слова ни полицейским, ни кому бы то ни было еще, пока он не приедет. Я и не собираюсь. Перехожу улицу и убеждаю моих студентов

уехать, пока не появилась полиция. В этом нет ничего противозаконного. У меня есть их имена и контактная информация, и я могу предоставить их полиции, если в том будет необходимость. Они исчезают, хотя Реймонд клянется вернуться, чтобы подкатить к Бомбической Красотке.

Гольфист Гэри соглашается остаться со мной, потому что нужно будет, чтобы кто-то подвез меня до восстановительного центра «Солемани» на встречу с Каролиной Беркетт, той самой, которая вместе с Викторией Белмонд была организатором шей злополучной новогодней вечеринки.

Когда Марти наконец выходит, вид у него слегка взволнованный. Он хороший полицейский и еще более хороший человек и сцены насилия переносит не очень. Эмпатия ему тут не на руку. До сих пор помню, как Марти посмотрел на меня после того, как из-за моего головотяпства Пи-Джей упал с крыши. Думаю, его разочарованное лицо задело меня куда больше последовавшего за этим внутреннего расследования.

Когда приезжает Артур, он первым же делом говорит Марти:

— Не разговаривайте с моим клиентом. Он не будет отвечать ни на какие вопросы.

— Все в порядке, — заверяю я Артура. — Мар-

ти?

— Пуля в затылок, — отзывается тот.

В точности как с Николь. Я делаю несколько глубоких вдохов.

— Я нашел пистолет. Видимо, это и есть орудие убийства. Баллистическая экспертиза покажет, соответствует ли он пуле, которую извлекли из тебя. Мы также будем координировать расследование этого убийства с ньюаркской полицией. И уже работаем над самой очевидной версией.

— Это над какой? — спрашиваю я только потому, что хочу, чтобы он произнес это вслух.

— Что за всем этим стоит Тед Грейсон. Что он ранил тебя и убил Викторию Белмонд и своего бывшего сокамерника Брайана Пауэлла.

Я смотрю на часы:

— Мне нужно ехать.

— Обратно в больницу?

Я качаю головой:

— Еще нет.

— Кирс.

— У меня назначена встреча с Каролиной Беркетт. Она была на вечеринке в ту ночь, когда похитили Викторию Белмонд.

— Уверен, что ФБР допросило ее еще тогда.

— Она же Беркетт, Марти. Думаешь, Джудит

позволила бы ей сказать что-нибудь инкриминирующее? — Я кладу руку ему на плечо. — Пожалуйста, дай мне это сделать. О моей маленькой телесной ране сможем побеспокоиться потом.

Марти смотрит на Артура. Оба высокого роста, и, когда я стою между ними, мы втроем выглядим как диаграмма, иллюстрирующая спад в экономике.

— Я знаю, что вы намерены занять жесткую позицию, — поверх моей головы говорит Артуру Марти, — но Кирсу придется дать показания.

— Понимаю, — говорит Артур. — Он даст их позже. В присутствии адвоката. Сейчас Кирсу необходимо быть в другом месте.

Марти издает протяжный вздох. По-прежнему глядя на Артура поверх моей головы, он говорит:

— Все это как-то слишком уж одно к одному, вам не кажется?

— Что именно? — уточняет Артур.

— Что Тед Грейсон нанял бывшего сокамерника.

— Я не очень вас понимаю, — говорит Артур.

Марти пожимает плечами:

— Просто как-то совсем глупо, вы так не считаете? Если за всем стоит Тед Грейсон, неужели у него хватило бы глупости нанять человека, через

которого мы бы в два счета вышли на него?

Артур согласно кивает.

— Не просто кого-то, кто сидел с ним в одной тюрьме, — добавляет он. — А своего сокамерника.

— Вот именно, — говорит Марти. — Слишком уж гладко все получается.

Теперь оба смотрят на меня. Я ничего не говорю.

— Теда Грейсона представляет одна из моих самых уважаемых коллег. Она приложила массу усилий к тому, чтобы приговор был аннулирован. Она не стала бы этого делать, если бы не была совершенно уверена в его невиновности.

Оба снова выжидающе смотрят на меня.

— Мне нужно ехать, — говорю я и забираюсь на пассажирское сиденье машины Гэри.

Глава 30

Минут через десять Гэри говорит:

— Вам нужно знать кое-что еще. Пришло, пока мы ждали полицию.

— Что там?

— Откройте мой айпад.

Я достаю его из выемки в панели между нами и разблокирую. Когда экран оживает, я узнаю старый черно-белый стоп-кадр из записи с уличной камеры видеонаблюдения, на котором Виктория Белмонд выходит из паба «Маккейб» в 23:17 31 декабря 1999 года, в ночь своего исчезновения.

— Всплыло что-то новое? — спрашиваю я.

— Мы решили присмотреться к этой старой видеозаписи повнимательнее.

— Ясно.

— Я знаю, что ФБР и другие следователи уже изучили ее вдоль и поперек еще в двухтысячном году, но с тех пор мир немного изменился. В общем, вы видите на тротуаре Викторию, так?

— Так.

— Если вы запустите видео, то увидите следующие восемь секунд после того, как проходит

Виктория Белмонд. Это все, что у нас есть, но больше ничего и не нужно. Там на улице и другие люди, разумеется. Мы, кажется, насчитали четырнадцать. Не то чтобы это было удивительно. Типичная нью-йоркская улица в новогоднюю ночь. Но через восемь секунд после Виктории вы увидите еще одну девушку, которая быстро идет в том же направлении. Как будто пытается ее догнать. Она появится слева, третья по счету девушка после Виктории Белмонд. Видео на ней обрывается. Давайте. Включайте.

Я указательным пальцем нажимаю на маленький треугольничек посреди экрана.

И вновь я смотрю на размытые черно-белые кадры, снятые сверху, и на Викторию, которую видно по большей части со спины. Я уже видел эту запись раньше, разумеется, но на сей раз что-то в ней не дает мне покоя. Не могу понять, что именно, решаю не думать пока об этом — сейчас не до того — и вижу, как мимо проходит другая девушка, очень быстро, как будто, как и предположил Гэри, пытается догнать Викторию.

Видео застывает.

Я прищуриваюсь. Потом пытаюсь пальцами увеличить изображение, но от этого оно становится лишь еще более размытым. У девушки

светлые волосы, собранные в хвост, но, как и с Викторией Белмонд, лица ее толком не видно.

— Ну так вот, — продолжает Гэри, — как я уже сказал, на этом видео присутствует четырнадцать человек. Розовые Пантеры попробовали новый способ их идентифицировать.

— Что за способ? — спрашиваю я.

— Они взяли школьный фотоальбом и отсканировали фотографии всех одноклассниц Виктории при помощи какой-то новой поисковой программы с встроенным искусственным интеллектом. Она пока что совсем сырая и не очень точная, но может сказать, например, кто из девушек более-менее подходит под описание внешности и прически.

— И, судя по всему, нашли совпадение?

— Всего одно, — отвечает Гэри, не отводя глаз от дороги. — Всего одну девушку.

— И кто же она?

— Судя по тому, что выдала программа, с вероятностью в девяносто восемь целых семь десятых процента это Каролина Беркетт.

Я откидываюсь на спинку сиденья.

— Не хотите поговорить? — спрашивает Гэри.

— Не сейчас.

Я закрываю глаза и пытаюсь понять, как это

все взаимосвязано. Виктория Белмонд уходит с вечеринки, которую сама же и организовала. Каролина Беркетт, помогавшая ей с организацией, уходит следом за ней.

Почему?

Наверное, придется спросить об этом у нее самой.

Мы съезжаем с автомагистрали и принимаемся петлять по бесконечным развязкам, после чего едем по длинной, узкой, обсаженной деревьями улице до тех пор, пока не оказываемся в тупике. Никаких построек у дороги не видно. Никаких опознавательных знаков и указателей тоже нет. Ничего. Если не знаешь, где находится восстановительный центр «Солемани», то ни за что его не найдешь. С подобного рода заведениями всегда так. Мы едем по узкой неасфальтированной дорожке до тех пор, пока не утыкаемся — угадали! — в ворота со сторожевой будкой и охранником. Охранник подходит к машине:

— Чем могу помочь?

Я опускаю окошко и веду переговоры:

— У меня назначена встреча с Каролиной Беркетт.

— Ваше имя?

— Сами Кирс.

Охранник вразвалочку возвращается в свою будку и берет телефон, не сводя с меня тяжелого взгляда, словно опасается, как бы я не стибрил у него серебряные ложечки. Несколько секунд спустя он кладет трубку и снова выходит к нам.

— Поезжайте вперед до гостевой парковки. Она будет с правой стороны. Вас там встретят.

Я козыряю ему.

Он наклоняется к машине:

— Сэр?

Теперь он обращается к Гэри.

— Да?

— Пожалуйста, ни в коем случае не выходите из машины.

— Понял.

Въезд перекрыт шлагбаумом. Охранник нажимает на кнопку, и шлагбаум поднимается. Мы медленно едем по дорожке.

— Кажется, мне надо отлить, — говорит Гэри.

— А как бы ты поступил, если бы понадобилось отлить прямо во время прохождения дистанции в гольфе?

— Отошел бы за дерево.

— Серьезно?

— Ну да. Все мужчины так делают. Это практически обряд инициации.

Я качаю головой:

— Странные люди вы, гольфисты.

Впереди показываются здания из серого кирпича. Старинные здания. С прекрасной архитектурой. Все здесь пропитано ощущением покоя, безопасности, близости к природе. Если вы богаты и страдаете какой-либо зависимостью, «Солемани» производит впечатление приятного местечка, чтобы от нее избавиться.

Молодая женщина на гольф-каре уже ждет нас на гостевой парковке. На шее у нее шелковая косынка персикового цвета, как у стюардессы.

— Могу я взглянуть на ваши документы?

Я протягиваю права. Она достает мобильный телефон, фотографирует их и возвращает мне. Потом приглашает меня перебраться в гольф-кар.

— Каролина ждет вас в Брокльхерст-холле. Я вас туда отвезу.

По пути вверх по склону холма мы проезжаем мимо фонтана со статуей, которая кажется мне похожей на Святую Деву. Я вопросительно смотрю на свою провожатую, и та улыбается.

— До тысяча девятьсот семьдесят восьмого года здесь располагался женский католический монастырь. Тут, насколько я понимаю, жило множество монахинь.

Надо полагать, думаю я. Если здесь был женский монастырь, в нем должны были жить монахини.

— Все монахини, жившие здесь, давали обет бедности.

— Очень даже приятное местечко для того, чтобы дать обет бедности, — замечаю я.

Женщина весело смеется и сворачивает к еще одному серому зданию.

— Вот мы и приехали. Вход вон в ту дверь.

Очередной охранник впускает меня внутрь. Меня просят пройти через металлодетектор — подозреваю, скорее для проформы, чем для чего-либо еще. Почему именно теперь? Почему не на въезде на территорию? С другой стороны рамки детектора меня встречает женщина и с улыбкой пожимает мне руку.

— Добрый день, меня зовут Кейт Бойд. Я координатор в «Солемани». Каролина ждет на террасе. Я вас провожу.

Стук каблуков Кейт Бойд громким эхом отдается в пустом коридоре. Интересно. Атмосфера в этих безмолвных каменных стенах в самом деле напоминает монастырскую, тем не менее эта дама предпочитает носить туфли на высоком каблуке, стук которых неминуемо будет звучать

в гулком коридоре пистолетными выстрелами. Зачем? Почему не выбрать обувь на мягкой подошве?

Когда я вхожу, Каролина Беркетт стоит. Она говорит с каким-то мужчиной, в котором я узнаю Кристофера Суэйна. Мы с мистером Суэйном никогда не встречались прежде, но я знаю, что он один из подручных Беркеттов в их грязных делишках. Печально видеть, что годы спустя Суэйн все еще тут. При виде меня Суэйн берет руки Каролины в свои, смотрит на нее и кивает. Та кивает в ответ. Затем Суэйн разворачивается, несколько долгих секунд молча сверлит меня взглядом и, ни слова не говоря, выходит.

Я помню Каролину худенькой и хрупкой серой мышкой, то и дело моргающей, будто в ожидании, что ее ударят. К изумлению моему, сегодня она выглядит совершенно не так. Передо мной совсем другая Каролина Беркетт. У нее прямая осанка и твердый взгляд. Интересно, это пребывание здесь оказало на нее столь благотворный эффект или я просто впервые вижу ее не в присутствии матери?

— Я оставлю вас наедине, — говорит Кейт Бойд, — если вы не против, Каролина.

— Не против, — отвечает та.

— Я буду рядом, на всякий случай. Просто позовите, если понадобится.

— Спасибо, Кейт, — говорит Каролина.

Мы оба стоим молча, прислушиваясь к удаляющемуся стуку каблуков. На Каролине черный свитер с высоким горлом. Никаких украшений. Почти никакой косметики. Повторюсь, это совсем другая женщина, не та, которую я видел в Фарнвуде.

— Вы здесь по поводу Виктории, — говорит Каролина.

— Да.

— Я только сегодня узнала, что ее убили. Нам здесь не разрешают смотреть новости. Никаких телефонов, никакого интернета, никаких соцсетей.

— Звучит неплохо, — говорю я и пытаюсь улыбнуться.

Каролина улыбается в ответ:

— Тут и в самом деле неплохо, да.

Терраса выглядит как недавняя пристройка, которую пытались вписать в существующую архитектуру, но получилось не очень. Крыша сводчатая. Растения кажутся слишком уж зелеными — у меня закрадывается подозрение, что они искусственные. В центре два кожаных крес-

ла. Каролина предлагает мне сесть. Я опускаюсь в одно из них. Каролина садится во второе.

— Что вы хотите знать, мистер Кирс?

Я всегда ношу с собой блокнот. И иногда даже им пользуюсь, не потому, что боюсь что-то забыть — я всегда помню важные вещи, — а ради психологического эффекта. Одних вид блокнота расслабляет. Других заставляет насторожиться. Сейчас я не достаю блокнот с ручкой из кармана, а сразу приступаю к делу.

— Когда вы в последний раз видели Викторию? — спрашиваю я.

Каролина без запинки отвечает:

— Тридцать первого декабря тысяча девятьсот девяносто девятого года.

— В день, когда она пропала?

— Пропала, — повторяет Каролина и склоняет голову набок. — Я думала, Викторию похитили.

— Вероятно, так оно и было, — говорю я.

— Вероятно?

— У нее в памяти было множество провалов, — говорю я, хотя мне и не очень нравится то обстоятельство, что внезапно на вопросы отвечать приходится мне. — Вы ведь с ней были близкими подругами, верно?

— Да. В старших классах.

— Насколько мне известно, — продолжаю я, — это вы с ней организовали ту новогоднюю вечеринку в пабе «Маккейб».

— Это правда.

— Чья была идея?

Каролина трет подбородок:

— А знаете что? Я точно не помню. Кажется, мы с ней просто говорили о том, что бы такое устроить в ту ночь. Не просто же Новый год. Новое тысячелетие и все такое. Мы обе решили, что нужно устроить вечеринку — или у них дома, или у нас в Фарнвуде. Беркетты устраивали множество мероприятий, как вы можете себе представить. Но у моих родителей было запланировано какое-то свое сборище, а мы с Викторией хотели что-то свое, отдельное. Хотели почувствовать себя взрослыми, понимаете?

— Вы сказали, что после той ночи никогда больше Викторию не видели.

— Совершенно верно.

— Значит, когда одиннадцать лет спустя Виктория вернулась…

— Нет, мы с ней не встречались.

— Почему? То есть вы же с ней были близкими подругами. Вы наверняка обрадовались, ну или хотя бы испытали облегчение, когда узнали о

том, что ее нашли?

— Я обрадовалась. Очень. И пыталась с ней встретиться. Мне кажется, и остальные девушки пытались. Сначала нам говорили, что Виктории нужно время, чтобы прийти в себя. У нее была обширная программа реабилитации. В какой-то момент ее родные дали нам понять, что попытки вспомнить прошлое могут причинить Виктории вред. И через некоторое время мы все, наверное, просто перестали пытаться.

— И вы ни разу не столкнулись с ней где-нибудь случайно?

— Ни разу. Одно время ходили слухи, что Виктория живет в Коста-Рике. У Белмондов там поместье. Но я не знаю, правда это или нет. Я никогда не видела ее в городе или в каких-нибудь ресторанах, если вы это имеете в виду.

Я киваю.

— Можете рассказать мне о той ночи, когда Виктория пропала?

Каролина мрачнеет.

— Я очень тяжело это пережила.

— Разумеется, — говорю я, вкладывая в свой тон максимум сочувствия вкупе с трагическим лицом. — Вы ведь были близкими подругами. Вместе организовали вечеринку. А потом она —

пф-ф! — и исчезает. Это наверняка стало для вас огромной травмой.

— Стало.

— Вы помните, при каких обстоятельствах видели ее в ту ночь в последний раз? — Каролина мгновенно напрягается, и я тут же даю заднюю. — Или, может быть, давайте лучше начнем с начала. Как вы с Викторией добирались до паба «Маккейб»?

— Томас. Ее брат.

— Томас вас подвез?

— Да. — Она морщится. — Он был пьян. Мы пытались заставить его остановиться, чтобы кто-то из нас мог пересесть за руль.

— Но Томас вас не послушал?

— Томас нас не послушал, — эхом отзывается Каролина. — Кажется, в то время было какое-то правило насчет того, что нужно быть старше девятнадцати, чтобы водить на Манхэттене. Томас, возможно, сослался на это — что мы недостаточно взрослые, так что, если бы мы даже захотели вести машину сами, это было бы противозаконно. — Она улыбается. — Виктория, кажется, парировала, сказав что-то вроде: «Ну, садиться за руль в пьяном виде тоже противозаконно».

— Туше́, — говорю я, подхватывая шутку. — А

больше ничего вы об этой поездке не помните?

Каролина задумывается.

— Нет, почти ничего. Вик позвала его к нам на вечеринку. Я это помню. Я была в ужасе.

— Вы не хотели, чтобы ее брат приходил?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он был слишком взрослый, противный и пьяный.

— Ясно, — говорю я. — Значит, он высадил вас у паба «Маккейб». Вы с Викторией приехали туда первыми. И видимо, стали готовиться к вечеринке?

— Да. Ничего такого особенного. Развесили шарики. У нас были заказаны стаканы с цифрами «2000». Колпаки, флажки, свистульки, все такое.

— А потом начинают прибывать ваши гости.

— Да.

— И вечеринка идет полным ходом.

— Да.

— Были какие-нибудь странности, которые вам запомнились?

Каролина начинает юлить:

— Да ничего такого особенного.

— А не особенного?

— Что? А. Нет. Ничего.

— А что вообще вам запомнилось?

— Не знаю. Вечеринка как вечеринка.

Время перейти к делу.

— Когда вы заметили, что Виктория ушла?

— Я вообще не уверена, что заметила это.

Руки Каролины лежат на коленях. Она пристально их рассматривает.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю я.

— Ну, я помню, что мы включили телевизор и стали смотреть отсчет до полуночи. Потом посмотрели, как на Таймс-сквер опускают хрустальный шар. Играла «1999» Принса. И наверное, я стала оглядываться по сторонам в поисках Виктории. Чтобы отпраздновать этот момент с ней. Но нигде ее не увидела.

— Вас это удивило?

Каролина пожимает плечами:

— Я к тому времени была уже немножко в подпитии. Мне это не показалось чем-то суперважным.

— А остаток ночи? Тогда вы уже заметили, что ее нет?

— Не помню. Я ушла с большой компанией друзей. Таких компаний было еще несколько. Наверное, я решила, что она присоединилась к какой-нибудь из них.

Я киваю. Потом смотрю ей в глаза. Каролина отводит взгляд.

— Я пытаюсь понять, каким должен быть мой следующий ход, Каролина.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, я знаю, что вы мне лжете.

— Что?..

— Поэтому, — продолжаю я, — задаюсь вопросом почему. Вы что-то сделали Виктории в ту ночь? Что вы пытаетесь скрыть?

— Я не лгу…

— У нас есть запись с уличной камеры видеонаблюдения, на которой видно, как вы выбегаете из бара на улицу следом за Викторией в 23:17.

Ее лицо белеет.

— Мне известно также, что полиция пыталась вас опросить, но тогда ваша семья этому воспротивилась. Я не знаю почему. Меня этот вопрос даже не особенно занимает. Но прошло двадцать пять лет, Каролина. Виктория была вашей подругой. Ее больше нет в живых. — И тут я принимаюсь льстить напропалую. А почему нет? Я наклоняюсь ближе и разве что не беру ее за руку. — Это ведь и в ваших интересах тоже, — говорю я, понизив голос. — До той ночи все у вас в жизни складывалось превосходно. Успех.

Счастье. Вы были умны. Люди вас любили. Вы любили людей.

Все это чушь собачья, но я не сомневаюсь, что Каролина купится на такой нарратив. Мы всегда покупаемся на нарративы, которые нам нравятся. Моя мать была психологом в частном колледже. Она любила давать студентам тест «на определение типа личности». И «результат» оглашала всем и всегда один и тот же: «Вы такой человек, который какую-то просьбу родителей, например прибраться у себя в комнате, может и не спешить выполнять, зато стоит вам только чего-то захотеть *по-настоящему,* стоит вам только приложить к этому усилия, как вы первым добиваетесь желаемого». Она говорила это каждый раз каждому студенту, и каждый раз и сам студент, и его или ее родители согласно кивали, потому что всем нам нравятся подобные нарративы про нас.

Я надеюсь, что к Каролине этот ключик тоже подойдет.

— Я здесь не для того, чтобы навредить вам, — говорю я. — Что бы тогда ни произошло, это останется между нами. Даю слово. Но мне необходимо знать. И более того, Каролина, вам необходимо мне это рассказать. Я не стану утверждать, что правда освободит вас, но…

— Вы правы. — По лицу ее начинают катиться слезы. — Это моя вина.

Я поудобнее устраиваюсь в кресле и жду.

— Та ночь… Она навсегда все изменила. Я хотела быть мужественной, хотела сразу рассказать правду, но моя мать… она велела мне никогда не говорить об этом. Даже приказала. Поэтому я затолкала все внутрь себя. Мать даже отослала меня прочь. Как сейчас. Как всегда, когда у меня возникает какая-то проблема — или, наверное, правильнее будет сказать, когда я сама становлюсь проблемой. Мы, Беркетты, не разбираемся со своими проблемами. Вместо этого мы прячем их здесь.

Я ничего не говорю. Жизнь и работа в полиции научили меня одному: не мешай человеку, когда он движется в нужном тебе направлении.

— То, что в ту ночь произошло с Викторией, — продолжает Каролина, — произошло по моей вине.

Я делаю над собой усилие, чтобы усидеть на месте. И устремляю на Каролину самый свой искренний, самый проникновенный взгляд. «Я с тобой, — говорит этот взгляд. — Я все понимаю. Я выслушаю тебя с уважением и без осуждения». Вот что я пытаюсь вложить в этот взгляд. Он

срабатывал в прошлом. Я очень надеюсь, что сработает и сейчас.

— Тогда на дворе был девяносто девятый год, — говорит Каролина. — Это сейчас всем все равно. Но не в девяносто девятом.

Я по-прежнему молчу.

— Мы с Викторией были больше чем подругами.

Каролина вскидывает голову и смотрит мне прямо в глаза. Я встречаю ее взгляд и пытаюсь мысленно убедить ее продолжать.

— В нашей школе это ничем хорошим бы не закончилось. Я встречалась с квотербеком нашей школьной команды по футболу, прямо как в каком-то дурацком клише. Его звали Бафф Данело. Он был на вечеринке в ту ночь. Бафф не знал про нас с Викторией, разумеется. Никто не знал. Бафф просто думал, что я сохраняю себя для будущего мужа. Но на самом деле он служил для меня… не знаю, кажется, это называется «прикрытием»? — Она устремляет взгляд куда-то поверх моего плеча, склоняет голову влево. — Виктория была моей первой любовью, и когда я об этом думаю, когда думаю обо всей своей жизни, возможно, вообще единственной. Потому что я так никогда и не оправилась от потери. Мы с

ней не расходились. Мы не надоели друг другу, не переросли свои чувства, не отдалились со временем. Ничего такого. Мы были неразлучны, безнадежно влюблены друг в друга и вынуждены скрывать это за фасадом дружбы. А потом, когда наши отношения были на самом пике, Виктория вдруг взяла и просто… — Каролина умолкает и пожимает плечами. — Исчезла.

Я по-прежнему молчу.

— В ту ночь я слишком много выпила. Это отговорка, которой я пользуюсь. Но на самом деле в нашей жизни просто наступил переломный момент. Новый год, новое тысячелетие, новая я. И я так любила Викторию. Хранить наши чувства от всех в тайне поначалу было захватывающе, но в какой-то момент стало невыносимым. У меня было такое ощущение, как будто я потеряю ее, если не сделаю следующий шаг. Понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю, — говорю я.

— Мне хотелось раструбить о нас на весь мир. И плевать на последствия. А Бафф вдруг просто как с цепи сорвался. Стал лапать меня за задницу и пьяно шептать на ухо, как мы с ним начнем новый год с лишения меня девственности, ха-ха, гадость какая, и тут я смотрю в другой конец

зала и вижу Викторию. Она разговаривает по телефону, прислонившись к барной стойке, и на лице у нее такое выражение, которое бывает, когда она очень-очень сосредоточенна. Она такая ослепительная в своем белом платье, такая красивая, что сердце у меня готово разорваться от любви. — Каролина зажимает ладони между коленями. — Я не знаю, зачем я это сделала. Надо было думать головой. Но я просто не смогла удержаться. Я отпихнула Баффа, подошла к Виктории, обхватила руками ее лицо, сказала, что люблю ее, и поцеловала. Вот так. Я целовала ее так крепко и с такой жадностью, и знаете, что было потом?

— Расскажите мне, — говорю я так мягко, как только могу.

— Она поцеловала меня в ответ. — На губах Каролины играет ностальгическая улыбка. — Это был лучший поцелуй в моей жизни.

Высокие напольные часы отбивают время. Звук эхом отражается от остекления террасы. За дверью в коридоре вновь слышится стук каблуков Кейт Бойд. Я опасаюсь, как бы она своим появлением все не испортила.

— Наверное, прекрасный был момент, — произношу я только ради того, чтобы поддержать разговор.

— Это и правда было прекрасно.

Я по-прежнему пытаюсь говорить самым мягким своим голосом. Мне кажется, будто мой голос пытается перенести по воздуху мыльный пузырь так, чтобы он не лопнул.

— И что случилось потом?

— Бафф. Случился Бафф.

— Ваш бойфренд?

— Он подбегает к нам и толкает меня. Со всей силы. Прямо во время нашего с Викторией поцелуя. У меня закрыты глаза. Я налетаю на нее, и мы обе падаем на пол. С размаху. И тут мы снова вернулись в реальность и открыли глаза. Я подняла голову. Большая часть народу была занята своими делами, но другие таращились на нас, и стало понятно, что теперь ничто уже больше не будет как прежде. Один из тупоголовых дружков Баффа начал над нами смеяться. Другой стал по-всякому нас обзывать. Лесбиянками и еще как-то, я уже забыла. Что я запомнила, это что из колонок гремела музыка, «Гу-Гу-Доллз», и Виктория вдруг вскочила и побежала по лестнице. Ну, знаете, как будто за ней по пятам кто-то гнался с улюлюканьем. Она сбежала по лестнице на первый этаж, а там, разумеется, идет другая вечеринка. Повсюду все празднуют. Шумно, все

пьяные. Она спотыкается. Я спотыкаюсь. Я ее зову. Но она в этом шуме меня даже не слышит. Там, внизу, тоже играли «Гу-гу-Доллз». Наверное, у них там была общая музыкальная система, и в этот момент певец, Джон… как там его, вечно я забываю его фамилию, начинает петь тот куплет, где он обращается к девушке с вопросом, любит ли она ту жизнь, которую разрушила, и что-то там еще про то, что священник на телефоне, а твой отец пробил кулаком стену, а твоя мать отреклась от тебя, и мне кажется, что он поет про меня, и я продираюсь сквозь толпу, чтобы найти Викторию и сказать ей, что все будет хорошо, что я просто навру нашим друзьям, что с пьяных глаз приняла ее за Баффа. Что я ее защищу. Но я никак не могла ее найти. А потом наконец увидела ее уже у самой двери. И тогда я попыталась пробраться к ней. Какой-то парень схватил меня и стал спрашивать: «Эй, сладенькая, куда это ты так спешишь?» Тогда такое было сплошь и рядом, и, когда я отпихнула его, он начал говорить: «Брось, не ломайся, всего один новогодний поцелуй», и тогда я отпихнула его уже сильнее и заорала: «Отвали от меня», но к тому моменту, когда я вырвалась, Виктория уже ушла.

Все это Каролина рассказывает с закрытыми

глазами. Потом делает руками такое движение, как будто отталкивает мужчину, который ее схватил. Мне уже доводилось видеть такое прежде. Каролина не просто вспоминает — она находится там, в 1999 году, скорее проживая все события той ночи заново, нежели вспоминая их. Это практически самогипноз.

Лицо Каролины краснеет от чего-то, схожего с напряжением. Она делает несколько глубоких вдохов. Но это, похоже, не помогает ей успокоиться. Глаза у нее по-прежнему закрыты.

— Каролина?

Черт! Это Кейт Бойд.

Глаза Каролины распахиваются.

— Каролина, у вас все в порядке?

Она, кажется, не сразу осознает, где находится. Я не очень понимаю, как себя лучше вести.

— С ней все в полном порядке, — заверяю я координаторшу. — У нас всего лишь эмоционально непростой разговор.

— Каролина? — повторяет та.

— У нас все в порядке, Кейт, — наконец обретает дар речи Каролина. — Мне не слишком нравится, что вы нас прервали.

— Я просто хотела…

— Я же сказала, что позову вас, если мне что-ни-

будь понадобится. Мне казалось, политика этого заведения подразумевает взаимное уважение и неприкосновенность частной жизни.

Бойд мгновенно ощетинивается:

— Да, и мы неукоснительно ее придерживаемся.

— По-моему, вы сейчас демонстрируете вопиющее неуважение к моей частной жизни.

— Я не подслушивала, если вы это имели в…

— Пожалуйста, оставьте нас. И не возвращайтесь до тех пор, пока мы вас не позовем.

Бойд разве что не кланяется перед тем, как исчезнуть. Каролина смотрит на меня. Я боюсь, что момент безвозвратно упущен. Глаза Каролины открыты. Она снова на террасе, а не в пабе «Маккейб».

Я пытаюсь вернуть ее обратно:

— Вы сказали, Виктория выбежала на улицу?

Каролина некоторое время молчит. И смотрит на меня с таким видом, как будто я внезапно магическим образом материализовался перед ней и она понятия не имеет зачем.

— Виктория прошла мимо камеры видеонаблюдения, — продолжаю я. — А через несколько минут следом за ней прошли вы.

Каролина продолжает молча смотреть на ме-

ня.

— А потом, — говорю я, — Виктория исчезла. Раз — и нет. И больше вы никогда ее не видели, так?

— Никогда, — эхом отзывается она.

Я наклоняюсь к ней:

— Что произошло, Каролина?

Молчание.

— Вы ее догнали? — спрашиваю я.

Голос ее словно доносится откуда-то издалека:

— Да.

— А потом?

Она моргает, прямо как та Каролина, которую я помню по Фарнвуду. Потом начинает жестикулировать и пожимать плечами, как будто не может заставить собственный язык повиноваться.

— Виктория обняла меня, — произносит она наконец. — И сказала, что все будет хорошо.

Я пытаюсь задать ей вопрос взглядом, чтобы не нужно было произносить его вслух. Она молчит, так что я в конце концов спрашиваю:

— И что произошло потом?

— Она показала мне телефон.

— Телефон?

— И сказала, что Томас в плохом состоянии.

Я чувствую, как по спине у меня ползет холо-

док.

— В каком смысле?

— Она любила его. Вы же знаете это, правда?

— Знаю.

— Из них двоих Томас был старшим, но она всегда его опекала. Видимо, он ей позвонил. Вдрызг пьяный. Это с ним она разговаривала по телефону, когда я подошла к ней и стала целовать.

Я сглатываю.

— Томас же был дома, да?

— Дома?

— Да. После того как он высадил вас двоих у паба, разве он не поехал домой?

— Нет, что вы, — говорит Каролина. — Он был слишком пьян. Виктория даже забрала у него ключи от машины, чтобы он не мог никуда уехать.

Я снова сглатываю.

— А где тогда он был?

— В каком-то другом баре неподалеку. Она думала, Томас будет там в безопасности, но, судя по всему, он окончательно напился, а потом в слезах и соплях позвонил сестре. В общем, Виктория сказала, что хочет пойти посмотреть, как он там.

— И она туда пошла?

— Да. В смысле, я видела, как она вошла в бар.

— А потом?
— А потом я больше ее не видела.

Глава 31

Гольфист Гэри ждет меня в своем «рейнджровере».

— Ну, рассказывайте.

Я ничего не говорю. Он понимает меня без слов и включает зажигание.

Томас мне солгал. В курсе ли его родители?

Я проверяю телефон. Звонили Молли и Марти. Первой я перезваниваю Молли.

— Ты ведешь себя как идиот, — говорит она вместо приветствия.

— Я уже еду обратно в больницу.

— Не трудись.

— Что?

— Я попросила их тебя выписать. Приезжай домой. Я приготовила тебе постель.

— И губку для обтирания?

— Не нарывайся, — говорит Молли. — Но да.

Я перекладываю трубку в другую руку.

— Я люблю тебя, — говорю я.

— Попробовал бы ты меня не любить. — Потом добавляет: — У тебя этот особый голос.

— Какой голос?

— Какой у тебя бывает, когда в деле все хуже некуда.

— Ты хорошо меня знаешь.

— Не хочешь рассказать? — спрашивает она.

— Не сейчас. Надо все хорошенько обдумать.

— Тогда потом, — говорит она.

— Потом.

— После того, как я оботру тебя губкой.

— Точно не раньше, — говорю я.

Потом я перезваниваю Марти. Он отвечает с первого же гудка и спрашивает:

— Ну, что тебе удалось узнать?

— Сперва ты, — говорю я.

— Предварительные результаты баллистической экспертизы пистолета, обнаруженного на месте убийства Брайана Пауэлла, показали, что это тот же пистолет, из какого стреляли в тебя и Викторию Белмонд.

Новость не становится для меня неожиданностью.

— Это пистолет того же типа, как тот, из которого застрелили Николь Бретт. Ты, наверное, уже и так догадался.

— Угу.

— Не тот же самый пистолет. Но тот же тип. «Вальтер ППК». Неплохое совпадение.

Мне не хочется сейчас углубляться в эту тему.

— Когда умер Пауэлл?

— Сложно сказать. Вскрытие еще не завершено, но по приблизительной оценке — между тридцатью шестью и сорока восемью часами назад.

Я задаю ему напрашивающийся вопрос:

— Вы вызвали Теда Грейсона на допрос?

— Мы пытались. Его адвокатша сказала, что он не будет отвечать ни на какие вопросы. У него вроде как алиби. Свидетели утверждают, что Грейсон практически безотлучно находился в хосписе у постели матери — для него установили койку в палате, — но, думаю, он вполне мог вылезти через окно или улизнуть еще каким-нибудь способом. Это же не Форт-Нокс, охранять его нет необходимости. Кто будет вламываться в хоспис?

Телефон начинает вибрировать. Я смотрю на экран. Это Дженнифер Шульц из «Абеоны». Говорю Марти, что перезвоню, и переключаюсь на другую линию.

— Я уже почти готова была прекратить, — говорит Дженнифер Шульц.

— Прекратить?

— Поиски. Я видела в новостях, что Викторию Белмонд застрелили на улице. Вы были с ней?

— Да.

— Вы тот второй человек, который попал под огонь?

— Да.

— Рана серьезная?

— До свадьбы заживет.

— Вы сказали мне, что Виктория Белмонд хочет знать ответы. Но ее больше нет в живых. Зачем ворошить прошлое? Это все-таки мои родители, мне нелегко.

Гэри время от времени на меня косится.

— Но вы все равно продолжили поиски, — говорю я.

— Да.

— И?..

— Можете подъехать ко мне в офис? — просит Дженнифер Шульц. — Это не телефонный разговор.

Час спустя я сижу в офисе «Абеоны» в обществе Дженнифер Шульц. Она разворачивает ко мне монитор своего компьютера, и, когда я вижу изображение на экране, мне кажется, будто меня огрели по голове дубиной.

Я не скрываю своих чувств.

— Судя по всему, это она, — говорит Дженнифер.

Это не просто она. Это Анна, которую я знал. Может, на год-два моложе, чем была, когда мы с ней познакомились. Я внезапно вновь переношусь на «Дискотеку пальмерас» и вижу на танцполе ее. Вот так, в мгновение ока. Я уже говорил: если я попрошу вас представить лицо человека из прошлого двадцатипятилетней давности, вам будет сложно. Вы помните и не помните его одновременно. Этот образ несколько искусственный, собранный воедино сквозь призму ностальгии, эмоций, реальности. Но передо мной — именно та Анна, которую я знал.

Лицо Анны снято крупным планом для модельного портфолио. Я не специалист, но освещение, кадрирование, композиция — все выглядит довольно профессионально. Анна смотрит в камеру кротким и в то же самое время располагающим взглядом — красивая девушка, да, но не пугающе красивая.

Она улыбается, но улыбка выглядит вымученной, и я не вижу в ней ничего, что даже отдаленно напоминало бы радость.

А еще Анна кажется мне напуганной.

Ничего такого определенного. Возможно, это все мои проекции. Но я вижу и страх, и попытку спрятаться от камеры, как будто Анна подсо-

знательно ожидает от нее какого-то подвоха, и у меня защемляет сердце.

— Ее настоящее имя — Анна Марстон, — говорит Дженнифер Шульц. — В агентство ее привел мой отец. Она попалась ему на глаза в торговом центре «Король Пруссии». Она была там одна. Без друзей. Иногда это красноречивый признак. Какая девочка-подросток будет бродить по торговому центру в одиночестве? Как будто она легкая добыча. Думаю, отец пустил в ход свою всегдашнюю тактику: «Ты очень красивая. В тебе определенно есть что-то этакое». — Дженнифер говорит скороговоркой, как будто хочет поскорее покончить с этим, что вполне объяснимо. — Анна вполне однозначно дала понять, что у нее нет денег на модельное портфолио — еще один признак легкой добычи. После этого папа, скорее всего, сказал что-то вроде того, что он видит в ней такой потенциал, что готов предоставить ей, — она пальцами изображает кавычки, — «стипендию» и заплатить за портфолио из своего кармана. В зависимости от ситуации он мог отвести Анну на фудкорт и накормить ее. Или в «Гап» или «Лимитед», чтобы купить одежду для фотосессии. Она была бы глубоко тронута его добротой, пусть даже и отнеслась бы к нему с некоторой насторо-

женностью. Девушки вроде Анны обыкновенно непривычны к доброте, в особенности со стороны мужчин. Подозреваю, что в этот момент в игру должна была вступить моя мать. Женщина в возрасте должна была показаться девочке-подростку менее угрожающей.

Я смотрю на снимок и качаю головой.

— Это такой способ усыпить бдительность, — говорит Дженнифер. — И да, это отвратительно.

— Что вы о ней знаете? — спрашиваю я.

— На этой фотографии Анне Марстон шестнадцать. Она была снята десятого февраля две тысячи первого года. Анна родилась в Стейт-Колледже, в штате Пенсильвания. Мать растила ее в одиночку. Кто был отец, я не знаю — не уверена, что она сама это знала. Ее мать работала в кафетерии в Пенсильванском университете. Она умерла, когда Анне было девять. От чего, не знаю. После ее смерти Анна переехала в Спрюс-Крик к тетке, потому что никаких других родственников у нее не осталось. Тетка была наркоманка. В доме постоянно толклись мужчины. Кто-то нормальный, большинство — нет. Анна была хорошенькой. Дальше можно не рассказывать, и так все понятно. Спрюс-Крик знаменит своей рыбалкой. Один из инструкторов положил на

Анну глаз. Тогда она сбежала. Анна была в бегах три недели, когда встретила в торговом центре моего отца.

Я смотрю на фотографию и думаю о девушке, с которой познакомился вскоре после того, как был сделан снимок. Меня переполняют эмоции, и я с трудом держу себя в руках.

— Ее тетка до сих пор жива? — спрашиваю я.

— Не знаю. Мне не удалось ее найти, но не могу сказать, чтобы я так уж усердно искала.

— И что случилось с Анной после этого?

— Точно не знаю, но, думаю, мы можем догадаться. В агентстве ей, скорее всего, сказали, что за границей для нее есть работа. Моделью, официанткой, нянькой — не важно. Они отправили ее туда. Получили свои деньги. А про Анну больше никто ничего не слышал. Мои родители не интересовались ее дальнейшей судьбой, потому что не хотели ничего о ней знать. Но Анну заставили или заниматься проституцией, или зарабатывать деньги каким-то иным способом. Вы говорили, она занималась мошенничеством вместе с каким-то голландцем. Может, это не так ужасно, как некоторые другие занятия, но, думаю, все равно жизнь у нее была не сахар.

Мы некоторое время сидим молча. Потом Джен-

нифер Шульц показывает мне еще несколько снимков из модельного портфолио Анны. Фотографии в полный рост. Все они в обычной одежде, вполне скромные, ни малейшего намека на что-то провокационное. Примерно такие раньше печатали в воскресных газетах в рекламе магазинов вроде «Сирс» или «Джи-Си Пенни». Интересно, они до сих пор публикуют рекламу? Остались еще люди, которые пролистывают рекламный раздел в толстой воскресной газете? Я не знаю. Не знаю даже, почему думаю о такой ерунде, а может, и знаю. Может, мой мозг забивает эфир всякими глупостями, потому что картина в голове наконец-то начала складываться и я не хочу видеть правду.

Это не мешает Дженнифер Шульц задать мне напрашивающийся сам собой вопрос:

— Это женщина, которая выдавала себя за Викторию Белмонд?

Я ведь все знал, так ведь? Все с самого первого дня было у меня перед носом. Почему она жила такой отшельницей? Почему отказывалась встречаться со старыми подругами, с той же Каролиной Беркетт? Почему они вообще меня наняли? Почему она врала, что не помнит Испанию?

— Кирс?

Я не знаю подробностей. Пока не знаю. Но в общих чертах картина ясна.

— Так была та убитая женщина Викторией Белмонд или нет?

Я не даю ей ответа, по крайней мере не вслух, но в своей голове я его знаю.

Она была Викторией Белмонд. И в то же самое время не была ею.

Глава 32

Под слоем всего наносного я все-таки полицейский. Теперь. И раньше. И до рождения, думаю я иногда.

Забавно все-таки, как сложилась моя жизнь. Я ведь собирался стать врачом. С самого детства, сколько себя помню. Если бы я не поехал в Испанию и не встретил там Анну, то осенью пошел бы на медицинский факультет Колумбийского университета. Отучился бы четыре года. Выбрал бы специализацию — меня интересовала кардиология, — окончил бы интернатуру, резидентуру и никогда не познакомился бы с Николь, не встретил бы Молли, и Генри тогда тоже не было бы.

Я никогда не стал бы полицейским.

Все совершенно очевидно.

Но теперь я задаюсь вопросом — потому что в глубине души я знаю, я уверен, что непременно должен был стать полицейским. Это у меня в крови, даже теперь, даже после того, как меня вышвырнули из полиции с волчьим билетом. Не хочу сказать, что на то была Божья воля или что-нибудь в таком духе. Не настолько уж я важен.

Как, впрочем, и любой из нас. Мы, люди, поразительно, фантастически нарциссичны. Помнится, отец, всегда интересовавшийся наукой, однажды сказал мне:

— Возраст Земли — четыре миллиарда шестьсот миллионов лет, Сами. Если принять это число за сорок шесть лет, знаешь, сколько на ней живут люди?

— Нет.

— Подумай. Это важно. Сколько из этих сорока шести лет по Земле ходят люди?

— Двадцать лет?

— Меньше.

— Десять?

Он с улыбкой качает головой:

— Четыре часа. Из сорока шести лет мы, люди, провели на этой планете жалких четыре часа. Промышленная революция началась минуту назад. И тем не менее мы полагаем, что Бог создал все исключительно ради нас.

Я частенько об этом думаю. Наверное, это помогает мне не зазнаваться. Незначительность нашей роли в мироустройстве не делает жизнь в моих глазах менее ценной. Наоборот.

Ладно, довольно философствовать. Смысл в том, что я не хочу воспринимать себя слишком

уж серьезно, но, возможно, мне на роду написано было стать полицейским. Я не готов расстаться с этой частью своей жизни, потому и веду курсы по криминалистике. Теперь, когда вся картина начала мало-помалу вырисовываться и разгадка, кажется, близка, как никогда, пора мне взять дело в свои руки.

Не могу же я допустить, чтобы мои студенты меня опередили.

Не потому, что у меня раздутое эго. Студенты оказались очень толковыми и проявили себя более чем достойно. Им есть чем гордиться. Но на последнем этапе действовать должен я. По-другому и быть не может. Поэтому я разделил их на команды. Одна не должна знать, что делает вторая. О том, что им удалось выяснить, будут докладывать мне напрямую. Мы все работали над делом в полную силу, как самые настоящие полицейские. Может, даже усерднее. У нас не было никаких других мотивов, кроме как раскрыть дело. Да, у нас нет полицейских жетонов, но в нынешнем мире это, пожалуй, скорее преимущество, нежели препятствие, в особенности учитывая то обстоятельство, что у меня есть Марти, который по старой дружбе согласился организовать для меня кое-какие экспертизы.

На это ушла неделя.

Я терпеливо ждал. Собирал в кучку все находки. Потихоньку анализировал все данные.

И теперь я знаю ответ.

Я звоню Арчи Белмонду и говорю, что мне необходимо увидеть всю их семью. Он понимает, что я хочу сообщить нечто важное. Я слышу это по его голосу, а может, он слышит это по моему. Мы договариваемся встретиться в поместье Белмондов.

Марти настаивает на том, чтобы подвезти меня. Я спорю с ним, но скорее для виду, потому что он все равно меня не послушает. У нас с Молли и Марти уговор. Я спорю, но физически я до сих пор не восстановился и сам сесть за руль не могу, так что какой в этом смысл?

И потом, честно говоря, я не до конца могу предсказать, как Белмонды отреагируют. Я намерен выдернуть чеку из гранаты и швырнуть ее в них. Знаете же, как говорят: никогда не знаешь, кто пожертвует собой и накроет гранату своим телом, кто запаникует и побежит, а кто поймает ее и швырнет обратно в тебя.

Или что-то в этом духе.

Когда Марти, миновав ворота, подъезжает к особняку, я без особого удивления вижу на крыльце Артура. Я вылезаю из машины, а Марти прошу

остаться. Он кивает. Все это время он делал все, что я просил, и даже немножко больше.

— Марти?

— Что?

— Спасибо тебе.

Он снова кивает:

— Я не буду закрывать окна. Если что, вопи как ненормальный.

Артур ждет меня на том же самом месте, где стоял, когда мы с ним были здесь в прошлый раз.

— А ты что здесь делаешь? — спрашиваю я его.

— Как твой адвокат, я обязан напомнить тебе о твоих юридических обязательствах и ответственности.

— И ты тащился сюда только ради этого?

— Кажется, мы уже обсуждали, что моя работа оплачивается Белмондами на почасовой основе.

Я кладу руку ему на плечо:

— Все в порядке.

— Не вполне. У этих людей очень зубастые адвокаты, которые способны раздавить тебя, как мошку.

— Мой адвокат куда круче.

Артур улыбается:

— Это правда.

Я снова хлопаю Артура по плечу и прохожу

мимо него в дом. По пути вскидываю голову и вижу у окна на втором этаже Талию Белмонд. Она смотрит на меня не отрываясь. Наши взгляды встречаются. Я не очень понимаю, что делать, поэтому поднимаю руку и неловко машу ей. Она все так же смотрит на меня. Я не знаю, как это расценивать.

Захожу в дом, где меня уже ждет Чувак-с-пушкой. В руках у него металлодетектор, хотя и несколько более усовершенствованного вида.

— Достаньте все из карманов, — говорит он мне в точности тем же тоном, каким к вам обращаются сотрудники контроля безопасности в аэропорту.

Я подчиняюсь. Он проводит вдоль моего тела металлодетектором. Потом обшаривает меня в поисках жучка. У меня его нет. Чувак-с-пушкой ищет со всем тщанием. Он знает свое дело.

— Вас ждут в оранжерее, — говорит он наконец.

— Интересно, кто-нибудь, кроме богатых, когда-нибудь называет какое-нибудь помещение в своем доме оранжереей?

— Я постерегу ваш телефон и ваши вещички.

— Боитесь, как бы меня не ограбили?

Чувак-с-пушкой качает головой.

— Что такое?

— Я разочарован. Ожидал от вас чего-нибудь поостроумнее.

— Если вам станет от этого легче, — говорю я, — я собой тоже не слишком доволен.

По пути в оранжерею я прохожу мимо Леоноры Спайкс. Она тоже ничего не говорит, лишь очень серьезно на меня смотрит. Наверное, этот взгляд тоже должен был бы что-то мне сказать, но не говорит, так что я полусаркастически салютую ей и вхожу.

Арчи с Томасом, отец с сыном, стоят плечом к плечу, готовые встретить меня во всеоружии. И я понимаю почему. Все это время я валял дурака, потому что такая уж у меня привычка, но я знаю, что, когда мы все выйдем из этого помещения, то есть оранжереи — и я не хочу разводить мелодраму, — наши жизни никогда больше не будут прежними.

— Где Талия? — спрашиваю я.

— Она не придет, — говорит Арчи. — Садитесь, пожалуйста.

— Вы сами садитесь, — отвечаю я. — Мне нужна возможность стоять и ходить.

Мы втроем стоим в нарядной оранжерее, и я против воли чувствую себя Эркюлем Пуаро,

собравшим всех подозреваемых, вот только их здесь всего двое, к тому же если я и напоминаю кого-то из легендарных детективов одеждой и поведением, то скорее уж Коломбо. Как и в том сериале, мы все знаем, кто преступник. Кажется. Коломбо вычисляет его с ходу. В этом его фишка. А мы, зрители, просто гадаем, каким образом он его поймает. Я, конечно, не настолько проницателен, но я учусь.

Оба Белмонда садятся. На Томасе белая оксфордская рубашка, слаксы и мокасины. На Арчи серая вязаная жилетка поверх голубой рубашки. Оба закидывают ногу на ногу совершенно одинаково, левую лодыжку поверх правого колена. Я вижу семейное сходство в чертах их лиц, в жестах, в том, как похоже они закидывают ногу на ногу.

Никаких причин облегчать себе задачу у меня нет. Пока нет. Поэтому я начинаю с Томаса.

— Вы сказали мне неправду о событиях той ночи, когда исчезла ваша сестра, — без предисловий говорю я. — После того как вы высадили ее у паба «Маккейб», вы не поехали домой. Виктория забрала у вас ключи от машины, чтобы вы не смогли никуда поехать, даже если бы и захотели. Поэтому вы засели в баре неподалеку. Это правда?

Томас смотрит на отца.

— Нам известно, что вы встречались с Каролиной Беркетт, — говорит Арчи.

Я не удивлен. Даже ждал, что в какой-то момент он пустит наружку и за мной.

— Мне плевать, — говорю я и вновь устремляю взгляд на Томаса. — Это правда? Вы находились в баре неподалеку? Ваши ключи были у Виктории?

Томас молча кивает. Я принимаюсь расхаживать туда-сюда.

— Вы рассказали мне, что за несколько дней до Нового года разошлись с подружкой. Лейси Монро. Сказали, что она вас бросила и вы тяжело это переживали. В этой части все правда. Вы также утверждали, что сестра звонила вам в ту ночь, в 23:04, судя по распечатке ее телефонных звонков, и что вы не взяли трубку, поэтому телефон переключился на голосовую почту. Но на самом деле он не переключался, верно?

Томас вновь смотрит на отца. Тот кивает.

— Да, — говорит Томас. — Я сидел за стойкой в баре и методично напивался. В какой-то момент бармен сказал, что мне лучше уйти. Я позвонил Виктории сказать, что мне нужно уходить, но она не взяла трубку. Я дал отбой. Поэтому в списке ее

звонков нет моего. Но через несколько минут она увидела пропущенный.

— И перезвонила вам сама.

— Да.

— И что сказала?

Томас сглатывает.

— Спросила, все ли у меня в порядке.

— Что вы ответили?

— Ничего вразумительного. Нес какую-то пьяную белиберду.

— И ваша сестра ушла с вечеринки, чтобы проверить, как вы там.

— Да.

— Потому что беспокоилась о вас.

Томас зажмуривается и ничего не отвечает. Арчи изо всех сил старается сохранить непроницаемое выражение лица.

— Вы были в плохом состоянии.

— Да.

— Из этого я делаю вывод, что Виктория повезла вас домой.

Томас с усилием кивает.

— Мы хотели успеть домой до полуночи, чтобы посмотреть, как будут опускать шар на Таймс-сквер. Машин на дороге практически не было, так что мы думали, что успеем. Я помню, что в ма-

шине играло радио. «WINS 1010». — Он понижает голос и изображает радиоведущего: — «Дайте нам двадцать две минуты, и мы дадим вам целый мир». — Томас вскидывает на меня глаза. — Они еще существуют? В смысле радиостанция?

— Наверное, — говорю я.

— Виктория вела машину. Я, как куль, сидел рядом. Я был практически в отключке, но радиостанцию помню. Виктория не сводила глаз с дороги. Ну, понимаете. Следила за обстановкой. И вот я ей говорю: «Прости, что я такое убожество», а она отвечает, что скоро начнется новое тысячелетие и мы оба должны пообещать начать новую жизнь. Я спросил: это как? Она сказала, я должен бросить пить и употреблять наркотики. Точнее, она меня умоляла. Я пообещал, что брошу. Но на самом деле не собирался держать слово. И Вик, скорее всего, это знала. Этот разговор мы с ней вели не впервые. Она сказала, что тоже постарается стать сильнее. И честнее. И даже в том состоянии я понял, что на вечеринке что-то произошло. Я спросил Вик, что случилось, и она просто сказала: «Теперь все знают про нас с Каролиной».

Я останавливаюсь как вкопанный:

— Значит, вы были в курсе про вашу сестру и

Каролину Беркетт?

— Да, — говорит Томас. — Я был единственным, кому она рассказала. У нас с Вик были очень близкие отношения. — Он на мгновение уносится мыслями куда-то вдаль, потом встряхивается. — В общем, мы ехали по Девяносто пятому шоссе и слушали радио, а потом вдруг время стало подходить к полуночи. Я помню, как смотрел на лицо Вик, когда она вслух отсчитывала секунды до Нового года вместе с радиоведущим. Я тоже попытался считать вслух, но у меня слишком заплетался язык. Поэтому я просто сидел рядом и улыбался. Вот он я, в самую праздничную ночь в году, сижу рядом с сестрой и смотрю, как ее лицо озаряется в свете фар встречных машин и вновь погружается в темноту.

Я киваю и вновь принимаюсь расхаживать туда-сюда.

— А потом вы с ней приехали домой.

— Да.

— Во сколько это было?

— Не знаю. Чуть за полночь, наверное.

— И что произошло потом?

Молчание.

Я чувствую, как все помещение схлопывается.

— Вы сказали мне, что в ту ночь были дома, —

говорю я, обращаясь к Арчи.

— Был.

— Как вы встретили Новый год?

— Смотрел по телевизору Дика Кларка[13] вместе с нашим псом Уинслоу.

— Только вы и пес?

— Только я и пес. Я же вам говорил. Меня беспокоила проблема двухтысячного года.

— Вы слышали, как приехали Томас с Викторией?

— Я слышал шум подъехавшей машины, да.

— Вы их видели?

— Я видел Викторию. Она вошла, сказала: «С Новым годом, папа». А потом поцеловала меня в щеку.

Не уверен, что мне когда-либо доводилось слышать голос печальнее, чем голос Арчи Белмонда.

— И что произошло после этого? — спрашиваю я.

Молчание.

Я круто меняю тему:

— Я знаю, что девушка, с которой я познакомился в Испании, не была вашей дочерью Викторией.

---

[13] Примечания: 13

Дик Кларк— американский тележурналист (1929–2012), многолетний ведущий новогодней программы на телеканале «ABC».

Никакой реакции.

— Ее звали Анна Марстон. Она выросла в Пенсильвании, в городке Спрюс-Крик. Она была похожа на вашу дочь. Не как две капли воды, нет. Но они вдвоем могли бы пойти в бар, поменявшись документами, и никто ничего не заметил бы.

Молчание.

— Так что женщина, которую нашли в закусочной в Мэне, не была вашей дочерью. Это была Анна, которая притворялась Викторией. Это была инсценировка. Еще одна мошенническая схема, если можно так сказать. Но, разумеется, без посторонней помощи она бы все это не провернула. Даже через одиннадцать лет вы поняли бы, что она не ваша дочь. Сделали бы ДНК-тест. Есть только один способ, благодаря которому схема могла сработать…

Я делаю паузу и надеюсь, что кто-нибудь из них что-нибудь скажет. Они молчат.

— …и заключается он в том, что все это устроили вы сами. Не она. Вы.

И вновь гробовое молчание. Я продолжаю:

— Вот что вы сделали. Всех подробностей я не знаю, но действовали вы очень умно. Вы обрили ей голову. Это было первое, что бросилось людям

в глаза. Сторонний наблюдатель пришел бы к выводу, что именно из-за бритой головы она стала выглядеть по-другому. Вы делали вид, что трясетесь над ней как курица над яйцом, — чтобы никто не мог подойти слишком близко. Вбросили эту чушь про «Библиотекаря», чтобы отвлечь внимание. Вы заставили Анну изображать немоту, чтобы никто не заметил изменившийся голос. Настояли на том, чтобы сразу же отправить ее к своим докторам, чтобы она была под вашим наблюдением, а не под наблюдением ФБР. Вы пустили в ход все свои деньги и влияние, чтобы оградить Анну от пристального внимания общественности, и если кто-то и замечал, что она выглядит немного не так, тому имелось вполне правдоподобное объяснение: в конце концов, прошло одиннадцать лет. За такой срок кто угодно изменился бы, в особенности если его держали в заложниках. Анна была немного худее Виктории, но это тоже выглядело вполне логично, если ее удерживали против воли. Ваши люди поработали с поисковиками: когда кто-то искал Викторию Белмонд, по запросу выпадали исключительно размытые отфотошопленные фотографии, сфабрикованные вашими людьми и за деньги продвигаемые в топ выдачи. Они боль-

ше похожи на Анну, чем на Викторию. А теперь самый интересный момент. Вы сделали ДНК-тест. Или, по крайней мере, заявили, что сделали. Вы подмухлевали с результатами или просто солгали, а на самом деле ничего не делали?

— Просто солгали, — быстро отвечает Арчи. — Фэбээровцы хотели сделать свой тест, разумеется. Я сказал, что поверю результатам только в том случае, если он будет сделан в моей собственной лаборатории. Мы просто объявили, что ДНК-тест подтвердил наше родство. Кому могло прийти в голову подвергнуть сомнению слова отца?

Я снова прекращаю расхаживать. Даю ему несколько секунд.

— Давайте на всякий случай уточним, — продолжает Арчи. — Ложь про ДНК-тест — не преступление. Как и все остальное, что вы описываете. Нет такого закона, который запрещал бы вам делать вид, что посторонняя вам женщина — ваша дочь. За это не наказывают.

Я не очень понимаю, что ответить. Наверное, так и есть. Какие обвинения можно им предъявить? К тому же это последнее, что меня сейчас волнует. И я не хочу, чтобы они с Томасом заняли оборонительную позицию. Они знают, что я их раскусил. Они просчитали все за и против и поня-

ли, что, учитывая соглашение о неразглашении вкупе с их деньгами, связями, влиянием и всем прошлым, возможно, лучше выдать мне хотя бы какую-то часть правды, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Но мне нужна вся правда целиком. Просто чтобы до нее добраться, нужно действовать аккуратно.

— Как вы нашли Анну?

Арчи улыбается:

— Кисмет.

— Что вы имеете в виду?

— Когда Виктория… исчезла, мы основали благотворительный фонд ее имени.

— «Викс плейс», — говорю я.

Он кивает.

— Им руководит моя жена. Она часто там бывает. Помните, я рассказывал вам, как Талии начало мерещиться, что она постоянно повсюду видит Викторию? Как тогда в «Старбаксе»?

— Да.

— В какой-то момент такое случилось снова. Однажды Талия приехала домой из фонда и стала твердить, что наконец-то нашла Викторию, что я должен съездить и посмотреть на нее своими глазами. К тому моменту прошло уже одинна-

дцать лет. И Талия… — Он закрывает глаза, делает глубокий вдох и начинает заново: — В общем, я поехал в «Викс плейс». Познакомился с Анной. И даже я… в общем, она очень напомнила мне Вик. Я часами сидел с ней в «Викс плейс». Мы как-то очень быстро сблизились. Прямо как будто…

Он умолкает, качает головой и продолжает:

— Анна все мне про себя рассказала. Рассказала, как оказалась здесь, — про свою маму, которая растила ее одна и которую до смерти избили какие-то пьяные подонки, когда Анна была маленькой, про тетку, которой она была не нужна, про все издевательства и домогательства, которым подвергалась. В конце концов Анна оказалась в Испании — это вы и сами знаете, — но перешла дорогу не тем людям и вынуждена была бежать. Она украла достаточно денег, чтобы купить билет на самолет до Нью-Йорка, но из аэропорта ей идти было некуда. Кто-то на улице рассказал ей про «Викс плейс», так она там и оказалась. Она была благодарна за крышу над головой. Я спросил Анну, какие у нее планы. У нее не было никаких. Понимаю, как это прозвучит, но она очень мне понравилась. Анна была борец. У нее внутри был стальной стержень. Вы были с ней знакомы. Вы понимаете.

Я напоминаю себе о том, что нужно действовать осторожно.

— И вы решили обставить все так, как будто она ваша дочь?

— Да, — говорит Арчи.

Вот так, без обиняков. Я знал это, разумеется. Догадался некоторое время назад. Но услышать признание от него самого стало для меня неожиданным потрясением.

— Как вы сами сказали, они не были похожи друг на друга как две капли воды, но внешне напоминали друг друга примерно как сестры. Плюс прошло одиннадцать лет. Плюс бритая голова, да. Плюс, все так, мы заплатили поисковикам за то, чтобы по запросу «Виктория Белмонд» выпадали фотографии, которые мы недавно отфотошопили. Этого оказалось достаточно.

— Рискованная затея, — замечаю я.

— Что вы имеете в виду?

— Что кто-то мог ее разоблачить.

— Нет, вряд ли. По всем тем причинам, которые вы упомянули. У нас были ресурсы для того, чтобы удерживать прессу и правоохранительные органы на расстоянии. Мы воспользовались ее якобы хрупким психическим здоровьем как предлогом, чтобы немедленно забрать домой.

Может, ФБР и пресса и хотели бы большей готовности к сотрудничеству с нашей стороны, но, когда родные говорят вам, что дочь ничего не помнит, что вам остается? Только переключиться на другие дела.

Арчи слегка распрямляет плечи, чувствуя себя непринужденнее.

— Но даже если бы кто-то и узнал правду, что произошло бы? Допустим, мы на чем-то попались бы. И какие законы мы нарушили? Можно было бы счесть всю эту историю странной и даже неэтичной, но если мы сами хотим, чтобы кто-то притворялся нашей дочерью, это не противозаконно.

Мне нечего на это ответить.

— Даже если вы сейчас выйдете отсюда и вопреки соглашению о неразглашении раструбите об этом на весь мир, то как минимум не сможете ничего доказать. А даже если бы и могли, какое обвинение нам официально можно было бы предъявить?

— Но я могу это доказать, — замечаю я.

— Что?

— У меня есть образец ДНК, взятый с тела Анны во время вскрытия.

— Что?!

— Я также подменил стакан, из которого Томас пил холодный чай, когда я был у него в доме. И сравнил образец его ДНК с образцом ДНК из морга. Томас и Анна не брат и сестра.

Впервые за все время я вижу, как боль на лице Арчи уступает место хладнокровию бизнесмена.

— А вот это — завладение образцом ДНК с трупа — уж противозаконно.

— Я в курсе, — говорю я.

— К тому же ее кремировали.

— И об этом я в курсе. Вы кремировали ее на тот случай, если кто-то захотел бы эксгумировать тело ради образцов ДНК. Вы поступили умно. И предусмотрительно.

— Мы не нарушили никаких законов, — повторяет он снова.

— Совершенно верно, — соглашаюсь я. — Вы просто платили чужой женщине, чтобы она изображала вашу пропавшую дочь.

Глаза Арчи расширяются, и я задаюсь вопросом, не перегнул ли палку.

— Все было совсем не так, — вступает в разговор Томас.

Я поворачиваюсь к нему:

— А как тогда?

— Вы все равно не поймете.

Я развожу руками:

— Ну вы хотя бы попробуйте объяснить.

— Я тоже думал, что эта идея чистое безумие, но — и это прозвучит еще безумнее — она сработала. Как только Анна вошла в нашу жизнь, мы все полюбили ее. Она стала моей сестрой. Не просто играла роль. Она *была* моей сестрой. Я любил ее. Я доверял ей. Как раньше Виктории. Вы видели мою младшую дочь, когда были у нас дома. Вики. Мы назвали ее в честь моей настоящей сестры — но для обеих моих дочерей она была любимой тетушкой. Да вообще самой любимой родственницей. Они путешествовали вместе. Она водила их куда-нибудь на их дни рождения. Мои дочери — ее племянницы — не переставая плачут с того самого дня, когда ее убили.

— Они знают, что на самом деле она…

— Нет, конечно же нет.

— …не была их тетей Викторией?

— Она ею была, — настаивает Томас. — Для них. Для меня. Для всех нас. В том-то и дело. Я любил ее. А она любила нас. Я знаю это каждой своей клеточкой. Вы можете не верить…

Но я, разумеется, верю.

В ушах у меня до сих пор звучат последние слова Анны: «Я люблю их всем сердцем, Кирс. Маму,

папу, Томаса, Мадди, моих племянниц — особенно моих племянниц. Я люблю их. И я люблю мою жизнь».

— …но мы стали семьей, — говорит Томас. — Хорошей семьей. Любящей семьей. Она сплотила нас. Исцелила нас.

— Я ни к чему ее не принуждал, — говорит Арчи. — Я сказал ей, что она в любой момент может передумать. Мы отпустили бы ее. Но она не хотела уходить.

Перед глазами у меня стоит умоляющий взгляд Анны.

«Я люблю их. И я люблю мою жизнь».

— Она была счастлива, — продолжает Арчи. — И мы тоже. Это самое безумное. Мы все благодаря этому стали лучше. Что же до моей жены… — Он умолкает и, зажмурившись, закусывает костяшки пальцев. Когда заговаривает вновь, его голос звучит сдавленно. — Это спасло Талии жизнь. И я ничуть не преувеличиваю. Моя жена одиннадцать лет жила в аду. Каждый день просыпаясь и первым делом задаваясь вопросом, что случилось с ее дочерью. Каждое утро переживая все заново. Вы же говорили с Джудит Беркетт. Уверен, она рассказала вам про то, что происходило с моей женой. Про вину и боль неведения — а потом

вдруг она вновь обрела дочь. Неужели вы не понимаете?

А ведь я и в самом деле не понимал.

Как же это ускользнуло от моего внимания?

— Погодите-ка… — говорю я.

Я был уверен, что более-менее представляю себе картину. Именно поэтому я хотел встретиться со всей семьей. Включая Талию.

Но я ошибался. Я сложил воедино почти всю головоломку за исключением этого кусочка.

Но это же логично, верно?

Теперь все сходится.

— Ваша жена ничего не знала, — говорю я.

— Разумеется.

— Она не участвовала во всем этом.

— Неужели вы не понимаете? — снова повторяет Арчи. — Ради Талии все и затевалось.

Я качаю головой, не веря своим ушам:

— Вы все это время водили ее за нос.

— Нет, все совершенно не так, — возражает он. — Как вы не понимаете? Моя жена медленно погибала. На протяжении одиннадцати лет. Каждое утро она просыпалась в слезах, задаваясь вопросом, где Виктория и что с ней. Что я только не перепробовал, чтобы утешить ее. Ничего не помогало. Пока мы не придумали этот план. Пока

«Виктория» не вернулась к ней.

Голова у меня идет кругом.

— Значит, вы наняли Анну изображать Викторию, чтобы…

— «Наняли» — неверное слово.

— Называйте это как хотите! — рявкаю я. — Вся эта инсценировка была ради того, чтобы… чтобы обмануть вашу жену?

— Не обмануть. Вернуть ей то, что она потеряла.

До меня мало-помалу начинает доходить.

— Поначалу ваша жена была настроена скептически, — говорю я. — Я помню, она сама мне говорила. А потом вы подучили Анну попросить ее прочитать ей ту детскую книжку, да?

— «Ты моя мама?».

— Да. Боже правый. Это же чистой воды манипуляция.

— Я пытался спасти ей жизнь, — стоит на своем Арчи. — Талия чудовищно страдала. Я пытался положить этому конец.

— При помощи лжи?

— Мы все живем во лжи, Кирс.

— Ой, пожалуйста, давайте только без этого.

— Но ведь сработало, — повторяет Арчи. — Неужели вы не понимаете? Можете называть это

как хотите, но ей помогло. Талия снова стала счастливой. Мы все стали. Даже Анна. Вы сами мне сказали. — Он кивает на сына. — Расскажите ему, Кирс. Расскажите Томасу, какое обещание она взяла с вас перед смертью.

Я смотрю на него.

— Она просила меня защитить вас.

— Наши чувства не были ложью, — говорит Арчи. — Они были настоящими.

— И в какой момент все пошло не так? — спрашиваю я. — Вы тринадцать лет жили в мире фантазий. Что случилось?

— Вы, Кирс, — отвечает Томас.

— Я?

— Она увидела вас в новостях, — говорит Арчи. — Ну, помните все эти публикации о том, как вы впали в немилость? Она узнала вас, и это выбило ее из колеи. Вас уволили. С волчьим билетом. Она чувствовала себя ответственной. Говорила, что это то же самое, как с Талией, когда неведение было для нее пыткой. Что вы страдаете точно так же. Она хотела все исправить.

Это совпадает с тем, что Анна сказала мне тогда в парке.

— И она пришла ко мне на занятие, — говорю я.

— Да. Думаю, она считала, что на том все и закончится. Никто из нас не ожидал, что вы окажетесь таким изобретательным и выследите ее. Когда вы здесь появились, я понял, что вы не успокоитесь, пока не докопаетесь до правды.

— И решили взять ситуацию в свои руки?

— Насколько это вообще было возможно, — говорит Арчи. — Я всегда так поступаю. Из самых благих побуждений. Давайте взглянем правде в глаза. Я был прав, так ведь? Вы бы не отступились.

Пожалуй, так оно и есть, думаю я.

— Наняв вас, я получал по крайней мере какие-то рычаги воздействия на вас и некоторую защиту. Соглашение о неразглашении. Деньги. Вы обязывались докладывать мне обо всем, что вам удалось бы выяснить. Как сейчас. Что бы вы там себе ни думали, вы сейчас выполняете свою работу. Я нанял вас для расследования. И сейчас вы просто докладываете о том, что вам удалось выяснить, в полном соответствии с вашим контрактом.

— Неожиданный поворот.

Молчание.

— Теперь нам осталось прояснить только один вопрос, — говорю я.

Я жду. Они ждут.

Наступил момент истины.

Я все это время сознательно ходил вокруг да около, потому что не хотел раньше времени их спугнуть. Как я уже говорил, до правды можно добраться самыми разными путями. Главное — не переть напролом. Но теперь, если уж придерживаться этой убогой метафоры, мы вышли на финальный отрезок дороги, однако впереди по-прежнему находится преграда, так что, к сожалению, выбора у меня нет.

Я вынужден ее протаранить, и черт с ними, с последствиями.

Я знаю это. И они тоже знают. Томас закрывает глаза и стискивает кулаки, словно готовясь принимать удар.

И я обрушиваю его на них со всей мощью:

— Что случилось с Викторией?

Их головы поникают. Что у отца, что у сына. Глаза смотрят в пол. Выходит, говорить придется мне.

— Она мертва, так ведь?

Молчание.

— Она погибла в ту ночь. Первого января двухтысячного года.

Молчание.

— Как это произошло?

Молчание.

— У меня есть версия, если вы готовы ее выслушать.

Они не готовы. Меня это не волнует.

— Начнем с ваших алиби. Томас, вы сказали, что ваша бывшая подружка Лейси Монро позвонила вам, чтобы помириться. Судя по списку звонков, это было в 01:21. Все так?

Он кивает, не поднимая головы.

— Я нашел Лейси, — говорю я. — Она теперь живет в Портленде. Она подтвердила, что в ту ночь звонила вам, как вы и говорили, но вы приехали к ней только к пяти утра, почти через четыре часа, хотя она жила всего в двух милях от вас. Фэбээровцы, кстати, тоже обратили внимание на нестыковку. Отчасти поэтому вас подозревали. Но они решили, что вы, видимо, были настолько пьяны, что снова вырубились, и не стали копать дальше. — Я поворачиваюсь к отцу. — Арчи, вы изначально вовсе не собирались в Чикаго. Но вам неожиданно понадобилось алиби, а что может быть лучше, чем устроить сюрприз жене, прилетев к ней на частном самолете?

— Я не очень понимаю, к чему вы клоните, — говорит Арчи. — Все это ровным счетом ничего

не доказывает.

— Верно, — говорю я. — Само по себе — ничего. Но заставляет задуматься. Вся эта суета — все временные лакуны и необходимость обеспечить себе алиби на этот период — наводит меня на мысль, что Виктория погибла в ту новогоднюю ночь, некоторое время спустя после того, как привезла Томаса домой. Таким образом, начинает выстраиваться последовательность событий. Ну что, мне продолжать?

Молчание.

— В девяносто третьем году в Нью-Йорке ввели электронную систему оплаты проезда по скоростным автомагистралям. Хотите верьте, хотите нет, но все данные до сих пор хранятся у них в базе. В ту ночь, Томас, вы с сестрой ехали на вашей «БМВ E36» с номерным знаком «KTR–478». Как вы и сказали. В базе данных есть запись об этом. И вообще, в предшествовавшие месяцы вы очень активно пользовались этой машиной — в базе имеется множество записей об этом. Но знаете, что самое интересное? — Я подхожу ближе к Томасу. — После той ночи на ней никто никуда не ездил. Она ни разу больше не засветилась ни на одном пункте оплаты. Моя версия? Вы избавились от нее, потому что она была уликой. Видите,

как начинает вырисовываться последовательность событий?

Они по-прежнему не смотрят на меня, но я знаю, что подошел совсем близко.

— Так что я задаюсь вопросом: что же произошло? Вы с Викторией благополучно добрались до дома. В это я верю. Тут все сходится. Так как же она погибла? Нам известно, что ее гибель каким-то образом связана с вашей «БМВ», поскольку вы от нее избавились. Могла Виктория самостоятельно разбить машину? Нет. Если бы это сделала она, в этом не было бы, выражаясь словами вашего отца, ровным счетом ничего противозаконного. Вы просто позвонили бы в полицию. — Я вновь поворачиваюсь к его отцу. — И вы, Арчи, тоже не могли быть за рулем. Тут мы руководствуемся той же самой логикой: если бы вы вели машину, в результате чего Виктория погибла, это был бы просто трагический инцидент.

Я снова принимаюсь расхаживать. Некоторое время я хожу туда-сюда, потом останавливаюсь прямо перед Томасом, совсем вплотную, так что он смотрит на носки моих ботинок.

— Выходит, за рулем были вы, Томас. Это единственный логически возможный вариант. Вы сказали мне, что вас четырежды задерживали за

вождение в пьяном виде. Я проверил по базе. На самом деле задержаний было шесть. Всего за два месяца до этого, восьмого ноября, вы в пьяном виде сбили двух человек. Они остались живы, но серьезно пострадали. Тогда благодаря деньгам вашего отца это сошло вам с рук. Но на сей раз уже не сошло бы. Убийство собственной сестры — это не то, что можно замять.

Молчание.

— Вы слишком долго хранили эту тайну, — говорю я. — Расскажите мне, что произошло.

Я слышу за спиной глухой голос Арчи:

— Все сказанное не должно выйти за пределы этого помещения.

Я оборачиваюсь к нему.

— Все, что мы можем вам рассказать, чистой воды умозрительные рассуждения, — продолжает Арчи. — И ничего более. Мы ни в чем не признаемся.

— Арчи, — говорю я, — у меня нет при себе никаких подслушивающих устройств. Я не смогу ничего доказать. Мы с вами уже все это проговорили. Вы хотите контролировать меня, но вы достаточно умны, чтобы понимать: единственный способ этого добиться — рассказать мне правду. Потому что, если вы этого не сделаете, я

не оставлю вас в покое.

Арчи понимает, что я настроен серьезно. Он смотрит на сына. Плечи Томаса поникли. Теперь и он наконец вскидывает на меня глаза. Хочет все рассказать. Я это вижу. Ему это нужно, ему необходимо каким-то образом снять с души эту тяжесть.

Я отхожу от него. Не хочу давить.

— Мы приехали домой, — невыразительным голосом принимается рассказывать Томас. — Как я вам и говорил. Остановились перед входной дверью. На улице было ужасно холодно. Виктория заглушила двигатель. Она поцеловала меня в щеку и сказала, что пойдет в дом, к папе. Я остался сидеть в машине. Я был пьян. В машине были еще наркотики. Много. Я открыл бардачок, оттуда что-то посыпалось. Кокаин. Я несколько раз нюхнул. Меня перестало клонить в сон, но из машины я не вышел. Потом стал снова звонить Лейси. Она не брала трубку. И вот я сижу один в холодной машине, пьяный, и в голову мне лезут всякие мысли. Я знаю, что Лейси ходит где-то с Джимом Делаппом, и от этой мысли мне невыносимо. Я схожу с ума от ревности. Поэтому я снова нюхаю. И снова. Потом еще раз звоню Лейси. И еще раз. В машине так холодно, что изо

рта у меня идет пар. В своей голове я кажусь себе гигантским огнедышащим драконом. Я помню эту мысль. И тут наконец звонит телефон. Это Лейси.

Томас устремляет взгляд куда-то в другой конец оранжереи. Я кошусь на Арчи Белмонда. Лицо его залито слезами.

— Я беру трубку. Лейси в истерике. Она говорит, что любит меня, что использовала Джима Делаппа только для того, чтобы заставить меня ревновать, что она хочет меня увидеть, что я всегда был для нее единственным. Я говорю ей, что сейчас приеду, чтобы она никуда не уходила и не переживала, я уже еду. Я вешаю трубку и перебираюсь с пассажирского сиденья на водительское. Завожу машину. Я нужен Лейси. Она хочет ко мне вернуться. Надо ехать к ней как можно скорее. Жму на газ, и машина срывается с места. Я не могу ехать медленнее. Я не собираюсь ехать медленнее. Мне нужно к Лейси. Поэтому я вдавливаю педаль газа в пол и лечу по подъездной дорожке. На улице адский холод и, наверное, скользко, я не знаю, но я мчусь уже на полной скорости, и мне все равно. На повороте я слишком сильно выкручиваю руль, и машина вылетает с асфальта на траву, я не могу остановиться и тут

внезапно в свете фар вижу лицо Виктории.

Я закрываю глаза.

— Она стоит неподвижно. Как парализованная. Ну, знаете это выражение про оленя в свете фар. Вик стоит у дерева, у старого дерева, которое раньше росло у нас во дворе. После того как она заглянула к папе, чтобы его поцеловать, она решила вывести Уинслоу на прогулку. Таким уж человеком она была. Она повела Уинслоу на улицу и теперь стоит неподвижно в свете фар, и все вдруг одновременно замедляется и ускоряется, я бью по тормозам, но оказывается, что это вовсе не тормоза, а снова педаль газа, и я на полной скорости влетаю в этот большой старый дуб. Срабатывает подушка безопасности, я бьюсь в нее лицом и слышу, как из нее с шипением выходит воздух. Я открываю дверцу машины, вываливаюсь наружу и вижу, что Виктория плашмя лежит на капоте. Уинслоу лижет ее лицо. Глаза у нее широко раскрыты и куда-то смотрят не мигая, как в тот момент, когда я увидел ее лицо в свете фар. И тогда я начинаю кричать…

Он замолкает. Мы все замолкаем. Я не дышу. Кажется, как будто вся комната тоже не дышит. Я вижу, как все происходит. Вижу это своим мысленным взором. И кажется, готов поклясться, что

до сих пор слышу крик Томаса. Как будто он до сих пор не затих и, если мы все замрем, он будет становиться все громче и громче.

Но мы еще не закончили.

Я оборачиваюсь к Арчи:

— Вы услышали крик?

— Я услышал грохот, — говорит Арчи, и по лицу его ручьями текут слезы. — Я выскочил из дома и побежал на шум. И увидел свою дочь. Свою прекрасную, замечательную дочь, которая всего за несколько минут до этого поцеловала меня в щеку и пожелала счастливого Нового года…

Он явно готов потерять самообладание.

— Не надо, — говорю я. — Не сейчас. Нам нужно покончить с этим.

— Это все, — выдавливает из себя Арчи.

— Нет, не все.

— Остальное вы знаете.

— Мне нужно услышать это от вас, — говорю я.

Наконец он кивает, утирает лицо рукавами и пытается взять себя в руки.

— Я подбегаю к ней. Пытаюсь что-то сделать, ну, знаете, как будто есть какой-то способ все исправить. Я человек действия. Такой уж у меня характер. Я привык все держать под контролем. Я могу… Но она… она мертва. В этом нет никаких

сомнений. И Томас кричит, что нужно вызвать «скорую», нужно куда-нибудь позвонить. Он вытаскивает телефон…

— Я собирался позвонить в службу спасения, — добавляет Томас.

— И внезапно я слышу собственный голос, который говорит: «Подожди». — Арчи выпрямляется и смотрит на меня. — Я не помню, чтобы в этом как-то участвовало мое сознание. Вот он я, стою над телом своей мертвой дочери, потерянный, совершенно убитый горем, — но в то же самое время вижу все с какой-то обостренной ясностью. Как будто, столкнувшись с самым худшим, что только можно себе вообразить, я обрел какую-то четкость мышления. И знаете, какой вопрос я себе задал?

— Нет, — говорю я. — Какой?

— Одного ребенка я уже потерял. Хочу ли я потерять и второго?

У меня такое ощущение, как будто в комнате внезапно холодает градусов на двадцать.

— Я вижу все на три или четыре хода вперед, — продолжает Арчи Белмонд. — Мы позвоним в полицию. Приедет целая толпа. Викторию уже не вернуть. Томаса арестуют. Послужной список у него и без того уже богатый, как вы и сказа-

ли. Теперь к нему прибавится еще один эпизод. Это в лучшем случае будет квалифицировано как ДТП, повлекшее по неосторожности смерть человека. В машине были наркотики. Кокаин. Прибавьте сюда еще это. От такого уже не отвертишься. Несмотря ни на какие деньги и влияние, Томас отправился бы в тюрьму на несколько лет. Из него сделали бы показательный пример, я уверен. И чем все это помогло бы Виктории? Она любила Томаса. Она не хотела бы ему такой судьбы. И самое главное, Викторию это все равно бы уже не вернуло. Смерть бесповоротна. Кому стало бы лучше оттого, что жизнь ее брата тоже была бы сломана? — Он снова повторяет: — Одного ребенка я уже потерял. Хочу ли я потерять и второго тоже?

Я киваю:

— Значит, полицию вы вызывать не стали.

— Не стал.

— И что вы сделали с ее телом?

— Мы похоронили ее. В лесу на участке. Потом устроили в том месте пожар. Сейчас никаких следов найти уже невозможно, если вы об этом думаете.

— Я думаю вовсе не об этом.

— Это было худшее, что мне доводилось делать.

Мы с Томасом нашли в гараже лопаты. И похоронили ее. Я собственными руками похоронил свою дочь. Я до сих пор не понимаю, как я все это сделал. Земля была твердая. Но я был в каком-то ступоре. Наверное, мы с Томасом оба были в ступоре. Я не знаю, как вам это описать. Я действовал как робот. Возможно, потому, что было слишком больно. Я просто повторял себе: одного ребенка я уже потерял, я не могу потерять и второго. Мы привели в порядок место происшествия. Машину загнали в гараж. Вы правы. Ею никто и никогда больше не пользовался. Несколько месяцев спустя мы отвезли ее на авторазборку в Вермонт. Там ее спрессовали, распилили на куски и отправили на переработку. Я все продумал. Томасу велел ехать к Лейси. Это было важно. Нужно было вести себя как обычно. Обеспечить себе алиби. Я разбудил своих пилотов. Велел им готовить мой самолет к вылету. Воспользовался предлогом, что, раз проблемы двухтысячного года не возникло, мне нужно увидеть жену. Ну, вы все это знаете.

Я снова киваю.

— Я все еще мыслил на три или четыре шага вперед. После вечеринки Виктория собиралась ехать к подругам. Этим можно было восполь-

зоваться. Все знают, что чем больше проходит времени, тем меньше остается следов и тем сложнее полиции расследовать дело. Поэтому я попытался извлечь из этого максимум возможного. Я отправлял эти сообщения с ее телефона, чтобы у нас было оправдание, почему мы так долго не сообщали о том, что она исчезла. Потом сообразил, что полиция может запеленговать телефон, и разбил его молотком.

Арчи некоторое время молчит.

— Кирс, — произносит он наконец, — у вас ведь есть сын.

— Есть.

— Есть ли что-то, на что вы не пошли бы ради того, чтобы спасти его?

Я ничего не отвечаю.

— И это сработало. Понимаете? Томас не сел в тюрьму. Он обратился за помощью. Начал новую жизнь. Его сестра — знаю, знаю, — но Вик так гордилась бы тем человеком, каким он стал.

Ну разумеется, сработало. Просто для этого потребовалось убить родную сестру. Им стоило бы запатентовать столь эффективный метод лечения наркоманов и алкоголиков.

Все это я думаю про себя. Вслух, разумеется, я ничего подобного не произношу. Мне нужно,

чтобы он продолжал рассказывать.

— Значит, вы полетели в Чикаго, — говорю я.

— Да. Я собирался рассказать Талии о том, что произошло. Ну, то есть как можно утаить что-то подобное? Я думал, что она поймет, потому что для нее все обстояло в точности так же, как и для меня, — потеряем мы одного ребенка или обоих сразу? Но когда я приземлился, кое-что изменилось.

— Она была с другим мужчиной.

— Ну да, отчасти дело было и в этом тоже, хотя, по правде говоря, меня это практически не задело. По сравнению со всем, что произошло, это было ничто. Но даже до того, как я обо всем узнал, я сидел в самолете и проговаривал про себя то, что собирался сказать Талии. Это казалось мне самому вполне разумным — у нас есть шанс спасти хотя бы одного нашего ребенка, — а когда я прилетел в Чикаго и увидел лицо Талии, понял, что не смогу ничего ей сказать. Откуда мне было знать, как она отреагирует? Моя жена совсем не актриса. За это я ее и люблю. В ней нет ни капли притворства. Как я мог быть уверен, что она не сдаст Томаса? Что сможет достаточно убедительно притворяться, чтобы всю жизнь обманывать полицию, друзей и родных? А еще, когда я думал

о той боли, которую испытывал сам — о боли от потери нашей дочери, — мне хотелось уберечь Талию от нее. — Арчи на мгновение отводит глаза. — Я люблю свою жену. Я не хотел подвергать ее такому.

— И вы ничего ей не сказали.

— И я ничего ей не сказал.

— Вы просто позволили ей жить с ложью.

— Неужели вы не понимаете? Ей в любом случае пришлось бы жить с ложью. Если бы я рассказал Талии о том, что сделал, она вынуждена была бы жить с той же самой ложью, с которой пришлось жить нам с Томасом, притворяться, что ее дочь была похищена или сбежала. Если бы я ничего не сказал, она вынуждена была бы жить с ложью незнания правды. Скажите мне, Кирс, что лучше?

Я ничего не отвечаю.

— Вот какой у меня был выбор. Потерять одного ребенка или обоих? Втянуть жену в свою ложь или позволить ей жить с ложью, которая представлялась мне меньшим злом? Я поступил так, как в тот момент мне представлялось более правильным. И если бы я сейчас мог вернуться в прошлое и что-то изменить, я вовсе не уверен, что сделал бы иной выбор. Томас стал другим челове-

ком. Моих чудесных внучек, наших солнышек, не было бы на свете. Вам же наверняка приходилось слышать пословицу, что нельзя приготовить омлет, не разбив яиц? Так вот, яйца все равно уже разбились. Я мог бросить все как есть, а мог попытаться приготовить из них омлет.

Я против воли хмурюсь:

— Боже правый, это то, в чем вы пытаетесь себя убедить?

— Трагедия — чертовски хороший учитель. Только очень уж безжалостный.

Помнится, я что-то подобное слышал от Томаса.

— Только я оказался не прав в одном, — продолжает Арчи. — Ужасно не прав. Ну или я долго так думал.

— И в чем же?

— Возможно, мне все-таки стоило сказать Талии правду, — говорит он. — Утаив от нее то, что случилось на самом деле, я дал ей надежду. Люди считают, что надежда — это что-то хорошее, но на самом деле это не так. Каждое утро моя жена просыпалась и надеялась — надеялась! — что сегодня мы наконец отыщем Викторию. Неведение ее убивало.

Я очень хорошо это понимаю. Что-то подобное

я говорил Талии.

«Ничто не исцеляет травму лучше, чем возможность получить ответы на все мучающие тебя вопросы и поставить точку».

— Я привык решать проблемы, — продолжает Арчи. — Я никогда не сдаюсь. Я продолжаю искать решения. Но тогда я не знал, что делать. Не мог придумать никакого решения. Очень долгое время.

— И тут вам подвернулась Анна.

— Да.

— Проблема решена, — говорю я.

— Я знаю, что вы мне не поверите, но…

Я вскидываю ладонь. Мне не хочется в очередной раз выслушивать одно и то же.

— Может, сейчас как раз подходящий для этого момент?

— Что вы имеете в виду?

— Может, сейчас как раз подходящий момент для того, чтобы все рассказать Талии?

Арчи Белмонд хмурится:

— Какой в этом смысл? Можете представить себе, какую новую боль это ей причинит?

— Правда освободит вас, — говорю я.

— Вы же не настолько наивны, Кирс. — Арчи прокашливается, и я почти физически ощущаю,

как в комнате изменяется атмосфера. Он встает, и я вижу, что теперь он уверенно держится на ногах. — Я могу помочь вам и вашей семье больше, чем вы моей, — говорит он уже своим всегдашним тоном. — Вы проделали впечатляющую работу. Думаю, вы заслужили премию…

— Я хочу получить сумму, которая мне причитается, — перебиваю я его. — И ни центом больше.

Он кивает и благоразумно предпочитает промолчать.

Я все равно не знаю, что можно сделать. Ничего доказать я не могу. Арчи прекрасно это знал, когда соглашался со мной встретиться. Он по-прежнему контролирует ситуацию. Никакими реальными уликами я не располагаю. Все было слишком давно. Даже если бы мне и удалось что-то доказать, срок давности уже вышел. В тюрьму Томаса никто не посадит.

И какой тогда во всем этом смысл?

Откровенно говоря, я понимаю, перед каким чудовищным выбором Арчи как отец оказался в ту ночь. Меня приводит в ярость мысль о том, как он поступил, но я его понимаю. Потерять одного ребенка или двоих сразу. Так ему это виделось. Холодный расчет — но был ли он пра-

вильным? Предположим, у Генри была бы сестра и с ней произошло бы нечто подобное. Как бы я поступил? Надеюсь, не так, как Белмонд, но я его понимаю. То, что произошло, переломало их всех, но, возможно, тяжелее всего пришлось именно Арчи.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти.

— И что вы намерены делать? — спрашивает Арчи.

Я ничего не отвечаю. В ушах у меня звучат последние слова Анны.

— *Сперва ты должен пообещать мне.*

— *Что пообещать?*

— *Что не причинишь им зла. Что защитишь их.*

Я думаю об этом. А потом иду к выходу.

Эпилог

Три недели спустя

— Занятие окончено, — говорю я студентам.

На очередное занятие пришли все.

Розовые Пантеры по-прежнему жмутся друг к другу, но сегодня они устроились чуть ближе к Трем Убийственным Красоткам. Ленни с Гэри сидят рядышком. Дебби устроилась на галерке вместе с Реймондом в желтой сетчатой безрукавке — он сегодня снова все занятие подстригал ногти на ногах.

Теперь все гуськом тянутся мимо меня к выходу. Я видел в интернете видео, где учителя в начальной школе перед входом в класс обмениваются со всеми своими учениками по очереди разного рода замысловатыми рукопожатиями. Мы с моими студентами завели примерно такой же обычай, только при выходе из аудитории, и не жмем друг другу руки, а стукаемся кулаками.

— Не волнуйтесь, — говорит мне Гэри. — Мы его прищучим.

Он говорит о Теде Грейсоне. Пока что мы не стали ни на йоту ближе к тому, чтобы упечь его

обратно за решетку. К делу Николь Грейсон больше не имеет никакого отношения, а ньюаркская полиция пока что нисколько не продвинулась в расследовании убийства Брайана Пауэлла.

Я благодарю его и перехожу к следующему по очереди.

Три Убийственные Красотки мнутся и уходить не спешат. Я знаю почему.

— Мы собираемся по пути домой заскочить в несколько клубов, — сообщает мне Кэрри, заводила.

— В несколько — это во сколько? — уточняю я.

— Примерно в три. Собираемся обсудить наш новый подкаст. Не хотите присоединиться?

— Ну уж нет, — говорю я, но сопровождаю свои слова улыбкой.

— Вы настоящий боец, Кирс.

Не знаю, что она хочет мне этим сказать, но благодарю ее.

После того как они уходят, звонит Марти:

— Ты где?

Его тон мне не нравится.

— Только что закончил вести занятие.

— Я думал, оно было вчера.

— Я веду дополнительную группу, — говорю я. — Для новых студентов. — Так что теперь их у

меня две: обычная и продвинутая.

— Приезжай ко мне.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Можно, я сперва заеду домой, посмотрю, как там Молли?

— Позвонишь ей по дороге.

Марти вешает трубку.

Это мне тоже не нравится.

Я иду к метро и, прежде чем спуститься на станцию, набираю номер Молли. Она приветствует меня веселым:

— Привет, красавчик.

Должен сказать вам неприятную правду. Мы с Молли наслаждаемся жизнью с новообретенной финансовой свободой. Мы расслаблены. Дышим полной грудью. Лучше спим. И это мне не по душе. Повлияли ли деньги Белмондов на мое решение относительно Виктории? Сложно сказать. Впрочем, деньги способны искажать восприятие, так что, возможно, я слишком к себе снисходителен.

— Я сегодня буду поздно.

— Три Убийственные Красотки все-таки затащили тебя в клуб?

— Они пытались, но нет, я еду к Марти.

— Он хочет тебя видеть?

— Угу.

— А до утра это никак не может подождать?

— Он говорит, что нет.

— Мне это не нравится, — говорит Молли.

— Мне тоже, — говорю я и, повесив трубку, ныряю в метро.

На Восемьдесят первой улице я выхожу, и лифт возносит меня в пентхаус на последнем этаже Бересфорд-билдинг. Марти уже меня ждет.

— Ну что там у тебя?

— Видео с места убийства Виктории Белмонд, — говорит он.

— И оно только сейчас всплыло? Прошел почти месяц.

— Знаю. Я только что сам его получил. — Марти плюхается на диван. Я следую его примеру, и он запускает на своем ноутбуке видео. — Помнишь ребятишек, которые играли в бейсбол на площадке по соседству с вами?

— Угу.

— Отец одного из них снимал на видео тренировку сына — прямо перед тем, как вас с Викторией подстрелили. Он не сразу сообразил, что стоит отдать его полиции, потому что камера смотрела в другую сторону. — Марти набирает

что-то на клавиатуре. — Взгляни на типа, который стоит, прислонившись к ограждению.

Он разворачивает ноутбук экраном ко мне.

Я ожидаю увидеть Брайана Пауэлла или Теда Грейсона.

Это не тот и не другой.

На экране Реймонд.

Много часов спустя я стою перед входом в хоспис «Транкил-Пайнз».

Я вхожу. Охранник за плексигласовым стеклом играет во что-то на телефоне. Он явно не ожидал увидеть посетителя в столь неурочный час. При виде меня охранник убирает телефон и выпрямляется.

— Мы закрыты, — сообщает он мне.

Я наклоняюсь ближе:

— В какой комнате лежит миссис Грейсон? Я пришел к ее сыну Теду.

Со стороны коридора доносится голос:

— Что тебе от меня нужно?

Я оборачиваюсь и вижу в пятнадцати футах Теда Грейсона. Глаза у него красные. Щеки ввалились.

— Она только что умерла, — говорит он мне. — Моя мама. По крайней мере, она увидела меня на свободе. Теперь может покоиться с миром.

Я ничего не отвечаю.

— Что ты здесь делаешь, Кирс?

— Мне нужно поговорить с тобой.

Тед Грейсон качает головой:

— В такое время?

Я ничего не отвечаю.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — говорит он. — У меня только что умерла мать.

— Ясно, — говорю я.

— Я сыт по горло, Кирс.

Я жду.

— Мне плевать, веришь ты мне или не веришь. Я сыт по горло.

Я молчу.

— Я пытался показать тебе правду. Меня подставили. И потом еще Пауэлл. По-твоему, я настолько тупой, чтобы нанять не кого-нибудь, а его? Я вышел из тюрьмы и немедленно побежал нанимать моего же бывшего сокамерника? Нет, все, я сыт по горло. Мне плевать, веришь ты мне или нет. Кто ты мне вообще — сват, брат? Ты не видишь очевидных вещей.

— И что же это за очевидные вещи, Тед?

— За всем стоит настоящий убийца.

— Я в курсе, — говорю я.

Мои слова становятся для него неожиданно-

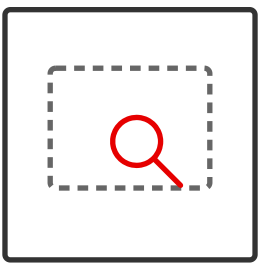
стью.

— В самом деле?

— Потому я и здесь. Я знаю, кто это сделал. И у нас есть доказательство.

Я показываю ему распечатанный стоп-кадр из видео. Грейсон поначалу колеблется, потом выхватывает фотографию у меня из руки. Я жду, пока он внимательно ее изучит.

— Это же ты, так ведь? — говорю я.



Мы с Дебби битый час разыскивали Реймонда. Обнаружился он в шелтере в Вашингтон-Хайтс. В полном соответствии со своими обещаниями он решил «летать в одиночку», как ведьма на крыле самолета. Выражалось это в том, что Реймонд повсюду таскался за Тедом Грейсоном и постоянно снимал его на видео. Реймонд запечатлел Грейсона в тот момент, когда тот вылезал из окна палаты его матери в хосписе. Он был сви-

детелем того, как Грейсон в переулке натягивал балаклаву и черное худи. Он даже последовал за Грейсоном на свалку на Стейтен-Айленд, где тот избавился от маски и одежды после того, как стрелял в нас с Викторией.

Когда я спросил Реймонда, почему он не показал все это мне, тот просто пожал плечами и сказал:

— Так ты же не спрашивал.

— С твоей стороны это был очень умный ход, — говорю я Теду Грейсону. — Я имею в виду, нанять Пауэлла. Всё настолько очевидно указывало на тебя, что любой мало-мальски разумный человек пришел бы к выводу: это никак не мог быть ты.

Грейсон с улыбкой просматривает фотографии.

— Мои адвокаты на это купились, так ведь? И полицейские тоже.

— Купились, да.

— Впрочем, Пауэлл сослужил мне хорошую службу. Он проследил за тобой до парка.

— Поэтому ты его и убил.

— Я и так бы его убил.

— Ты убил Николь. Убил Викторию. Убил Пауэлла.

— Не знаю, имеет ли смысл все это отрицать.

— Нет, — говорю я. — Не имеет. Но мне любопытно. Тогда в парке ты пытался убить меня или целился в нее?

— По правде?

Я пожимаю плечами:

— Почему бы и нет?

— Я никак не мог решить, кого убить. В том-то и была закавыка. Разумеется, я всегда хотел убить тебя. Но тогда твоя боль закончилась бы. Поэтому я решил сперва убить эту бабу, которая явно была тебе небезразлична. Потом, пожалуй, я убил бы твою жену. За ней твоего мальца. Это было бы слаще всего. А уж потом, напоследок, прикончил бы и тебя. Но я не был уверен, что оно того стоит. Думаю, все эти размышления меня и подвели. Слегка сбили прицел. — Грейсон ухмыляется. — И все равно я не жалею, что убил ее. Она что-то для тебя значила, так ведь?

— Значила.

— И это по твоей вине она погибла, — говорит он. — Эта мысль будет греть мне душу в тюряге. Ты ведь наверняка все записываешь на диктофон.

— Нет, зачем, твоя пламенная речь транслируется через микрофон кому надо в режиме реального времени. — Я похлопываю себя по

груди и добавляю: — Давайте, ребята.

В холл вбегают полицейские, но я не остаюсь смотреть, как его будут арестовывать. Мне это неинтересно. Я выхожу в прохладную ночь. Поднимаю воротник куртки и вижу Марти. Киваю ему, но мне нужно попасть еще в одно место. Марти меня не останавливает. Я на метро еду к Крейгу, беру свою машину и еду обратно на кладбище. Уже понемногу светает. На свежей могиле нет никаких опознавательных знаков. Уверен, они заказали надгробие, на котором будет выбито «Виктория Белмонд». Я не очень понимаю, какие эмоции испытываю по этому поводу. В этой могиле лежит Анна. Анна Марстон. Но, наверное, она была и Викторией Белмонд тоже. Как я уже говорил раньше. Она была Викторией и в то же самое время не была ею.

Не мне решать.

Можно взять пример с Арчи. Тщательно рассмотреть все со всех возможных сторон, прикинуть шансы и решить, что даст наилучший результат. Я думаю о них всех — об Арчи, Талии, Томасе, Мадлен, Вики, Стейси. Думаю о совсем юной Виктории Белмонд и о том, как пьяный брат впечатал ее в дерево, а отец похоронил в лесу, и понимаю, что, хотя все это принесло много

боли, никакой надежды на справедливое возмездие нет. Никто не сядет в тюрьму. Никто не будет осужден. Да я и не знаю, нужно ли все это.

Но по большей части я думаю о тебе, Анна.

Ты взяла на себя роль Виктории Белмонд. Готов биться об заклад, что это было лучшее время в твоей жизни. После всего, что тебе довелось пережить, ты обрела семью. После многих лет жизни в насилии у тебя появились родные люди. Они любили тебя, а ты любила их. Я верил тебе, когда ты говорила мне, что любишь их. И верил им, когда они говорили мне то же самое о тебе.

Так что в каком-то смысле, как сказал мне тогда Арчи Белмонд, это и в самом деле был наилучший выход для всех.

Вот только, Анна, теперь ты мертва.

Возможно, твоя смерть и впрямь на моей совести. Возможно, я просто пытаюсь переложить вину на кого-нибудь другого, когда задаюсь вопросом: если бы в ту новогоднюю ночь Арчи Белмонд позвонил в полицию, если бы Томас Белмонд понес заслуженное наказание за то, что сделал, быть может, ты, моя мимолетная любовь, до сих пор была бы жива. Быть может, тебе удалось бы найти способ устроить свою жизнь без предложения Арчи Белмонда. А может, и нет.

Может, если бы Арчи с Томасом тогда сказали правду, всем стало бы только хуже. Не исключено. В том-то и беда. Никто не может дать никаких гарантий.

Вот почему никогда не стоит пытаться взвешивать шансы.

Вот почему всегда нужно доискиваться правды.

Возможно, правда и не сделает тебя свободным, но это все равно тот путь, по которому нужно идти.

Таков вывод, к которому я пришел. Или давайте лучше напустим туману — вывод, к которому пришел один человек. Этот человек слил информацию Трем Убийственным Красоткам. И теперь они намерены выпустить подкаст, посвященный похищению Виктории Белмонд, в котором будут разбирать новую версию о том, что она погибла, а ее место заняла посторонняя женщина. Потому они так настойчиво звали меня в клуб. Чтобы можно было без помех меня обо всем расспросить.

Я намерен и впредь категорически им отказывать.

Я ведь тоже оказался перед тяжким выбором, Анна. Это то, о чем я безостановочно думаю

последние несколько недель. Он не настолько тяжкий, как тот, перед которым оказался Арчи Белмонд. Но все же отчасти сродни ему. Однако я в итоге предпочел продолжить доискиваться правды, вместо того чтобы удовольствоваться тем, что с точки зрения шансов может показаться «лучшим».

А как же обещание, которое я дал тебе?

Что я не причиню им зла. Что защищу их.

Должен признать, оно не дает мне покоя.

С другой стороны, кто может утверждать, что правда не станет тем самым, что в конечном итоге защитит их?

Я поднимаюсь на ноги и смотрю на свежий холмик земли.

И еще кое-что, Анна, прежде чем я уйду.

Во время вскрытия эксперты обнаружили в твоих тазовых костях определенного рода изменения. Я не стану сейчас вдаваться в подробности, но это значит, что в какой-то момент ты родила ребенка.

Так что я думаю и об этом тоже.

О том, когда это случилось.

О том, что, по словам Вреда Бергкампа, месяцев через шесть после того, как я уехал из Испании, ты взяла отпуск.

Может, я все придумываю, Анна?

Или, как случалось со многими до нас, ты просто хотела меня защитить?

В любом случае ты не оставила мне особого выбора.

Теперь я просто обязан продолжать доискиваться правды, так ведь?

Благодарности

Автор желает выразить свою признательность следующим лицам:

Дэниелу Стэшоуэру (изучившему Шерлока Холмса лучше, чем сэр Артур Конан Дойл), Фреду Фридмену, Бену Севьеру, Дэвиду Шелли, Лиссе Койш, Даниэли Томас, Бет де Гузман, Карен Коцтольник, Джонатану Валукасу, Мэтью Бэлласту, Стэйси Берт, Эндрю Данкану, Тейлору Паркер-Минсу, Алексису Гилберту, Куинн Роджерс, Тиффани Порцелли, Джозефу Бенинкейсу, Альберту Тэнгу, Лиз Коннор, Рене Корнблу, Ребекке Холланд, Мэри К. Окуда, Дженнифер Торди, Ане Марии Аллесси, Ните Басу, Мишель Макгонигл, Рику Боллу, Селине Уокер, Карлотте Буш, Клэр Буш, Люси Холл, Венетии Баттерфилд, Элис Гомер, Керстен Гринвуд, Джейд Анвин, Фениксу Керланду, Анне Кервис, Барборе Саболовой, Мередит Бенсон.

И как всегда, я благодарю Диану Дишеполо и Лизу Эрбах Вэнс.

Летиция Родригес и Флавия Сильва снова поддерживали меня и помогали с поисками мате-

риала. Спасибо за все, что вы для меня сделали.

Также хочу сказать спасибо Ричарду Белтоффу, Кейт Бойд, Джиму Делаппу, Кен Лисс, Келли Ноймайер, Тревору Рени и Дмитрию Скаллу. Эти люди (а также их близкие) щедро вложились в мою работу в обмен на появление их имен в этом романе. Если желаете поучаствовать в моих будущих книгах, пишите по адресу giving@harlancoben.com.